

ГАЛИНА КАЛИНИНА

Что играет мною?

Беседы о страстях

ОТВЕТЫ
НА ТРУДНЫЕ
ВОПРОСЫ

Ответы на трудные вопросы

Галина Калинина

**Что играет мной? Беседы
о страстях и борьбе с
ними в современном мире**

«Лепта Книга»

2014

УДК 271.22(470+574)-4
ББК 86.372-4

Калинина Г.

Что играет мной? Беседы о страстях и борьбе с ними в современном мире / Г. Калинина — «Лепта Книга», 2014 — (Ответы на трудные вопросы)

Эта книга – попытка последовательно изложить учение Православной Церкви о страстях, грехе и борьбе с ними, а также показать, в каком обличье действуют страсти в современном мире, как они управляют поведением человека. Книга опирается на православную психологию, в ней приводится множество примеров как из жизни наших с вами современников, так и из жизни христианских подвижников и святых. При работе с книгой также использовался опыт светской психологии. Цель издания – попытаться дать читателю начальные представления о христианской жизни, аскетическом учении отцов и подвижников Церкви – учении о нравственном состоянии личности, о душе человека и действующих в ней страстях, об истинных целях человеческой жизни, о святости. Книга предназначена всем интересующимся христианской психологией и учением Православной Церкви о страстях и борьбе с ними.

УДК 271.22(470+574)-4
ББК 86.372-4

© Калинина Г., 2014
© Лепта Книга, 2014

Содержание

Часть I Пленник закона греховного	7
Глава 1. Начнем с конца	7
Глава 2. О грехопадении и первородном грехе	10
Глава 3. Что такое грех?	18
Глава 4. Виды грехов	23
Приложение. Из проповеди протоиерея Димитрия Смирнова в день памяти Святых Отцов Седьмого Вселенского Собора	26
Глава 5. Что такое страсть?	28
Часть II Виды страстей	42
Глава 1. Чревоугодие	42
Приложение. Свт. Игнатий (Брянчанинов). О посте	50
Глава 2. Блуд	53
Блудные помыслы	55
Вожделенные взгляды на другой пол	57
Чтение книг, просмотр кинофильмов и телепередач и т. п., описывающих страстную любовь (эротика или порнография, любовные романы)	57
Сладострастные разговоры и слушание их	59
Сквернословие или матерная брань	59
Современная музыка	60
Танцы	61
Любовная переписка и списывание любовных стихов. Так называемые «дневники», которые щедро рекламируются и адресуются детям и подросткам	61
«Без комплексов»	61
Кокетство и мода	63
Ношение одежды другого пола, или трансвестизм	66
Страсти демонстрировать свое тело и подсматривать за другими, крайнее самолюбие	67
Украшение дома, особенно спальни, соблазнительными картинами, статуями и другими предметами искусства	69
Искусственное возбуждение похоти	69
Девство ныне не в моде	70
Детораствление	71
Гомосексуализм мужской и женский. Транссексуализм	72
Садизм, мазохизм, скотоложество, некрофилия и прочие противоестественные блудные страсти	74
Приложение. К. С. Льюис. Нравственность в области пола	79
Глава 3. Сребролюбие	84
Приложение. Свт. Феофан Затворник. Толкование посланий ап. Павла. Послание к Колоссянам.	94
Глава 4. Гнев	95
Глава 5. Печаль	106
Глава 6. Уныние	113
Глава 7. Тщеславие	123

Глава 8. Гордость	138
Часть III Страсти в современном мире	150
Глава 1. Рассеянность	150
Глава 2. Одиночество	155
Глава 3. Семья	164
Планирование семьи	171
Искусственное оплодотворение	173
Аборты	174
Внебрачные связи	175
Глава 4. Старость в современном мире	177
Глава 5. Эвтаназия	181
Глава 6. Разочарования в церковной жизни	182
Глава 7. Новые искушения: в поисках врага	185
Приложение. Священник Дионисий Дунаев, кандидат богословия. Богооткровенная религия и мифотворчество	187
Ритуалы и рудименты	188
Глава 8. Творчество и искусство	191
Глава 9. Новоявленные пристрастия и грехи	194
Наркомания, или страсть эскапизма	194
Человек в сети	196
Индустрия развлечений	196
Телевидение как страсть	198
Психология	204
Спорт	205
Эстетизм	206
Распространение противоестественных грехов	207
Порочный бизнес	208
Заключение	209
Список рекомендуемой литературы:	211

Галина Калинина
Что играет мной? Беседы о страстях
и борьбе с ними в современном мире

© Калинина Галина, текст, 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

© ООО «ГрифЪ», оформление, 2014

© ООО «Издательство «Лепта Книга», 2014

Часть I Пленник закона греховного

*Я знаю, как на мед садятся мухи,
Я знаю Смерть, что рыщет, все губя,
Я знаю книги, истины и слухи,
Я знаю все, но только не себя.*

Франсуа Вийон

Глава 1. Начнем с конца

*Пред человеком жизнь и смерть, и чего он пожелает, то и дастся
ему.
Сир. 15, 17*

Загробная жизнь... Что будет там, за пределами жизни? Этот вопрос волнует каждого из нас: кто-то задумывается над ним часто, кто-то старается отогнать мысли о посмертном существовании как можно дальше.

Но умереть... уйти – куда, не знаешь...
Лежать и гнить в неподвижности холодной...
Чтоб то, что было теплым и живым,
Вдруг превратилось в ком сырой земли...
Чтоб радостями жившая душа
Вдруг погрузилась в огненные волны,
Иль утонула в ужасе бескрайнем
Непроходимых льдов, или попала
В поток незримых вихрей и носилась,
Гонимая жестокой силой, вкруг
Земного шара и страдала хуже,
Чем даже худшие из тех, чьи муки
Едва вообразить мы можем?
О, это слишком страшно!..
И самая мучительная жизнь:
Все – старость, нищета, тюрьма, болезнь,
Гнетущая природу, – будет раем
В сравненье с тем, чего боимся в смерти»¹.

В самом деле, что бывает после смерти? Небытие, как, впрочем, и загробное бытие, трудно представимо человеческому рассудку. Единственное, что мы знаем о будущем существовании, единственное, в чем мы уверены, – это то, что вместе с жизнью исчезнет и время. Перешагнув через этот последний порог, мы оказываемся в вечности. И именно «вечность» (а не «неизвестность») – самое страшное слово во всех наших рассуждениях. Ведь в этой, временной жизни мы порой готовы терпеть лишения, скорби, обиды, дикую боль... В определенной ситуации мы согласимся даже на нечеловеческие мучения и будем стойко сносить их, осознавая их конечность. Порой, переживая серьезные неприятности, поддавшись отчаянию, дума-

¹ Шекспир. Мера за меру.

есть грешным делом: «Эх, жить надоело!». Как бы ни была греховна эта мысль, но возможность *собственной* волей покончить со своими страданиями придает нам силы жить дальше и терпеть беды, которые, приобретая статус временных, уже не кажутся столь ужасными.

Именно слово «вечно» (или «никогда» в атеистическом варианте) больше всего пугает нас в размышлениях о смерти. Пугает потому, что даже самое лучшее наше состояние, самое любимое занятие, помноженное на «вечность», не представляется привлекательным. В моменты философских размышлений и нравственных исканий мы пытаемся представить себе идеальную вечность, вечность, в которой нам хотелось бы поселиться. И не можем. В самом лучшем случае наше воображение рисует то, чего мы не имеем. Так, голодный может представить себе сытую вечность, но человек, имеющий возможность есть вволю, никогда не захочет оказаться на нескончаемом пиру. Любое, даже самое изысканное удовольствие вызывает чувство пресыщения, если мы получаем его в большом количестве. Ощущение удовлетворения длится считанные секунды – задержать его мы не в состоянии. И причина этой скоротечности удовольствия содержится вовсе не в окружающем мире, а, напротив, в самом удовольствии, в его глубинной сущности.

Если разобраться, что приносит нам удовольствие? Исключительно удовлетворение желания, удовлетворение страдания по поводу отсутствия чего-либо в нашей жизни. Еда приносит удовольствие только голодному; объевшемуся человеку становится плохо от одного вида пищи. То есть удовольствие от еды – это всего лишь прекращение страдания голодного. Удовольствие от плотской любви получает только тот, кто желает плотских утех. Изнасилованному человеку соитие не приносит никакой радости. Для человека, не ищущего славы, почет и известность будут только в тягость. И если ты не испытывал гнева или зависти к ближнему своему, то никогда не обрадуешься его беде.

Наше земное существование полно страдания и неудовлетворенных желаний. Если у вас весь день сильно болел зуб, то вы почувствуете себя почти счастливым, когда боль пройдет. Но вы же не будете пребывать в состоянии блаженства всю оставшуюся жизнь только потому, что зуб больше не болит.

Если вы замерзли и промокли, то испытаете несказанную радость, оказавшись в теплом уютном доме и получив в придачу сухие носки и чашку горячего чая. Но сколько времени будет продолжаться ваше довольство жизнью? Таким образом, радости, получаемые нами, всего лишь сиюминутное прекращение этой вечной муки; одним словом, и не радости вовсе, а только отсутствие страдания.

Возникает закономерный вопрос: если мы не испытываем радости как таковой, то, быть может, ее и нет вовсе? Увы, человек, рожденный слепым, не в состоянии осознать, как прекрасен мир, он не понимает, чего лишается из-за отсутствия зрения. У человека, постоянно испытывающего боль, притуплены все ощущения. Он привыкает к боли, считает ее нормальным своим состоянием. И только избавившись от боли, он наконец поймет, что значит жить полной жизнью.

Но вот удивительно: бывает, что слепец не только не жаждет прозреть, но и боится исцеления. Ему может казаться, что, приобретая зрение, он лишится чего-то очень важного, потеряет остроту ощущения. Так и нам представляется, что лишись мы сильных желаний – исчезнет удовольствие от их удовлетворения, то единственное удовольствие, которое нам доступно. И мы только сильнее разжигаем свои желания, либо постоянно потакая им и делая их, таким образом, еще более изощренными, либо лелея их в душе и удовлетворяя их только изредка, усиливая тем самым степень удовольствия.

Но разве не логичнее было бы бороться со своими желаниями, справляться с ними и тем самым избавлять себя от страданий, связанных с их неудовлетворенностью?

Православие мыслит радость как нормальное, естественное и правильное состояние человеческой души. Только вот под радостью подразумевается не сиюминутное удовольствие,

вызванное временным освобождением от страдания путем удовлетворения желания, а именно высшая радость, которую получает человек от присутствия в сердце Святого Духа. Страдание же, напротив, рассматривается как состояние противоестественное и неправильное. Это сильно противоречит общепринятому стереотипу, в котором Православная Церковь якобы требует от человека постоянного насилия над собой во имя будущей награды в виде рая. Принимаемая многими людьми система «торгово-денежных» отношений с Богом по принципу «ты – мне, я – тебе» по сути своей противна истинной религии и истинной вере. Если она и допускается в некоторых объяснениях сути Православия, то исключительно по снисхождению к человеческой слабости и человеческому неразумию.

Возьмем в качестве иллюстрации сказанного бытовую ситуацию. Ребенок заболел, и родитель уговаривает его выпить лекарство, понимая, что это необходимо для здоровья. Ребенок отказывается, потому что лекарство горькое. Родитель любит ребенка и понимает, что лекарство выпить необходимо. И одновременно жалеет маленькое глупое существо, которое само не ведает своей пользы. В результате родитель предлагает сделку: выпьешь лекарство – дам конфетку. Истинный смысл сделки остается от ребенка скрыт, малыш не понимает, что забота родителя выражается вовсе не в конфете, а именно в лекарстве, помогающем победить болезнь. Эта ситуация, которую ребенок осмысляет как «я – тебе, ты – мне», со стороны родителя расшифровывается как «я – тебе, я – тебе». Можно представить и другой пример. У ребенка ангина, и ему нельзя мороженое. Родитель, опять же из заботы о здоровье ребенка, запрещает ему есть мороженое, угрожая наказанием. И ребенок соответственно не ест мороженое из страха перед наказанием, видя в этом строгость родителя, хотя, по сути, в обещании наказания, точно так же, как и в первом примере, видна забота родителя о здоровье ребенка. Родитель же, в свою очередь, понимает, что истинной наградой будет не конфета, а выздоровление, а истинным наказанием – не шлепок, а усиление болезни.

Очень часто мы ведем себя именно как такой ребенок, а посему воспринимаем религию как систему «поощрений – наказаний». Сколь часто слышишь фразы типа «ты получил болезнь в наказание за грех». Но это наказание равносильно шлепку за съеденное во время ангины мороженое. В посылаемых нам болезнях в большей степени содержится **предупреждение**. Заметьте, часто именно болезни удерживают нас от некоторых грехов, заставляют бороться с греховными желаниями. Так, злоупотребление пищей, алкоголем, табаком неизбежно ведет к тем или иным заболеваниям. Зарабатывая свои бронхиты, язвы, циррозы печени, мы приостанавливаем греховную деятельность. А для чего мы просим Господа избавить нас от болезни? Для того чтобы снова спокойно предаваться грехам?

Авва Полихроний рассказывал, что в монастыре Пентуклы был один брат, весьма внимательный к себе и строгий подвижник. Но его обуревало плотское желание женщины. Не вынеся испытания, он вышел из монастыря и отправился в Иерусалим, чтобы поддаться греху окончательно. Но лишь только он вошел в жилище блудницы, как вдруг весь покрылся проказой. Увидав это, он немедленно вернулся в монастырь, благодаря Бога и говоря: «Бог послал мне эту болезнь, да спасет мою душу». И воздал великую хвалу Богу.

Луг духовный.

В том, что святые благодарили Господа за свои болезни, не было ни капли мазохизма. Мало того, не было в этом и «торговли»: сейчас поболую, зато потом будет хорошо. Нет, напротив, они, как разумные дети, благодарили родителя за шлепок, который помешал съесть еще одну порцию мороженого. Они благодарили Бога, Который не оставил их один на один бороться со своими желаниями, а помог и вразумил посредством малого наказания.

Что же мешает человеку уподобиться этим мудрецам? Что же заставляет нас непрерывно нарушать волю Отца Небесного и вредить себе всеми возможными способами?

Глава 2. О грехопадении и первородном грехе

Прежде чем ответить на этот вопрос, нам придется вернуться к самому началу, к началу истории нашего мира и человека. В Священном Писании, в книге Бытия, повествуется о том, как Господь сотворил видимый и невидимый мир, живую и неживую природу и человека. Человек был создан последним из всех живых существ. На лестнице земных творений человек поставлен на наивысшей ступени и в отношении ко всем земным существам занимает господствующее место. Человек равно принадлежит к миру духовному по своей душе и к миру вещественному по своему телу и потому есть как бы сокращение обоих миров и справедливо издревле назывался малым миром².

Бог сотворил человека для того, чтобы он познавал Бога, любил и прославлял Его и через это вечно блаженствовал. Если спросить родителей, для чего они родили ребенка, они (если, конечно, это нравственно здоровые люди) ответят, что для радости и счастья. Разве может еще какое-либо назначение человека казаться более важным для него, ведь Сам Господь Бог и Творец – всемогущий, всеблагий, вседовольный. Разве имеем мы, люди, нужду в дитятке, кроме желания любить его и заботиться о нем? Тем более всемогущий Господь не имеет ни в чем нужды и Сам захотел создать человека для любви и блаженства. Но дьявол позавидовал блаженству прародителей и соблазнил их впадением в грех.

До грехопадения человек не имел каких-либо изъянов в своей природе. Как и все творение Божие, человек был совершенным. Более всего совершенство его природы выражалось в способности приобщаться Богу, участвовать в Божественной жизни. Но совершенство первозданного человека не было полнотой духовно-нравственного совершенства. Человеку предстояло развиваться и совершенствоваться путем собственной деятельности. В богоподобной и безгрешной природе ему была дарована только способность к постепенному и нескончаемому совершенству.

«Бог сотворил человека непорочным, правым, любящим добро, чуждым печали и забот, сияющим всеми совершенствами, преизобилующим всеми благами, (...) сотворил смешанным из двух природ, созерцателем твари видимой, таинником твари, умом постигаемой, царем всего, что на земле, подчиненным Верховному Царю, земным и небесным, временным и бессмертным, видимым и постижимым для одного ума, как нечто среднее между великим и низким; сотворил духом и вместе плотию: духом для принятия благодати, плотию в предупреждение гордости; духом для того, чтоб он твердо стоял и прославлял своего Благодетеля, плотию для того, чтоб подвергался страданиям и, страдая, не забывал себя и вразумлялся, если бы вздумал превозноситься своим величием; сотворил животным, поставленным здесь, то есть в настоящей жизни, и переселяемым в другое место, то есть в будущую вечную жизнь, и – что составляет верх тайны – существом, обожаемым за свое прилепление к Богу, и обожаемым по причастию Божественного озарения, а не претворяемым в Божию сущность»³.

Почему же Господь попустил грехопадение?

Тремя величайшими дарами наделил Творец человека при его создании: свободой, разумом и любовью. Дары эти необходимы для духовного роста и для блаженства человека. Но там, где свобода, возможно колебание при выборе, возможен соблазн.

Соблазн для разума – возгордиться умом: вместо познания премудрости и благодати Божией, познания Бога, в котором полнота всего, искать познания добра и зла вне Бога; возжелать самому быть «богом». Соблазн для чувства любви: вместо любви к Богу и ближнему любить самого себя и все то, что удовлетворяет низкие желания и дает временные наслажде-

² См. «Православно-догматическое богословие» митр. Макария Московского.

³ См.: Свт. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Книга 2, гл. 12.

ния. Эта возможность соблазна и падения стояла перед человеком, и первый человек перед нею не устоял.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский писал: «Почему Бог допустил падение человека, Своего любезного создания и венца всех творений земных? На этот вопрос надо отвечать так: что если бы не допускать человека до падения, то его не надобно было создавать по образу и подобию Божию, не давать ему свободной воли, которая есть неотъемлемая черта образа Божия, а подчинить его закону необходимости, подобно бездушным тварям – небу, солнцу, звездам, земному кругу и всем стихиям, или подобно бессловесным животным; но тогда на земле не было бы царя земных тварей, разумного песнесповца Божией благодати, премудрости, творческого всемогущества и промысления; тогда человек не мог бы ничем доказать своей верности и преданности Творцу, своей самоотверженной любви; тогда бы не было подвигов борьбы, заслуг и нетленных венцов за победу, не было бы блаженства вечного, которое есть награда за верность и преданность Богу и вечное упокоение после трудов и подвигов земного странствования».

1 Змей был хитрее всех зверей полевых, которых создал Господь Бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю?

2 И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть,

3 только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть.

4 И сказал змей жене: нет, не умрете,

5 но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло.

6 И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел.

7 И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания.

8 И услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая.

9 И воззвал Господь Бог к Адаму и сказал ему: [Адам,] где ты?

10 Он сказал: голос Твой я услышал в раю, и убоился, потому что я наг, и скрылся.

11 И сказал [Бог]: кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?

12 Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел.

13 И сказал Господь Бог жене: что ты это сделала? Жена сказала: змей обольстил меня, и я ела.

14 И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоем, и будешь есть прах во все дни жизни твоей;

15 и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пятах.

16 Жене сказал: умножаясь умножишь скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою.

17 Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей;

18 терния и волчцы произрастят она тебе; и будешь питаться полевою травою;

19 в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься.

20 И нарек Адам имя жене своей: Ева, ибо она стала матерью всех живущих.

21 И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их.

22 И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно.

23 И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят.

24 И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни.

Для верующего человека несомненно, что повествование книги Бытия о грехопадении прародителей не миф, не аллегория, а действительное событие. Грех проник в человеческую природу под влиянием диавола, воспользовавшегося обличем змея как орудием искушения и прельстившего Еву к преступлению заповеди. Но змий-диавол был только внешней причиной падения первых людей. Действуя хитростью, лестью, смущением, он обольщал, склоняя Еву ко греху, но силой принудить ее к этому не мог. Внутренняя и главная причина происхождения греха заключалась в самих прародителях. Склонившись на обольщение дьявола, они злоупотребили своей свободной волей, и сделали это не по необходимости и не по принуждению, а единственно по своему собственному решению, почему и понесли на себе всю тяжесть последствий нарушения заповеди.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) так объясняет причину грехопадения Адама и Евы: «Удивительно, с какой легкостью совершилось падение праотцов! Не было ли оно предуготовлено их внутренним расположением? Не оставили ли они в раю созерцание Творца, не предались ли созерцанию твари и своего собственного изыщества? Прекрасно созерцание себя и твари, но в Боге и из Бога; с устранением Бога оно губительно, ведет к превозношению и самомнению... Праотцы, оказав преслушание Богу и склонившись в послушание диаволу, сами себя сделали чуждыми Бога, сами себя сделали рабами диавола. Обещанная им смерть за преступление заповеди тотчас объяла их. Дух Святой, обитавший в них, отступил от них. Они были представлены собственному естеству, зараженному духовным ядом. Этот яд сообщил человеческому естеству диавол из своего растленного естества, преисполненного греха и смерти»⁴.

Если же мы обратимся к писаниям св. отцов, то заметим важную для нас мысль. Главное «жало смерти», начало болезни – в том, что за преступление заповеди, в силу этого преступления, пресеклось живое общение с Богом, Дух Святой отступил от праотцов. Все остальное, все разного вида повреждения человеческой природы, скорби и страдания идут уже вслед за этим. И начало всех страстей – в отступлении от человека Духа Святого.

Кто внимательно углубляется в самого себя, тот не может не согласиться с апостолом Павлом:

Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Итак, я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. (Рим. 7, 18–23).

Наблюдательный человек не может не признать следующих фактов: а) в нас постоянно происходит борьба между духом и плотью, разумом и страстями, стремлением к добру и вле-

⁴ Свт. Игнатий (Брянчанинов). Слово о человеке.

чением к злу; б) в этой борьбе победа почти всегда остается на стороне последних: плоть преобладает над духом, страсти господствуют над разумом, влечения ко злу пересиливают стремления к добру; мы любим добро по своей природе, желаем его, но чтобы творить добро, не находим в себе сил; мы зла не любим по природе, а между тем влечемся к нему неудержимо; в) навык ко всему доброму и святому приобретается нами с великими усилиями и очень медленно; а навык ко злу приобретается без малейших усилий и очень быстро; г) отвыкнуть от какого-либо порока, победить в себе какую-либо страсть, иногда самую незначительную, для нас очень тяжело; а чтобы снова впасть в грех, изменить добродетели, которую мы приобрели с большим трудом, – для этого часто достаточно какого-нибудь слабого искушения.

Вот это преобладание зла над добром в человеке замечаем и мы, и замечали все, жившие до нас.

Но философские, биологические, психологические объяснения, какие придумывают для этого явления люди, не могут быть исчерпывающими и столь удовлетворительными, как то, которое предлагает Божественное Откровение своим учением о наследственном прародительском грехе.

Нельзя принять мнение древних философов о том, что источник всего зла, существующего в человеке, заключается в его теле, и что вещество, материя, в которую облечен дух человека, по своей природе противоборствует всем его духовным стремлениям, затемняет его разум, производит беспорядки в его воле и сердце и от заблуждений неизбежно влечет к порокам.

Во-первых, это мнение ведет к самым гибельным следствиям, противоречащим самой христианской вере и Священному Писанию. Если материя есть источник греха, то, значит, виновник греха есть Бог; потому что Он есть Творец вещества и материи, Он создал наше тело, равно как и душу, и соединил их между собой. Из этого следует, что мы не подлежим никакой ответственности, мы невинны, когда делаем зло, потому что мы поступаем соответственно той природе, которую дал нам Бог. Значит, нет никакой разницы между добром и злом, и нравственные законы не имеют для нас никакого значения, включая и те заповеди, которые зачесть дал нам Бог через Моисея.

Во-вторых, это мнение противоречит опыту, ничего не объясняя. Если предположить, что дух и плоть противоборствуют в нас по самой своей природе; если, пока дух влечет нас к добру, плоть так же естественно влечет нас ко злу, то почему дух в нас слабее плоти? Почему влечение ко злу преобладает над влечением к добру? Почему они хотя бы не равносильны между собой? С другой стороны, хотя справедливо, что некоторые страсти и пороки имеют основание в нашей психосоматической организации, например – гнев, которому особенно бывают подвержены люди холерического темперамента; но зато другие страсти и пороки, такие как самолюбие, гордость, зависть, честолюбие, которые не зависят от темперамента и зарождаются прямо в душе, именно в душе и находят для себя и начало и поле для деятельности.

Существует мнение и о том, что зло в человеке есть неизбежное следствие его ограниченности и несовершенства. И что, получи человек большую силу и власть над природой, он менее испытывал бы нужду в чем-либо, а значит, и менее совершал бы зло. И современное неоязычество и оккультизм опираются в своих теоретических построениях на эти два мнения. Но быть несовершенным – значит обладать качествами менее высокими, чем у другого существа, поставленного выше на лестнице бытия; но быть грешным – значит через злоупотребление свободой нарушать те отношения, которые должны существовать между Творцом и разумной тварью, значит произвольно уклоняться от пути Божественных заповедей *и идти против собственного назначения*. Бог не требует от нас таких добродетелей, которые были бы выше наших сил; не обязывает к святости, которая недоступна нашей природе. Он требует только того, что нам *совершенно естественно* и что мы можем сделать по своим силам. А если так, то нарушение закона Божиего человеком нельзя уже считать простым следствием его ограни-

ченности и относительного несовершенства – нет, это есть действительное зло, свидетельствующее об искажении и порче его природы после грехопадения.

Гуманистические теории, возникнув в Западной Европе во время эпохи Возрождения, породили мнение о том, что источник зла лежит не в природе человека, а в недостатках его воспитания; что каждый человек рождается чистым и невинным, каким создан был Адам, а делается злым и порочным вследствие дурного воспитания, плохих примеров, тяжелых социальных условий жизни и т. д. Это мнение господствует ныне во всех современных постхристианских и атеистических педагогических теориях и школах. Придерживались этого мнения и основатели философских направлений Жан Жак Руссо, Лев Толстой и т. Оно совершенно противоречит христианской педагогике, утверждающей, что человек не может сам «вытащить себя за волосы из болота», как барон Мюнхгаузен, а нуждается во враче более могущественном – в Господе нашем Иисусе Христе, искупившем нас от смерти и вечного мучения. Если бы мнение о «дурном воспитании» было верным, то вызывает недоумение, почему человечество до сих пор не перевоспитало себя, не научилось хранить невинность и чистоту с рождения до смерти; непонятно, по какой это горькой необходимости все люди и сами получают, и другим передают именно худое воспитание. Если человек рождается добрым, без всякой тяги ко злу, то почему он непременно увлекается дурными примерами и не находит в себе сил противостоять порокам? Почему зло делаем мы легче, чем добро? Ведь любой родитель, любой воспитатель подтвердит, что даже маленький ребенок, растущий в любящей атмосфере, порой проявляет такую недюжинную агрессию и строптивость, сжимая кулачки в случае недовольства, так машет на взрослого, что диву даешься: откуда это в нем взялось?

Самое убедительное и удовлетворяющее разум решение всех этих вопросов, самое справедливое объяснение зла, существующего в человеке, предлагает Божественное Откровение, когда говорит нам о том, что первый человек действительно был создан совершенным, добрым и невинным, но что он согрешил перед Богом и таким образом повредил всю свою природу, а вслед за тем и все люди, происходящие от него, естественно рождаются с прародительским грехом, с поврежденной природой и склонностью ко злу. Мы знаем из опыта и по простым соображениям, а теперь еще и из генетики, что не может дерево злое давать добрые плоды (Мф. 7, 18); что из зараженного источника течет зараженная вода; что, когда повреждается корень растения, повреждаются и стебель, и плоды. И человечество, растленное в своем корне, неизбежно должно являться растленным в своих ветвях. И если первый человек сделался грешным, повредил всю свою природу, то и потомство его не может не наследовать эту греховную и поврежденную природу.

Следствия грехопадения прародителей⁵

Следствия эти прежде всего обнаружилились в душе прародителей, потом простерлись на тело и на все внешнее благосостояние их.

Следствия в душе:

1) Расторжение союза (религии) с Богом, потеря благодати, смерть духовная. Лишь только пали Адам и Ева и омрачились грехом, тотчас неизбежно прервалось их общение с Богом, и оставила их благодать Святого Духа, обитавшая в их сердцах, ибо нет и не может быть общего у света со тьмою даже на одну минуту (2 Кор. 6, 14). А вслед за тем над ними немедленно исполнилась угроза Бога-законодателя: ибо в день, в который вкусишь от него, смертью умрешь (Быт. 2, 17). Они умерли тогда душою, которая не может жить в отчуждении от Бога, источника жизни, не может жить без благодати, как тело без воздуха и пищи.

⁵ Митрополит Московский Макарий. Православно-догматическое богословие. Т. 1, пар. 90.

2) Помрачение разума. Это обнаружилось немедленно после падения, когда они старались укрыться от Бога Вездесущего и Всеведующего, своего Творца, среди райских деревьев.

3) Потеря невинности (не телесной в плотском соитии, а душевной), низвращение воли и преклонность ее более ко злу, нежели к добру. Это видно: а) из того, что, как только прародители согрешили, «открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги» (Быт. 3, 7), чего прежде не замечали; б) из того, что к Богу, своему Отцу и Благодетелю, вместо прежней сыновей любви вдруг почувствовали рабский страх (Быт. 3, 9–10); в) наконец, из того, что, давая отчет перед Богом в своем грехе, вздумали вместо раскаяния приносить лукавое оправдание. Адам слагал вину на жену и даже на Бога, давшего ее: «жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел» (Быт. 3, 12), а жена слагала вину на змия.

4) Искажение образа Божия. Если образ Божий начертан в душе человека и преимущественно в ее силах, уме и свободной воле, а эти силы потеряли многие совершенства и исказились через грех Адамов, то, значит, исказился вместе с ними и образ Божий в человеке.

Следствия для тела:

1) Болезни, скорби, изнеможение. Повредив все силы души, грех прародителей, как действие противоестественное, неизбежно произвел подобное же расстройство и в их теле, внес в него семена всякого рода болезней, усталости в трудах, расслабления и страданий.

2) Смерть. Смерть телесная соделалась необходимым последствием грехопадения наших прародителей, с одной стороны, потому что грех привнес в тело их разрушительное начало болезней и изнеможения; а с другой – потому, что Бог удалил их по падении от древа жизни, плодами которого они могли бы поддерживать свою жизнь навсегда.

Следствия по отношению к внешнему состоянию человека:

1) Изгнание его из рая. Рай был блаженным жилищем для невинного человека и уготован был для него единственно по бесконечной благодати Творца; теперь, когда человек согрешил и прогневал своего Владыку и Благодетеля, виновный соделался недостойным такого жилища и справедливо изгнан из рая.

2) Потеря или уменьшение власти над животными. Власть эта основывалась на том, что человек создан был по образу Божию, следовательно, как скоро через грех образ Божий помрачился в человеке, неизбежно должна была ослабеть и власть его над животными.

3) Проклятие земли в делах человека: *проклята земля за тебя, со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; тернии и волчцы произрастят она тебе* (Быт. 2, 17–18).

Какое же отношение к нам может иметь поступок, совершенный тысячи лет назад, пусть и нашими прародителями? Разве мы лично виновны в том, что сделали они тогда, разве можем наказываться за то, что не совершали. Но дело в том, что все люди произошли от Адама согрешившего и осужденного, в нем «на генетическом» уровне, если можно употребить здесь это сравнение, произошли необратимые изменения, которые мы и унаследовали вместе с человеческой природой и естеством. Мы все, через естественное рождение и происхождение от Адама, подпали Божьему наказанию и подлежим смерти.

Говорит «Православное исповедание»:

«Первородный грех есть преступление закона Божия, данного в раю прародителю Адаму, когда сказано было к нему: *От древа познания добра и зла, не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь* (Быт. 2, 17). Сей прародительский грех перешел от Адама во все человеческое естество, поскольку все мы тогда находились в Адаме, и таким образом через одного Адама грех распространился на всех нас. Посему мы зачинаемся и рож-

даемся с сим грехом, как учит Св. Писание: *как одним человеком грех вошел в мир, и грехом – смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили* (Рим. 5, 12).

Но этот основополагающий догмат Православия особенно трудно уясним для рационалистического мышления, и здесь сегодня более всего преткнутся те люди, которые в вопросах веры привыкли более руководствоваться аналитическим мышлением, а не простотой веры. Христианской простоте свойственно на крылах смирения и доверия учению Церкви легко и скоро перелетать через все догматические трудности и непостижимости»⁶.

«Бог не создал человека грешным, а чистым и святым. Но когда первозданный Адам потерял сию одежду святости, не от другого какого греха, а от одной гордости, сделался тленным и смертным, то и все люди, происходящие от семени Адамова, бывают причастны прародительского греха от самого зачатия и рождения своего. Кто сим путем родился, хотя бы не сделал еще никакого греха, уже грешен есть тем прародительским грехом. По сей причине пришло иное рождение, или возрождение, которое возрождает человека чрез святое Крещение Духом Святым, опять воссоединяет его с божеским естеством, как было тогда, как создали его руки Божии, восстанавливает все душевные силы его, обновляет их и приводит в то состояние, в каком были они до преступления первозданного Адама».⁷

Общую веру христианской Церкви в существование первородного греха подтверждает древний обычай, который не потерял своей важности и сегодня: крестить новорожденных младенцев, которые не имеют еще личного греха, но поскольку произошли от плоти Адама, то восприяли заразу древней смерти через самое рождение, и которые тем удобнее приступают к приятию Крещения и отпущения грехов, что им отпускаются не собственные, а чужие грехи. (См. Постановления Карфагенского собора в 252 г.)

Святой Григорий Палама: «После преслушания мы были осуждены на смерть тела, поскольку тогда Бог так сказал Адаму: земля ты и в землю возвратишься» (Быт. 3, 19). Ибо как оставление тела душой и отделение ее от него является смертью тела, так и оставление души Богом и отделение от Него является смертью души, хотя иным образом она и остается бессмертной. Ибо хотя она, будучи отделена от Бога, становится гнусной и неключимой – даже больше чем труп, – но в то же время она не растворяется после смерти, как это бывает с телом, потому что она имеет свое бытие, независимо от состава элементов. Разумная душа, будучи отделена от Бога, не только становится деятельной в дурном отношении, жительствова, несчастная, до такой степени беспорядочно (а затем так же продолжая жить и в разделении с телом), что, наконец, во время Суда вместе с телом, в неразрешимой и невыносимой связи, будет предана вечному мучению, уготованному для дьявола и ангелов его (см. Мф. 25, 41), потому что все они мертвы, хоть и деятельны на зло; потому что они справедливо были отвержены от Бога, Который есть Сама Жизнь. Первый, кто подъял эту смерть, был сатана – как справедливо, вследствие непослушания, отверженный от Бога, – который затем через злостный совет увлекши нас в непослушание Богу, сделал нас вместе с собою участниками ее. Но Христос, своею жизнью по человеку, через дела явив всякое послушание, освободил наше естество от этой смерти. Подобало же, конечно, не только то самое человеческое естество, которое было в Нем воспринято, но и весь человеческий род обессмертить и возвести к общению с оною жизнью, которая со временем и для тела будет ходатаем вечной жизни, как, напротив, она же смерть души явилась причиной смерти и для тела»⁸.

Человек выходит из купели крещения чистым и от первородного греха, и от всех личных грехов, совершенных им до принятия этого Таинства. Но это не значит, что купель вместе с грехами отняла у него и тяготение к ним. Нет, оно остается как следствие поврежденной

⁶ Архим. Лазарь (Абашидзе). Грех Адамов, М. 2001.

⁷ Прп. Симеон Новый Богослов. Творения, т. 1. Слово 3

⁸ Беседы (Омилии) св. Григория Паламы. Ч. 1.

падением природы. Стремление к страстям уничтожается долгим подвигом, через насаждение в себе противоположных им добродетелей, при помощи благодати Христовой.

Глава 3. Что такое грех?

Часто, слишком часто история грехопадения прародителей становится предметом двусмысленных шуток и легкомысленных острот. Но последствия грехопадения таковы, что все человечество и до сего дня и до самого Страшного Суда будет нести на себе как некую духовную радиацию последствия этого губительного проступка.

Адам был изгнан из рая и 930 лет нес на земле труды и скорби, возделывая ее. Сидя «прямо рая» и оплакивая «свою наготу», он, предназначенный к бессмертию, вкусил, наконец, и саму смерть. Праотец, хоть и принес покаяние, но умер телесной смертью, и душа его сошла во ад. Во ад сходили и все его потомки. И нужно было еще пять тысяч лет страданий человечества, чтобы пришел в мир Примиритель и Искупитель Сын Божий Господь Иисус Христос.

Что же такое грех, и почему столь тяжки его последствия для человека? Грех есть беззаконие (1 Ин. 3, 4). И важно понять, что апостол Иоанн под словом «грех» понимает не одно из многих прегрешений, но совокупность всего греха, сущего в мире, грех в его метафизическом смысле. Равно как и «беззаконие» «значит не одно из беззаконий, не беззаконие вообще, а беззаконие, по преимуществу заслуживающее это название, – то что несет в себе самое начало беззаконности, беззаконие в чистейшем и полнейшем виде и смысле – деяние, в высшей степени совокупляющее в себе все то, за что отдельные беззакония называются беззакониями само беззаконие или, одним словом – БЕЗЗАКОНИЕ»⁹. Все это показывает, что грех есть извращение закона, «того Порядка, который дан твари Господом, того внутреннего Строя всего творения, которым живо оно, того Устроения недр твари, которое даровано ей Богом, той Премудрости, в которой – смысл мира»¹⁰.

Грех – это нарушение воли Божией о нас.

Склонность к тому или иному виду греха заложена в человеке генетически; к некоторым порокам он остается равнодушен, а для того, чтобы победить другие, иногда требуется целая жизнь. Данная лестница страстей объемлет всю духовно-телесную природу человека: от низменных животных похотей до утонченных, сугубо душевных пороков. По учению свв. отцов, по мере духовного роста человека вследствие неправильной аскетической направленности возрастает опасность впасть в более тяжкие с точки зрения исцеления пороки, поражающие уже духовную природу человека. Главным мотивом греховной жизни человека, корнем греха являются эгоизм, чрезмерное внимание к собственному бытию в ущерб бытия окружающих.

Грех проявляет себя как¹¹:

- дело;
- расположение или страсть;
- состояние и греховное расположение души.

Итак, грех есть преступление повелевающей или запрещающей заповеди Божией или, как говорит апостол, грех есть беззаконие (1 Ин. 3, 4). В этом определении мы видим сразу две особенности: это злоупотребление свободой и презрение закона.

Грех имеет место только в существах разумных – как бестелесных (Ангелы), так и соединенных с телом (люди). Как особое преимущество Господь даровал нам свободу. Но вместе со свободой мы получили и выбор: можем обращаться к Богу и можем отвергнуть Его. Эта возможность дана нам потому, что составляет свойство свободы, а цель свободы – чтобы тварь, свободно служа Богу и исполняя волю Его, тем больших сподоблялась благ, становилась страннейшим вместилищем блаженства. Очевидно, что тварь, уклоняющаяся от воли Божией,

⁹ *Свц. Павел Флоренский. Столп и утверждение истины. Письмо седьмое: грех.*

¹⁰ *Свц. Павел Флоренский. Столп и утверждение истины. Письмо седьмое: грех.*

¹¹ *См.: Свт. Феофан Затворник. Начертание христианского нравоучения. М., Лепта, 2003. С. 196–248.*

злоупотребляет свободой, причем делает это самовольно, по выбору, всегда имея при этом возможность исполнить эту волю. *Грех всегда есть наше вольное дело, совершенное не по принуждению, а по необузданной воле.*

Грех есть преступление закона, который остается неизменным, поэтому, совершая что-либо противное заповеди-закону, мы нарушаем его сами в себе, но не изменяем закона. Так, например, сегодня многие государства разрешили однополые браки, а некоторые протестантские церкви позволили женщинам быть епископами, но эти реформы не изменили закона, всегда единого, и поэтому являются преступлениями, а те, кто им следует, – грешниками или преступниками.

Откуда грех? Из свободного желания твари предпочесть закону свое хотение. Это, конечно, весьма приблизительное объяснение, потому что никто из нас не знает, как совершенная тварь могла захотеть стать на место Творца.

Греховное расположение, иначе греховная склонность, страсть, есть постоянное желание грешить определенным образом или любовь к греховным делам и предметам. Откуда берутся страсти? Ни один человек не рождается с какой-либо «готовой» страстью. Каждый из нас приходит только с корнем всех страстей – с гордостью. Главные проявления в нас гордости есть самолюбие, лихоимство (желание иметь то, что нам не принадлежит) и сластолюбие (любовь к удовольствиям). Они уже порождают все остальные страсти, которые состоят между собой в тесной связи. В составе страсти следует различать сердечное расположение и привычные действия, удовлетворяющие страсть. Страсть есть усвоенный греховный навык, отделяющий нас от Бога и убивающий в нас стремление к жизни в Боге. Страсти не образуются сами собой, но развиваются при нашем содействии. Позывы на тот или иной грех происходят из растления нашей природы после грехопадения, но удовлетворение греха, тем более неоднократное, до привычки, состоит в нашей воле. Например, страсть гордости образуется от того, что мы постоянно считаем себя более значимыми, чем остальные, а страсть гнева – от того, что мы постоянно позволяем себе ругаться и раздражаться.

Подробнее же о страстях мы будем говорить ниже, во второй части нашей книги.

Грех как состояние или греховное настроение души определяется тем, что в человеке *отсутствует жажда* Божественного: такой человек не только не ощущает никакой потребности в Боге, но часто и отвращается и бежит всего, что напоминает о Боге. У него *нет силы*: «хотел бы, говорит он, но не могу пересилить себя». *Нет и богообщения*: он отвратил очи свои от Бога и не только не взирает на Него, но и не хочет взирать и даже боится. Внутреннее чувство и совесть уверяют его, что он отпал от Бога; вместо желания ходить в воле Божией у него есть *своеволие*, или он избрал началом для своей деятельности *свою волю*, делает что хочет. Вместо ожидания небесной помощи у него *самонадеянность*, или вообще *земные средства* (деньги, сила, связи и т. п.); *нужды в защите веры и Церкви Христовой* у него нет. Христос и Святая Церковь становятся для него чем-то сторонним, не совсем нужным, если не вовсе излишним.

Разве не нарисовали мы психологический портрет сегодняшнего человека? Главное же в этом «герое нашего времени» то, что он стремится жить по своей воле с отвращением от Бога или невниманием к Нему и Его закону. И чем больше в этом отвращении сознательной ненависти, тем дальше отпадет такой человек в грех, тем больше зла причинит себе и окружающим, даже руководствуясь самыми благими намерениями, не говоря уж о злых.

* * *

В зарождении греха участвуют все три силы души: ум, чувство и воля. Зачавшись в уме, грех гонится к цели волей и разрождается чувством облегчения и наслаждения. Начинается же все с простого помысла.

Помысл – это мысль, возникающая в голове человека, некое представление о вещи, или идея. Помысл может приходить к человеку изнутри или снаружи, то есть он может исходить из глубины души самого человека или быть мыслью беса, засеваемой в нас для искушения. Через наш мозг проходят за день миллионы помыслов; какие-то из них мы оформляем в размышления, какие-то предстают как зрительные образы, какие-то проносятся в виде смутных, неосознанных ощущений и желаний.

Прилог (приражение) – так называют действие всякого вносимого в сердце помысла, который рассматривают в уме. Состояние прилога безгрешно, как таковой прилог не заслуживает ни одобрения ни осуждения, потому что это действие помысла на наш ум и сердце не зависит от нас. Например, мы смотрим по телевизору передачу о наркотиках. Поступающая к нам информация обрабатывается у нас в уме, мы как бы изучаем, рассматриваем предмет, еще никак не выражая к нему нашего отношения, не определившись в нем.

Сочетание – это собеседование, препирательство человека с помыслом. Мы уже рассмотрели предмет и теперь определяемся в нашем к нему отношении (нравится – не нравится), думаем, что выбрать, как поступить, как отреагировать. На этой стадии помысл будет стараться вызвать ощущение удовольствия или мечту об удовольствии, которое может нам доставить этот предмет. Собеседованием св. отцы называют эту стадию потому, что мы удерживаем в себе помысел, соглашаемся с тем, что он в нас находится, и не гоним его из ума и чувств. В этот момент человек волей склоняется к принятию помысла, согласию с ним. Это, собственно, и является началом духовной болезни, моментом зачатия в нас греха или страсти.

То есть, просматривая передачу про наркотики, мы вдруг думаем: «А может, в этом и правда что-то есть...» И начинаем вертеть эту мысль так и этак, как бы собеседовать с нею, примеривая к себе возможные удовольствия и испытывая от этого чувственно-эмоциональное возбуждение.

Чаще всего пришедший помысел, например, идея попробовать наркотики, будет утверждаться в излишних разговорах на эту тему с друзьями и приятелями, через чтение книг или просмотр фильмов, причем человек не всегда отдает себе отчет в том, что все кругом как будто сговорились обсуждать эту тему: и друзья, и модные журналы, и передачи по телевизору, которые, хоть и осуждают наркотики, но... Помысл все вертится и вертится в голове, все более и более человек привыкает к нему.

Сосложение – это благосклонный прием помысла, пришедшего в душу. В этот момент чувство предполагаемого удовольствия, достигая высшей интенсивности, легко переходит в желание. В желании воля все сильнее увлекается помыслом и перерастает в решимость на деле осуществить то, о чем ум говорит помысел, чувству – удовольствие, и что предвкушается душой как наслаждение. Произошло согласие души на грех.

Человек уже нашел в помысле или удовольствие, или путь к получению его и начинает воображать, какие чувства он будет испытывать. Удовлетворение возникшего желания в этот момент решено, и человеку остается только совершить поступок, воплотить в дело свое намерение.

Вернемся к нашему примеру: поразмышляв на тему наркотиков и решив, что они могут доставить какое-то удовольствие, человек представляет, как он будет испытывать это удовольствие, всячески приукрашая и преумножая его. Так подогревается желание и возникает влечение к наркотикам, представление о которых внесено помыслом в процессе прилога. Человек начинает думать о том, что ему просто необходимо испытать эти ощущения, «узнать, что это такое», ему хочется наслаждения, о котором столько говорят, хочется этого состояния. И человек уже готов подчиниться возникшему влечению и попробовать модную марихуану или кокаин, хотя пять минут назад он даже и не подозревал об их существовании.

Пленение – «насильственное и невольное отведение сердца в плен, удержание в нем и слияние будто в одну жизнь с предметом пленившим». От этого слияния исчезает «нормаль-

ное», доброе наше состояние (теряется покой и мир душевный). Пленение есть невольное увлечение сердца к нашедшему помыслу, или постоянное водворение его в себе – совокупление с ним, отчего повреждается сама структура человеческого «я». Это стадия «навязчивой идеи» – постоянного размышления о предмете страсти. Человек уже решил совершить поступок, действие, направленное на удовлетворение своего влечения к предмету, и в уме и сердце, собственно, уже его совершил.

Очевидно, что всю нравственную важность и силу влияния на нас помыслы приобретают от нашего согласия и принятия их, которые и имеют определяющее значение для поведения человека, поэтому и оцениваются как «самое дело», как поступок, именно потому, что мы сами впустили в свою душу болезнь.

Прежде чем совершить принятый в сердце грех, в душе человека (разумеется, воюющего со страстями, а не плывущего по течению) происходит борьба с помыслом.

Борьба – это взаимное сопротивление помысла и ума. Ум то хочет уничтожить помысел, отвергает его, противится возникающему влечению, то соглашается с ним, хочет реализовать его, чтобы испытать удовольствие, хочет удовлетворить влечение. Борьба происходит между совестью человека, его представлениями о добре и зле, его добрыми влечениями и наклонностями с одной стороны, и страстными влечениями, жаждой удовольствий, стремлением во всем потакать себе (самоугождением), жалостью к себе (саможалением) – с другой.

В зависимости от душевного состояния человека, в особенности от его опыта жизни по совести, от навыка воли отстаивать доброе или, наоборот, во всем соглашаться со страстными влечениями, эта внутренняя борьба может быть более или менее продолжительной и сделаться причиной нашей победы над страстью и грехом, а значит, и над смертью, или причиной наших мучений – страданий тела и души, болезней, тоски и боли, причиняемой человеку победившем грехом, – именно такова его цена за кратковременное псевдоудовольствие. Псевдо – потому что не на самом деле, а только в нашем воображении, в нашем сознании.

Мы говорим о псевдоудовольствии, то есть об отрицательном удовольствии, потому что отличаем его от истинного, настоящего. Сообразно с тем, что существуют душа и тело, различают наслаждение духовное и телесное. Наслаждение, имеющее своей причиной Бога, умиротворяет, тогда как наслаждение от греха и дьявола оставляет после себя беспокойство, тоску, угрызения совести, душевный разлад, может привести к депрессиям, неврозам и тяжелым психическим заболеваниям (шизофрения, паранойя). Наслаждение, вызывающее боль и смятение, также происходит от демонов и связано со страстями и их действием в человеке.

Следует отметить, что в самом понятии удовольствия нет ничего плохого или отрицательного. Как мы уже говорили, удовлетворение определенных потребностей (еда, сон, половые отношения, творчество и т. д.) приносит человеку удовольствие, чувство приятности. Отрицательным удовольствие становится только в том случае, когда в человеке начинает господствовать увлечение стремлением к приятностям жизни самим по себе, когда удовольствие, наслаждение являются целью удовлетворения потребностей¹².

В нашем примере наркотики как нельзя лучше иллюстрируют, что такое псевдоудовольствие. Человек принимает наркотическое вещество не ради него самого, не ради разрешения какой-либо проблемы (за исключением языческих культов, связанных с приемом галлюциногенов), а именно ради получения удовольствия, ценой которого будут страдания, болезни и конфликты. Точно так же обжора с весом, угрожающим его здоровью, предается чревоугодию, а сребролюбец – накоплению богатств, часто связанному с огромным риском для жизни.

Известный американский философ и психолог Эрих Фромм верно отметил, что состояние нашего тела, его здоровье гораздо точнее выражают наше состояние счастья или несчастья, чем наши чувства и мнения. Иными словами, если вы встречаете трясущегося от аскетичности

¹² См.: С.М. Зарин. Аскетизм по православно-христианскому учению. С. 621.

ции наркомана с полуразложившейся печенью и нарушенной координацией, ни дня не могущего провести без наркотика, не верьте ему, что он счастлив и «ему больше ничего не надо». Тело человека прочно связано с его душой, и невозможно быть здоровым телесно, не имея душевного здоровья (под душевным здоровьем мы понимаем свободу человека от страстей и страстных влечений). Тут надо твердо усвоить, что состояние сознания человека не есть состояние его души. Поэтому то, что нами может осознаваться как удовольствие, душой может ощущаться как скорбь и страдание.

Удовольствия и счастье, существующие только в голове человека, но не являющиеся состоянием его души, можно назвать псевдудовольствием и псевдосчастьем. Именно так мы можем обозначить то состояние, которое испытывает человек, реализуя свое греховное влечение.

В своем нынешнем состоянии мы не имеем ненависти ко греху, поэтому нам так трудно противостоять ему. Мы думаем: нельзя этого делать, это некрасиво, это плохо, это вредно; так и уговариваем себя, в конце концов, приходя к выводу, что это запрещено совершать по той или иной причине Священным Писанием и Церковью, и именно поэтому мы не будем этого делать. Но в душе мы по-прежнему признаем и чувствуем что «это» нам очень даже нравится и приятно. Но возненавидеть грех – это значит всем сердцем, всей душой почувствовать отвращение к нему, брезговать им, как мы брезгуем нечистотами, и только в таком случае, когда придет искушение, мы легко минуем его. Зло не найдет в наших душах отклика и сочувствия, и жизненный путь наш будет избавлен от терний сожаления по тому, от чего мы отказались, и станет, по словам одного подвижника, «путешествием спящих». В противном же случае, соблазняемые грехом, мы не имеем в себе на что опереться, кроме своих пустых умствований, так как сердце наше от греха-то и не отвратилось, по словам мудреца: *Человек грешный уклоняется от обличения и находит извинение, согласно желанию своему* (Сир. 32, 19).

Еще раз хочется обратить внимание на то, что человек создан Богом для блаженства, и поэтому в самом естественном стремлении человека к счастью и радости не только нет ничего противоестественного и плохого, но, наоборот, это то небольшое из человеческих стремлений, которое чаще всего приводит человека к Богу. Другое дело, что именно на этом стремлении паразитируют все грехи человеческие, и на этом стремлении к счастью нас улавливают демоны в сети греха и страстей.

Глава 4. Виды грехов

Сын мой! Если ты согрешил, не прилагай более грехов и о прежних молись. Беги от греха, как от лица змея; ибо, если подойдешь к нему, он ужасит тебя. Всякое беззаконие как обоюдоострый меч: ране от него нет исцеления.

Сир. 21, 1–2, 4

В этой и следующей главах речь пойдет о грехе, явленном в деле.

Богу противен каждый грех, но не все грехи одинаковы и поэтому по-разному судятся. Различие между грехами и тяжесть последствий для человека зависят от того, к какой силе души принадлежит грех (к уму ли, к чувству или воле), какое участие принимал в нем человек и т. д.

Есть грехи ума: нечестие перед Богом, отречение от Христа, идолопоклонство, ересь, занятия магией, сатанизм. Это самые тяжкие грехи. Кто «добровольно решил на это зло, а потом раскаялся, временем покаяния должен иметь все время жизни своей»¹³.

Есть грехи вождения или чувства. К ним относятся сребролюбие, славолюбие, слястолюбие и пр.

Наконец, есть грехи воли или раздражительной части души. Это зависть, ненависть, вражда, злословие и прочие проявления гнева вплоть до убийства.

Сегодня, в эпоху плюрализма, свободы вероисповедания и свободы слова не считается зазорным вскользь ругнуть Православную Церковь за консерватизм, а иерархов за неподобающее поведение, посмеяться над «застывшей догмой» и «православной отсталостью». В моде религиозное творчество и «поиски духовного пути», увлечения восточными философиями, Блаватской, астрологией, гаданиями и магизмом. И это все у нас не только за грех не считается, но и является признаком «свободного сознания» и широты взглядов.

Тонкое и незаметное для плотских очей растление ума и отступление его от Божественной Истины во мрак ложной духовности не вызывает ни в ком ни больших сокрушений, ни боязни вечных мук. А это-то и страшно. Ибо, совершив всякий иной грех, можно прийти в храм и обратиться с покаянием к Богу, а здесь не к кому обратиться: человек сам закрыл для себя дверь спасения и отвернулся от Бога.

Посему говорю вам: всякий грех и хула простятся человекам, а хула на Духа не прощится человекам; если кто скажет слово на Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет на Духа Свят аго, не простится ему ни в сем веке, ни в будущем (Мф. 12, 31–32).

1) Грехи против Господа Бога.

Ворование снам, гаданиям, астрологическим прогнозам, гороскопам и т. п. Сомнение в вере. Лениность к молитве и рассеянность на ней. Нехождение в Церковь, избегание исповеди и Святого Причастия. Кошунство над священным. Нарушение постов или неточное соблюдение их. Другими словами – это тот рассеянный, безрелигиозный, мирской образ жизни, который проводит не только неверующий человек, но и большинство тех, кто считает себя православным. Это невнимательность к себе, «отпущение» себе множества «несерьезных» грехов, которые, как песок, накапливаются и накапливаются, пока совсем не засыпят человека с головой.

2) Грехи хулы на Духа Святого.

¹³ Св. Григорий Нисский. Творения. Ч. 8.

Чрезмерное упование на Бога или продолжение тяжко греховной жизни в одной надежде на милосердие Божие.

Этот грех встречается не так уж редко. Многие из нас откладывают начало праведной жизни на завтра. «Вот, – думаем мы, – сейчас закончится период интенсивной работы, тогда и начну заботиться о душе. Ведь Господь сказал, что никогда не поздно прийти, и последним воздастся так же, как первым». Или: «Еще немного погрешу и перестану, а потом покаюсь, и все простится».

Отчаяние, или противоположное чрезмерному упованию на Бога чувство в отношении к милосердию Божию, отрицающее в Боге отеческую благодать и доводящее до мысли о самоубийстве.

Этим грехом страдают, как правило, люди, которые уже начали бороться со страстями. На каком-то этапе борьбы человек осознает свою чудовищную греховность и свое полное бессилие. Он перестает трудиться, потому что считает попытки изменить жизнь бесполезными и обреченными на провал. Впрочем, иногда подобную оценку своей жизни встречаешь и у людей, довольно далеких от веры: «Я уже столько наворотил в своей жизни, что все равно в ад попаду; так что нет никакого смысла спасать душу, уж лучше здесь нагуляюсь, пока есть возможность». Осознание своей греховности – это первый шаг к Царствию Небесному. Но важно также не терять надежду и веру в милосердие Божие. Господь всемилостив, и Он все простит, если увидит в нас искреннее раскаяние. Но дело даже не только в том, что в момент отчаяния мы забываем о милосердии Божиим. Дело в том, что отчаяние в достижении желаемого убивает само желание. Потеряв надежду на спасение, мы уже не хотим спасения, а полностью погружаемся в свою депрессию. А, как уже говорилось, Господь не может навязывать нам Свою милость, насильно спасая нас от наших страстей.

Упорное неверие, не убеждающееся никакими доказательствами истины, даже очевидными чудесами, отвергающее самую дознанную истину.

К этому перечню можно добавить и сознательные грехи, порожденные злостью против Бога или Его мира.

Грехи хулы на Духа Святого страшны тем, что закрывают от нас Царствие Небесное. Это не значит, что в них нельзя раскаяться. Можно, как и во всех других, кроме самоубийства. Но пока мы предаемся этим грехам, Царствие Небесное для нас недостижимо, потому что душа наша в этот момент как бы мертва.

3) Грехи, вопиющие к небу об отмщении за них.

Умышленное человекоубийство, в частности аборт, а в особенности отцеубийство, братоубийство и цареубийство.

Содомский грех (гомосексуализм). Сюда же можно отнести и другие сексуальные извращения, как-то: скотоложество, педофилия, садомазохизм, насилие, кровосмешение, некрофилия и пр.

Напрасное притеснение человека убогого, беззащитного, беззащитной вдовы и малолетних детей-сирот. Этот грех сейчас довольно распространен: то и дело слышишь, как группа подростков избивала немощную старушку, чтобы отобрать у нее пенсию. Во многих школах среди старшеклассников вообще распространена практика помыкания учениками младших классов, присвоения или порчи их имущества. Уже не говоря о том, что в современном мире убогий, немощный человек вообще признается существом неполноценным и не только не оберегается и не защищается, но, напротив, притесняется сильными и здоровыми.

Растление малолетних и вовлечение их в греховную жизнь.

Удержание у убогого работника вполне заслуженной им платы. Отнятие у человека в крайнем его положении последнего куска хлеба или последней лепты, которые потом и кровию добыты им, а также насильственное или тайное присвоение себе у заключенных в

темнице милостыни, пропитания, тепла или одеяния, которые определены им, и вообще угнетение их. Стоит ли говорить, что сейчас последнее происходит сплошь и рядом, давно вошло в порядок вещей и никого не удивляет. Наоборот, восхищение и, возможно, даже недоумение вызовет какой-нибудь надзиратель, который не притесняет заключенных, а обращается с ними хоть и без особой нежности, но просто как с живыми людьми.

Огорчения и обиды родителей до дерзких побоев их.

Перечисленные грехи не свойственны человеку. Они противоестественны и не считаются проявлением слабости человеческой. Грехи эти редко исповедуются, поскольку сами по себе свидетельствуют о тяжелом греховном состоянии души и неспособности ее к раскаянию.

Впрочем, сейчас ситуация несколько изменилась. В современном мире многие из этих грехов, как уже было сказано, являются нормой, то есть в светском обществе не воспринимаются как дурные поступки. А следовательно, порой относятся к категории неведомых, как бы неосознанных. Так, молодая девушка, совершающая аборт, часто просто элементарно не понимает, что она делает. Детоубийство превратилось в обычную операцию, которую общество если и не поощряет, то, по крайней мере, считает вполне допустимой. Точно так же обстоят дела с гомосексуализмом. Половые отношения между двумя мужчинами или двумя женщинами уже не считаются зазорными, мало того, постепенно узакониваются. В некоторых странах разрешены уже гомосексуальные браки. Психологи с уверенностью утверждают и внушают сомневающимся, что гомосексуализм естествен и свойствен природе человека, а сами «голубые» отстаивают свои права и с гордостью сообщают о своей «ориентации».

Склонность к диким проявлениям греха и доведению всякого греха до его извращенной формы в XXI веке тоже превратились в своего рода пристрастие (подробнее речь об этом пойдет в главе «Страсти в современном мире»).

Эта общая атмосфера, в которой растет и воспитывается современный человек, формирует у него настолько исковерканные, неправильные представления о «орошем и плохом, что голос совести, по сути являющийся голосом Божиим, часто просто не узнается и заглушается человеком: его принимают за узость взглядов, ограниченность, консервативность.

4) Грехи смертные, то есть делающие человека повинным погибели, если смерть настигнет человека в этих грехах.

Гордость до самообожания, презирающая всех, требующая от других раболепства, желающая стать равным Богу.

Жадность к деньгам, соединенная большей частью с несправедливыми приобретениями, не дающая человеку и минуты подумать о духовном.

Блуд, или распутная жизнь блудного сына, расточившего на такую жизнь все отцовское имение.

Зависть, доводящая до всякого возможного злодеяния ближнему.

Чревоугодие, или плотоугодие, не знающее никаких постов, соединенное со страстной привязанностью к различным увеселениям.

Гнев, непримирительный и решающийся на страшные разрушения, по примеру Ирода, который в гневе своем избил вифлеемских младенцев.

Леность, или совершенная о душе беспечность, нерадение о покаянии до последних дней жизни, как, например, во дни Ноя.

Эти грехи по названиям своим во многом перекликаются с названиями страстей, и не случайно. Предаваясь в сильной мере одному из них, человек становится рабом своего греховного пристрастия, он лишается большей части своей свободы, лишается способности трезво мыслить, контролировать свои поступки. Смертные грехи заглушают совесть человека, делают

его враждебным Богу, лишают возможности раскаяться из-за гордости, ложного стыда, отчаяния, общего помутнения души.

Помимо вышеупомянутых тяжких прегрешений, существуют еще наши бытовые повседневные грехи, которые мы часто даже не замечаем. Святые отцы и подвижники классифицировали эти грехи в основном по тому, против кого они направлены.

Таким образом, выделяется три типа грехов (пояснения по поводу отдельных грехов см. в ч. II этой книги):

1) *Грехи против Господа Бога* – это те прегрешения, которые не наносят видимого ущерба ближним и самому человеку, но гневят Господа, так как происходят от недостаточной любви или даже от ненависти к Нему. К таковым грехам относятся: верование снам, ворожбе, встречам и другим приметам, сомнения в вере; леность к молитве и рассеянность при ней, неучастие в богослужении и Таинствах; лицемерие в богопочтении; хула или только ропот на Бога в душе и на словах; намерение поднять на себя руки; напрасная божба; неисполненное обещание Богу; кощунство над священным; гнев с упоминанием нечистой силы; вкушение пищи в воскресные и праздничные дни до окончания литургии; нарушение постов или неточное соблюдение их; работа в праздники.

2) *Грехи против ближнего* – это те грехи, которые наносят ущерб ближним или направлены непосредственно против кого-то из людей. К ним относятся: неусердное исполнение своих обязанностей; непочтение к высшим или старшим; неисполнение обещания человеку; неуплата долгов; отнятие силой или тайное присвоение себе чужого; скупость на милостыню; личная обида ближнего; пересуды, оклеветание, проклинание других; напрасные подозрения, отказ защитить невинного человека или правое дело; убийство; непочтение к родителям; лишение детей христианского воспитания; гнев, вражда в семейной или домашней жизни.

3) *Грехи против самого себя* – это те грехи, которыми человек наносит ущерб прежде всего себе самому. К таковым относятся: праздные или скверные мысли в душе; желание зла ближнему; лживость, раздражительность, строптивость, самолюбие, зависть, жестокосердие; чувствительность к огорчениям или обидам; мщение; сребролюбие; пристрастие к наслаждениям; сквернословие; пение соблазнительных песен; пьянство, объедение; блуд, прелюбодеяние, неестественный блуд; нерадение о спасении.

Это деление хотя и довольно четко, тем не менее не совсем однозначно. Конечно, нарушая любую заповедь, человек грешит тем самым против Бога и против себя, поскольку любой грех не только нарушает волю Божию, но и отдаляет от человека Царствие Небесное.

Приложение. Из проповеди протоиерея Димитрия Смирнова в день памяти Святых Отцов Седьмого Вселенского Собора

Главный наш грех заключается не в том, что мы совершаем плохие поступки, он состоит в том, что наша жизнь протекает совершенно отдельно от Бога; в том, что у нас с Ним нет никаких взаимоотношений; что наша жизнь – безбожная, потому что в ней нет Бога. Мы существуем сами по себе: вот моя жена, вот мои дети, моя квартира, работа, вот моя стирка, булочная – это круг нашего бытия. А где в нем Бог? Иногда кое-кто из нас раз в неделю приходит в церковь – тогда он вспоминает о Боге, старается молиться; или какую-то книгу откроет духовную, Священное Писание; или утром и вечером помолится – пять минут утром, десять вечером. Вот и все, в этом и заключается, собственно, наша христианская жизнь. А все остальное? А все остальное – это грех, независимо от того, собираем ли мы почтовые марки, пьем ли водку или просто гуляем по лесу. Если мы, гуляя по лесу, забыли о Боге, то это есть грех.

Грех – это не обязательно нанесение зла кому-то; это есть отделенность человека от Бога. А уж как человек отделяется от Бога – с помощью самогона, или в карты играет, или еще каким-то образом – уже не так важно. Не так важно, за какое преступление сидит человек в тюрьме, – главное, что он в тюрьме, что он отделен от мира. И любой грех отделяет нас от Бога. Поэтому в чем цель христианской жизни? Для чего Господь Церковь основал? Чтобы мы через Церковь всю свою жизнь привели к нему. Чтобы все, что бы мы ни делали, что бы ни думали, ни говорили, у нас было в Боге. И вот такая направленность нашей жизни и будет путем в Царствие Небесное. А мы Богом только пользуемся: у нас кто-то умер – нам надо отпеть; кто-то у нас родился – надо крестить; что-то у нас заболело – молебен отслужить; именины у меня – надо причаститься. А почему именно в именины, почему не в следующее воскресенье, чем одна литургия хуже другой?

У нас жизнь духовная идет как бы от случая к случаю. И это отношение наше к Богу есть грех, есть форменное безобразие. Представим себе, что Господь от случая к случаю нам бы давал солнце. Вот оно погасло, допустим, на недельку и только в следующее воскресенье начало бы светить. После такого угасания солнца не осталось бы ничего: ни воды, ни земли, ни птиц, не зверей. А Господь постоянен в Своей заботе о нас, Он постоянно управляет всеми процессами, которые на земле происходят, и благодаря этому мы живем. Наша жизнь целиком зависит от Бога, а отношение наше к Нему безобразное, потому что мы ничего не ценим, считаем, что это само собой разумеется.

Эта наша отдаленность от Бога есть грех, как говорится, в общем плане. А есть еще грех в частности, потому что каждый раз, когда мы в чем-то согрешаем, мы тем самым отделяем себя от Бога. Поэтому, чтобы нашу жизнь привести в какую-то норму, нам нужно постоянно следить за своей душой, постоянно держать в чистоте свою совесть. Если мы чувствуем, что совесть нас в чем-то обличает, то надо каяться перед Богом и просить прощения. Но это не для того, чтобы делать то же самое на следующий день. Если человек осознал, что он что-то делает нехорошо, если он, читая Писание, видит, что его действия идут против заповеди Божией, то нужно просить, чтобы Господь дал силу больше этот грех не повторять.

Глава 5. Что такое страсть?

Ничто не должно обладать мною.

1 Кор. 6, 12

В глубине нашего существа, в самой основе нашей души иногда, для нас вполне несознаваемо, таится и скрыто действует сила темная, безумная и злая; это есть та самая сила, которая отделяет нас от всего и от всех, замыкает нас в самих себе, делает нас непроницаемыми и непрозрачными; она есть сила бессмысленная и начало всего безумия...

Вл. Соловьев

Прежде чем начать разговор о страстях, попробуем разобраться в смысловых сложностях, связанных с этим понятием. В современном русском языке слово *страсть* имеет значение, отличное от того, в котором оно употреблялось нашими предками и в каком употребляется и поныне в православии.

Под страстью в наше время подразумевается 1) сильно выраженное чувство, крайнее увлечение; 2) предмет сильного увлечения, постоянной склонности; 3) сильная любовь с преобладанием чувственного влечения; 4) страх, ужас (натерпелся страстей). Именно это, самое ныне малоупотребительное значение слова «страсть» наиболее близко к изначальному, исконно присущему этому слову. Посмотрим у Даля: страсть – 1) страдание, мука, маета, мученье, телесная боль, душевная скорбь, тоска; 2) в значении подвига: сознательное принятие на себя мученичества (отсюда чин страстотерпцев в сонме святых Православной Церкви); 3) страх, испуг, ужас, боязнь; 4) душевный порыв к чему-либо, нравственная жажда, жаданье, алчба, безотчетное влечение, неразумное, необузданное хотенье. А теперь давайте заглянем в словарь церковнославянского языка. В нем-то мы и найдем настоящее, еще ничем не замутненное значение: страсть («пафос» по гр.) – 1) сильное желание чего-либо запрещенного; 2) страдание, мучение; 3) болезнь, жалкое состояние.

Благодаря этому этимологическому исследованию мы воочию убедились, как вместе с изменением сознания и нравственных ценностей человека, а также культурной среды преобразуется и притирается слово. Слишком страшно его изначальное значение, слишком «нетерпимо» для сегодняшней либеральной морали, отчего и пришлось ему превратиться из «сильного желания чего-либо запрещенного или мучения и болезни» в «сильно выраженное чувство». В XVIII веке, к примеру, соблазняя женщину или проигрывая в карты состояние своих родителей, человек впадал в страсть, то есть в болезнь, алчбу, страдание и сильное желание запрещенного евангельской заповедью. Ныне, делая то же самое, мы с вами просто испытываем сильные чувства, совершенно не заботясь при этом об их моральной окраске. Мы с вами теперь не страдаем и не болезнуем грехом, не чувствуя мук совести, мы просто ощущаем некую сильную по некой шкале эмоцию!

Что исчезло? Стыд и осознание греха. Но вот парадокс, муки-то, муки и невыносимые последствия исполненной страсти остались! Иначе откуда мода на психоанализ и увеселительные пилюли?

Выбросив за борт неудобный смысл слова, мы не можем с той же легкостью избавиться от явленных этим словом душевных переживаний. Сколько ни тверди «халва», во рту слаще не станет. Сколько ни называй дурные, злые и бессердечные поступки «крайним увлечением» – душевная боль и болезненные для души и тела последствия никуда не денутся.

Когда-то на рассвете психиатрии ученые сформулировали термин «нравственный идиотизм». Этой болезнью оказалось поражено множество народа, а вспышка ее прилась на годы после французской революции. В анамнезе этой болезни значились полная неспособность

больного отличать добро от зла в рамках общепринятой (замечу, тогда – равнозначно христианской) морали, и невозможность в связи с этим осознать (в те времена – равнозначно раскаяться) свои проступки. То есть, говоря попросту, больным нравственным идиотизмом тогда был тот, кто не видел разницы между убийством и милостыней, любовью и предательством, браком и прелюбодеянием. Вам этот диагноз ничего не напоминает?

Но потом возник Зигмунд Фрейд со своим учеником Карлом Юнгом (кстати, впоследствии безжалостно предавшим своего учителя), и психология (тогда психиатрия) перевернулась с ног на голову. Оказывается, та или иная страсть – это просто свойственное каждому человеку *нормальное* желание

В чем новшество? Не в том, что подобные желания могут быть свойственны каждому человеку, – это и без того утверждалось христианством 2000 лет. Новшество в том, что эти желания объявлялись нормальными. Раньше почему-то глупые люди считали, что изнасиловать мать или сестру – это страшный, смертный грех, а отцеубийство и братоубийство – Каиново преступление, которое даже произносить-то страшно, и от этого мучались. Ан нет! Это нормальные чувства, которые просто порождены подавленными либидо (половое влечение) и мортидо (влечение к смерти)! А кем подавленными? Конечно, мракобесным и злым христианством! Значит, надо избавиться от христианства и его устаревшей морали, попов заменить психоаналитиками, и людей сразу перестанут мучить плохие мысли, совесть и душевные расстройства. Дико, не правда ли? Но именно этот путь избрала наука, и диагноз «нравственный идиотизм» был напрочь забыт. Тем, кому подробнее хочется узнать об этой страшной эпохе и этих страшных ученых, выпестовавших мировые войны, русскую революцию, фашизм и сексуальную революцию, мы отсылаем к трудам по истории психологии¹⁴, а сами продолжим разговор о страстях.

Итак, сегодня, в более широком смысле, произнося слово «страстный», мы имеем в виду «эмоциональный, темпераментный». То есть «страсть» приобретает скорее положительное значение. Страстный человек – человек, способный на сильные чувства и нерациональные поступки. Он противопоставляется бесстрастному роботу, который во всем слушается голоса рассудка, живет по заложенной в него программе. То есть антонимом слову «страстность» в современном языке можно считать слово «рассудочность». Это два полюса, между которыми раздираем современный человек.

Так человек, играющий на рулетке ва-банк, вызывает у окружающей публики одобрительные возгласы. Но что скажет та же самая публика, если узнает, что на кону стоит, например, жизнь его жены или ребенка? Так, абсолютно непьющий человек в веселой компании будет принят с некоторым недоверием. Но никто не станет восхищаться алкоголиком. Так же и с ревностью: не ревнуешь, значит, не любишь – довольно распространенное в обществе представление. Но ревнивец, замучивший жену своими ни на чем не основанными подозрениями и вечными скандалами, не станет для окружающих эталоном влюбленного. Грубо говоря, яркие эмоции – это хорошо, но только до тех пор, пока эмоции эти добровольны, осознанны и контролируются человеком.

И здесь мы приближаемся к точке соприкосновения между новым, светским значением слова и старым, церковным.

Если вы помните, в конце романа Достоевского «Идиот», уже после убийства Настасьи Филипповны, князь Мышкин сидит рядом с Рогожиным и жалеет его. Сцена эта для читателя, далекого от Православия скорее всего остается абсолютно непонятной. Единственное объяснение, которое может придумать несведущий человек: Мышкин окончательно помешался. Поме-

¹⁴ См., например: *Эткинд А.* Эрос Невозможного: история психоанализа в России. СПб., 1993. 464 с.; *Нолл Р.* Тайная жизнь Карла Юнга. М., 1998. 430 с.

шаться-то он, конечно, помешался – не поспоришь. Но в то же время его жалость к Рогожину, с точки зрения человека православного, вполне обоснованна.

Страсть означает страдание. Страсть – это болезнь души. Здесь важно не спутать. Дело не в том, что страсть ведет к страданию. Нет. Страсть сама по себе болезнь, сама по себе страдание души.

Удобопреклоняемость ко греху, страстность человека – это та же болезнь. Как мы относимся к больному человеку? Мы его жалеем. Точно так же Господь относится к грешнику, к человеку, одержимому страстями. Но больной человек пытается лечиться, чтобы облегчить свои страдания и вернуться к нормальному состоянию. Если больной не лечится – так исключительно по собственной глупости. И для человека, одержимого страстями, логично было бы лечиться. Но разве многие из нас лечатся?

Для человека неверующего здоровье телесное – одно из главных благ. Недаром каждый день, приветствуя друг друга, мы желаем друг другу именно здоровья, говоря «здравствуй». Недаром медицина – одна из самых развитых областей человеческого знания. И тем не менее как часто мы ведем себя неразумно, пренебрегая своим здоровьем. Мы гонимся за деньгами, за славой, за развлечениями. Но какой толк богачу от его денег, если его разбил паралич? Какой толк от славы, если ты болен насковозь, так что даже насладиться плодами этой славы похорошему не можешь? То же самое с душевным здоровьем. Мы пренебрегаем им во имя чего угодно. Во имя выгоды, здоровья телесного, во имя удовлетворения своих мелких амбиций. *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?* (Мф. 16, 26).

Мы не стремимся вылечить свою душу, а всего лишь принимаем время от времени таблетки обезболивающего, предназначенные для того, чтобы на какую-то долю секунды прекратить нескончаемую боль. Мы притупляем эту боль алкоголем, наркотиками, развлечениями, но не пытаемся вылечить себя, может быть, даже потому, что уже само страдание приносит некоторое удовлетворение.

По своему существу человек не может желать зла и отвращаться от добра, но может желать зла, принимая его за добро, и отвращаться добра, считая его злом. Невозможность различить подлинное зло от добра, как мы уже много раз говорили, и является причиной всех несчастий человека и следствием грехопадения.

Еще одним следствием первородного греха является неизбежность множества противоречивых желаний, вытекающих из чувства богооставленности – ощущения собственной неполноты и недостаточности.

После грехопадения воля человека от стремления к высшему благу – Богу устремилась к самому человеку: человек «стал как боги», чего и добивался дьявол, приняв облик змия. Вместо Бога человек возлюбил самого себя, себя поставил целью, а все остальное в мире – средством к самоудовлетворению. Помните? «Двуногих тварей миллионы для нас орудие одно...».

Таким образом, главным чувством, исходящим из самой глубины человеческой души, у падшего человека стало *самолюбие*, или *эгоизм*, при котором на первом плане находятся собственные интересы, стремление к приобретению личных преимуществ и избежанию неудобств, лишений, забота о себе.

Самолюбие порождает три основных греховных движения душевных сил: *похоть плоти*, *похоть очей* и *гордость житейскую*, которые, собственно, и являются родоначальниками всего многообразия грехов и страстей, о которых мы уже говорили.

Мир, как совокупность человеческих отношений, есть овеществленное самолюбие, по словам апостола Иоанна Богослова: *Ибо все что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. И мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек* (1 Ин. 2, 16–17).

Все, что происходит в падшем человеческом обществе, в его истории, движется по действию этих трех «начал»¹⁵.

Похоть плоти есть ненасытимое желание удовольствий, или непрерывный поиск средств, доставляющих удовольствие внутренним и внешним чувствам души. Похоть плоти заставляет считать единственной целью наслаждение, или жизнь в свое удовольствие, и любыми средствами стремиться достичь этой цели.

Похоть плоти оказывает влияние на все сферы жизни человека.

По отношению к религии и к Богу сластолюбец свойственно легкомыслие, обращенность внимания на наружные предметы, поэтому он не может глубоко воспринять истины богословия. Стремление к Богу и богопознание не могут укорениться в пустом сердце и увлеченным удовольствиями разуме, но подвергаются сильным нападениям от склонностей души, обращенных к «приятным вещам». Это делает такого человека не только равнодушным к вере и Богу, но и заставляет его вообще сомневаться в наличии таковых.

Верующего человека похоть плоти заставляет искать даже в храме Божиим услаждения слуха и зрения. Таким людям непременно нужны и оперный хор на клиросе, и благозвучные ектении, и дьяконы с басом, как у Шаляпина. Они разглядывают убранство храма, наслаждаются произведениями искусства, им важно в богослужении не искреннее чествование Бога, а зрелищное исполнение обряда. В сердечной жизни им нужны удивительные чудеса, сладостные плоды молитвы, экстаз и восхищение. Гонения за истину их не вдохновляют, поэтому такие верующие предпочитают верить в благоприятные для Церкви времена. Такой тип религиозности часто встречается в католицизме, и зачастую люди именно в поисках органа и эстетики выбирают эту конфессию.

По отношению к себе. Сластолюбец весь занят удовольствиями, и при том только настоящими, говоря себе: *Станем есть и пить, ибо завтра умрем* (1 Кор. 15, 32). О будущем они стараются не думать, так как в душе боятся его. Поэтому даже начинающиеся скорби они не предотвращают, а словно страусы, которые прячут голову в песок, погружаются в новые наслаждения, пытаясь укрыться от неминуемого. Душа у них заброшена и сведена к психике, одно тело украшается и питается. Поэтому в таких людях нет никаких правил жизни, убеждений, они без царя в голове, и на них нельзя положиться. Они как огня бегают серьезных дел, требующих умственных и волевых усилий, поэтому о них забывают иногда раньше, чем те умрут.

По отношению к окружающим. Часто таких людей считают душой компании, правда, пока дело не дойдет до ответственности. Чаще всего сластолюбцы – трусы, которые никогда не рискнут обидеть в лицо или самостоятельно решиться на преступление. Но за спиной он будет ненавидеть всякого, несогласного с ним во взглядах, стараясь запачкать чужое доброе имя или склонить порядочного человека к тому же греху, в котором сам замаран. Так, чревоугодник уговаривает постящегося «не корчить праведника», блудник предлагает посмотреть фильм или сходить «в одно местечко за углом», наркоман угостит дозой, а гомосексуалист поведает о необычных прелестях однополрой любви. При этом такой приятель при удобном случае с легкостью готов на обман, несдержанность слова, ложные обещания и пр. Он крайне общителен, но настоящих друзей не имеет. При общении старается быть обольстительно вежливым и интеллигентным, но сквозь деланную воспитанность то и дело прорываются циничные замечания, насмешки, нахальство.

В семье и в обществе сластолюбцы приносят мало добра. Они неспособны ни повелевать как следует, ни подчиняться. Вверенные ему подчиненные, жена, дети – все страдают. Причина в том, что он просто сроднился с нерадением, ложной кротостью или поблажкой, попустительством, так как «непопулярные» решения требуют усилий ума и воли. Если же сластолюбец –

¹⁵ См.: Свт. Феофан Затворник. Начертание христианского нравоучения, Ч. 1.

подчиненный, то он не бунтует в открытую, но все переводит в возмущения, ропот, недовольство, медлительность в исполнении.

Если сравнить образ человека с образом культуры той или иной эпохи, то, окажется, что для сластолюбца очень подходит эпоха рококо, воспевающая культ плоти, комфорта и наслаждения.

Словом, подобные люди сходны с топким болотом, поросшим веселой травкой.

Под похотью очей, или корыстью, понимается ненасытимое желание иметь. Это искание и стяжание вещей под видом нужды или пользы только затем, чтобы сказать себе о них – мои.

Этот синдром психологи характеризуют так: «Я есть то, что я имею».

Похоть очей проявляется в основных видах – сребролюбие (любовь к деньгам) и любование (стяжательность).

Под влиянием *тщеславия* похоть очей превращается в тягу к помпезности и роскоши, от гордости и властолюбия – в жажду всемогущества и поклонения от людей, другими словами, в соревнование с Богом и в богоборчество. Так пал Денница-Люцифер, именно эта страсть владела и Наполеоном Бонапартом, толкнув его к безумному походу на Россию; и Гитлером, и Ротшильдом, и многими современными олигархами, которым уже мало денег и власти; потребны слепое поклонение и восхищение толпы.

Этой страсти всегда сопутствуют мучительная забота, тревожность, страх и неуверенность в завтрашнем дне, неусыпная зависть и как итог – жестокое уныние и скорби.

По отношению к религии и к Богу. Познать Бога такому человеку или некогда, или он уже вступил в прямое богоборчество, отвергнув и поправ все Божеские законы. Больше всего он склонен к суеверию, антропоморфизму, идолопоклонству, что прямоком приводит его к увлечению гаданием, предсказаниями будущего и оккультизмом. Своих личных астрологов и предсказателей имели все завоеватели и тираны, как древности, так и наших дней. Страх перед возмездием, жажда всемогущества, служение маммоне и неуверенность в завтрашнем дне толкают таких людей к поискам поддержки у темных духов.

Верующий же человек, одолеваемый этими страстями, более всего любит в богослужении пышность и великолепие, обставляя домашние иконостасы самыми дорогими иконами, жертвуя дорогие свечи и выступая таким меценатом выбранного им храма и батюшки. При этом, если священник выскажет им что-либо нелicenseприятное, то благочестие куда-то испаряется, оставляя в осадке ропот, возмущение и часто желание отобрать пожертвованное и как-нибудь наказать «строптивого» духовника.

По отношению к себе у стяжателя вид некоторых добродетелей бросается в глаза. Он будто бережлив, а между тем скуп и жаден по отношению к окружающим; труд и аскетизм его направлены на добычу денег; от удовольствий и наслаждений воздерживается он и для экономии денег, и потому, что в сердце своем наслаждается он только деньгами. У него нет заботы ни о душе ни о теле, так как себя он приносит в жертву вещам. Желание большего и зависть не дают ему насладиться даже тем, что уже приобрел, и от этого нет мира в его душе. При несчастье с его имуществом легко падает духом, становится как будто сумасшедшим, а иногда налагает на себя руки. В истории таким характером в большей степени обладал Аракчеев, все-сильный временщик Александра I.

По отношению к окружающим он бесчеловечен, завистлив, коварен, вероломен и склонен. Благодеяний без награды не любит, разве только победит тщеславие. Нет греха, на который не решился бы служитель мамоны – от него воровство, святотатство, убийства, предательства.

Личность стяжателя зачастую олицетворяет собой идеологию пуританства с его вымученным аскетизмом, культом деловых отношений и сведенными к минимуму телесными потребностями при непомерной гордости.

Гордость житейская есть ненасытимое желание возвышения или усиленное искание средств и путей, через которые можно было бы стать выше других.

Самолюбие в этой страсти действует очевиднее всего. Гордость и есть олицетворение самолюбия, явление его в действии, в заботе о своем «я».

Первое порождение гордости – внутреннее и скрытое – самомнение, считающее всех людей ниже себя: даже великие мира сего случайно являются таковыми, когда мы пребываем в унижении, по причине случая и козней завистников. Внешне гордость обнаруживает себя или в искании превосходства через телесную красоту, одежду, связи с сильными мира сего – и тогда это есть *тщеславие*. Обращаясь к чести и славе гордость выступает как властолюбие и честолюбие; а ища людского преклонения и внимания – она есть славолубие.

Во всех этих видах гордость сопровождается еще своеволием, самоуверенностью, самоуверенностью, высокомерием, претензиями на лучшее, презрением к окружающим, неблагодарностью, завистью и гневливостью до мести и злопамятства. История и литература переполнены персонажами, страдающими этой страстью, и думается, каждый найдет там пример.

По отношению к религии и к Богу гордец есть самый опасный человек. Он способен впасть в самую бездну нечестия. Желая выделиться из толпы, он или сам изобретает, или легко увлекается новыми учениями и философиями, дающими ему возможность хоть как-то отличиться. Такие люди чаще всего являются изобретателями различных ересей и сомнительных верований, они становятся во главе нового учения или секты и пожинают славу мудреца и учителя, упиваясь своей мнимой властью над людьми. Протопоп Аввакум, увлекший Церковь к расколу, Блаватская, создавшая теософское общество, царь Иван Грозный, возомнивший себя высшим судьей и вершителем судеб, Вольтер, разрушивший основания нравственности, а также современные лидеры различных сект – все они и многие им подобные были жалкими рабами этой пагубной страсти.

Во внешнем богопочитании такой человек любит блеск, искусственность, поклонение, во внутреннем – напряженность и высоту, в молитве – велеречивость, в поведении – причудливость.

Часто воздержанность, высокая работоспособность, терпеливость, упорство создают таким людям ореол истинного подвижника и мученика за идею – но только ореол, ибо все это добродетели-средства, а не добродетели-качества, и цена их зависит от того духа, с каким они стяжаются и реализуются. Ведь конечной целью такого «подвижника» всегда будут собственный блеск, слава и жажда восхищения от окружающих. Гнев и зависть не дают ему покоя, от чего он скоро истощает свои силы и наживает болезни.

По отношению к окружающим он больше других типов несправедлив: все свершение относит к себе, а поражения приписывает окружающим, всегда жаждет повелевать и никогда – повиноваться. Другие для него лишь средство к достижению цели, и он манипулирует людьми, где силой, а где лестью и обманом. Ему более приятно, чтоб его боялись, чем любили.

В жизни частной и общественной все самые страшные беды от таких людей. Низшие с таким характером не хотят повиноваться, не признают никаких авторитетов, не сулящих им выгод, не терпят лежащей на них ответственности и уз долга и поэтому всегда готовы к возмущению и бунту. Высшие – самовольные, жестокосердные тираны, не знающие милосердия и сочувствия. Такие люди ни в ком не вызывают симпатии, ненавистны людям и Богу, Который им противится и нередко их унижает для вразумления.

Вспомним революционеров-террористов и их судьбы.

Как это ни странно, лучше всего дух гордости передают имперские культуры Древней Персии, Древнего Рима, с одной стороны, и высокая готика – с другой, с ее воплощенными в искусстве душевными порывами, рвущимися в небо любой ценой.

Рассмотрев три порождения самолюбия – похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую, мы видим, что они являются как бы родоначальниками всех других страстей человеческих. Что же такое страсть?

Святоотеческое учение дает следующее определение: «Страстью называют такую склонность и такое действие, которые, долгое время гнездясь в душе, посредством привычки образуются как бы в естество ее. Человек приходит в это состояние произвольно и самоохотно; и тогда помысл, утвердись от частого с ним обращения и сопребывания и согретый и воспитанный в сердце, превращается в привычку»¹⁶. То есть, говоря о страсти, мы будем говорить о том состоянии греховности человека, когда грехи в нем проявляются и как расположение, как состояние и настроение души.

Согласно православной антропологии страсти – это не сторонние силы, которые пришли в нас извне и которые мы должны искоренять, но, скорее, это энергии души, которые повреждены и нуждаются в преображении.

Страсть – последний этап в развитии греха. При повторяющемся действии она набирает силу и завладевает человеком. В аскетическом богословии страсть определяется как противоположное движение сил души.

Все бесконечное разнообразие «страстей», соответственно множеству и разнообразию духов злобы, свв. отцы¹⁷ сводят обыкновенно к восьми главным:

- 1) чревоугодие,
- 2) блуд,
- 3) сребролюбие,
- 4) гнев,
- 5) печаль,
- 6) уныние,
- 7) тщеславие,
- 8) гордость —

и обычно разделяют их на телесные (плотские) и душевные. Телесные, или плотские страсти основаны на естественных физиологических потребностях и инстинктах, а душевные коренятся в чувственной и волевой сфере человеческой психики. Однако причинами и телесных и душевных страстей является поврежденная грехом человеческая душа¹⁸. Поэтому даже в такой, казалось бы, сугубо «телесной» страсти, как чревоугодие, очень трудно провести четкую грань между физическим и психическим элементами.

Нелишне будет кратко охарактеризовать понятия «тело» и «плоть» в аскетике¹⁹.

Словом «плоть» христианская вероучительная традиция обозначает падшую душевно-телесную природу человека, на которую действуют мир и диавол. Пока человеческое тело сводится к биологическому естеству, оно будет плотью. Плоть, если можно так выразиться, – это биология. Но тело может быть и «бесплотным». Оставаясь телом, оно преображается и становится нетленным, прелается в свет. Тело может «уподобиться душе» (прп. Максим Исповедник²⁰). Человеческое тело может стать иным, его ждут духовное преображение и воскресение в силу сопричастности Христу. Несмотря на эти различия, очень часто понятия «тело» и «плоть» подменяют друг друга.

Итак, на основании многочисленных святоотеческих писаний всякую страсть можно определить как длительное и сильное желание, а желание, в свою очередь – как осознанную

¹⁶ Прп. Нил Сорский. Устав о скитской жизни. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1991.

¹⁷ См. прп. Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. М., 1993.

¹⁸ Подробнее об устройстве души и ее связи с телом см. в 4-й части «Путь ко спасению».

¹⁹ См. Свц. Андрей Лордус. Православная антропология. М, 2003.

²⁰ Прп. Максим Исповедник. Книга 1. С. 168.

потребность, проявившуюся и определившуюся благодаря прежним опытам ее удовлетворения. Например, пока человек не попробовал пиво, он не знает, вкусное оно или нет, ему его и не хочется. Но если знакомые и реклама примутся всю его уговаривать, то, уступив им, он получит первый опыт удовлетворения страсти чревоугодия – организм получит ненужный для себя и вредный продукт, а человек, поддавшись на приманку, может приобрести страсть к винопитию или, выражаясь проще, пивной алкоголизм. Таким образом, в составе страсти следует различать сердечное расположение и привычные действия, удовлетворяющие страсть.

Прп. Иоанн Дамаскин так определил душевные страсти: «Страсть есть чувственное движение желательной способности, вследствие воображения блага или зла»²¹.

Если проанализировать схему постепенного развития в человеке греха и страсти: помысел – прилог – сочетание – сосложение, то мы приходим к выводу, что все без исключения страсти – не только душевные, но и телесные – своим источником имеют именно душу. Вот почему и аскетическое отношение к питательной и половой функциям принадлежит именно к психической области борьбы духа не с телом, а именно с *помыслом*. Для нас это очень важная мысль, потому что она объясняет собой всю систему православной аскетики и в то же время показывает, что христианство в целом и православие в особенности никогда не имели к телу ненависти или презрения. Такие аскетические подвиги, как пост, малоспание или бодрствование, воздержание от половой близости, – *это средства воздействия на душу человека через тело*²². С этой точки зрения оказывается, что *основная причина* подчинения души плотским страстям указывается многими аскетами именно *в удалении души от созерцания Бога*. Сами по себе отправления организма ни в коем случае не могут быть названы страстями в этически дурном, отрицательном смысле: *страстями являются только душевные состояния сластолюбия и сладострастия*. Так что мы смело можем снять с христианства и православной аскетики столь модные обвинения в человеконенавистничестве, в ненависти к своему телу или к процессу размножения (половому акту как таковому). По учению аскетов²³ чревоугодие и блуд осуждению подлежат не в качестве естественных функций человеческого организма (как физиологические процессы), а как психические состояния после грехопадения, греховные именно потому, что помысел примешивается к духу.

Говоря по-простому, еда и половой акт превратились у нас в самоцель, когда получение естественного удовольствия от этих процессов требует все большего и большего усложнения самих процессов еды и полового акта. Когда влюбленные первый раз целуются, они выражают так свою любовь друг к другу, и для них поцелуй – естественный способ выразить свои чувства. Но когда мужчина платит проститутке, он пользуется ею как бездушным орудием для достижения определенной эмоции и чувства удовольствия. То есть в первом случае мы видим близость душ, выражаемую телесно, а во втором – грубое и безличное удовлетворение животной похоти. В этом и заключается грех.

Стало быть, и специфические особенности «телесных (плотских) страстей» не объясняются нормальными телесными потребностями в еде и половом акте. Эти потребности служат лишь поводом, исходным пунктом для страстей чревоугодия и блуда, а развиваются они и доставляют удовольствие душе, в которой действуют.

По учению св. Немезия Эмесского²⁴, удовольствия называются «телесными» потому, что они обращены к пище и половому общению, а не потому, что они – проявления телесной

²¹ Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Гл. 22 (36).

²² См. Зарин С.М. Аскетизм по православно-христианскому учению. М., 1996. С. 258–267.

²³ См. Макария Египетского, Исаака Сириянина, авву Дорофея и т. д.

²⁴ См. Об удовольствиях// Св. Немезий Эмесский. О природе человека. М., 1998.

жизни. Телу принадлежат только органы потребностей (желудок, половые органы и т. п.), а удовольствия – проявления именно душевной жизни.

Отсюда мы и говорим о *противоестественности* страстей. По определению прп. Иоанна Дамаскина, действие называется страстью, когда оно возбуждается несогласно с природой²⁵. Это значит, что особенности страстей не объяснимы потребностями телесной жизни. Например, чревоугодник хочет что-нибудь съесть вовсе не потому, что голоден. Блудник жаждет сексуальной близости не оттого, что его организм нуждается в этом. Именно душевное желание возбуждает тело к действию. Еще замечательный богослов проф. Н. Н. Голубинский заметил, что, по учению апостола Павла, грех не есть исконное и необходимое свойство человеческой природы и по существу он мало связан с материальным, видимым и телесным миром. Несмотря на то, что грех выражается в плотяности, мы можем заметить, что и тело и дух подчинены душевному движению.

В зачаточном виде в душе каждого взрослого человека, как правило, существуют все восемь страстей. Какая из них доминирует – это уже зависит от обстоятельств. Интересно заметить, что когда одна из страстей однозначно берет верх, остальные отступают, отходят на второй план, хотя и не исчезают вовсе. Так, сребролюбец не пойдет в публичный дом, где сможет предаться блуду, потому что за это удовольствие надо платить. И не будет чревоугодничать, потому что еда тоже стоит денег. Вспомнить хотя бы столь популярные литературные образы скряг, которые, имея огромные сундуки с золотом, отказывали себе и своим близким в самом необходимом, ограничивали себя в пище и были скромны в одеяниях. Деньги для них перестали быть средством самоублажения, а превратились в самоцель. Блудник же, напротив, готов пожертвовать деньгами, и порой немалыми, ради блуда, а записная кокетка, одержимая желанием нравиться, готова голодать, чтобы не испортить фигуру. Или взять хотя бы гневливого человека, который, поддаваясь порывам гнева, нередко совершает поступки себе же во вред. Он лишается работы, жены, карьеры, принося все это в жертву своей страсти.

Но пока ни одна из страстей не одержала победу, они все вместе теснятся в душе человека, превращая его в раба, отдаляя от Бога.

Для каждой страсти существует красивое прикрытие, своеобразная яркая, цветастая обертка, которая вызывает восхищение или даже зависть у окружающих.

Так, чревоугодник с гордостью называет себя гурманом; блудник говорит о большой и светлой любви; сребролюбца уважают как человека, нажившего целое состояние собственным трудом; в гневливце видят человека независимого или правдолюбца; одержимого печалью считают ответственным и серьезным; впавшего в уныние, которое гонит из дома, – рубахой-парнем и хорошим товарищем; человека тщеславного восхваляют за упорство, за то, что он многого добился; а гордость в повседневных своих проявлениях считается одним из главных достоинств человека.

Красивые обертки страстям необходимы, ибо человек, будучи от природы добродетелен, так или иначе стремится к добру и красоте. Если демон-искуситель покажет своей жертве истинное лицо страсти, то жертва в ужасе отшатнется от искушения. Многие из нас содрогаются от омерзения, узнав о разных видах сексуальных извращений. Но мы сами – дело другое, наши мелкие похотливые мыслишки кажутся нам красивыми и очень светлыми. Именно в этом и кроется истинное коварство демонов: ведь даже самый страшный скряга некогда был просто экономным, а самый заядлый извращенец когда-то отличался большой влюбчивостью. Ведь ни один бес не покажет нам, к какому отвратительному, безобразному концу он желает нас привести через романтическое начало греха.

²⁵ См. Об удовольствиях// *Св. Немеций Эмесский. О природе человека*. М., 1998.

Болезнь

Одним из следствий первородного греха стало появление болезней. В раю ни телесных, ни психических расстройств не было. Появились они здесь, в нашем падшем, искаженном грехом мире.

Представление о болезнях как о прямом следствии греха довольно распространено. В древние времена эта идея формулировалась так: «Господь наказал и послал болезнь». Сейчас православные психологи и психиатры находят другое объяснение человеческим недугам, говоря о них как о воплощении греховности на физическом уровне. Одним из последователей этой точки зрения является известный православный врач Н. Д. Гурьев. «И во всем мире, – пишет он, – люди не очень хотят, мягко выражаясь, признать, что причина их заболеваний в них самих, в их греховных расположениях, хотя об этом ясно и многократно говорится в Священном Писании».

Можно выделить три основных вида болезней:

- 1) болезни, посылаемые Богом для вразумления (промыслительные);
- 2) болезни, являющиеся прямым следствием образа жизни человека;
- 3) наследственные болезни.

Конечно, человек не всегда виноват в своих болезнях, и в Священном Писании мы найдем тому примеры. Взять хотя бы упомянутую уже историю Иова, болезнь которого явилась не следствием грехов, но испытанием и послужила для посрамления диавола. Другой, не менее выразительный пример – это евангельская история со слепцом: *И проходя увидел человека, слепого от рождения. Ученики Его спросили у Него: Равви! кто согрешил, он или родители его, что родился слепым? Иисус отвечал: не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии* (Ин. 9, 1–3)

Еще одну причину болезней называет митрополит Антоний Сурожский. Он, ссылаясь на св. Иоанна Кронштадтского, говорит, что «есть души настолько хрупкие, что они разбились бы о грубость и жестокость окружающего мира. И Господь допускает, чтобы между ними и миром опускалась пелена психической болезни, чтобы отделить эти души от того, что могло бы разорить их цельность. И за этой пеленой душа зреет и меняется, и человек растет». После чего митрополит Антоний приводит довольно яркий пример из своей практики.

Иногда Господь посылает болезни на святых, чтобы тем самым облегчить их борьбу со страстями. Или, напротив, на страшных грешников, чтобы избавить от них мир. Пример тому Ирод, который был съеден червями заживо (сложно считать эту болезнь воплощением неудовлетворенных страстей на телесном уровне). И в нашей повседневной жизни можно найти примеры болезней, посылаемых Господом либо для предупреждения, либо для ограждения.

Тем не менее болезни, посылаемые Господом, составляют лишь маленькую часть тех многочисленных болячек, которыми страдает современный человек. В большинстве случаев человек сам повинен в своих болезнях или мучается по вине родителей (наследственные заболевания).

Довольно часто болезнь является прямым следствием нашего греховного образа жизни. Так, прелюбодей рано или поздно получит букет венерических заболеваний; женщина, неоднократно делавшая аборт, может остаться бездетной; курильщика вряд ли минует бронхит, алкоголик будет иметь проблемы с печенью и т. д. Наконец, для всех совершенно очевидно, что беспорядочный образ жизни приводит к многочисленным нарушениям в функционировании организма.

Такие заболевания, являющиеся прямым, открытым следствием общей греховности, страстной жизни, мы видим у себя сами. «Бронхит замучил, надо бросать курить», – говорим мы себе и затягиваемся очередной сигаретой. Но существует и другой тип заболеваний, при-

чину которых мы, как правило, не осознаем. Именно о таких заболеваниях и предупреждают православные психологи и психиатры.

Когда человек удовлетворяет свою страсть, потворствует ей, он впадает в грех. Болезнь же становится, напротив, результатом того, что страсть не находит прямого удовлетворения ни в поступках, ни в мыслях человека, но одновременно и сопротивления не встречает. Грубо говоря, человек просто пытается игнорировать свои греховные стремления, делая вид, что их нет. В результате греховные побуждения, которые могут не формироваться даже в мыслях, как бы разъедают человека изнутри.

Одним из результатов проявления скрытой страсти являются психические и так называемые психосоматические болезни, т. е. соматические (телесные) болезни, обусловленные внутренними, психологическими причинами, как правило, неосознанными. К болезням психосоматического круга относят энурез, астму, любые заболевания вегетососудистой системы, эндокринные заболевания, язву и многие другие. Впрочем, нередко самые неожиданные заболевания могут иметь причину именно в душевном состоянии больного.

Психосоматические болезни могут быть спровоцированы некоторой скрытой внутренней проблемой, а могут, наоборот, преследовать какую-то цель. Так, например, ребенок, переживая развод родителей, нередко сильно заболевает, пытаясь (не специально) своей болезнью удерживать родителей от развода. Еще одним показательным примером можно считать многочисленные аллергии, причина которых зачастую кроется просто в откровенной нелюбви к тому или иному предмету. Аллергия на животных нередко оказывается связана именно с нелюбовью к животным и раздражением по поводу необходимости их терпеть. Вспоминается ситуация, когда женщина, страдающая аллергией на кошек, привязалась вдруг неожиданно к маленькому котенку и по какому-то чудесному совпадению именно на эту конкретную кошку не испытывала никакой аллергии.

Диагностика психосоматических заболеваний проводится по принципу «от обратного». То есть пациент проходит всех врачей, и если у него нет предрасположенности к данному заболеванию, его отправляют к психиатру. Бывает, физические болезни, порожденные душевными проблемами, приобретают очень тяжелые формы.

Конечно, никто до сих пор не вычислил тех алгоритмов, по которым душевные расстройства влияют на состояние нашего тела. Насколько вообще связана душа с телом? Этот вопрос мучает не одно поколение ученых. Определенную связь мы прекрасно можем наблюдать в нашей повседневной жизни, в каждом своем движении: мозг отдает команду, и рука тянется к яблоку, или нога делает шаг. Можно привести и другой, более замысловатый пример: мы понервничали – участился пульс, поднялось давление и пр.

«Как невидимый магнит, душа связует атомы и молекулы нашего организма; стимулирует синтез белков в живых клетках; задает им программу жизнедеятельности; обеспечивает обмен веществ и саморегуляцию, заживляет раны и т. д. При отделении души синтез белков моментально прекращается; тело, лишенное энергии, остывает, и потерявшие связующую силу элементы его разлагаются»²⁶. Душа как бы содержит в себе тело.

Утверждение, что большая часть наших болезней происходит от нашей страстности, греховности, еще проще проиллюстрировать на примере психических заболеваний.

Если исключить случаи наследственных заболеваний и промыслительных болезней, можно сказать, что психическое заболевание развивается обычно постепенно, в отличие от соматических болезней, которые могут нагрянуть в одночасье.

Изначально в каждом человеке существует предрасположенность к тому или иному психическому недугу. Предрасположенность эта определяется акцентуацией (типом темперамента) личности. Акцентуация же определяет наиболее конфликтные для человека ситуации,

²⁶ Г. Михайлов. Наша душа. Онтология психической реальности.

т. е. ситуации, которые вызывают наибольший внутренний дискомфорт. В «благополучный» период жизни среднестатистического человека подобных ситуаций происходит умеренное количество. При определенных обстоятельствах, когда ситуаций таких становится больше, чем мы в состоянии стерпеть и преодолеть, формируется невроз. Неврозами занимается психология. Но в случае, если невроз не излечивается, а продолжает развиваться, он нередко переходит в психоз. И психозами уже занимается психиатрия: здесь часто недостаточно бывает бесед с пациентами, и появляется необходимость в медикаментах.

Попробуем рассмотреть эту схему с точки зрения Православия. Акцентуация в данном случае будет означать подверженность человека тем или иным страстям и степень этой подверженности. Характер человека складывается из множества факторов: здесь и наследственность, и воспитание, и среда, и, наконец, непосредственно человеческая личность, сотворенная Господом. При рождении ребенок перенимает страсти своих родителей (точно так же, как и многие болезни), затем уже в процессе воспитания получает определенные представления о добре и зле. Психологи очень много внимания уделяют детским травмам, которые часто сказываются на душевном здоровье и внутреннем благополучии ребенка. В качестве реакции на детские травмы возникают комплексы, которые в дальнейшем во многом определяют поведение человека. Возьмем бытовую ситуацию: ребенок страдает от недостатка внимания и любви со стороны родителей. У него формируется комплекс неполноценности, который нередко выражается в сильной уязвимости, обидчивости, иногда застенчивости. Но если посмотреть на ситуацию под другим углом, мы поймем, что обидчивость и застенчивость нашего пациента всего лишь одно из проявлений обостренного самолюбия, того же самого самолюбия, которое говорило в родителях ребенка, обращавших на себя и на свои дела значительно больше внимания, чем на свое чадо. То есть детские травмы нередко являются своеобразным возведением в квадрат страстей, полученных ребенком по наследству. Маленький человечек, видя поведение своих родителей, старается подражать им и тем самым укрепляется в своей наследственной предрасположенности к дурному.

Любой внутренний конфликт – это разрыв между желаемым и действительным. Так, маленький ребенок, унаследовав от родителей страсть тщеславия, жаждет проявлений любви и ласки, но получает вместо этого холодное равнодушие. Конфликт этот может со временем перерасти в невроз, а потом и в психоз.

Психическая болезнь развивается постепенно, проходя различные стадии. В большинстве случаев психических заболеваний недуг возможно предотвратить. Тем не менее далеко не всегда человек видит необходимость бороться с подступающей болезнью. Наиболее показательна в этом смысле истерия. На бытовом уровне истерия часто встречается не как болезнь, а как определенный стиль поведения, для которого характерны сильная эмоциональность, театральность, самолюбование. Истеричные женщины часто ведут себя неестественно, сильно преувеличивая свои чувства, всячески демонстрируя окружающим разные стороны своей натуры. Для истериков характерна частая смена настроений, резкие переходы от бурного веселья к слезам или, напротив, к сумрачному молчанию. Истерик очень остро переживает отсутствие внимания и пытается добиться его любыми средствами, нередко предпочитая негативную реакцию на свое поведение равнодушию. Человек такого склада запросто может испортить окружающим праздник какой-нибудь выходкой, предпринятой для того, чтобы обратить на себя внимание. Он вызовет тем самым злость и раздражение вместо желаемой похвалы, но в любом случае ему это будет приятнее, чем отсутствие внимания вообще.

Описание это, характеризующее больных людей, довольно легко может подойти к человеку, который считается совершенно здоровым. В нормальной жизненной ситуации мы стараемся бороться с истерией, называя ее часто проявлением невоспитанности и понимая, что такое экзальтированное поведение утомляет окружающих. Тем не менее некоторые считают свои истерические проявления признаком оригинальности и непосредственности и не только

не стыдятся «истеричности», но, напротив, всячески культивируют в себе эту самую эмоциональность. Так, нередко слышишь, как женщины с гордостью рассказывают о том, что в той или иной ситуации не в состоянии были контролировать свои эмоции. Понятное дело, получая дополнительную подпитку, истерия развивается и в конце концов превращается в действительно и довольно опасную болезнь.

Если же разобраться в причинах истерии, то получится, что корень ее в тщеславии. Обуреваемый упомянутой страстью человек стремится привлечь внимание окружающих к собственной персоне и крайне огорчается, если должного внимания не получает.

Еще одна выразительная иллюстрация наших рассуждений – депрессивный психоз.

Плохие настроения бывают у каждого человека. Но одни пытаются преодолевать хандру и тоску, а другие с наслаждением предаются ей. Как мы уже говорили, любая страсть, находя пищу, растет и увеличивается. Человек, подверженный депрессиям, подтвердит, что с плохим настроением в начальной его стадии бороться значительно легче, чем с затянувшейся хандрой. Чем дольше длится плохое настроение, тем продолжительнее и сложнее становится выход из него. (Мы вполне сознательно не различаем бытовое и научное употребление слова «депрессия», поскольку наши плохие настроения, ощущение подавленности, если им потакать, нередко приобретают форму невроза.) В запущенном состоянии депрессия переходит в депрессивный психоз – тяжелое психическое заболевание.

Депрессия – довольно распространенная форма проявления страсти уныния, под действием которой человек впадает в состояние сильной подавленности. Стереотипные представления о том, что человек не любит плохих настроений, крайне ошибочны. Погрузившись в состояние депрессии, человек получает какое-то странное удовольствие от своей тоски. Нередко он ощущает даже свое превосходство над людьми жизнерадостными и веселыми.

Одна молодая женщина сравнивала приход депрессивного состояния с погружением в черную бездонную яму. Смотришь вниз, в черную бездну – страшно, голова кружится, а в то же время глаз оторвать не можешь, и какая-то непреодолимая сила тянет туда, вниз. А сладкий голос нашептывает в ухо: «Иди туда – там покой».

Конечно, сладкий голос принадлежит лукавому! И чем ниже ты опускаешься в яму, тем сложнее бывает из нее выбраться. Кроме того, человек, побывавший однажды на краю черного омата, то и дело возвращается к нему, чтобы еще разок заглянуть в страшную дыру, и каждый раз тьма притягивает его взгляд, а сладкий голос поет свои песни. Лукавый ведь ненавидит человека и по ненависти непременно пытается толкнуть к гибели.

Д. А. Авдеев в книге «Из дневника православного психиатра» определяет депрессию следующим образом: «Депрессия – это своего рода сигнал души о неблагополучии, бедственном ее положении. Это не плач о грехах. Это грехи вопиют, нераскаянность мучит душу».

Н. Д. Гурьев тоже пишет о душевных болезнях как о следствии действия страстей и потакания им человека. Он приводит перечень психических заболеваний с указанием их предположительных причин. Так, основанием шизофрении Гурьев считает мечтательность, самоуверенность, своеволие. Эпилепсия, по его наблюдениям, становится результатом жестокости, самонадеянности, нетерпения, упрямства.

Отдельно нужно сказать несколько слов о детских болезнях. В Священном Писании говорится, что дети страдают за грехи родителей. Но слова эти не означают, что родители согрешили, а детей за них наказывают. Кстати, представление о том, что мы вынуждены «отдуваться» за других, в частности за Адама и Еву, смущает многие умы, точно так же, как и «несправедливость» Господа, наказывающего человека за чужую вину. Странная реакция: мы ведь не упрекаем родителей, а тем более далеких предков в том, что получили от них по наследству какое-нибудь заболевание или несимпатичную нам черту характера, хотя слабое сердце или больная печень, а также наследственная, да еще и воспитанная жадность причиняют немало неудобств. Так нет, подобное положение вещей мы считаем вполне нормальным. А вот

тот факт, что Адам и Ева поддались однажды искушению (мы-то подобным искушениям поддаемся по десять раз на дню), почему-то крайне возмущает наше сознание. Пожалуй, ощущение несправедливости вызвано неправильным пониманием слов о наказании. Родители передают детям не только физические и психические болезни, но и свои страсти, болезни души. В этом-то, по сути, и заключается наказание за родительские грехи. И вовсе не Господь наказывает ребенка за провинность родителя, а родитель своим греховным поведением портит жизнь ребенку. Искупление же может выразиться только в преодолении страстей, не только благоприобретенных, но и полученных по наследству.

Вот как объясняет это Н. Д. Гурьев: «Дети страдают не за то, а вследствие того, что их родители повредили душу и тело грехом, и это поврежденное состояние родителей сказалось на формировании детей. Иллюстрацией этого может служить то, что происходит с детьми алкоголиков: не по воле врача дети становятся инвалидами, и не за то, а вследствие того, что родители не соблюдали советов врачей».

Верующий должен переносить болезни со смирением, потому что они посылаются Господом в помощь человеку. Физическая боль, как бы она ни была мучительна, необходима, потому что подает человеку сигнал о неисправности в работе его организма. Так и болезнь должна напоминать человеку о его нераскаянных грехах.

Часть II Виды страстей

Мой дядя становится все более скуп, а тетя делается все более привередливой, я же с каждым днем все больше влюбляюсь. Что станет с нами к концу года, если мы будем продолжать в том же духе?!

Джейн Остен. Собрание писем

Мы меняем положение, но в каждое из них привносим то мучение, от которого надеялись избавиться. А так как, перемещаясь, мы не исправляемся, то видим, что мы только прибавляли раскаяние к сожалению и ошибки к страданиям.

Бенжамен Констан. Адольф

Глава 1. Чревоугодие

Если хочешь победить чревоугодие, возлюби воздержание, имей страх Божий – и победишь.

Прп. Ефрем Сирий

В переводе на современный русский язык слово «чревоугодие» означает ублажение желудка. Потребность в пище естественна для человека и любого живого организма. Пища необходима для поддержания жизни в теле. Но часто мы едим вовсе не для поддержания жизни, а из любви к самому процессу поглощения пищи. Именно эта любовь к еде и называется чревоугодием.

Обладаем ли мы сластолюбием²⁷ по отношению к пище или же нет, нормально ли мы питаемся с аскетически-христианской точки зрения, можно определить верно только с позиции психического отношения нас к этому акту. А наше отношение к еде складывается из двух вещей. Первое – это наше религиозно-нравственное настроение по отношению к Богу, Верховному Подателю пищи, как и всех благ вообще. Ведь то, что сейчас я могу утолить голод, в отличие от многих других людей на планете, – это достаточный повод для обращения к Богу с благодарственной молитвой. Поэтому христианин молится перед едой и после. Во-вторых, в понятие нормального отношения к пище входит мое *самообладание*, соразмеряющее с голодом количество, качество и время вкушения этой пищи. Ведь еда призвана в первую очередь обеспечить мне и моему телу здоровье и возможность активного действия, а не собственно наслаждение только. Господь создал человека так, что даже удовлетворение его телесных нужд доставляет ему удовольствие. Грехом же, то есть беззаконием по отношению к питанию, является желание человека вне зависимости ни от чего получить наслаждение от еды, не принимая во внимание ни пользу, ни вред, ни свои реальные нужды. То есть мы грешим и чревоугодничаем тогда, когда стремимся не насытиться и удовлетворить голод, а получить удовольствие от процесса еды, ее вкуса, вида и качества.

На основе многочисленных писаний святых и преподобных выделим три основных вида чревоугодия²⁸:

а) Чревобесие – любовь к чрезмерному количеству пищи. У каждого человека существует своя собственная норма, обусловленная потребностями его организма и образом жизни. Святые отцы считали, что из-за стола надо выходить с легким чувством голода. Вся же пища,

²⁷ Сластолюбец – человек, удовлетворяющий свою чувственность.

²⁸ См., например, у прп. Иоанна Кассиана Римлянина.

съемная сверх необходимого минимума, идет во вред душе. Чревобесие может выражаться в сильном объедении или в постоянной потребности что-то жевать в течение всего дня.

б) Гортанобесие – наслаждение вкусом пищи. Крайняя степень гортанобесия – это так называемое гурманство, столь уважаемое культурными, образованными людьми. Любовь к хорошей кухне, к деликатесам, к определенным продуктам питания – вот признаки гортанобесия. Проявлением той же страсти можно считать любовь к сладкому или, напротив, предпочтение острой или соленой пищи. В самой слабой стадии своего развития гортанобесие проявляется в принципиальном предпочтении одних продуктов питания другим, а также в употреблении в пищу продуктов, не составляющих необходимый рацион человека: солений, маринадов, разного вида соусов и т. д. По мысли св. Василия Великого, «страсть чревоугодия обыкновенно обнаруживает свою силу не во множестве яств, но в пожелании и в малом вкушении». Все дело оказывается именно в том или ином психическом отношении к физиологическому акту питания, а не в этом последнем самом по себе – точно так же, как и воздержание от пищи является делом волевого решения и трудом души.

в) Раннеедение – несоблюдение времени принятия пищи.

Некоторые святые отцы относят к чревоугодию также пьянство. Конечно, Православная Церковь разрешает употреблять вино в умеренных количествах, но только в умеренных и преимущественно по праздникам. При этом надо отметить, что вино православным человеком должно употребляться только с определенной целью (явно не для того, чтобы напиться до состояния невменяемости). Дело в том, что вино – это символ Крови Христовой. Оно позволяет человеку получить откровение, делает человеческое сознание более открытым для сверхчувственного мира. Но в том случае, если душа человека оказывается не подготовлена к принятию напитка, вино открывает ему не Божественный мир, а бесовский. *И не упивайтесь вином, от которого бывает распутство; но исполняйтесь Духом...* (Еф. 5, 18). Любовь к состоянию опьянения (уж не говоря об алкоголизме) является все той же страстью чревоугодия. Здесь же можно говорить о любви к вкусу того или иного напитка (кстати, Православная Церковь разрешает именно вино, и действие этого разрешения лучше все-таки не распространять на какую-нибудь водку, текилу или виски).

Довольно часто в нас сочетаются все виды чревоугодия.

Страсть чревоугодия кажется на первый взгляд безобидной, но на самом деле она опасна. Состояние сытости или опьянения притупляет ум и ослабляет волю к борьбе с грехом. Вспомните состояние сытости: оно очень часто сопровождается расслабленностью, сонливостью, ощущением тупого довольства жизнью. После хорошего обеда одолевают лень и желание праздности. Хочется спать, что многие и делают (послеобеденный сон). Кроме того, уже давно научно доказано, что рацион питания во многом определяет некоторые черты характера. Есть целый ряд продуктов питания (в том числе мясо), которые «повышают потенцию» (сексуальную возбудимость), то есть распаляют блудную страсть. То же самое мясо повышает в человеке агрессивность, а значит, гневливость. Вспомним описания оргий: всегда разврату предшествует пир с обильной выпивкой и закуской. И падение Содомы и Гоморры начиналось, по преданию, с больших пиров. Гортанобесие же потакает сребролюбию, поскольку для приобретения вкусной пищи требуются деньги.

О вреде пьянства говорить, наверное, не обязательно. Вред этот, наносимый и душе, и телу, совершенно очевиден каждому. Стоит только посчитать, сколько дурных поступков совершаем мы в состоянии пусть даже не самого сильного опьянения, поступков, которых в трезвом виде никогда бы, возможно, не совершили.

За первой стадией веселья приходит вторая, когда человек начинает терять контроль над собой. Алкоголь воздействует на центральную нервную систему, и человек в стадии алкогольного опьянения не может координировать не только движения и речь, но и свои морально-нравственные устои со своими же поступками. Он оказывается в неправильной системе коор-

динат: не может верно оценить расстояние, время, силу удара. Точно так же не может верно оценить свое поведение: так, многие деятели искусства любили выходить на сцену «подшофе», в полной уверенности, что их исполнение в таком состоянии превосходно. На самом же деле они пели или играли очень плохо, просто не могли оценить свое исполнение адекватно. В результате человек абсолютно лишается «тормозов», и все его дурные наклонности, которые он умеет сдерживать в трезвом состоянии, тут же проявляются.

Страсти чревоугодия мы чаще всего и легче всего потакаем, а посему даже не ощущаем ее силы. Нам кажется, что мы поглощаем пищи столько, сколько нужно, и не особо привередничаем в еде. Так думается нам до тех пор, пока мы не начинаем ограничивать себя в количестве пищи или в определенных продуктах питания. Если же вдруг по каким-то причинам (будь то болезнь, недостаток денег или диета для похудения) мы вынуждены отказаться от привычного рациона, то вдруг выясняется, что еда имеет для нас огромное значение. Начинаются настоящие страдания: невыносим становится запах или вид еды, по ночам снятся изысканные блюда, и телевизионная реклама, расхваливающая «сочный гамбургер», вызывает спазмы желудка и выделение слюны. В эти моменты мы по-настоящему начинаем ощущать силу страсти чревоугодия.

Помимо объедения, пьянства и гортанобесия, проявлением страсти чревоугодия считается также *нарушение поста* (в данном случае имеется в виду прежде всего гастрономический пост, предусматривающий воздержание в пище). Существуют некоторые исключения из правил поста. Пост разрешается нарушать странствующим и болящим. Тем не менее разрешение это не стоит воспринимать буквально. Для болящего нарушение поста допустимо, если по причине своей болезни он не может без дополнительной опасности для здоровья лишить себя определенных продуктов или, будучи абсолютно обессиленным, не имеет возможности выбирать себе пищу, а вынужден есть то, что дают. Женщинам разрешается не поститься во время беременности и кормления грудью, чтобы не нанести вреда младенцу. Что касается странствий, в наше время подобное снисхождение, пожалуй, уже не имеет силы, поскольку наши путешествия крайне комфортны, и мы в большинстве ситуаций без особых неудобств можем соблюдать пост во время поездок. Бывают ситуации, когда разрешается не поститься в гостях, дабы не обидеть хозяев и не доставлять им дополнительных хлопот, заставляя готовить для себя постную пищу. Кроме того, нередко человек, отказывающийся принимать угощение, поддается при этом страсти тщеславия, делая свой пост показным. В таких ситуациях святые предпочитали тщеславию чревоугодие. Если же есть возможность сохранить пост, не доставив никому неудобства и не причинив обиды, тогда, конечно, нарушать его не стоит.

Признавая стремление человека во что бы то ни стало получить удовольствие посредством угождения желудку страстным и потому подлежащим постепенному ограничению, православная аскетика далека от того, чтобы предписывать для достижения этой цели какие-либо механические, насильственные, внешне-принудительные средства. Победа над служением своему желудку достигается благодаря изменению нашего религиозно-нравственного отношения к еде, о котором мы говорили в самом начале этой главы. Естественное чувство наслаждения, сопровождающее удовлетворение человеком всякой насущной потребности, под влиянием наших религиозно-этических чувств, теряет свой грубоэгоистический животновольный характер, облагораживается и одухотворяется. Что же это за религиозно-нравственные чувства? Это наши отношения с Богом, вера в Него, молитвенное общение с Ним, это наше покаяние в грехах и осознание собственной немощи в борьбе с грехом, одолевающим нас.

Многие из нас не могут понести тяжести поста или даже просто ограничить себя в пище именно потому, что пища реальна, а Бог для нас слишком абстрактен. В глубине души мы не понимаем, почему мы должны отказываться от вполне реального куска мяса с жаренной картошкой. Да и что Богу с того, чем и во сколько мы сегодня поужинали?! Рекламный лозунг «бери от жизни все» более понятен и близок нам, чем идея неясного духовного совершенства

через ограничение себя в ветчине и масле. Почему бы не съесть, если очень хочется? Ведь чаще всего обычный среднестатистический человек не жаждет изысканных яств или тонких вин. Придя с работы, мы просто хотим набить желудок и завалиться спать, и нам даже не до наслаждений. Мы еле волочим ноги и плюхаемся в кровать, внутренне мечтая не просыпаться как минимум неделю. А тут некая абстрактная идея выдирает у нас изо рта бутерброд, заслуженный тяжелой жизнью и нервным трудом.

В чем же дело? Ошибка закралась в самый ход наших мыслей. Давайте попробуем взглянуть на ситуацию с христианской точки зрения. Начнем с того, что, сотворив нас из любви, Господь подарил нам не только жизнь и сделал нас богоподобными в духовных качествах. Он, как это ни странно, придумал для нас и само наслаждение едой, сном, супружескими отношениями. Значит, все, что мы чувствуем хорошего, мы чувствуем благодаря Ему. А вот все плохое вторглось в нас благодаря сатане и нашему свободному выбору. Мы «смертью умерли» и стали больными, злыми и несчастными по своей собственной воле. Потом пришел Спаситель мира, Сын Божий, Одно из Лиц Божественной Троицы, наш Искупитель Иисус Христос. Он принес людям лекарство от смерти – веру в Него и принятие Таинств, главное из которых – Евхаристия, или вкушение Его Тела и Крови под видом хлеба и вина. Он указал множество лекарственных средств, через которые мы можем обрести потерянную власть над собой и миром, вернуть себе утраченное богоподобие и вечную жизнь, избавиться от мучающих нас страстей и болезней, обрести внутренний мир и счастье. Одним из этих средств-путей является необходимый контроль человека над своим телом и душой. Но тело и душа столь разболтанны, что ни о чем, кроме сиюминутных желаний, и помыслить не могут. Для того, чтобы отвлечь их от самих себя и своих многочисленных капризов, и предлагается пост.

Но пост, как, впрочем, и все остальное, лишается всякого смысла, если вы не верите в Бога, если вы не исповедуете Символ веры, и если Церковь для вас всего лишь некий социальный институт, созданный в гуманных целях обмана человечества. Так что все дело в вере в Бога и в принятии Истины, возвещенной христианством в Священном Писании, т. е. в Библии.

Итак, борьба со страстью чревоугодия и вообще с плотолобием имеет огромное значение, ибо плотолобие является как бы опорой, подкреплением для всех остальных страстей. Дух и плоть в нашей земной жизни неразрывно связаны. Чем больше внимания мы уделяем собственному телу, тем сильнее пренебрегаем душой, и наоборот, ослабляя плоть, ограничивая ее в разнообразных желаниях, мы тем самым даем возможность пробиться в нашей душе росткам духовной жизни.

Без ослабления плоти борьба со страстями невозможна. Именно поэтому для христианина так важен пост. Кстати, смысл поста людьми нецерковными часто воспринимается совершенно неверно. Гастрономический пост – это вовсе не самоцель верующего, а в значительно большей степени средство, способ сподвигнуть себя на духовную брань с грехом и страстями.

Любопытно, кстати, отметить, что люди крайне гордые и честолюбивые редко излишне балуют свою плоть. Как правило, деятели искусства и амбициозные работники умственного труда вполне склонны к аскетизму. Порой они даже вполне осознанно ограничивают свои физические потребности, чтобы добиться большей эмоциональной подвижности и ясности ума. Можно опять же вспомнить практику йоги, в которой умерщвление плоти является первым и необходимым моментом. Можно вспомнить Наполеона, который спал по три-четыре часа в сутки, или Леонардо да Винчи, который, по легенде, вообще предпочитал не продолжительный сон, а отдых урывками, по 15 минут каждые несколько часов. Трудно представить, что подобные странности были связаны с особенностями организмов великих людей. Скорее, они, напротив, осознанно ограничивали свои телесные потребности во имя развития душевных качеств.

Да и на бытовом, повседневном уровне мы видим взаимосвязь душевного и телесного состояния. После продолжительных выходных, после спокойного размеренного отпуска с десятичасовым сном и трехразовым питанием трудно бывает втянуться в работу. Замечаются некоторая рассеянность, лень, ослабление силы воли. Казалось бы, все должно быть наоборот: отдохнули, набрались сил – ан нет. Отяжелевшая плоть тянет к кровати, а вовсе не на подвиги.

Нечего и говорить о том, что для достижения Царства Небесного в первую очередь надо сбросить лишний груз, то есть немножечко поприжать свою плоть, иначе трудная дорога окажется неумогу.

Голод будет двоякий (*в последние времена – прим. авт.*) – и голод пищевой, и, самое главное, голод духовный. Будет несколько неурожайных лет, засухи, все это приведет к страшному голоду. Но и не это основная причина, ведь люди привыкли потреблять пищи значительно больше того, что им требуется для поддержания жизни, много, много больше. Прп. Марии Египетской хватало нескольких зерен и влаги росы, чтобы и жить, и выдерживать зной пустыни. Прп. Серафим Саровский чудотворец питался снытью, травой, а каждый день занимался тяжелым физическим трудом. Они напитаны были благодатью. И разве только они?! В отвержении тленного они соединялись с Жизнью, даже тела их оставались нетленными вопреки закону смерти, внесенного в природу грехом. С людьми последнего времени происходит обратное: один из их кумиров – пища. Едят не тогда, когда хочется, а едят потому, что есть что есть. Испытывает, знает ли современный человек вообще настоящее чувство голода? Вряд ли, иначе зачем было бы ему столько разных приправ и специй, соусов, рецептов по приготовлению изысканных блюд. Ведь все их назначение – это вызывание желания съесть приготовленное. Действительно нуждающемуся в пище для поддержания сил все это не нужно, куска хлеба и глотка простой воды достаточно вполне.

А горячительные напитки, притупляющие чувство сытости? Все это – повторение языческих оргий. Но мы забываем, что, потребляя смерть, мы ей обрuchаемся, становимся ее заложниками. Сейчас идет откармливание человечества, именно откармливание. Ибо как крестьянин откармливает скот и птицу, уготовленную к смерти, к забою, так и человечество уготавливается к смерти, прежде всего духовной. Разница лишь в том, что скотина не имеет свободной воли и разума, а ограничения природные человек вытравливает отбором особей с нарушением оных. Но человек имеет и свободную волю, и разум, принудить его никто не может, все осуществляется добровольно. Вот жизнь, а вот – смерть. Вот Церковь-истина, ибо является Телом Христовым и исполнена Духа Святого, а вот – пиршество смерти, все лукавые законы и соблазны мира. Каждый выбирает добровольно между ними²⁹.

Для некоторых, наоборот, путь воздержания покажется наиболее приемлемым, так как он наиболее понятен и доступен человеческому разуму. Фарисеи в Древней Иудее соблюдали все многочисленные обрядовые предписания, куда входили сложные ритуалы по очищению от «нечистоты» и различные ограничения в пище и питье, в том числе и посты. Соблюдение всего этого выделяло их из обычной массы народа, и они почитались как «святые» и «праведные». Но пришел Спаситель и строже всего обличил именно фарисеев: *Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты; так и вы по наружности*

²⁹ Свщ. Александр Краснов. Духовные беседы и наставления старца Антония. Без вых. данных. С. 72–73.

кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония (Мф. 23, 27–28). Почему обличения удостоились именно те, кто, казалось бы, более других ревновал о чистоте веры, об угождении Богу, о выполнении всех заповедей? Фарисеи свели внутреннюю духовную жизнь к автоматическому выполнению определенного набора ритуальных правил. Они сделали так, что сердечная вера, покаяние, живая молитва, вопль болезнующей души: «Где ты, Господи?!» – оказались не нужны. Душевный мир и чистая совесть, по их мнению, достигались выплатами десятины, омовениями и чтением Торы. Но все это было заповедано как средства для возбуждения в человеке духа, как видимый знак и свидетельство незримой внутренней борьбы и молитвы. Праведный Иов, испытываемый Господом, сидел на гноище и, бия себя в грудь, требовал у Бога живого ответа, за что ему такие муки. Его друзья, фарисеи по духу, говорили ему, что Господу видней, за что наказывать своего раба. Но явившийся им Господь обличил всю неправоту механической логики друзей Иова и оправдал его самого именно за эту жажду истины, за веру в праведность Бога и Его справедливость. Защищая Бога, фарисействующие приятели превратили Божественный суд в прихоть тирана, а веру в Бога сделали бессмысленной. Иов же, вопрошая о справедливости, обнаружил Бога как Того, Кто никогда не оставляет свое творение, Кто милосерден и справедлив в высшем смысле этого слова.

Сегодня повторение этой ритуалистической веры в замкнутого на самом себе самодержца исповедует ислам – одна из мировых религий. Именно простота достижения ощущения чистоты и праведности через исполнение определенных правил и ритуалов во многом и привлекает к исламу множество утративших истинные представления о Боге европейцев. Искаженное католичеством учение Христа и Церкви о Боге, спасении и вечной жизни уже не в состоянии удовлетворить развращенные различными свободами души людей. Им хочется «сильной руки», того, кто избавил бы их от невыносимого бремени свободы – ответственности за свои поступки. И простой путь находится. Соблюдение ритуалов исламской религии позволяет как бы очистить свою совесть, придает жизни смысл, ограничивает бесконечную вариативность выбора. Как тут не вспомнить Великого инквизитора у Достоевского, который осчастлививает людей тем, что взамен отнятой свободы дает им возможность есть, пить и веселиться без забот.

Мы позволили себе столь обширное отступление именно для того, чтобы показать, что ограничение себя в телесных страстях необходимо для жизни духа, но не является ключом и смыслом истинной духовности. Это необходимая ступень. Поэтому, если подойти к брани со страстью чревоугодия без предварительной подготовки и с излишним рвением, то результат может оказаться прямо противоположным ожидаемому.

Во-первых, чрезмерное воздержание, голод и отсутствие сна может привести к сильному ослаблению тела, когда человек уже по физическому состоянию не будет способен ни в храм пойти, ни на молитву встать, а каждые две минуты будет падать в голодные обмороки. Во-вторых, принявшись с особой ретивостью за совершение подвигов воздержания, можно быстро истощить свою волю и прийти к противоположному результату, то есть, слишком строго пропостившись неделю, наестся потом до отвала, что принесет большой вред. В-третьих, когда неподготовленный человек начинает слишком сильно ограничивать себя, то, тяготясь воздержанием, он только и думает, что о еде и сне, а следовательно, не может заниматься даже повседневными делами, не то что молиться или по-евангельски относиться к своим ближним. Переутомление вызывает депрессию и раздражительность, что помимо искушений со стороны злых духов вполне объяснимо и общей интоксикацией и ослаблением организма. Или, что еще хуже, от чрезмерных подвигов новоначальный аскет впадает в превозношение или в прелесть (через истощение нервной системы) и гордость. Кстати, если исследовать механизмы зомбирования сознания в некоторых тоталитарных сектах или в восточных медитативных практиках, то приемы воздействия на психику будут состоять именно из лишения человека привычного ритма жизни, резких ограничений в сне и пище, повторении непонятных мантр, молитв или словес-

ных формул. Именно о таком негативном воздействии на душу и разум человека чрезмерных лишений и предостерегают опытные православные подвижники в «Добротолюбии»³⁰. В наиболее же подходящей для современного читателя форме эти вопросы рассмотрел святитель Игнатий (Брянчанинов) в своих «Аскетических опытах».

Бороться с чревоугодием лучше постепенно. Сначала перестать есть сверх меры, отказывать себе в каких-то уладах или позволять их себе крайне редко, соблюдать постные дни. Постепенно сам организм привыкнет к новому распорядку и будет требовать значительно меньше пищи. Довольно скоро гастрономический пост перестанет быть в тягость, а станет привычкой и даже необходимостью.

Конечно, искушения будут возникать постоянно. Возникали они и у подвижников, проводивших много лет в посте и молитве. «Чудно было бы, если бы кто-нибудь, прежде сошествия своего во гроб, освободился от нападений со стороны чрева», – говорит св. Иоанн Лествичник. Но, как бы отвечая на это, преподобный Нил Синайский советует: «Не сжаливайся над телом, когда оно станет жаловаться на изнеможение, и не насыщай его вдоволь угодными ему снедами; ибо если оно опять придет в силу, то восстанет на тебя и воздвигнет против тебя брань непримиримую...»

Приведем самые основные правила, которые рекомендуют святые подвижники для защиты от нападков и искушений чревоугодия:

1. Прежде всего, желая вступить в борьбу с чревоугодием, нужно установить определенное время для еды и не нарушать без какой-нибудь уважительной причины этого режима. Удобнее всего для человека питаться три раза в день: завтрак, обед и ужин. Впрочем, каждый соотносится со своим здоровьем (а не привычками или мнительностью). В промежутках между установленными приемами пищи не «кусочничать» и не «перекусывать». Кстати, то же самое порекомендует вам любой врач и любая диета. «Немощь плоти не воспрепятствует чистоте сердечной, если употребляем только ту пищу, которая нужна для укрепления немощи, а не ту, которой требует похоть. Мы видим, что те, кои воздерживались от мясной пищи (...) и по любви к воздержанию отказывались от всего, скорее падали, чем те, кои по слабости употребляли сию пищу, но в меру»³¹.

2. Нужно наблюдать за родом пищи. «Отсечем прежде всего утучняющую пищу, потом разжигающую, а после и улаждающую... Если можно, давай чреву твоему пищу достаточную и удобоваримую, чтобы насыщением отделяться от его ненасытной алчности и чрез скорое переварение пищи избавиться от разжжения, как от бича. Вникнем и усмотрим, что многие из яств, которые пучат живот, возбуждают и движение похоти», – учил св. Иоанн Лествичник. Давно объяснено медициной, что некоторые виды пищи действуют на мозг и нервную систему определенным образом. Тело наше прочно связано с душой, и злоупотребление мучным, мясным и жирным наносит вред не только печени или желудку, но и душе, воздействуя на ее состояния через внутренние органы, центральную нервную систему и мозг. Именно поэтому многие подвижники, такие как свт. Феофан Затворник или свт. Игнатий (Брянчанинов), рекомендовали ограничивать употребление чая, кофе и др. напитков, действующих на сердечно-сосудистую и нервную системы человека.

3. Не привередничайте в еде. Старайтесь отучать себя от пристрастия к лакомствам, деликатесам, сложным и изысканным блюдам. Часто причиной множества семейных конфликтов являются пристрастия членов семьи к той или иной пище. Всем известна поговорка «путь к сердцу мужчины лежит через его желудок». Женщины же чаще склонны к «чему-нибудь вкусенькому». Сколько жен ломает голову и опустошает кошельки, желая угодить мужу и детям в

³⁰ «Добротолюбие» (в ориг. «Филокалия») – собрание писаний подвижников и аскетов Православной Церкви, переведенное с греческого языка и отредактированное свт. Феофаном Затворником. Существует и вариант на ц. – сл. языке.

³¹ См. *прп. Иоанн Кассиан Римлянин. Писания*. С. 50–63.

еде. Сколько слез, криков и капризов порождают требования тортов, пирожных или конфет. А пристрастия к модной еде, типа японских суши или фастфудов сети «Ростикс», «Макдоналдс», «Пицца» и т. п.! Мало того, что все это не полезно для здоровья и пробивает брешь в семейном бюджете, так еще и способствует возникновению недовольства, гнева и чуть ли не наркотической зависимости от этих продуктов. Вообще, нужно постараться объективно оценить свое отношение к посещению ресторанов, просиживанию в кафе и закусочных. Сегодня вся мощь рекламы нацелена на пропаганду «ресторанного» образа жизни. Нам внушают, что это и современно, и удобно, и отвечает ритмам сегодняшней жизни. Не поддавайтесь на рекламу, в первую очередь нацеленную на опустошение ваших кошельков. Задумайтесь о том, что вслед за едой рекламируются средства для похудения, а просиживание в кафе еще никого не сделало преуспевающим бизнесменом. Люди делают карьеру независимо от употребляемой марки кофе или обеда в японском ресторане. Нас ловят на наши комплексы, и особенно попадается на это молодежь. «Милые слабости» делают из человека раба своего желудка, к тому же воспитывая в нем и тщеславие, желание «быть не хуже других». Какое тут благодарение Бога за пищу и молитва! Только на миг удовлетворенная страсть, которая через несколько часов даст о себе знать с новой силой. Именно желание полакомиться и ведет к возникновению страсти гортанобесия.

4. Необходимо относиться к процессу еды как к необходимости, а не как к празднику. Следите за тем, как вы едите. Обратите внимание на свое настроение. Улучшается оно от предвкушения трапезы? Вы испытываете душевное волнение, выбирая продукты? У вас буквально «слюнки текут» при виде накрытого стола? Некоторые полдня думают о том, что съедят на ужин, иные сметают с полок холодильника все, что под руку попадется. Иногда человек так набрасывается на еду, что не просто забывает о молитве, но даже сесть не может, а так и хватает все со стола, словно нищий, который три дня не ел. Обратно тому, многие отводят столько времени на приготовление к трапезе, оформление блюд и на сам процесс поглощения пищи, обставляя его столь торжественно, словно они участвуют в некоем священнодействии. Это тоже наводит на размышления о той роли, которую занимает в жизни еда. Есть надо не жадничая и не упиваясь процессом, тщательно пережевывая пищу и не усердствуя о многочисленности закусок. Необходимое отношение к процессу трапезы помогает создать молитва перед едой и мысли о том, что все-таки желудок для человека, а не человек для желудка.

5. Если в гостях или просто за едой вам случилось переесть, не впадайте в депрессию и не прилагайте ко вреду вред. Мужественно признайтесь себе в своей слабости и помолитесь Богу, прося у него воздержания и сил к исправлению. Старайтесь сохранить мир душевный, помня о том, что чревоугодие ведет за собой уныние. Не попадайтесь в сети двух страстей вместо одной. Всем, наверное, знаком образ мечтающего похудеть человека, не удержавшегося от вкусной еды и мучающегося депрессией от собственной безнадежности. Не путайте обличения совести с плохим настроением и недовольством собой. Искреннее покаяние в грехе чревоугодия и молитва Богу о помощи даст вам душевный мир и новые силы, а напрасные самообвинения и стоны только послужат новым поводом к повторению соделанного.

Один старец пришел к другому. Последний, сварив чуть-чуть чечевицы, сказал: «Давай немного помолимся», – и один из них прочел всю Псалтырь, а другой наизусть прочел две книги Пророков. Когда настало утро, пришедший старец удалился, а чечевица так и осталась нетронутой.

Ученик аввы Сисоя часто говаривал ему: «Авва, встань, потрапезничаем!» На что старец удивлялся: «А разве мы сегодня не ели,

сын мой?» – «Нет, отец», – говорил ученик. «Ну, если не ели, тогда давай поедим»³².

Приложение. Свт. Игнатий (Брянчанинов). О посте

33

Глава добродетелей – молитва; их основание – пост.

Пост есть постоянная умеренность в пище с благоразумною разборчивостью в ней.

Гордый человек! Ты мечтаешь так много и так высоко о уме твоём, а он – в совершенной и непрерывной зависимости от желудка. Закон поста, будучи по наружности законом для чрева, в сущности есть закон для ума. Ум, этот царь в человеке, если желает вступить в права своего самодержавия и сохранить их, должен прежде всего подчиниться закону поста. Только тогда он будет постоянно бодр и светел; только тогда он может властвовать над пожеланиями сердца и тела; только при постоянной трезвости он может изучать заповеди евангельские и последовать им.

Вновь созданному человеку, введенному в рай, дана единственная заповедь, заповедь о посте... Заповедь не говорила о количестве пищи, а воспрещала только качество. Да умолкнут же те, которые признают пост только в количестве пищи, а не в качестве. Углубясь в опытное изучение поста, они увидят значение качества пищи.

Так важна заповедь поста, объявленная Богом человеку в раю, что вместе с заповедью произнесена угроза казнью за нарушение заповеди. Казнь заключалась в поражении человекав вечную смерть. И ныне греховная смерть продолжает поражать нарушителей святой заповеди поста. Не соблюдающий умеренности и должной разборчивости в пище не может сохранить ни девства, ни целомудрия, не может обуздывать гнев, предаётся лени, унынию и печали, делается рабом тщеславия, жилищем гордости, которую вводит в человека его плотское состояние, являющееся наиболее от роскошной и сытой трапезы... Напротив того, пост вводит христианина в состояние духовное. Очищенный постом смирен духом, целомудрен, скромен, молчалив, тонок по чувствам сердечным и мыслям, легок по телу, способен к духовным подвигам и умозрениям, способен к приятию Божественной благодати...

Горе вам, насыщенные ныне: яко взалчете! Таково изречение Слова Божия нарушителям заповеди святого поста. Чем будете вы питаться в вечности, когда научились здесь единственно пресыщению вещественными брашнами и вещественными наслаждениями, которых нет на небе? Чем будете вы питаться в вечности, когда вы не вкусили ни одного небесного блага? Как можно вам питаться и наслаждаться небесными благами, когда вы не стяжали к ним никакого сочувствия, стяжали отвращение?

Насущный хлеб христиан – Христос. Ненасытное насыщение этим хлебом – вот пресыщение и наслаждение спасительное, к которому приглашаются все христиане...

С чего начать нам, никогда не занимавшимся исследованием сердец наших? Стоя вне, будем стучаться молитвою и постом, как и Господь повелел: *Толцуйте, и отверзется вам.*

Чудное совокупление поста с молитвою! Молитва бессильна, если не основана на посте, и пост бесплоден, если на нем не создана молитва. Пост отрешает человека от плотских страстей, а молитва борется с душевными страстями и, победив их, проникает весь состав человека, очищает его; в очищенный словесный храм она вводит Бога.

Кто, не обработав земли, засеивает ее: тот погубляет зерна и вместо пшеницы пожинает терние. Так и мы, если будем сеять семена молитвы, не истончив плоти, то вместо правды плодотворим грех. Молитва будет уничтожаться и расхищаться различными суетными и пороч-

³² Древний патерик.

³³ Аскетические опыты. Том I.

ными помышлениями и мечтаниями, оскверняться ощущениями сладострастными. Плоть наша произошла от земли и, если не возделать ее подобно земле, никогда не может принести плода правды. Напротив, если кто обработает землю с великим тщанием и издержками, но оставит ее незасеянною, то она густо покрывается плевелами. Так, когда тело будет истончено постом, а душа не возделается молитвою, чтением, смиренномудрием, тогда пост делается родителем многочисленных плевелов – душевных страстей: высокоумия, тщеславия, презорства.

Что такое страсть объедения и пьянства? Потерявшее правильность естественное желание пищи и питья, требующее гораздо большего количества и разнообразного качества их, нежели сколько нужно для поддержания жизни и сил телесных, на которые излишнее питание действует противоположно своему естественному назначению, действует вредно, ослабляя и уничтожая их.

Желание пищи выправляется простою трапезою и воздержанием от пресыщения и наслаждения пищею. Сперва должно оставить пресыщение и наслаждение: этим и изощряется желание пищи, и получает правильность. Когда же желание сделается правильным, тогда оно удовлетворяется простою пищею.

Напротив того, желание пищи, удовлетворяемое пресыщением и наслаждением, притупляется. Для возбуждения его мы прибегаем к разнообразным вкусным яствам и напиткам. Желание сперва представляется удовлетворенным, потом делается прихотливее и, наконец, обращается в болезненную страсть, ищущую непрестанного наслаждения и пресыщения, постоянно пребывающую неудовлетворенною...

Весьма важно качество пищи. Запрещенный райский плод, хотя был прекрасным на вид и вкусным, но пагубно действовал на душу: сообщал ей познание добра и зла и тем уничтожал непорочность, в которой были созданы наши праотцы.

И ныне пища продолжает сильно действовать на душу, что особенно заметно при употреблении вина. Такое действие пищи основано на разнообразном действии ее на плоть и кровь и на том, что пары ее и газы от желудка поднимаются в мозг и имеют влияние на ум.

По этой причине все охмеляющие напитки, особливо хлебные, возбуждают подвижнику, как лишаяющие ум трезвости и тем победы в мысленной брани. Побежденный ум, особливо сладострастными помыслами, усладившийся ими, лишается духовной благодати; приобретенное многими и долговременными трудами теряется в несколько часов, в несколько минут. Монах отнюдь не должен употреблять вина, сказал преподобный Пимен Великий. Этому правилу должен последовать и всякий благочестивый христианин, желающий сохранить свое девство и целомудрие.

Горячительная пища должна быть изгнана с трапезы воздержника, как возбуждающая телесные страсти. Таковы перец, имбирь и другие пряности.

Самая естественная пища та, которая назначена человеку Создателем немедленно по создании, – пища из царства растительного. Сказал Бог праотцам нашим: *Се, дах вам всякую траву семенную, сеющую семя, еже есть верху земли вся: и всякое древо, еже имать в себе плод семени семенного, вам будет в пищу*. Уже после потопа разрешено употребление мяса.

Растительная пища есть наилучшая для подвижника. Она наименее горячит кровь, наименее утолщает плоть; пары и газы, отделяющиеся от нее и восходящие в мозг, наименее действуют на него; наконец, она самая здоровая, как наименее производящая слизи в желудке. По этим причинам при употреблении ее с особенною удобностью сохраняются чистота и бодрость ума, а с ними и его власть над всем человеком; при употреблении ее слабее действуют страсти, и человек более способен заниматься подвигами благочестия.

Рыбные яства, особливо приготовленные из крупных морских рыб, уже совсем другого свойства: они ощутительнее действуют на мозг, тучнят тело, горячат кровь, наполняют желудок вредными слизями, особливо при частом и постоянном употреблении.

Эти действия несравненно сильнее от употребления мясной пищи: она крайне утучняет плоть, доставляя ей особенную дебелисть, горячит кровь; пары и газы ее очень отягощают мозг. По этой причине она вовсе не употребляется монахами; она принадлежность людей, живущих посреди мира, всегда занятых усиленными телесными трудами. Но и для них постоянное употребление ее вредно.

Как! – воскликнут здесь мнимые умницы: мясная пища разрешена человеку Богом, и вы ли воспрещаете употребление ее? На это мы отвечаем словами Апостола: *Вся ми леть суть* (т. е. все мне позволено), *но не вся на пользу: вся ми леть суть, но не вся назидают*. Мы уклоняемся от употребления мяс не потому, чтоб считали их нечистыми, но потому, что они производят особенную дебелисть во всем нашем составе, препятствуют духовному преуспеянию.

Святая Церковь мудрыми учреждениями и постановлениями своими, разрешив христианам, живущим посреди мира, употребление мяс, не допустила постоянного употребления их, но разделила времена мясоядения временами воздержания от мяс. Такой плод постов может узнать на себе опытом всякий соблюдающий их...

Правила поста установлены Церковью с целью вспоможения чадам ее как руководство для всего христианского общества. При этом предписано каждому рассматривать себя с помощью опытного и рассудительного духовного отца и не возлагать на себя поста, превышающего силы, потому что пост для человека, а не человек для поста; пищею, данною для поддержания тела, не должно разрушать его.

«Если удержишь чрево, сказал святой Василий Великий, то взойдешь в рай; если же не удержишь, то будешь жертвою смерти». Под именем рая здесь должно разуметь благодатное молитвенное состояние, а под именем смерти состояние страстное. Благодатное состояние человека, во время пребывания его на земле, служит залогом вечного блаженства его в небесном Едеме; ниспадение во власть греха и в состояние душевной мертвости служит залогом ниспадения в адскую пропасть для вечного мучения.

Глава 2. Блуд

Что ж я пожну, когда так страшно сею?
Шекспир. Ромео и Джульетта

*Как свинье приятно валяться в грязи, так и бесы находят для себя
приятность в блуде и нечистоте.*
Прп. Ефрем Сирий

*Пса сего (блудного беса), когда он приходит к тебе, прогоняй
духовным орудием молитвы; и сколько бы он ни продолжал
бесстыдствовать, не уступай ему.*
Прп. Иоанн Лествичник

Само русское слово «блуд» со всеми своими производными³⁴ включает в себе двоякий смысл. Народный, просторечный – «уклонение от прямого пути в прямом и переносном смысле», отсюда глаголы «заблудиться», «блуждать», существительное «заблуждение». В церковной же и книжной лексике «блуд» относится к сфере половых отношений. Отсюда прилагательные «блудный», «блудливый»; существительные «блудница» и «блудник», «блудилище» – как притон разврата, «блудодей» и т. д. Мы видим, что в русском языке значение «потеряться», «пойти не тем путем» и беззаконные половые отношения оказались названы одним словом. В его смысле открывается нам, что человек, вступающий в незаконную связь, «заблуждается», уклоняется от своего правильного пути, теряет себя и теряется в этой страсти сам.

Итак, страстью блуда называется стремление человека к незаконному или безбрачному соитию, или любодейству; или, говоря современным языком, к сексу вне брака.

«Секс», от латинского «пол», дословно означает половые отношения, совокупность психических реакций, переживаний, установок и поступков, связанных с проявлением и удовлетворением полового влечения.

В русском языке синонимический ряд к словам «секс» и «сексуальный» включает в себя такие понятия, как «пол», «половой акт», «совокупление», «сладострастие», «соблазнительный», «любодейство», «блуд». То есть все перечисленные русские синонимы, кроме непосредственного перевода «пол, половой» не просто называют какое-то явление, но содержат в себе определенное эмоциональное отношение к нему, причем, как правило, отрицательное. Означает ли это, что русские люди всегда плохо относились к полу? Конечно, это предположение абсурдно. Негативное отношение к «половому вопросу» примешивается именно тогда, когда «половые» явления начинают занимать в поведении человека не подобающее им место.

Таким образом, понятия блуд и секс тесно связаны, хотя и не заменяют друг друга. Можно сказать, что все многообразие проявлений человеческой сексуальности и влечения к противоположному полу, точно так же как и другие душевные энергии, исказились и повредились. Безусловно, сама по себе половая потребность не более нравственна или безнравственна, чем, скажем, потребность в пище или в сне. Безнравственным половое влечение, сексуальность становится тогда, когда под действием похоти оно направляется на самоудовлетворение, становится доминирующим мотивом в человеческой жизни и как следствие приобретает уродливые формы, превращаясь в страсть.

Ключевыми понятиями в описании страсти блуда являются «похоть» и «целомудрие», как два состояния противоположные друг другу, находящиеся на двух разных полюсах – греховности и святости.

³⁴ См. «Толковый словарь» В. Даля.

Похоть – это плотское вожделение, побуждение. Она относится к волевой сфере нашей души. Похотником называется тот, кто желает недозволенного, то есть незаконного или греховного. Итак, *«похоть плоти есть ненасытимое желание удовольствий, или непрерывное искание предметов, могущих услаждать внутренние и внешние чувства души. Она заставляет поставлять единственной целью собственное наслаждение или жить в свое удовольствие и к тому направляет все встречающееся и все предпринимаемое. Разнообразие частных склонностей, вытекающих из нее, зависит и от предметов удовольствия, и от органов, которыми оно вкушается. Так из удовольствия вкуса рождаются сластолюбие, пьянство, многоядение; из половых страстей – распутство в разных видах; из органов движения – рассеянность или ленивость; из душевных чувств – порочная любовь и мечтательное сластолюбие через воображение, и проч. Главнейшие же ее порождения суть чревонеистовство, блуд, леность, забавы и утехы»*³⁵. Недавно нам довелось услышать на радио рекламный слоган, как нельзя лучше соответствующий внутренней сути похоти: «Позволь себе немного лишнего!»

Целомудрие – благоразумие, чистота помыслов и телесная непорочность. Достигается эта добродетель отсечением от ума и сердца страстных прилогов и всевозможных соблазнов, хранением души в чистоте от грехов. В более узком смысле целомудрие есть хранение души и тела от похоти и блудной страсти.

«Целомудрие есть воздержание и преодоление похотей борьбою» (*Свт. Иоанн Златоуст*).

«Заповедь о целомудрии относится, во-первых, к телу и вообще к нашей внешности и, во-вторых, к душе и ее внутренним помыслам. Что касается до целомудрия внутреннего, то оно состоит в том, чтобы все доброе мы делали для Бога перед Богом, а не для людей (по человекоугодию); чтобы подавляли в себе самом зародыши вредных мыслей и пожеланий; считали всех лучшими себя, никому не завидовали, не предполагали ничего сами от себя, но все относили к воле и расположениям Промысла Божия; памятовали всегда о присутствии Божию, привязаны были к одному Богу, сохраняли свою веру чистой и недоступной никаким ересям и внутреннюю чистоту приписывали не себе, но Спасителю нашему Иисусу Христу, которой Он и есть источник. Внутреннее целомудрие состоит в том, чтобы мы, пока живем, не считали себя завершившими и окончившими подвиг добродетели, но подвизались бы до тех пор, пока смерть не окончит наших дней; чтобы вменяли в тщету труды и печали настоящей жизни, не привязывались и не любили на земле ничего, кроме ближних, и ожидали награды за свои добрые дела не на земле, но от одного Бога на небе» (*Свицмч. Киприан Карфагенский*).

«Надо знать (каждому христианину), что чистота внешнего человека, т. е. чистота тела, без чистоты внутреннего человека, т. е. духа, не есть чистота, как это изъясняет святой Евфимий Великий, который говорит, что если кто и не творит скверного греха телом, но умом любодействует, имея скверные мысли, удерживая их, подчиняясь им и услаждаясь ими, он блудник и не может быть храмом Святого Духа. Ибо Дух Святой... подобен пчеле: как пчела не влетает в сосуд смрадный, так и Дух Святой не входит в нечистую душу» (*Свт. Димитрий Ростовский*).

«Жить целомудренно означает жить под управлением целого, неповрежденного, здравого мудрования, не позволять себе никакого удовольствия, которое не одобряется здравым рассуждением, соблюдать ум от осквернений нечистыми мыслями, сердце не зараженным нечистыми желаниями, тело не растленное нечистыми делами» (*Свт. Филарет, митрополит Московский*).

³⁵ См.: *Свт. Феофан Затворник. Начертание христианского нравоучения. М., 1998. С. 282.*

Грехи, вызванные блудной страстью, святитель Игнатий (Брянчанинов) классифицирует так:

Блудное раздражение, блудные ощущения и пожелания души и сердца. Принятие нечистых помыслов, беседа с ними, услаждение ими, соизволение им, медление в них. Блудные мечтания и пленения.

Нехранения чувств (имеются в виду пять чувств: осязание, обоняние, слух, зрение, вкус), в особенности осязания, в чем дерзость, погубляющая все добродетели. Сквернословие и чтение сладострастных книг. Этот грех мы очень часто не замечаем, считая его нормой вещей. Обняться при встрече, поцеловаться по-дружески в щеку, заглядеться в метро на понравившегося человека и пр. Надо сказать, что невоздержанность в чувствах считается в наше время признаком раскованности и раскомплексованности и ставится скорее в плюс человеку, нежели в минус. Конечно, здесь не идет речь о грубом домогательстве, которое по-прежнему не поощряется. Если у поколения более старшего тесные физические контакты еще не очень в ходу и фамильярные похлопывания по плечу вызывают смущение, то среди молодежи они весьма приняты.

Нехранением зрения считается также услаждение видом красивых женщин и мужчин. А пристрастие ко всякого рода духам, одеколону и прочим парфюмерным средствам – нехранением обоняния, поскольку, как известно, в духи добавляются определенные компоненты, которые действуют на человека возбуждающе. В интим-шопах продаются специальные ароматические вещества, которые, как утверждают их создатели и продавцы, способны вызвать сильное влечение у человека противоположного пола помимо его воли (вещества эти называются афродизиаками).

Нехранением слуха можно назвать не только желание внимать соблазнительным речам, но и любовь к комплиментам по поводу нашей внешности, сексуальности и пр. Есть, например, общеизвестная присказка про то, что «женщина любит ушами». Впрочем, справедливо это не только относительно женщин, но и относительно мужчин тоже, поскольку льстивые речи нередко провоцируют и у них чувство влюбленности, которое тесно сопряжено с сексуальными желаниями. Тщеславие очень часто являет собой подспорье блудной страсти.

Грехи блудные естественные: блуд и прелюбодеяние.

Грехи блудные противоестественные: малкия (онанизм), гомосексуализм мужской и женский, педофилия (растление малолетних), зоофилия (скотоложество), трансвестизм и т. д.

Исходя из этой классификации, мы можем разделить различные проявления блудной страсти в жизни человека на две основные группы³⁶.

1. Сердечная похоть (блудные помыслы, т. е. блуд, производимый умом и сердцем).

Блудные помыслы

Помыслы невольные, навеванные извне. Они требуют исповедания, но не вменяются как грех, так как мы не вольны в том, что приходит нам на ум. Блудные помыслы полезно открывать духовнику: исповеданные, они теряют власть над нами.

Блудные помыслы или представления, как воспоминание прежних падений. Эти помыслы также не составляют вины, если человек не услаждается ими, сразу же отвергая их и осуждая себя перед Богом. Если же кто увлекается и смакует подобные воспоминания, тот и дает себе повод для новых помыслов и соглашается с ними, что может повлечь новые искуше-

³⁶ Прот. Евгений Попов. Нравственное богословие для мирян. Репринт. 1994. С. 541–618.

ния и падения. Происходит сочетание с ними, а это требует обязательного покаяния и исповеди.

Когда блудный помысл принят и получил согласие на поселение в голове человека, он постепенно завладевает его умом, и в человеческом мозгу рисуются уже эротические картины, услаждающие его. В этом случае можно говорить уже о *блудных мечтаниях*.

Это помыслы, которые человек сам намеренно возбуждает в себе, – любострастная фантазия, распутство мыслей, когда в уме рисуются все телесные движения к совершению плотского греха. Здесь мы видим уже полное подчинение блудной страсти или сосложение, когда одно лишь тело остается неоскверненным, а душа уже вся в блуде. Такое состояние требует покаяния и обязательной исповеди духовнику.

Говоря о блудных помыслах, надо отметить, что в процессе сексуального возбуждения главную роль играет наша психика, а не физиология. Если предположить, что от нашей воли ничего не зависит, то выйдет, что на любую особь противоположного пола мы должны реагировать совершенно одинаково. Но в жизни происходит не так. Верным доказательством участия сознания в процессе возбуждения можно считать существование такой профессии, как врач. Находясь в своем кабинете, врач не испытывает возбуждения (за исключением редких патологий со стороны медиков) от соприкосновения с женским телом, хотя, выйди он на улицу, окажись в непрофессиональной обстановке, та же самая женщина, что оставляла его в кабинете спокойным и равнодушным, может вызвать у него сильнейшее желание. Еще одним примером могут служить танцоры балета, которые порой меняют половую ориентацию, потому что из-за частого соприкосновения с женским телом перестают возбуждаться им.

Ну и, наконец, верным доказательством определяющей роли психики, а не физиологии является то, что существуют люди (пока еще их большинство), испытывающие плотское желание исключительно лишь по отношению к тем, в которых влюблены.

Поняв, что физический процесс возбуждения напрямую зависит от процессов психических, мы начинаем осознавать, чем так опасно принятие нечистых помыслов. Не отгоняя от себя помысл, ты уже как бы соглашаешься на грех, уже совершаешь его. А от внутреннего согласия на грех до его совершения на физическом уровне – рукой подать. В Евангелии сказано: *кто посмотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем*. Фактически разница между принятием помыслов и мечтаниями не так уж велика. Первое почти неизбежно приводит ко второму, а второе обязательно является результатом первого. О блудных мечтаниях мы говорим, когда услаждение блудными помыслами происходит на сознательном уровне. Человек начинает рисовать возбуждающие его образы, придумывать разнообразные ситуации и сюжеты на эту тему и вообще предается размышлениям о блуде.

Один брат, будучи возмущаем блудной похотью, пришел к великому старцу и просил его: «Окажи любовь, помолись обо мне, ибо возмущает меня похоть блудная». Старец помолился о нем Богу. Брат в другой раз приходит к нему и говорит то же самое. И снова старец стал молиться Богу, говоря: «Господи, открой мне состояние брата сего, и откуда на него нападает диавол? Потому что я молился Тебе, а он по-прежнему не получил успокоения». Тогда было ему видение: он увидел брата сего сидящим, а рядом с ним – дух любодейния, и брат общается с ним, а Ангел, посланный ему на помощь, стоит в стороне и гневается на монаха, поскольку тот не предал себя Богу, но, услаждаясь помыслами, весь свой ум предал действию диавола. И сказал старец: «Ты сам виноват, поскольку увлекаешься своими помыслами», – и научил брата противостоять помыслам

Средством от блудных помыслов является память о Страшном Суде, когда «коегождо деяния обличатся» перед Богом, Ангелами и праведниками; неосуждение ближнего, воздержание в пище и молитва. Часто блудные помыслы порождены гордостью.

Вожделенные взгляды на другой пол

Как тело возбуждается помыслами, так и телесные впечатления вносят в душу блудную мысль, потому что «за воззрением следует мысль, за мыслью – услаждение, за услаждением страстное пожелание, а за пожеланием – и самое падение». Кто удержит взгляд от любования красотой человека, тот разом избавляется и от последствий. Также наши нецеломудренные чувства выдают себя, когда мы выделяем и предпочитаем красивого человека перед другими из-за его внешней привлекательности, например, при приеме на работу или в других делах. Это одна из разновидностей лицеприятия. *Не хвали человека за красоту его, и не имей отвращения к человеку за наружность его* (Сир. 11, 2). Чтобы уберечься от подобного греха, нужно при- выкать с осторожностью рассматривать не только лица противоположного пола, но и телеви- зионные программы, рекламы, иллюстрированные издания и т. п. Особенно побережись нужно на пляже, где глаз то и дело натывается на обнаженные тела.

«В оке, рассеяннo вращаемом, есть уже блуд, о котором засвидетельствовал Господь: *всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28). Такое прелюбодеяние искореняет в себе, кто око обращает долу, а душу к Господу; а кто возобладал над чревом, тот возобладал и над взором. Страшный у нас предатель – рассеянное око.

Кто не противится похоти, но дает очам своим свободно блуждать, тот, конечно, скло- нился уже умом пред страстями» (Прп. Ефрем Сирин).

Чтение книг, просмотр кинофильмов и телепередач и т. п., описывающих страстную любовь (эротика или порнография, любовные романы)

Нередко человек, одержимый блудными мечтаниями, в поисках подпитки для них обра- щается к эротической литературе, к кинематографу, ходит в ночные клубы смотреть стриптиз и т. п.

Порнография практически на всех производит сильное впечатление. В некоторых слу- чаях впечатление это носит негативный характер, в других – услаждающий. Если показать жесткую порнографию девочке-подростку, воспитанной в хорошей семье, она испытает силь- ное отвращение. Закоренелый развратник получает от подобных зрелищ удовольствие или остается равнодушным из-за своей крайней извращенности.

Кстати, в данном случае ярче всего видна та дорога, которую проходит грешник от «красивого искушения» до безобразного порока. Вспомним первое искушение блудом, кото- рое ассоциируется, как правило, с красивыми эротическими фильмами, где любовные сцены происходят между двумя страстно влюбленными людьми с красивыми телами, под красивую музыку, в красивой комнате. Но проходит время, и подобные кадры уже не услаждают и не воз- буждают. А трепет вызывает тяжелая порнография с групповым сексом и насилием, фильмы, в которых половой акт приобретает отвратительные, с точки зрения нормальной эстетики, формы. Искушая человека, бесы рисуют сначала красивые романтические картинки, которые затем, по мере потакания блудной страсти, превращаются в безобразные, антиэстетичные, чер- нушные полотна, что, по сути, гораздо ближе к тому, как выглядит демон блуда в действи- тельности.

К этим проявлениям блудной страсти, несомненно, можно отнести также чтение эротических романов и т. д. Так что даже само желание удовольствий такого рода – уже проявление блудной страсти.

Из сердца исходят злые помыслы... прелюбодеяния, любодеяния (Мф. 15, 19). А у того, кто привык читать модные книги писателей типа Сорокина, любовные романы, листать эротические журналы, просматривать газеты типа «Спид-инфо» и т. п., сердце переполняется любовно-страстными образами. Волнуя душу, чтение подобной литературы волнует и кровь. Подобные пристрастия растлевают душу, истощая и нервные, и физические силы, возбуждая ложную чувствительность и чувственность.

С большим успехом по центральным телеканалам демонстрировался сериал «Секс в большом городе», который сразу занял самые высокие места в рейтингах популярности. Как видно из названия, основной сюжет фильма крутился вокруг взаимоотношений между мужчиной и женщиной именно с интимной стороны. Главные героини на протяжении 90 серий находятся в поиске партнеров для занятий этим самым сексом. Сценарий сам по себе достаточно остроумен, фильм смотрится на едином дыхании. Он вовсе не акцентирует внимание на похабных или порнографических сценах, основная интрига заключается именно в психологических отношениях героев, в их душевных переживаниях. Кажется, что кино это вполне можно втиснуть в рамки хоть какой-то морали. Так ли это? Нам представляется, что фильм этот опасен не своими постельными сценами или шокирующим названием. Дело в том, что фильм этот на подсознательном уровне подменяет основные понятия – любовь и секс. Следя за любовными драмами обаятельных героинь, мы незаметно для себя приравниваем друг к другу любовь и половой акт. Вдумайтесь, как нелепо звучит по-русски дословный перевод названия фильма: «Половые отношения в городе». Не то медицинский справочник, не то пособие по гинекологии. А все покрывающее иностранное заимствование придает названию, в отличие от русского оригинала, некий пикантный шарм. Даже как-то забывается, что между любовью и половым актом есть одна большая разница. Но фильм ловко смешивает и замещает одно другим. И зритель уже не отличает, где Керри «имеет» секс с очередным «бойфрендом», а где – любовь с «мужчиной своей мечты». Есть еще и другой аспект. Наблюдая, с какой легкостью и без малейших угрызений совести герои меняют половых партнеров, зритель проникается мыслью, что именно так, не озадачиваясь ответственностью и размышлениями об измене и грехе, следует поступать. Что именно такие, мимолетные или более менее продолжительные половые связи и есть единственно возможный и верный способ общения между полами. А кто твой приятель и какая у него сексуальная ориентация, вообще не имеет значения. Как говорится, «был бы человек хороший». В этой тонкой игре и происходит неуловимая подмена понятий в нашем сознании, так строится вся пропаганда свободных, не ограниченных нравственностью и культурой, половых связей, именуемых в простоте сердца развратом. Подменяя любовь половым актом, не ограничивая себя ничем, мы лишаемся всех человеческих чувств и эмоций, всей красоты, всего смысла отношений между мужчиной и женщиной. Теряя имена, обезличиваются и становятся без-раз-личными отношения между людьми, секс заменяет любовь, опустошение и разочарование приходят на смену сомнительному удовольствию от телесного совокупления.

Как жаль молодых людей, которые, не испытав еще истинной любви, уже оскверняют ум и сердце грязной порнографией, которую почему-то вежливо именуют «эротикой». Постельные сцены не только запечатлеваются в душе, они еще и диктуют формы поведения, вызывая комплексы неполноценности и стремление к подражанию. И как отвратительны старики и старухи, которые позорят свою старость, теряют время, отпущенное им на покаяние, жадно роясь в книжных развалах, выискивая «откровенные» романы.

Когда же такой человек решит встать на путь исправления, греховное пристрастие будет мешать его покаянию и молитве, подмешивая во все оттенки чувственного разгорячения. Осо-

бенно такое искушение характерно для таких католических «святых», как блж. Анджела, свт. Тереза Авила, св. Франциск Ассизский. Первое, что нужно сделать в борьбе с этим грехом, – прекратить читать и смотреть подобные «продукты» псевдокультуры, прекратить посещение тех мест, где встречаются подобные зрелища.

«Целомудр не тот, в ком во время борьбы, труда и подвига прекращаются срамные помыслы, но тот, кто истинностию сердца своего уцеломудривает зрение ума своего, не позволяя ему простираться к непотребным помыслам» (*Прп. Исаак Сирин*).

Сладострастные разговоры и слушание их

Сладострастными называются такие разговоры между людьми, в которых беседующие делятся воспоминаниями о своем сексуальном опыте, связях, переживаниях, обсуждают впечатления от эротических книг, фильмов, произведений искусства, рассказывают скабрёзные анекдоты, смакуют подробности различных непристойных отношений. Такие разговоры приносят вред не только тем, кто их ведет, но и тем, кто им внимает. Подобные беседы, действуя на слух, сильно действуют на пробуждение душевных страстей: как Ева соблазнилась на лживые речи, так и мы соблазняемся на них. Они обнажают развращенное сердце и выводят наружу мутный поток похоти, который размывает остатки целомудрия. После таких разговоров блудные образы прочно закрепляются в сознании, пробуждая спящие до этого чувственные желания. Кровь разгорячается, и человек невольно начинает желать того, о чем до этого он и знать не знал, сочувствуя услышанному. Постепенно формируется потребность обсуждать подобные темы самому, услаждая себя возбуждением, которое несут с собой сладострастные рассказы. Желая освободиться от власти похоти над нами, необходимо избегать подобных разговоров, стараясь свести к минимуму общение с теми, для кого они стали привычкой, и строго пресекать самих себя при желании обсудить что-нибудь этакое.

«Приносишь ты, положим, покаяние в блуде. Смотри, отбрось все виды блуда, потому что им порождены всякие распутства. И не только это, но отбрось и все ведущее к осквернению им: смех, шутки, сквернословие, чревоугодие – сии пути к блуду» (*Прп. Ефрем Сирин*).

Сквернословие или матерная брань

Проявлением блудной страсти считается также сквернословие. Сквернословие – употребление слов, относящихся к табуированной (запрещенной), неформальной лексике. В основном подобные слова связаны именно с сексуальной жизнью человека. Прочие выражения, которые считаются грубыми и бранными (к примеру, лексика, обозначающая умственные способности, вернее, отсутствие оных, или черты характера), к сквернословию не относятся. В принципе, скверными, запретными считаются именно матерные слова, которые, по предположению некоторых ученых, в древние времена не носили негативной окраски, а являлись ритуальными и заменялись эвфемизмами, потому что имели сакральное значение. В психиатрии страсть к матерным словам носит название «словесного эксгибиционизма», выражая саму сущность этого психического отклонения как потребности к вербальному обнажению половой сферы, самоудовлетворению блудной похоти через произношение слов, называющих половые органы и половой акт.

Сегодня мат прочно вошел в обыденную речь. Издаются словари мата, матерная брань звучит с экрана, из телевизора, со страниц современной литературы. Слово – величайшее оружие Бога. «Вначале было Слово... и Слово было Бог», – начинается самое таинственное Евангелие от Иоанна. Словом Бог сотворил мир, а Адам дал имена твари, словом выявив сущность

каждого живого существа. Произнося матерную брань, мы не только оскверняем сами, но и хулим, пачкаем Божий мир, растлеваем сердца окружающих, особенно детей и подростков. Вспомним, что на Страшном Суде нам придется дать ответ Богу за каждое праздное слово, за каждую соблазненную или оскверненную душу, за то, как мы распорядились величайшим даром – даром словесности, возможности общения и творчества. Какое отчаяние охватит нас, когда демоны развернут свои хартии и прочтут всю мерзость, которая исторглась из наших сердец через слово. Матерясь, человек незаметно привносит скверные, похотливые образы к своей душе, самого себя искушая на блуд и грех. Говорят, что матерщина, вырываясь из уст, словно дает энергию, вселяет силы, вдохновляет на дело, выступая неким словесным допингом или стимулятором. Случайно ли это? Задумайтесь над природой этой силы и энергии. Кто питает человека в этот момент? Источник этого стимула один – бесы. А напитываясь бесовской энергией, человек повреждает душу и открывает ее для еще более яростного демонического воздействия. Старец Паисий Святгорец в своих беседах часто призывал нас не проклинать, а благославлять Божий мир. Ведь каждое наше «Слава Богу», «Спаси, Господи», «Господи, помилуй» словно очищает мир, делает воздух свежее, а сердца чище. А каждое проклятие, каждое скверное слово добавляет в мир капельку зла, темноты, соблазна. Да не придет гибель наша через наши уста!

Современная музыка

«Мелодия и тишина... До чего я их ненавижу! Как благодарны мы должны быть за то, что с тех пор, как отец наш вступил в ад (а это было много раньше, чем оказалось бы по человеческим данным), ни одного мгновения ада времени не было отдано этим отвратительным силам. Все заполнено шумом – великим, действенным, громким выражением победы, жестокости и силы! Шум и только шум способен защитить нас от глупого малодушия, безнадежных угрызений совести и неисполнимых желаний. Когда-нибудь мы превратим Вселенную в один сплошной шум. На земле мы сделали большие успехи. Под конец мы заглушим все мелодии и всю тишину небес. Я полагаю, что мы еще недостаточно громки. Но наука движется вперед», – писал старый и опытный бес Баламут своему племяннику бесенку Гнусику³⁷.

Феномен музыки заключается в том, что это единственный вид искусства, который не использует художественные образы, ни зрительные, ни словесные. Состоя из ритмизированных и заключенных в мелодию звуков, она, минуя рассудок, сразу же проходит в сердце, возбуждая в нем те чувства и настроения, которые угодно было вложить в нее сочинителю. Так слушателю передается состояние души, которое заложил в музыку ее творец. Одна коротенькая мелодия, коснувшись слуха, способна сотворить с душой то, что не под силу целому роману или фильму. Не случайно современное кино стремится включить в фильм так называемые «саундтреки» – музыкальные композиции, как бы олицетворяющие собой идею и настроение целого фильма. Это не только выгодный бизнес, но и еще одна возможность воздействовать напрямую на сознание человека, минуя любые рассудочные и нравственные барьеры. Вспомните нашумевшие композиции из «Матрицы», «Ночного дозора» или «Призрака в опере».

За исключением некоторых непопулярных сегодня патриотических песен, весь современный шоу-бизнес специализируется на песнях, так или иначе воспевающих страстную любовь и похоть к другому полу. Скандально известная группа «Тату» дошла до того, что пропагандировала подростковую однополую любовь. Вообще, чем греховнее, сексуальнее и откровеннее тексты и поведение самих певцов и музыкантов, тем большей популярностью пользуется такая музыка, принося колоссальные доходы продюсерам и исполнителям. В первую очередь именно прибыль является основным вдохновителем подобного «творчества», где пре-

³⁷ К. С. Льюис. Письма Баламута.

обладают полуграмотные тексты и примитивная музыка. В наше время буквально некуда деться от изливающих свои дешевые страдания песен. Они гремят из окон, пугают птиц в лесу, достают нас даже на отдыхе и во сне. Сказать, что продукция «Фабрики звезд» или подобных ей конвейеров воспевают ту любовь, которую благословляет и к которой призывает Бог, было бы слишком смело и даже преступно. Следовательно, этот бизнес сегодня отдан на откуп шоуменам, которые готовы на все, чтобы выжать деньги из непритязательных слушателей. Чем ближе сочинители и производители этих песен стоят к грубому плотскому греху, тем грубее и бесстыднее получается результат. И слушание этих песен оскверняет человека, лишает его способности к подлинной любви и способности воспринимать подлинную красоту. Эта музыка вульгарна и опошляет все, что воспевают. Вообще, все страстные мирские песни потому так притягивают к себе, что приятно щекочут человеческую похоть, удовлетворяя греховную тягу ко всему, что «ниже пояса». Они растлевают душу и готовят ее к телесному блуду. Как прямые растлители выступают каналы «MTV» и «Муз-ТВ».

Тем, кто хочет обезопасить свою душу от воздействия похоти, нужно избегать слушания страстных, развратных песен, не петь самим и особенно оберегать впечатлительные детские души от радио- и телепередач.

Танцы

К сожалению, большинство сегодняшних танцев, театральных постановок, а тем более мюзиклов нельзя назвать целомудренными. На дискотеках и танцполах, в ночных клубах и т. п. нормой стали такие танцы и телодвижения, которые не просто навевают страстные помыслы, а носят откровенно блудный и похотливый характер, так как для возбуждения именно блудной страсти и исполняются. Поэтому Церковь категорически запрещает участие в таких мероприятиях, посещение их и наблюдение со стороны за ними.

Любовная переписка и списывание любовных стихов. Так называемые «дневники», которые щедро рекламируются и адресуются детям и подросткам

То и другое не просто свидетельствует об определенной инфантильности и легкомыслии, воспитываемым подобными делами, но и изобличает душевную склонность к блуду. Постоянное обращение ума к подобным пустым и страстным занятиям рано или поздно толкнет и тело на приобретение сексуального опыта. Не следует поощрять в себе, а тем более в подростках увлечение «валентинками», «дневниками» и «песенниками»; особенно внимательно отнеситесь к тому, как подростки реагируют на бесконечные предложения модных журналов списаться со своими кумирами: поп- и кинозвездами, спортсменами и т. д. Очень часто впечатлительные и ранимые души подростков на всю жизнь оказываются изломаны подобными пристрастиями.

«Без комплексов»

Для всякого мирянина общение с лицами другого пола неизбежно и не составляет никакого греха. Но существует такая манера поведения, когда девушка или юноша, мужчина или женщина ведут себя, что называется, весьма демонстративно, вольно или невольно вызывая у себя и у окружающих определенные нечистые мысли и фантазии. К подобному поведению относятся: манера вызывающе смотреть глаза в глаза; пожатие рук, хождение под руку; разговор на сексуальные темы; беседы о своем душевном настроении (то, что раньше именовалось «сердечные темы»); продолжительное пребывание наедине (в путешествии, в долгой прогулке,

на отдыхе); поиск предлогов уединиться с лицом другого пола; вход в комнату к раздетым или полуодетым лицам другого пола; уход за лежащим больным другого пола (не родственником), когда приходится прикасаться к обнаженным частям тела; увлеченное продолжение дружбы с таким человеком, к которому уже чувствуется сексуальное влечение, особенно если вы уже состоите в браке, или готовитесь в него вступить, или знаете, что ваши отношения никогда не закончатся браком; постоянные размышления или мечты о дружбе и флирте с другим полом; посещение ресторанов и вечеринок с лицами другого пола, особенно уже связанными браком или отношениями с другими. Сюда же мы смело отнесем и устройство «party» и вечеринок, где все вперемешку выпивают, кокетничают, ведут вольные разговоры и обнимаются, при этом нередко еще, стремясь продемонстрировать свою «гламурность», предлагают употребить самые разнообразные наркотики – от абсента и марихуаны до кокаина и героина.

Когда Церковь говорит о непозволительности такого поведения, глупо думать, что при этом она руководствуется ненавистью ко всякому веселью, общению между людьми и т. п., призывая всех, а особенно молодежь, «похоронить себя заживо», лишившись перспектив общения со своими сверстниками. Дело обстоит вовсе не так. Вышеперечисленные образы поведения – это та шкала вашей нравственности, по которой вы без труда сможете определить сами для себя уровень вашего духовного самочувствия. И если по прочтении этого своеобразного теста вы обнаружите что ваш тип общения с противоположным полом включает в себя 90 % всех пунктов, да к тому же именно эти пункты и являются для вас самыми важными в общении с людьми, то вам следует основательно задуматься над тем, ради чего на самом деле вы общаетесь, ибо наличие блудной похоти налицо.

А почему же все это нравственно не одобряется? Потому что после грехопадения и изгнания Адама и Евы из рая вместе с их естеством и всем окружающим миром изменились также и отношения полов друг к другу. Отныне в дружбу, сочувствие, уважение, взаимопонимание между мужчиной и женщиной проникла похоть – чувственное, половое, безличное влечение друг к другу, пронизанное не любовью и самопожертвованием в высшем, христианском значении этих слов, а влечение, полное жажды наслаждения для себя за счет и посредством другого. Это потребительское, жаждущее комфорта и удовольствия для «себя любимого» чувство и есть то самое сексуальное влечение, которым подменяется настоящая самоотверженная любовь. И это сексуальное влечение подается нам по наущению бесов как единственно верное и правильное отношение между полами. В этом им помогает и сексуальная революция, со страниц газет и журналов призывающая нас отбросить условности и лишнюю одежду.

Но сексуальная свобода «без комплексов» ведет к пошлости и опустошению душ, загоняя в личностный тупик или вызывая психические расстройства на сексуальной почве. Ведь именно после сексуальной революции волна преступлений на сексуальной почве, в том числе и инцестов, депрессий, психозов, жалоб на половое бессилие, и др. психических заболеваний буквально захлестнула Америку и Европу, сделав профессии психоаналитика и психиатра самыми модными и востребованными. В буквальном и переносном смысле изнасилованная волной сексуальной откровенности и свободы, человеческая психика не выдержала натиска ничем не сдерживаемого греха и ответила невиданными доселе массовыми отклонениями и болезнями. Можно искать причины эпидемий СПИДа, гепатита, сифилиса, распространения наркомании и множества неизлечимых заболеваний, заканчивающихся импотенцией и бесплодием, в чем угодно, но Церковь открыто заявляет³⁸, что виной всех этих бед является развращение людей, забвение заповедей Господних, отступление от целомудренного отношения друг к другу мужчин и женщин, юношей и девушек, родителей и детей. И спасение от этих бед кроется не в новых вакцинах и повышении уровня жизни, не в «безопасном сексе» и стериль-

³⁸ См.: «Основы социальной концепции РПЦ, XII.7.» принятые в 2000 г. на юбилейном Архиерейском соборе.

ных шприцах. Оно – в Боге, в нашем покаянии, в возврате нас к целомудренной жизни по заповедям.

Кокетство и мода

*Чем больше имеет убранства женщина, тем больше бывает в ней
охоты прохаживаться по городу.*
М. Чулков. Пригожая повариха

Кокетством принято называть действия, при помощи которых женщина пытается привлечь внимание к себе со стороны возможного партнёра. При этом она стремится выглядеть привлекательнее, чтобы понравиться определённому мужчине или вообще мужчинам. Для этого женщине требуется богатое воображение и применение целого арсенала средств – соответствующей походки, жестов, взглядов, тембра голоса, оригинальных аксессуаров женского туалета. Иногда женское кокетство проявляется в постоянном изменении настроения и поведения, в сознательном стремлении либо привлечь внимание мужчины, либо отдалить его от себя.

«Кокетство, – считает Отто Вейнингер, – непременно имеет отношение к половому акту. Сущность кокетства заключается в том, что оно рисует мужчине обладание женщиной уже в виде свершившегося акта, чтобы резким контрастом с действительностью (ибо этого обладания ещё нет) толкнуть на совершение акта. Этот толчок ставит перед мужчиной одну и ту же задачу в вечно меняющейся форме и одновременно показывает мужчине, что он не в состоянии выполнить эту задачу. Значение кокетства ещё и в том, что женщина, кокетничая, так удовлетворяет свое желание полового акта, переживая его разжиганием страсти в мужчине. Таким образом она доставляет себе наслаждение в любое время и с любым мужчиной. Дойдёт ли она до последних пределов или ретируется в решительный момент – это зависит от того, насколько удовлетворяет её форма действительного общения с её мужем и может ли она ждать от другого чего-нибудь большего... Кокетство... может действовать, вызывая у мужчины слова и взгляды, которые приятно щекочут женщину – это в одном случае; или может довести, при желании, всю игру до «изнасилования» – в другом»³⁹.

Кокетство – одно из самых сильных средств психического воздействия, заставляющее интенсивно работать воображение: то всё представляется в чёрных тонах, то вновь озаряется радужным светом перспективы и надежды на ответное чувство и т. д. Как инструмент воображения оно придаёт жизни пластичность, избавляет её от монотонности и скуки. Для успешного кокетства необходимы развитие чувства, изобретательность, определённый талант. Неприятно кокетство, лишённое фантазии, основанное на трафаретном наборе стереотипов поведения, в таком случае оно может вызывать лишь антипатию: вряд ли могут понравиться фальшивая артистичность, демонстрация мнимых чувств.

Считается, что кокетство – специфическое оружие женщины. Однако и мужчины охотно им пользуются, хотя в несколько иной форме и с другой целью. Заслуживает осуждения кокетство в мужчине, проникнутое неискренностью, лицемерием, нацеленное на примитивное обольщение; такого рода кокетство свидетельствует лишь о низком уровне чувств и культуры поведения.

Следование моде, посещение салонов красоты, пользование косметикой и парфюмерией, бесконечные диеты – это лишь немногие проявления этой страсти. Вполне невинные с виду, на самом деле они вызывают множество личных трагедий, где комплексы неполноценности, подорванное здоровье и постоянная потребность в деньгах еще не самое страшное. Какие мысли чаще всего сегодня тревожат множество современных мужчин и женщин, как преуспевающих,

³⁹ О. Вейнингер. Пол и характер. М., 1992. С. 248–249.

так и еле сводящих концы с концами? Как соответствовать моде и имиджу! То есть как казаться людям таким, каким ты не являешься на самом деле. Это нужно для того, чтобы нравиться другому полу, быть принятым в модную «тусовку», вызывать зависть и желание со стороны друзей и коллег.

Несомненным грехом является стремление изменить Богом данный физический облик, прибегнув к пластической хирургии, если в нем нет явных отклонений от нормы (врожденные уродства, такие как заячья губа и т. п., последствия травм и т. д.). Господь премудро даровал каждому человеку его физический облик, и изменение его в угоду моде ведет к потере человеком своего «лица» не только на соматическом, но и на душевном уровне. Чаше всего поводом для подобных операций является навеянное бесами и домысленное самим человеком желание соответствовать некоему идеальному образу, который человек увидел или выдумал. Увеличение или уменьшение груди, изменение формы носа и губ – все это внешнее проявление глубинного недовольства собой, которое формируется, с одной стороны, от нераскаянных грехов и засилья в сердце зависти, тщеславия, гордыни и похоти, а с другой – подпитывается ежечасно меняющимся жестким диктатом моды, требующим сегодня маленькую грудь и курносый нос, а завтра – крутые бедра и пухлые губы. Известны несчастные, которые вынуждены из-за этого буквально перекраивать себя, стараясь угнаться за модой. Вспомним печальный опыт поп-певца Майкла Джексона, который решил обмануть природу и Бога и из негра превратиться в белого. Теперь он вынужден спать в специальном саркофаге и не может появляться на солнечном свете.

Стремление нравиться, кокетство и жажда вызывать сексуальное влечение у других людей целиком фиксируют всю душевную жизнь на бесконечном уходе за телом, погоне за модной одеждой, болезненной самооценке своей внешности. Пожалуй, одна из самых глобальных проблем сегодня – это проблема похудения. Мы не замечаем, что в одном рекламном блоке, в одном журнале реклама еды перемежается с методиками похудения, а фотографии тощих фотомоделей соседствуют с проспектами модных ресторанов. Так мы попадаем в порочный круг, вынуждающий нас потреблять модные блюда, заедая их пилюлями от ожирения, мучительно комплексовать от своего несоответствия «идеалу» худышки, замотанной в шелковое тряпье, и покупать одежду на размер меньше, уродующую нормальную фигуру. Вся индустрия, вся промышленность нацелена сегодня на то, чтобы заставить нас тратить деньги на вещи, ненужные нам. И мощным подспорьем в этом является индустрия моды и красоты.

Посмотрите, как точно охарактеризовал суть моды немецкий быто- и нравописатель Э. Фукс.

«Мода – публичный акт. Она выставленный напоказ плакат, указывающий на то, как люди намерены официально отнестись к вопросу об общественной нравственности. В моде общая историческая ситуация всегда находит свою наиболее точную формулировку. Такая наиболее точная формулировка – принцип «одетой наготы». Ибо он представляет не что иное, как подсказанное нравственным лицемерием решение вопроса о женской моде; вопроса, как одеваться так, чтобы быть одетой от шеи до пяток и в то же время представлять в воображении мужчин в эротической наготе»⁴⁰.

Самые бессмысленные траты приобретают в глазах человека, одержимого кокетством и желанием нравиться, ценность жизни и смерти. Длина ногтей, форма каблука, ширина брюк доводят подростков до побега из дома, жен – до помешательства, девушек – до душевного кризиса. Для чего все это?

⁴⁰ Э. Фукс. Иллюстрированная история нравов. Т. 3. Буржуазный век. М, 1994. С. 165.

Вот как ответил на этот вопрос замечательный христианский писатель К. С. Льюис более полувека назад, ведя беседу от лица беса-искусителя:

«А пока я хотел бы дать тебе несколько советов о том, в каких именно женщин (я говорю о физическом типе) ему следует влюбляться, если уж лучше «влюбленности» мы ничего не придумаем.

В основных чертах этот вопрос, разумеется, разработан для нас более низкопоставленными сотрудниками преисподней, чем ты и я. Эти великие мастера неустанно извращают то, что можно назвать эротическим вкусом. Делают они это посредством узкого круга популярных актеров, актрис, портных, рекламных агентов, определяющих, какой тип в моде. А цель их деятельности в том, чтобы отдалить представителей одного пола от тех представителей другого пола, брак с которыми, вероятно, был бы верным, счастливым и плодоносным. Так, мы уже много столетий торжествуем над природой до такой степени, что некоторые второстепенные черты мужчин (к примеру, бороды) неприятны почти для всех женщин, и это, в свою очередь, приносит больше пользы, чем тебе кажется. Что же касается мужского вкуса, его мы меняли много раз. Одно время мы его направляли на величавый и аристократический тип красоты, смешивая тщеславие мужчин с их похотью и побуждая род человеческий размножаться главным образом через самых высокомерных и расточительных женщин. Потом мы культивировали чрезмерно женственный тип, слабый и чахлый, так что глупость, трусость и фальшь с духовной скудостью, сопутствующей им, стали чуть ли не положительными качествами. Сейчас у нас совсем иная задача. Время джаза сменило время вальса, и теперь мы учим мужчин любить женщин, которых с трудом отличишь от мальчишек. Поскольку этот тип красоты быстротечнее остальных, мы обострим хронический ужас женщин перед старостью, добьемся многих прекрасных результатов и снизим тягу и способность к деторождению. Это не все. Благодаря нам общество допускает все большую вольность обнажения (но не подлинной обнаженности) в живописи, на сцене, на пляже. Все это, конечно, подделка: тела на наших прославленных картинах искажены, женщины в купальных костюмах сжаты и затянuty, чтобы казаться стройнее и тоньше, чем допускает природа женской зрелости. Однако современный мир искренне убежден, что он все «откровеннее», все «здоровее» и возвращается к природе. В результате мы все сильнее и сильнее направляем похоть мужчин на мнимости, увеличивая роль глаза в сексуальной области и делая мужские претензии все более мнимыми. Последствия ты и сам можешь себе представить.

Это общая стратегия. Действуя в ее рамках, ты всегда сможешь направлять желание твоего подопечного в одном из двух направлений. Если ты осторожно вступишь в сердце любого мужчины, ты увидишь, что его притягивают по самой крайней мере две вымышленные женщины: Венера земная и Венера бесовская – и влечение его к ним качественно различно.

К первому из типов он испытывает желание, естественно согласующееся с волей Врага. Оно сочетается с милосердием, готовностью к послушанию и вообще сияет тем светом уважения и естественности, который нам так противен. Ко второму он испытывает грубое влечение. Этот тип лучше всего использовать для того, чтобы совсем отвлечь его от брака. Но даже в браке с такой женщиной он будет обходиться как с рабыней, идолом или преступной соучастницей. Любовь к женщине первого типа иногда содержит то, что Враг

называет злом, но только случайно. Например, мужчине не хочется, чтобы она была женой другого, и он глубоко сожалеет, если не может любить ее законно, но в отношении к женщине второго типа зло в том, чего он хочет, в «особом аромате», за которым он гоняется. На самом же деле аромат ее лица – в явной чувственности, хмурости, хитрости или жестокости. А аромат ее тела в достаточной степени явно далек от того, что данный мужчина называет красотой. Скорее, по здравом размышлении он описал бы его как уродство, но благодаря нашему искусству такой аромат легко сыграет на нервах его чувственной одержимости.

Подлинную пытку бесовская Венера приносит, конечно, как любовница. Но если пациент – христианин, то, как следует напиговав его всей этой чепухой про «неотвратимую и всепрощающую» любовь, его можно женить на ней. А это – дело стоящее. Ты потерпел неудачу по части блуда и по части одинокого самоудовлетворения, но есть другие, косвенные методы, позволяющие использовать человеческую похоть на его погибель. Между прочим, они не только эффективны, но и восхитительно милы, так как несчастье, вызванное ими, очень приятно и изысканно»⁴¹.

Эта страсть опасна не только для души. Ныне она уносит и человеческие жизни. Безумное желание людей, одержимых ею, – это вечная молодость, вечное здоровье, вечная красота. Раньше за этим шли к ведьме или колдуну, а теперь современная медицина предлагает то же средство – бессмертие в обмен за убийство. Мы говорим о фетальной терапии, когда в целях омоложения люди соглашаются на курс лечения препаратами, созданными из... нерожденных младенцев.

«Безусловно недопустимым Церковь считает употребление методов так называемой фетальной терапии, в основе которой лежат изъятие и использование тканей и органов человеческих зародышей, абортированных на разных стадиях развития, для попыток лечения различных заболеваний и «омоложения» организма. Осуждая аборт как смертный грех, Церковь не может найти ему оправдание и в том случае, если от уничтожения зачатой человеческой жизни некто, возможно, будет получать пользу для здоровья. Неизбежно способствуя еще более широкому распространению и коммерциализации абортов, такая практика (даже если ее эффективность, в настоящее время гипотетическая, была бы научно доказана) являет пример вопиющей безнравственности и носит преступный характер»⁴².

Но «Мне отмщение, и Аз воздам», – говорит Господь. И многих, решившихся на такое преступление, ждет страшное возмездие еще при жизни.

Ношение одежды другого пола, или трансвестизм

Если вы думаете, что речь здесь пойдет о женских брюках, вы ошибаетесь. На самом деле заповедь Господня звучит так: *На женщине не должно быть мужской одежды, и мужчина не должен одеваться в женское платье, ибо мерзок пред Господом Богом твоим всякий делающий сие* (Втор. 22, 5). То есть дело здесь не в конкретном фасоне одежды, а, во-первых, в возложении на себя чужой личности, а во-вторых, в половой принадлежности одежды.

⁴¹ См. К. С. Льюис. Письма к Баламуту. Письмо 20.

⁴² См. «Основы социальной концепции РПЦ».

В первом случае мы имеем дело со стремлением человека к перемене своего образа, примеривании на себя маски другого пола. Эта страсть на бытовом уровне реализует себя на маскарадах, карнавалах, различных праздниках. Особо вредит личности языческий праздник Хэллоуин, где дети примеряют на себя личины различных демонических существ, сил зла. Надевая на себя маску или одежду другого пола, человек вольно или невольно перевоплощается, то есть стремится максимально подражать в поведении и образе мыслей тому существу или персонажу, в которого он нарядился. Вот и представьте себе, что дети должны почувствовать себя злыми, жестокими, безжалостными, переодеваясь в костюмы нечистой силы⁴³. А взрослые, участвуя в подобных увеселениях, заражаются страстями друг от друга, часто сами соблазняясь и искушаясь своим поведением.

Во втором случае, говоря языком современности, речь идет о трансвестизме – навязчивом желании носить одежду другого пола. Как вы понимаете, степень этого самого желания может быть разной. Одни ради удовлетворения похоти и полового возбуждения просто переодеваются в одежду другого пола, другие меняют одежду вместе с половой ориентацией, превращаясь в гомосексуалистов и лесбиянок. Зачастую это пристрастие является «профессиональным грехом» актеров и эстрадных исполнителей. Популярные сегодня шоу с участием Верки Сердючки, «Новых русских бабок», А. Пескова и т. п. являются греховными по сути и не должны посещаться христианами. Тем более запрещено допускать к просмотру подобных зрелищ детей, следует всячески оберегать их от подражания таким актерам. Особенно это касается тех детей, которые посещают светские театральные студии и творческие кружки. Именно там дети могут заразиться от своих горе-учителей самыми страшными грехами.

Страсти демонстрировать свое тело и подсматривать за другими, крайнее самолюбие

Эти извращения сегодня не так редки, как кажется. Чаще всего они скрываются за такими «невинными развлечениями», как любовь к коротким юбкам, прозрачным блузкам и облегающим платьям, подглядывание за обнимающимися парочками или за нудистами, рассматривание перед зеркалом своего обнаженного или приодетого тела.

В своей крайней форме эксгибиционизм (от лат. *exhibitio* – выставление, предъявление) – половое извращение. Характеризуется тем, что сексуальное удовлетворение достигается при демонстрации половых органов лицам противоположного пола в обычных бытовых ситуациях. Но сегодня множество психологов ставит такой диагноз вполне здоровым с виду людям, вроде бы ни разу в жизни не совершившим ничего подобного. Дело в том, что страсть кокетства или желание соблазнять, постепенно овладевая личностью, принимает уродливые формы психического заболевания или мании.

На приеме у психолога двадцатилетняя девушка жалуется на то, что она постоянно подвергается насилию. Врач с интересом оглядывает ее, отмечая и едва прикрывающую срамные места юбочку, и обтягивающую кофточку с глубоким декольте, и вызывающую позу, и ярко накрашенные губы. Весь вид пациентки сигнализирует о том, что она «не прочь». О ее доступности просто кричит весь ее внешний облик. На вопрос, почему она так одевается, пациентка недоуменно возражает, не видя «ничего такого» в своем туалете. Очередное насилие произошло с ней на прошлой неделе, когда, познакомившись на вечеринке с молодым человеком, она отправилась

⁴³ Прекрасно объясняется весь вред для детских душ подобных игрив в увлекательной сказочной повести Ю. Н. Вознесенской «Юлианна, или Опасные игры».

к нему «попить кофе». Когда он предложил ей «заняться любовью», она попыталась уйти, но была изнасилована.

Вот девушка и недоумевает: за что? Девушек, подобных этой жертве, сегодня множество, и встречаются они среди всех слоев общества. Дело в том, что все они страдают одной из форм эксгибиционизма – страстью демонстрировать свое тело. Конечно, мужчина, оставшись наедине с подобной девицей, уже получил невербальное подтверждение ее согласия на сексуальные отношения. Она ведь и одеждой, и поведением подтвердила его притязания. Получив же словесный отказ, партнер приходит в ярость, что и влечет за собой насилие. Мы не будем сейчас говорить о психических причинах такого поведения. Для нас важно то, что сегодня страстью демонстрировать свое тело и получать от этого удовольствие страдают не только пациенты психбольниц и стриптизерши, но и вполне благополучные с виду девушки и дамы, которые, если высказать им диагноз в лицо, придут в неописуемый ужас от подобной наглости.

Вуайеризм – (франц. voyeurisme; синонимы – визионизм, скопофилия, скоптофилия, микроскопия), вид полового извращения – влечение к подглядыванию за нескромными сценами или чужой наготой.

К разновидностям вуайеризма в наше время можно отнести увлечение стриптизом, варьете, различного рода эротическими шоу и фотографиями. Мы должны осознать, что проявления блудной страсти в виде вуайеризма присутствуют в таких популярных сегодня шоу, как конкурсы красоты, «За стеклом», «Фабрика звезд», «Голод», «Дом-2» и многих других им подобных, где зритель подглядывает за реальными людьми, живущими в реальном времени. Также именно страсть к подглядыванию заложена в саму идею глянцевого журналов, не только эротических, но и освещающих личную жизнь высшего общества и актеров. Особую тревогу даже у ко всему привыкших психологов вызывает бум видеопроизводства «для взрослых», ибо это породило новую волну пациентов, оказывающихся неспособными без подобного дополнительного стимула к совершению полового акта.

Это извращение сегодня оказалось настолько распространено, что в США даже пришлось изменить законодательство. Палата представителей Конгресса США утвердила закон, предусматривающий уголовное наказание за видео- и фотосъемку «частной жизни» людей без их согласия. Таким образом конгрессмены намереваются бороться с любителями подглядывать, которые с развитием высоких технологий, позволяющих вести съемку незаметно для окружающих, получили большие возможности для своих действий, в то время как эти действия признаются общественностью социально опасными.

Нарциссизм (греч. Narkissos – Нарцисс, мифологический юноша, влюбившийся в своё отражение в воде) – страсть к разглядыванию самого себя. Сегодня под нарциссизмом понимается половое извращение, заключающееся в достижении полового удовлетворения вследствие самолюбования или восхищения, демонстрируемого другим лицом. В своей классической форме нарциссизм по-прежнему редок и требует лечения у психиатра. Мы же поговорим о распространенных ныне формах. Именно четкое определение, данное православными аскетами этому явлению, и позволяет нам рассматривать нарциссизм не просто как психическое заболевание, но как проявление гордыни, выраженное в самолюбии или себялюбии, самодольстве и самолюбовании, которые соединились в сердце с блудной страстью, отчего похоть в душе такого человека обратилась на него самого. Такой человек свое ветхое «я» и свое тело ставит и любит превыше всего. Здесь логичное завершение и кокетства и гордости, которые, соединяясь, порождают крайнее самолюбие и служение самому себе или, как сегодня говорят, «себе любимому». Вот этот-то «себя-любивый», то есть направивший все свои душевные силы на любление себя человек и есть больной этой страстью. Все мы в той или иной мере больны ею.

Однажды во время дискуссии по проблемам нарциссизма, состоявшейся в рамках Всемирного экономического форума, ассистент профессора психиатрической клиники Йельского университета доктор Банди Ксенобия Ли зачитала из медицинского справочника Diagnostic

Statistical Manual информацию об основных клинических проявлениях нарциссизма у человека. Лицо, страдающее этим недугом, обычно ощущает «исключительную важность собственной персоны, преувеличивает свои достижения и свой талант, ожидает от общества признания своих великих, по его убеждению, заслуг, которые на самом деле незначительны». Такой человек также «погружен в фантазии о неограниченном успехе, власти и блеске, требует чрезмерного восхищения собой, испытывает ощущение, что ему позволено многое, проявляет надменное отношение к окружающим». Что это, как не выраженное в современной терминологии точное святоотеческое определение одного из проявлений самой страшной страсти – себялюбия и гордости, о котором подробнее мы поговорим в главе, посвященной этой страсти. Иногда себялюбие, соединяясь в сердце человека с блудной страстью, порождает ужасное душевное помешательство человека, где, как в змеином гнезде, переплетены самые отвратительные проявления сердечной похоти, телесного блуда и гордыни. Ярким примером подобного страстного характера в Священном Писании является Авессалом, сын Давида, который самолюбие, самолюбование и гордыню сделал своими кумирами и в служении им дошел до помыслов отцеубийства, прежде обагрив руки кровью своего брата.

В наше время служение своему плотскому «я», то есть крайнее самолюбие или нарциссизм, является одним из распространенных явлений⁴⁴.

Украшение дома, особенно спальни, соблазнительными картинами, статуями и другими предметами искусства

Речь здесь идет также о добровольном возбуждении человеком в самом себе и в окружающих блудной похоти через постоянное обращение ума и фантазии к предметам, изображающим собой сексуальные сцены.

Искусственное возбуждение похоти

Употребление наркотических средств, лекарственных препаратов или каких-либо предметов для возбуждения в себе похоти. К этому греху можно отнести употребление всего ассортимента товаров современных секс-шопов, модных ныне препаратов, «повышающих потенцию», начиная от пресловутой виагры и заканчивая какой-нибудь гомеопатией или травяным сбором, а также «взбадривание» себя любыми наркотиками для «остроты и разнообразия». Несмотря на то, что все эти средства и методы блудного разжжения широко рекламируются в СМИ и печатных изданиях, нам, христианам, необходимо помнить и осознавать, что возбуждать в себе сексуальные инстинкты есть такой же грех, как и непосредственно незаконная половая связь. Разговоры о «потенции», «сексуальном удовлетворении» и о том, «как вести себя в постели», по сути своей оказывают на наши души и тела растлевающее и соблазняющее действие, приводя нас не только к мысленному, но и к явному падению в блудную страсть. А то, что сегодня об этом без стыда говорят повсюду, показывает лишь глубочайшее падение нашей цивилизации, которая, превысив растлением и похотью даже язычников, только приближает страшными сексуальными грехами пришествие Антихриста.

2. Телесный блуд проявляет себя в следующих действиях:

Страстные прикосновения

Говоря современным языком, это все те многочисленные прикосновения к лицам другого пола, которые мы совершаем сами или допускаем до себя. Если выше мы так подробно рас-

⁴⁴ Об этой страсти смотри подробнее в части 4, в главе «Крайнее самолюбие или нарциссизм»

смаковывали блудные грехи, совершаемые лишь мысленно или органами чувств, что уж говорить о телесных проявлениях. Совершенно недопустимо обниматься, сидеть на коленях, прижиматься и ходить под руку с людьми, с которыми не состоишь в родстве или в супружеских отношениях. Сегодня это требование может показаться чересчур «пуританским», хотя этикет и правила хорошего тона даже сегодня не рекомендуют подобного поведения, которое, хотим мы или нет, всегда расценивается другим полом как некий намек на большую близость, вольно или невольно порождая целый вихрь блудных помыслов и ощущений. Особенно это касается любителей целоваться и обниматься в общественных местах, где чаще всего подобные сцены вызывают не умиление первой влюбленностью, а безразличность или сексуальное возбуждение. Повторимся, что сегодняшняя свобода нравов – это не норма, а свидетельство нашего растления и нецеломудрия. Конечно, это не значит, что христианин должен с возмущением реагировать на расслабившуюся парочку или яростно отпихивать сослуживца, который двусмысленно пошутил. Лучше постараться критически оценить собственное поведение, мягко уклоняться от «свободного» стиля общения, а при виде непристойных сцен отвернуться и помолиться о собственном вразумлении, помня, что осуждение – грех еще более губительный для души, чем блуд. А детям с малолетства стремитесь прививать правила хорошего тона, акцентируя внимание на положительных примерах человеческого благородства и воспитанного поведения.

Онанизм, или малакия

Здесь, кажется, особых пояснений не требуется. Отметим только, что явление это, безусловно греховное, может перерасти в страсть и психическое заболевание. Врачуется чистосердечной исповедью, молитвой и постом.

Родителям, заметившим эту страсть за своим ребенком, посоветуем: не спешите ругать и гневно обличать его. Порождает эту во многом возрастную страсть и гормональное состояние подросткового организма. Лучше в спокойной обстановке обсудите этот грех на чем-нибудь придуманном примере, не акцентируя внимания на личности самого ребенка, объясните ему, почему это плохо.

Девство ныне не в моде

В одном из журналов «Cool Girl» мне попала характерная для современной молодежной прессы статья под малопонятным названием «Страх в твоих глазах». Просветил подзаголовок: «Потеря невинности». В качестве **ужасной проблемы** в статье описывается следующая ситуация:

«Ты не подпускаешь к себе ни одного парня, даже целоваться не соглашаешься. Ты говоришь, что тебе это неинтересно, говоришь, что решила дождаться первой брачной ночи, говоришь, что тебе вообще не нужен парень, и еще много чего говоришь. На самом деле ты просто боишься секса. Хотя, конечно, тебе ужасно любопытно». Мы не пожалеем бумаги и процитируем эту показательную и *типичную* для современных подростковых СМИ статью⁴⁵:

«Что это такое? Может быть, тебе страшно, потому что ты ничего не знаешь о том, как это вообще происходит, как избежать боли и какие могут быть последствия. А еще это могут быть опасения из серии «как жить дальше, после того, как это произойдет?». Психологически потеря невинности – это как ритуал перехода из одного состояния в другое. И это «другое» пугает, потому что ты не знаешь толком, чего ждать. (...). Что касается ситуации «одна и не девушка», то это пережиток былых времен, когда за невинностью девушки пристально следили всем миром и чуть что – портили ей жизнь. Но ведь с тех пор прошла не одна сотня лет! В наши

⁴⁵ Цит. по журналу «Girl». 2005, сентябрь. С. 20.

времена совсем не обязательно хранить невинность до свадьбы. Лучше заранее выяснить, ходите ли вы с парнем друг другу в интимном плане. А на сплетников не обращай внимания».

Основные тезисы статьи понятны:

– Естественное целомудрие юной души преподается как гнусный комплекс, постыдная болезнь, от которой надо немедленно исцелиться, переспав по-быстренькому с более менее подходящим пацаном. Если эта невинность так уж дорога, пожалуйста – занимайтесь сексом другими способами. Главное – чтобы всем было приятно, вот и вся мораль!

– Не бойся негативных последствий (вен. заболевания, позор, беременность.) Почитай лучше книжку про это.

– Лучший друг молодежи – гинеколог. И вылечит, и от беременности избавит, и таблетку посоветует.

– «Одна и не девушка» – пережиток крепостного права, мрачного средневековья и былых времен. В наше время можно все, что приятно и необременительно.

Мне кажется, что у душевно здорового человека после такого просвещения должны волосы зашевелиться на голове. Даже в языческом мире только рабыни, профессиональные гетеры или самые беспросветные социальные низы добровольно лишались невинности вне брака. А теперь нам предлагается такой образ жизни, которым побрезговал бы и раб, будь у него выбор.

Мы видим, как в этой статье с изумительной наглостью вопиющая ложь и сутенерские увещания подаются с видом добрых советов умного психолога. А сколько подобных статей, названия которых и цитировать стыдно, красуется в глянцевого журналов?

Стоит только сказать со страниц какого-нибудь популярного издания, что «у тебя комплекс», как тут же подросток решает «стать как все, нормальным». Вот так помпезно и громко-гласно в души наших детей внедряются установки о том, что «секс (блуд) – это нормально». Не брак, не любовь к супругу, не чадородие, а разврат и похотливые отношения преподносятся как естественный образ жизни. Воистину *мудрость мира сего есть безумие пред Богом* (1 Кор. 3, 19). Вот так, в доверительной форме дружеской беседы, под маской сочувствия «проблеме» на доступном языке подростков учат греху, выдавая его за высшее благо. В этом можно усмотреть злонамеренные действия темных сил, направленные на растление и уничтожение нашего народа.

Детораствление

Ребенок, узнавая впервые, «откуда берутся дети», испытывает довольно неприятное чувство, ощущение брезгливости. И только потом, уже свыкнувшись с представлением о технологии зачатия ребенка, он начинает испытывать желание и влечение к существу противоположного пола.

Именно поэтому так называемые «уроки полового воспитания», существующие во многих школах, а также пропаганда «безопасного» секса в рамках предмета «Основы безопасности жизнедеятельности» (ОБЖ), в действительности оказывают самые пагубные и развращающие действия на несформировавшуюся психику ребенка или подростка. Почему? От Бога человеку даровано целомудрие – состояние души, противоположное блуду и развращенности, как телесной, так и умственной. Целомудрие и стыдливость – свойства души, оберегающие ее от развращения и бесовского поругания. Именно они являются основанием для настоящей христианской любви, супружества, материнства и отцовства. И вот, когда в душу ребенка, даже еще физиологически не готового к брачным отношениям (не говоря уже о нравственной готовности, то есть способности ответственно относиться к своим поступкам), вторгаются через порнографию или подробные разбирательства половых отношений сексуальные помыслы и желания, душа ребенка приходит в сильное смущение и естественным образом отталкивает от себя

эту грязь. Но ребенку вталкивают в голову, что в сексе вовсе нет ничего стыдного, заставляя его принять установку, что секс = любовь, соответственно «спать» = любить. Такое замещение понятий приводит к тяжелому внутреннему кризису юной души, результатом которого являются цинизм и бесстыдство. Ужас возникает у ребенка подсознательно, поскольку душу оскорбляет то, что важнейшее в жизни людей – благословленная Богом любовь – представляется (с подачи взрослых) – лишь животной похотью, механическим актом для получения удовольствия. Далее маленькое неокрепшее нравственно существо погружается в пучину блудных отношений (начиная от помыслов и т. д.). Вот это и называется «соблазнить». Кстати, этимологически глагол «блзнить» означает чудиться, манить, мерещиться, морочить, обманывать, а со-блзнить: склонять к чему-либо приманкой (к худому), смущать и т. д. То есть соблазнить значит обмануть душу, представив грязь, грех, похоть, удовольствие в качестве единственного пути. Попирающие целомудрие (пусть даже в качестве пропаганды) – суть одна: **растлители**.

Гомосексуализм мужской и женский. Транссексуализм

«Священное Писание и учение Церкви недвусмысленно осуждают гомосексуальные половые связи, усматривая в них порочное искажение богозданной природы человека. *Если кто ляжет с мужчиною, как с женщиною, то оба они сделали мерзость* (Лев. 20, 13). Библия повествует о тяжком наказании, которому Бог подверг жителей Содомы (Быт. 19. 1–29), по толкованию святых отцов, именно за грех мужеложства. Апостол Павел, характеризуя нравственное состояние языческого мира, называет гомосексуальные отношения в числе наиболее «постыдных страстей» и «непотребств», оскверняющих человеческое тело: *Женщины их заменили естественное употребление противоестественным; подобно и мужчины, оставив естественное употребление женского пола, разжигались похотью друг на друга, мужчины на мужчинах делая срам и получая в самих себе должное возмездие за свое заблуждение* (Рим. 1, 26–27). *Не обманывайтесь... ни малакии, ни мужеложники... Царства Божия не наследуют*, – писал апостол жителям развращенного Коринфа (1 Кор. 6, 9–10). Святоотеческое предание столь же ясно и определенно осуждает любые проявления гомосексуализма. «Учение двенадцати апостолов», творения святителей Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Нисского, блаженного Августина, каноны святого Иоанна Постника выражают неизменное учение Церкви: гомосексуальные связи греховны и подлежат осуждению. Вовлеченные в них люди не имеют права состоять в церковном клире (Василия Великого пр. 7, Григория Нисского пр. 4, Иоанна Постника пр. 30). Обращаясь к запятнавшим себя грехом содомии, преподобный Максим Грек взывал: «Познайте себя, окаянные, какому скверному наслаждению вы предались!.. Постарайтесь скорее отстать от этого сквернейшего вашего и смраднейшего наслаждения, возненавидеть его, а кто утверждает, что оно невинно, того предайте вечной анафеме, как противника Евангелия Христа Спасителя и развращающего учение оно. Очистите себя искренним покаянием, теплыми слезами и посильною милостынею и чистою молитвою... Возненавидьте от всей души вашей это нечестие, чтобы не быть вам сынами проклятия и вечной пагубы».

Дискуссии о положении так называемых сексуальных меньшинств в современном обществе клонятся к признанию гомосексуализма не половым извращением, но лишь одной из «сексуальных ориентаций», имеющих равное право на публичное проявление и уважение. Утверждается также, что гомосексуальное влечение обусловлено индивидуальной природной предрасположенностью. Православная Церковь исходит из неизменного убеждения, что богоустановленный брачный союз мужчины и женщины не может быть сопоставлен с извращенными проявлениями сексуальности. Она считает гомосексуализм греховным повреждением человеческой природы, которое преодолевается в духовном усилии, ведущем к исцелению и личностному возрастанию человека. Гомосексуальные устремления, как и другие страсти, терзающие падшего человека, врачуются Таинствами, молитвой, постом, покаянием, чтением

Священного Писания и святоотеческих творений, а также христианским общением с верующими людьми, готовыми оказать духовную поддержку.

Относясь с пастырской ответственностью к людям, имеющим гомосексуальные наклонности, Церковь в то же время решительно противостоит попыткам представить греховную тенденцию как «норму», а тем более как предмет гордости и пример для подражания. Именно поэтому Церковь осуждает всякую пропаганду гомосексуализма. Не отказывая никому в основных правах на жизнь, уважение личного достоинства и участие в общественных делах, Церковь, однако, полагает, что лица, пропагандирующие гомосексуальный образ жизни, не должны допускаться к преподавательской, воспитательной и иной работе среди детей и молодежи, а также занимать начальственное положение в армии и исправительных учреждениях. Порой извращения человеческой сексуальности проявляются в форме болезненного чувства принадлежности к противоположному полу, результатом чего становится попытка изменения пола (транссексуализм). Стремление отказаться от принадлежности к тому полу, который дарован человеку Создателем, может иметь лишь пагубные последствия для дальнейшего развития личности. «Смена пола» посредством гормонального воздействия и проведения хирургической операции во многих случаях приводит не к разрешению психологических проблем, а к их усугублению, порождая глубокий внутренний кризис. Церковь не может одобрить такого рода «бунт против Творца» и признать действительной искусственно измененную половую принадлежность. Если «смена пола» произошла с человеком до крещения, он может быть допущен к этому Таинству, как и любой грешник, но Церковь крестит его как принадлежащего к тому полу, в котором он рожден. Рукоположение такого человека в священный сан и вступление его в церковный брак недопустимо.

От транссексуализма надлежит отличать неправильную идентификацию половой принадлежности в раннем детстве в результате врачебной ошибки, связанной с патологией развития половых признаков. Хирургическая коррекция в данном случае не носит характер изменения пола»⁴⁶.

К грехам, вопиющим к Небу об отмщении за них относится и соращение в гомосексуализм, онанизм и т. п. невинных людей, особенно детей и подростков. О таких Господь сказал: *Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит. А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской* (Мф. 18, 7, 6).

Евангельские слова подтверждает и посмертный опыт Валентины Романовой из Туапсе, которая после автокатастрофы была мертвой около двух часов:

«Я ощущаю, что лечу все ниже, словно раскрылась земная кора. Оказываюсь у края бездны. Мне говорят:

– Смотри!

Я глянула – и в ужасе отпрянула. Миллионы людей! Как головастики в бочке. Рыдания, вопли, стоны. На глубочайшем дне люди всех цветов кожи. Особенно такие, у которых на голове намотано что-то (возможно, мусульмане в чалмах. – *Прим. авт.*). Они ... испражняются на глазах друг у друга и сами же во все это садятся. Невыносимая вонь! Стены пропасти доверху в плевках и кале. Мне говорят: это колодец отходов.

Я спрашиваю:

– Как они туда попали? Как их спасти? Надо какой-то канат. Почему к ним так безразличны?

А мне в ответ:

⁴⁶ См. «Основы социальной концепции РПЦ», XII.9.

– Здесь человеческие пороки.
Как это пороки?
Сопровождающие поясняют:
– Скотоложники, извращенцы, блудники, прелюбодеи, развратители
малолетних, мужеложники...
Я и слов таких не знала. Мне говорят:
– Прикосновение этих людей приносит страдание. Они получили то, что
заслужили...»⁴⁷

Садизм, мазохизм, скотоложество, некрофилия и прочие противоестественные блудные страсти

Подробно останавливаться на этих страшных пороках нет смысла, достаточно указать, что эти страсти угрожают человеку одержимостью бесами и требуют немедленного оставления, искреннего покаяния и епитимьи. Участвующие в них не допускаются до Таинства Причастия на срок, установленный духовником. Наиболее часто грехи эти встречаются среди психически нездоровых людей или членов оккультных и сатанинских сект. Именно эти разновидности блуда дают наибольшее количество тяжелых преступлений на сексуальной почве, совершенных маньяками.

Отдельно от душевных и телесных проявлений страсти блуда в самом человеке стоит целый ряд греховных действий, также порожденных действием блудной страсти, – участие в чужом блуде.

Перечислив только основные проявления страсти блуда в человеке и в обществе, можно вслед за поэтом повторить: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаййй»! Большинство из нас пока только порхает по «безобидным цветочкам», оправдывая свои поступки тем, что «сегодня так принято». Но стебли привлекательных пристрастий уходят в землю, где таятся такие страшные пороки, как развращение детей и проституция, загубленные абортами младенцы и маниакальные злодеяния на сексуальной почве, и тысячи, тысячи зол, порожденных невинными с виду увлечениями. Церковь предупреждает нас о страшных плодах блудной страсти и призывает очистить свои души и тела от этой мерзости!

А ведь многие из вышеназванных грехов сегодня даже не воспринимаются нами за таковые и вызывают недоумение. Но необходимо осознать, что это свидетельствует о нашем развращенном сознании, а не о том, что грехи «устарели» и перестали быть таковыми. *Христос вчера и сегодня и во веки Тот же* (Евр. 13, 8), поэтому правила и постановления Православной Церкви не меняются и остаются истинными во все времена, особенно сегодня, во время всеобщей апостасии – забвения заповедей и отступления от Христа.

Блудная страсть тем и опасна, что существует на грани сознательных и подсознательных процессов психики. Сплетая в один клубок физиологию и душевные проявления, она глубоко укореняется в нас еще с младенчества через воздействие на нас внешних образов и внутренних психосоматических процессов. Мы даже не осознаем в себе множество из вышеперечисленных грехов, мы срослись и сроднились с ними. Но тем хуже для нас! Полуавтоматически мы работаем греху, губя свою бессмертную душу и порождая в себе губительные пороки и болезни. Вдумайтесь в этот список! Вся мерзость, весь позор и трагедия человеческой жизни и цивилизации предстают перед нами. Какие страшные змеи свили себе гнездо в наших сердцах!

Борьбу с духом блуда св. отцы называют борьбой лютой. Блуд начинает одолевать с «первого возраста зрелости» и не перестает прежде победы над всеми прочими страстями. Дабы

⁴⁷ Цит. по: Алла Добросоцких. По следам Барнаульского чуда. 2-е изд. М.: Даниловский благовестник, 2004. С. 177.

победить блуд, недостаточно соблюдать физическое воздержание и целомудрие, но надо все время пребывать в покаянном сокрушении духа и неотступной молитве против этого нечистейшего духа. Необходим также телесный труд, удерживающий сердце от блуждания и возвращающий его в себя, а более всего необходимо глубокое истинное смирение, без которого ни над какой страстью не может быть обретаена победа.

Трудную борьбу со страстью блуда начинать надо с воздержания в еде: «Наказывая помыслы скудостью питания, чтоб думали не о блуде, а о голоде» (*прп. Нил Синайский*), то есть с поста, потому что, по свидетельствам св. отцов, чревоугодие неизменно ведет к страсти блуда: «Столп опирается на свое основание – и страсть блудная покоится на пресыщении» (*прп. Нил Синайский*). Особенно опасно с этой точки зрения пьянство. Во-первых, оно понижает способность человека контролировать свои поступки и управлять своими желаниями. Во-вторых, как известно, алкоголь разжигает похоть. Примеров тому можно найти множество. Как часто приходится слышать, что грех случился «по пьяни». И здесь нельзя говорить только о потере контроля, поскольку сожителство «по пьяни» происходит, как правило, с тем человеком, с которым «по трезвому» даже представить себе близость довольно непросто. Впрочем, на определенной стадии опьянения желание уже пропадает, и соитие, напротив, становится абсолютно непривлекательным или даже невозможным: на смену бесу блуда к человеку подступает бес уныния.

Кроме того, «блуд всегда бывает следствием гордости. Каким образом это связано? Дело в том, что если бы Господь дал возможность дьяволу полностью над нами властвовать, то бесы разодрали бы нас на части. Но по милости Божией Господь попускает в нас действие дьявольской силы настолько, насколько мы можем выдержать, противостоя ей. И когда человек пребывает в гордыне (а она ослепляет), не может видеть в себе гордости – тогда Господь, чтобы его смирить, попускает блудному бесу напасть на него. И, видя и терпя эту пагубную для него и всегда мучающую его страсть, человек может определить, что он горд»⁴⁸

Разумеется, начиная бороться со страстью блуда, надо в первую очередь позаботиться о том, чтобы оставить всякий телесный блуд, и естественный, и тем более противоестественный. Для большинства это означает прекратить все внебрачные половые связи. Впрочем, этот первый шаг совершенно очевиден, ибо священники не допускают до Причастия людей, живущих внебрачной половой жизнью. Покаяние в прелюбодеянии или любодеянии подразумевает готовность прекратить жизнь в блуде и обратиться к целомудрию.

Внебрачный союз между мужчиной и женщиной можно разорвать или, напротив, узаконить. Церковью признается гражданский брак, то есть брак, зарегистрированный государством, но не закрепленный венчанием, в том случае, если один из супругов пришел к вере, а другой еще нет. В случае измены одного из супругов венчанный брак может быть расторгнут. Если семья распадается, Церковь допускает повторный брак, однозначно предпочитая его незаконному сожителству.

Только лишь прекратив грешить телом, возможно приступить к следующей ступени – борьбе со страстью в своем сердце.

Научая невидимой брани со страстью блуда, подвижники и святые советовали:

1) Воздержание в пище. «Кто питает плоть тела своего, тот питает злые похоти, и срамные помыслы не оскудеют у него» (*св. Ефрем Сирин*). «Насыщение чрева есть мать блуда, а утеснение чрева – виновник чистоты» (*св. Ефрем Сирин*). Воздержание в пище имеет двойственное значение. Во-первых, как уже было сказано выше, умервщая плоть, мы тем самым укрепляем дух для борьбы со страстями. Во-вторых же, укрепляя плоть, мы тем самым усиливаем ее желания, то есть чисто плотские страсти. Человек слабый и немощный никогда не будет

⁴⁸ Прот. Димитрий Смирнов. Проповедь в Неделю о блудном сыне.

столь страдать от блудной страсти, как сильный и здоровый мужчина. Даже если вспомнить стереотипы, то плотолобец всегда представляется крепким мужчиной с хорошим аппетитом.

2) Воздержание в словах, особенно в праздных беседах, смехотворстве, сплетнях и осуждении.

Однажды брат пришел к авве Пимену и говорит: «Что мне делать, отец? Я страдаю блудной похотью. И вот уже ходил я к авве Ивистиону, и он сказал мне: не позволяй ей долго оставаться в тебе». Авва Пимен отвечает брату: «Дела аввы Ивистиона высоки – он на небе, вместе с Ангелами и не знает, что мы с тобой находимся во блуде! Но скажу тебе от себя: если человек будет воздерживать свое чрево и язык, то он может владеть собой».

Воздержание речи, а в лучшем случае и мысли очень важно. Празднословие, как и праздномыслие, может завести далеко. В принципе, любая праздность рождает блудную похоть, которая проявляется либо в мысли, либо в слове.

Девушка на исповеди упоминает празднословие как один из своих грехов. Священник, услышав это, подхватывает ее речь:

– Ну, если празднословие, так, значит, и осуждение, и злословие, и сквернословие и многие другие прегрешения словом.

Пустая болтовня, кажущаяся на первый взгляд довольно безобидной, всегда делает человека более распущенным. Блуждая словом, мы так или иначе начинаем затрагивать определенные предметы, обсуждая которые, разжигаем страсти.

3) Хранение чувств.

«Не позволяй глазам своим блуждать туда и сюда и не всматривайся в чужую красоту, чтоб с помощью глаз твоих не низложил тебя противник твой» (св. *Ефрем Сирин*). К этому совету можно прибавить рекомендацию воздерживать все свои пять чувств. Прежде всего, конечно, осязание, поскольку самым соблазнительным оказывается не зрение, а все-таки осязание. В дальнейшем нужно обратить свое внимание на зрение. Блуждающий взгляд часто выдает похотливость натуры. В частности, на Кавказе женщина, глазающая по сторонам, считается распущенной особой и неизменно провоцирует массу неприличных предложений. Впрочем, в Европе ситуация мало чем отличается, просто причинно-следственная связь менее осознанна.

4) Воздержание от праздного веселья и смехотворства.

«Удерживайся, брат, от шуток, чтоб не сделали они тебя бесстыдным; бесстыдство же есть мать непотребства» (св. *Ефрем Сирин*).

5) Бесповоротное и решительное прекращение всех незаконных отношений с другим полом.

Бывает, что лукавый внушает тебе такую соблазнительную мысль: «Удовлоти своей похоти, а после покаешься». На это отвечай ему: «А откуда мне знать, что будет у меня время покаяться, если я предамся блуду».

6) Воздержание от соблазна «последний раз» попробовать.

Точно так же будет говорить он тебе: «Удовлоти однажды своей страсти и успокойся». Но вспомни о том, что чем больше ты ешь, тем больше хочется. Желудок твой растягивается и требует больше пищи, если же ты воздерживаешься в еде, то и потребность в ней уменьшается с каждым днем. Так и с блудной страстью. Чем больше потакаешь ей, тем сильнее одолевает она тебя. Воздержание же ведет в конечном итоге к ослабеванию брани.

7) Мысленная борьба с блудными помыслами и мечтаниями. Прекращение их творением Иисусовой молитвы и взыванием к Богу: Господи, помилуй меня, грешного.

Некто из святых сказал: «Блуд подобен псу: если будешь ласкать его, не отойдет от тебя, а если погонишь, убежит»

8) Стяжание смирения через признание того состояния жизни и души, в котором находишься, справедливым для себя. Укорение себя и принятие с благодарением Бога всех трудностей.

«Кто одним воздержанием пытается пресечь эту брань, тот подобен человеку, который усиливается выплыть из пучины морской, действуя одной рукой. Сопряги с воздержанием смирение; потому что первое без последнего оказывается бесполезным» (*прп. Иоанн Лествичник*).

9) Оставление всяких воспоминаний о предмете страсти, отогнание молитвой и воздыханием к Богу этих мечтаний.

«Не вдавайся в обман, юноша! Видел я некоторых молящихся о любимых ими лицах, которые, будучи побуждаемы на то блудной страстью, думали однако же, что исполняют долг святой любви» (*прп. Иоанн Лествичник*).

10) Не позволяй себе днем помышлять о бывших во сне мечтаниях; потому что бесы к тому и стремятся, чтобы при помощи сновидений осквернить нас, бодрствующих.

11) В наше время следует также соблюдать воздержание от обильного просмотра теле-, видео- и книжной продукции, которая, безусловно, направлена на разжигание соответствующих страстей, поскольку основной двигатель современной культуры и экономики – похоть. Причем жажда обладания (телом, вещью, пищей и т. д.), эта страшная сила ныне ничем не сдерживается. Похоть – двигатель торговли, а купля-продажа – основное занятие современного человека.

12) Не пребывай в праздности, потому что «праздность рождает любовь, а, родив, бережет и лелеет» (Овидий). О том, что труд, особенно физическая работа, помогает в борьбе с любыми страстями, св. отцы пишут довольно часто. Что же касается непосредственно блудной страсти, то от нее труд особенно хорошее лекарство. Наблюдая за своим повседневным поведением, мы рано или поздно понимаем, что, переживая неудачи на личном фронте, лучше всего «уйти с головой в работу». Но углубление в работу может только несколько ослабить блудную брань, а никак не искоренить из сердца помыслы. Исцеляет же от блудной страсти слезная молитва, раскаяние и частое участие в Таинствах Исповеди и Причастия.

Достичь же полной победы над блудной страстью нам, живя в окружении постоянных соблазнов, крайне сложно. Поэтому задача-минимум для нас не падать телесно и хранить ум от соблазнов, а если и случится упасть – не унывать, а чистосердечно открыть грех в Таинстве Исповеди и просить Бога даровать нам силы на эту борьбу. Вообще, страсть блуда при оставлении ее, приводит к нам уныние и тоску. С ними же лучше всего бороться при помощи чтения духовной литературы (художественной тоже), слушания духовной музыки, рукоделия и выполнения своих домашних и профессиональных обязанностей. Часто в момент разрыва незаконной блудной связи с другим лицом помогает паломничество в монастырь, где молитвы у мощей святых, купание в святых источниках укрепляют душу в борьбе с этой страстью.

В патериках нередко встречаются истории о том, как молодые монахи приходили к старцам со словами: «Я хочу оставить обитель и вернуться в мир, потому что слишком одолевают меня блудные помыслы». На это мудрые отцы отвечали: «Я во много раз старше тебя, и сколько я себя помню, блудные помыслы всегда одолевали меня. И до сих пор не могу я с ними справиться, а ты думал побороть их в юности». И братья оставались в монастыре, дабы и дальше бороться с блудной страстью.

Св. Ефрем Сирий пишет: «Если восстанет в тебе плотская брань, не бойся и не падай духом. Этим придашь против себя смелости врагу, и он начнет всевать в тебя соблазнительные мысли, внушая: «Невозможно прекратиться в тебе разжжению, если не удовлетворишь своей похоти. /.../ Но не малодушествуй; Бог не оставит тебя».

Стяжание добродетели целомудрия – это прямая дорога к Царствию Небесному. Св. Иоанн Кассиан называет несколько степеней целомудрия.

1. Если человек не подвергается возмущению плотской похоти в бодрственном состоянии.
2. Если ум не замедляет в сладострастных помыслах.
3. Если при виде женщины нимало не тревожится вожделением.
4. Если в бодрственном состоянии не допускает и простого движения плотского.
5. Если и самое тонкое согласие на плотское действие не ранит ума, когда рассуждение или чтение приведет на память человеческое рождение.
6. Если даже во сне не бывает возмущаем соблазнительными мечтаниями о женщине.

Конечно, мало кому дано достичь хотя бы первой степени целомудрия, и все мы искушаемы помыслами. Тем не менее, если ты чувствуешь нападки блудной страсти, то одно это уже означает, что душа твоя не мертва, а посему ты должен возблагодарить Господа и молиться о том, чтобы Он послал тебе терпения для борьбы с ней.

Один брат из числа самых ревностных, будучи сильно возмущаем блудной похотью, пришел к старцу и раскрыл ему свои мысли. Старец, выслушав его, вознегодовал, назвал брата гнусным и недостойным образа монашеского. Брат пришел от таких слов в отчаяние, оставил келью и решил вернуться в мир. По устроению Божию встретил он авву Аполлоса, который спросил его о причине печали. Услышав всю историю, авва Аполлос принялся ободрять и вразумлять молодого монаха, говоря, что тоже испытывает сильные блудные искушения. Уговорив брата вернуться в келью, авва Аполлос пошел к старцу, который отверг брата, и, встав рядом с его кельей, обратился с молитвой к Богу, говоря: «Господи, приводящий искушения на пользу, обрати борьбу брата на старца сего, дабы он через опыт научился в старости тому, чему не научился за всю жизнь, – дабы мог он сострадать борющимся». По окончании молитвы авва Аполлос увидел демона, стоящего у кельи и пускающего в старца стрелы. Когда одна из стрел попала в старца, тот испытал упоение и наслаждение и отправился в мир той же дорогой, что ушел от него молодой брат. По дороге он встретил авву Аполлоса, поджидавшего его. Когда понял старец, что все происшедшее известно авве, то устыдился он своего поведения. Авва Аполлос же сказал: «Возвратись в свою келью и впредь помни о своей немощи. И знай, что если ты не удостоен борьбы с блудом, посылаемой на ревностных иноков, то, значит, ты либо неузнан от диавола, либо даже презрен им. А на деле ты даже малейшего нападения перенести не смог».

И то же говорил авва Кир Александрийский: «Если ты не имеешь помысла, то ты без надежды, – ибо, если не имеешь помыслов, то имеешь дело. Это значит: кто не борется с грехом в уме и не противится ему, тот совершает его телесно, а совершающий такие дела (по бесчувственности своей) не возмущается помыслами.

Некогда ученик великого старца боролся с похотью. Старец, видя его страждущим, говорил: «Хочешь ли, помолюсь Богу, чтобы Он облегчил твою борьбу?» – «Нет, – сказал ученик, – ибо я хоть и страдаю, но в самом страдании нахожу пользу для себя. А поэтому лучше попроси Бога в молитвах своих о том, чтобы Он даровал мне терпение перенести искушение». Услышав это, авва сказал: «Теперь я знаю, что ты превосходишь меня».

Приложение. К. С. Льюис. Нравственность в области пола

49

А теперь мы должны рассмотреть, как относится христианская мораль (нравственность) к вопросу половых отношений и что христиане называют добродетелью целомудрия. Христианское правило целомудрия не следует путать с общественными правилами скромности, приличия или благопристойности. Общественные правила приличия устанавливают, до какого предела допустимо обнажать человеческое тело, каких тем прилично касаться в разговоре и какие выражения употреблять в соответствии с обычаями данного социального круга. Таким образом, нормы целомудрия одни и те же для всех христиан во все времена, правила приличия меняются. Девушка с тихоокеанских островов, которая едва-едва прикрыта одеждой, и викторианская леди, облаченная в длинное платье, закрытое до самого подбородка, могут быть в равной степени приличными, скромными или благопристойными согласно стандартам общества, в котором они живут; и обе, независимо от одежды, которую носят, могут быть одинаково целомудренными (или, наоборот, нескромными). Отдельные слова и выражения, которыми целомудренные женщины пользовались во времена Шекспира, можно было бы услышать в девятнадцатом веке только от женщины, потерявшей себя. Когда люди нарушают правила пристойности, принятые в их обществе, чтобы разжечь страсть в себе или в других, они совершают преступление против нравственности. Но если они нарушают эти правила по небрежности или невежеству, то повинны лишь в плохих манерах. Если, как часто случается, они нарушают эти правила намеренно, чтобы шокировать или смутить других, это не обязательно говорит об их нескромности, скорее – об их недоброте.

Только недобрый человек испытывает удовольствие, ставя других в неловкое положение. Я не думаю, чтобы чрезмерно высокие и строгие нормы приличия служили доказательством целомудрия или помогали ему; и потому значительное упрощение и облегчение этих норм в наши дни рассматриваю как явление положительное.

Однако тут есть и неудобство: люди различных возрастов и несхожих типов признают различные стандарты приличия. Создается большая неразбериха. Я думаю, пока она остается в силе, старым людям или людям со старомодными взглядами следует очень осторожно судить о молодежи. Они не должны делать вывод, что молодые или «эмансипированные» люди испорчены, если (согласно старым стандартам) они ведут себя неприлично. И наоборот, молодым людям не следует называть старших ханжами или пуританами из-за того что те не в состоянии с легкостью принять новые стандарты. Подлинное желание видеть в других все хорошее, что в них есть, и делать все возможное, чтобы эти «другие» чувствовали себя как можно легче и удобнее, привело бы к решению большинства подобных проблем.

Целомудрие – одна из наименее популярных христианских добродетелей. В этом вопросе нет исключений; христианское правило гласит: «Либо женись и храни абсолютную верность супруге (или супругу), либо соблюдай полное воздержание». Это настолько трудное правило, и оно настолько противоречит нашим инстинктам, что напрашивается вывод: либо неправо христианство, либо с нашими половыми инстинктами в их теперешнем состоянии что-то не в порядке. Либо то, либо другое. И конечно, будучи христианином, я считаю, что неладно с нашими половыми инстинктами. Но так считать у меня есть и другие основания. Биологическая цель сексуальных отношений – это дети, как биологическая цель питания – восстановление нашего организма. Если мы будем есть, когда нам хочется и сколько нам хочется, то скорее всего мы будем есть слишком много, но все-таки не катастрофически много. Один человек может есть за двоих, но никак не за десятерых. Аппетит переходит границу биологической

⁴⁹ См. К. С. Льюис. Просто христианство.

цели, но не чрезмерно. А вот если молодой человек даст волю своему половому аппетиту и если в результате каждого акта будет рождаться ребенок, то в течение десяти лет этот молодой человек сможет заселить своими потомками небольшой город. Этот вид аппетита несоразмерно выходит за границу своих биологических функций. Рассмотрим это с другой стороны. На представление стриптиза вы можете легко собрать огромную толпу. Всегда найдется достаточно желающих посмотреть, как раздевается на сцене женщина. Предположим, мы приехали в какую-то страну, где театр можно заполнить зрителями, собравшимися ради довольно странного спектакля: на сцене стоит блюдо, прикрытое салфеткой, затем салфетка начинает медленно подниматься, постепенно открывая взгляду содержимое блюда; и перед тем как погаснут театральные огни, каждый зритель может увидеть, что на блюде лежит баранья отбивная или кусок ветчины. Когда вы увидите все это, не придет ли вам в голову, что у жителей этой страны что-то неладное с аппетитом? Ну а если кто-то, выросший в другом мире, увидел бы сцену стриптиза, не подумал ли бы он, что с нашим половым инстинктом что-то не в порядке? Один критик заметил, что, если бы он обнаружил страну, где пользуется популярностью этот акт «стриптиза», он решил бы, что народ в этой стране голодает. Критик хотел сказать, что увлечение стриптизмом похоже не на половое извращение, но скорее на половое голодание. Я согласен с ним, что если в какой-то неизвестной стране люди проявляют живой интерес к упомянутому «стриптизу» отбивной, то одним из объяснений может быть голод. Однако сделаем следующий шаг и проверим нашу гипотезу, выяснив, много или мало пищи потребляет житель предполагаемой страны. Если наблюдения покажут, что едят здесь немало, нам придется отказаться от первоначальной гипотезы и поискать другое объяснение. Так и с зависимостью между половым голоданием и интересом к стриптизу: мы должны выяснить, превосходит ли половое воздержание нашего века половое воздержание других столетий, когда стриптиза не было. Такого воздержания мы не находим. Противозачаточные средства резко снизили риск, связанный с половыми излишествами, и ответственность за них и в пределах брака, и вне его; общественное мнение стало гораздо более снисходительным к незаконным связям и даже к извращениям по сравнению со всеми остальными веками с послеязыческих времен. К тому же гипотеза о «половом голодании» не единственно возможное объяснение. Каждый знает, что половой аппетит, как и всякий другой, стимулируется излишествами. Вполне возможно, что голодающий много думает о еде. Но то же самое делает и обжора.

И еще одно, третье соображение. Немногие желают есть то, что пищей не является, или делать с пищей что-либо другое, а не есть ее. Иными словами, извращенный аппетит к пище – вещь крайне редкая. А вот извращения сексуальные многочисленны, пугающи и с трудом поддаются лечению. Мне не хотелось бы вдаваться во все эти детали, но придется. Делать это приходится потому, что в последние двадцать лет нас день за днем кормили отборной ложью о сексе. Нам повторяли до тошноты, что половое желание в такой же степени правомерно, как и любое другое естественное желание; нас убеждали, что, если только мы откажемся от глупой викторианской идеи подавлять это желание, все в нашем человеческом саду станет прекрасно. Это неправда. Как только вы, отвернувшись от пропаганды, переведете взгляд на факты, вы увидите, что это ложь.

Вам говорят, что половые отношения пришли в беспорядок из-за того, что их подавляли. Но в последние 20 лет их не подавляют. О них судачат повсюду, весь день напролет, а они все еще не пришли в норму. Если вся беда в подавлении секса, в замалчивании, то с наступлением свободы проблема должна бы разрешиться. Однако этого не случилось. Я считаю, что все было как раз наоборот: когда-то, в самом начале, люди начали обходить этот вопрос именно из-за того, что он выходил из-под контроля, превращался в чудовищную неразбериху.

Современные люди говорят: «В половых отношениях нет ничего постыдного». Под этим они могут подразумевать две вещи. Они могут иметь в виду, что нет ничего постыдного как в том, что человечество воспроизводит себя определенным способом, так и в том, что спо-

соб этот сопряжен с удовольствием. Если так, то они правы. Христианство полностью с этим согласно. Беда не в самом способе и не в удовольствии. В старину христианские учителя говорили: «Если бы человек не пал, то получал бы гораздо больше удовольствия от половых отношений, чем получает теперь». Я знаю, что некоторые туповатые христиане создали впечатление, будто с точки зрения христианства половые отношения, тело, физические удовольствия – зло сами по себе. Эти люди совершенно неправы. Христианство почти единственная из великих религий, которая одобрительно относится к телу, которая считает, что материя – это добро, что Сам Бог однажды облекся в человеческое тело, что нам будет дано какое-то новое тело даже на небесах; и это новое тело станет существенной составной частью нашего счастья, нашей красоты, нашей силы. Христианство возвеличило брак больше, чем любая другая религия, и почти все величайшие поэмы о любви написаны христианами. Если кто-нибудь говорит, что половые отношения – зло, христианство тут же возражает.

Однако когда сегодня люди говорят: «В половых отношениях нет ничего постыдного», они могут подразумевать, что нет ничего предосудительного в том положении, в котором пребывают эти отношения сегодня. Если они это имеют в виду, то я думаю, они неправы. Я считаю, что сегодняшнее положение с сексом весьма и весьма постыдное. Нет ничего постыдного в наслаждении едой; но было бы крайне позорно для человечества, если бы половина населения земного шара сделала пищу главным интересом в своей жизни и проводила время, глядя на картинки, изображающие съедобное, облизываясь и пуская слюну. Я не хочу сказать, что мы с вами лично ответственны за сложившуюся ситуацию. Мы страдаем от искаженной наследственности, которую передали нам наши предки. Кроме того, мы выросли под гром пропаганды невоздержания. Существуют люди, которые ради прибыли желают, чтобы наши половые инстинкты были постоянно возбуждены, потому что человек, одержимый навязчивой идеей или страстью, едва ли способен удержаться от расходов на ее удовлетворение. Бог знает о нашем положении и, когда Он будет нас судить, примет во внимание все трудности, которые нам приходилось преодолевать. Важно только, чтобы мы искренне и настойчиво желали преодолеть эти трудности.

Мы не можем исцелиться прежде, чем захотим. Те, которые действительно ищут помощи, получают ее. Но многим современным людям даже пожелать этого трудно. Легко думать, будто мы хотим чего-то, когда на самом деле вовсе этого не хотим. Давно еще один известный христианин сказал, что когда он был молодым, то постоянно молился, чтобы Бог наделил его целомудрием. И лишь много лет спустя он осознал, что, пока его губы шептали: «О Господи, сделай меня целомудренным», сердце втайне добавляло: «Только, пожалуйста, не сейчас». То же самое может случиться и с молитвами о других добродетелях.

Существуют три причины, почему в настоящее время нам особенно трудно желать целомудрия; я уже не говорю о том, чтобы достичь его.

Во-первых, наша искаженная природа, бесы, искушающие нас, и вся современная пропаганда похоти, объединившись, внушают нам, что желания, которым мы противимся, так естественны и разумны и направлены на укрепление нашего здоровья, что сопротивление им своего рода ненормальность, почти извращение. Афиша за афишей, фильм за фильмом, роман за романом связывают склонность к половым излишествам с физическим здоровьем, естественностью, молодостью, открытым и веселым характером. Подобная параллель лжива. Как всякая сильно действующая ложь, она замешена на правде, о которой мы говорили выше: половое влечение само по себе (за исключением излишеств и извращений) нормальный и здоровый инстинкт. Ложь – в предположении, что любой половой акт, которого вы желаете в данный момент, здоров и нормален. Даже если оставить христианство в стороне, с точки зрения элементарной логики это лишено смысла. Ведь очевидно, что уступка всем нашим желаниям ведет к импотенции, болезням, ревности, лжи и всему тому, что никак не согласуется со здоровьем,

веселым нравом и открытостью. Чтобы достичь счастья даже в этом мире, необходимо быть как можно более воздержанным.

Поэтому нет оснований считать, что любое сильное желание естественно и разумно. Каждому здравомыслящему и цивилизованному человеку должны быть присущи какие-то принципы, руководствуясь которыми он одни свои желания осуществляет, другие отвергает. Один человек руководствуется христианскими принципами, другой – гигиеническими, третий – социальными. Настоящий конфликт происходит не между христианством и «природой», а между христианскими принципами и принципами контроля над «природой». Ведь «природу» (то есть естественные желания) так или иначе приходится контролировать, если мы не желаем разрушить свою жизнь. Следует признать, что христианские принципы строже других. Но христианство само помогает верующему в соблюдении их, тогда как при соблюдении других принципов вы никакой внешней помощи не получаете.

Во-вторых, многих людей отпугивает самая мысль о том, чтобы всерьез следовать христианским принципам целомудрия, ибо они считают (прежде, чем попробовали), что это невозможно. Но, испытывая что бы то ни было, нельзя думать о том, возможно это или нет. Ведь над экзаменационной задачей человек не раздумывает, но старается сделать все, на что способен. Даже самый несовершенный ответ будет как-то оценен; но если он вообще не ответит на вопрос, то и оценки не получит. Не только на экзаменах, но и на войне, либо занимаясь альпинизмом, или когда учатся кататься на коньках, плавать или ездить на велосипеде, даже застегивая тугой воротник замерзшими пальцами, люди часто совершают то, что казалось невозможным прежде, чем они попробовали. Поразительно, на что мы способны, когда заставляет необходимость.

Мы можем быть уверены в том, что совершенного целомудрия, как и совершенного милосердия, не достигнуть одними человеческими усилиями. Вы должны попросить Божьей помощи. Но даже после того как вы ее попросили, долгое время вам может казаться, что вы этой помощи не получаете или получаете ее недостаточно. Не падайте духом. Всякий раз, когда оступаетесь, просите прощения, собирайтесь с духом и делайте новую попытку. Очень часто поначалу Бог дает не саму добродетель, а силы на все новые и новые попытки. Какой бы важной добродетелью ни было целомудрие (или храбрость, или правдивость, или любое другое достоинство), сам процесс развивает в нас такие душевные навыки, которые еще важнее. Этот процесс освобождает нас от иллюзий об эффективности собственных усилий и учит во всем полагаться на Бога. Мы учимся, с одной стороны, тому, что не можем полагаться на самих себя даже в наши лучшие моменты, а с другой – тому, что и в случае самых ужасных неудач нам не следует отчаиваться, потому что неудачи наши – прощены. Единственной роковой ошибкой для нас было бы успокоиться на том, что мы есть, не стремясь к совершенству.

В-третьих, люди часто превратно понимают то, что в психологии называется «подавлением». Психология учит, что «подавляемые половые инстинкты» представляют собой серьезную опасность. Но слово «подавляемые» – технический термин. Оно не значит «пренебрегаемые» или «отвергаемые». Подавленное желание или мысль отбрасывается в наше подсознание (обычно в очень раннем возрасте) и может возникнуть в сознании только в видоизмененной до неузнаваемости форме. Подавленные половые инстинкты могут проявляться как нечто, не имеющее к сексу никакого отношения. Когда подросток или взрослый человек сопротивляется какому-то осознанному желанию, он ни в коей мере не создает для себя опасности «подавления». Напротив, те, кто серьезно пытается хранить целомудрие, лучше осознают половую сторону своей природы и знают о ней гораздо больше, чем другие люди. Они познают свои желания, как Веллингтон знал Наполеона или как Шерлок Холмс знал Мориарти; они разбираются в них, как крысолов в крысах, а слесарь-водопроводчик – в протекающих трубах. Добродетель – пусть даже не достигнутая, но желаемая – приносит свет, излишества лишь затуманивают сознание.

И наконец, несмотря на то, что мне пришлось так долго говорить о сексе, я хочу, чтобы вы ясно поняли: центр христианской морали не здесь. Если кто-нибудь полагает, что отсутствие целомудрия христиане считают наивысшим злом, то он заблуждается. Грехи плоти очень скверная штука, но они наименее серьезные из всех грехов. Самые ужасные, вредоносные удовольствия чисто духовны: это удовольствие соблазнять других на зло; желание навязывать другим свою волю, клеветать, ненавидеть, стремиться к власти. Ибо во мне живут два начала, соперничающие с тем «внутренним человеком», которым я должен стремиться стать. Это – животное начало и дьявольское. Последнее – наихудшее из них. Вот почему холодный самодовольный педант, регулярно посещающий церковь, может быть гораздо ближе к аду, чем проститутка. Но конечно, лучше всего не быть ни тем, ни другой.

Глава 3. Сребролюбие

Сребролюбие есть дочь неверия. Оно в предлог к себе выставляет возможные немоции, приближение старости, внезапность голода, по причине бездождия.

Прп. Иоанн Лествичник

Сребролюбием называется жажда стяжания и ненасытимая любовь к материальным благам, в особенности к деньгам как таковым. Страсть сребролюбия являет себя в алчности⁵⁰, стяжательстве⁵¹, корыстолюбии⁵² или мшелоимстве, стремлении к роскоши, мздоимстве⁵³.

Как молодой повеса ждет свиданья
с какой-нибудь развратницей лукавой
Иль душой, им обманутой, так я
Весь день минуты ждал, когда сойду
В подвал мой тайный, к верным сундукам. (...)
(Смотрит на свое золото).
А сколько человеческих забот,
Обманов, слез, молений и проклятий
Оно тяжеловесный представитель! (...)
Нас уверяют медики: есть люди,
В убийстве находящие приятность.
Когда я ключ в замок влагаю, то же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая в жертву нож: приятно
И страшно вместе.

Мало кто из нас, с воодушевлением размышляя о предстоящей зарплате и воображая те блага, которые он за нее приобретет, сравнивает себя с тем ростовщиком, чей образ гениально нарисовал Пушкин в «Скупом рыцаре». Но разве, открывая кошелек или вкладывая кредитную карточку в банкомат, не испытываем и мы похожий трепет? Ведь через секунду мы сможем купить давно вожделенную вещь или услугу, и тем самым на мгновение утвердим себя хозяевами жизни: ведь то, что нельзя купить за деньги, можно купить за очень большие деньги...

Деньги? – Деньги
всегда, во всякой возраст нам пригодны;
Но юноша в них ищет слуг проворных
И не жалея шлет туда, сюда.
Старик же видит в них друзей надежных
И бережет их как зеницу ока.⁵⁴

⁵⁰ По словарю В. И. Даля, алчность – от алкать: голодать, томиться голодом, сильно хотеть, жаждать чего-либо, стремиться силою воли... Алчность – ненасытность, жадность.

⁵¹ По словарю В. И. Даля, стяжательство – от стяжать или стягать: снискивать, приобретать, добывать. Стяжание – имущество, богатство, собственность.

⁵² Там же. Корыстолюбие – любовь к богатству от корысть: нажива, барыш, выгода, богатство; страсть к приобретению, жадность к деньгам.

⁵³ Там же. Мзда – награда или возмездие, плата, вознаграждение, добыча. В узком смысле, мздоимство есть взяточничество, в более широком – искание наград, выгод и подарков.

⁵⁴ А. С. Пушкин. Скупой рыцарь.

Стремление к богатству – болезнь, изначально не свойственная природе человека, тем не менее корни ее можно искать в инстинкте самосохранения. Так, животные (хомяки, белки) иногда запасают пищу впрок. То же необходимо делать человеку, если он сам себе взращивает пищу. То есть в деревнях, к примеру, необходимо как можно больше собрать летом, чтобы еды хватило на зиму.

Но сребролюбие невозможно объяснить только инстинктом самосохранения, ибо стремление человека к богатству переходит все разумные пределы. Корень нашего сребролюбия кроется в том, что деньгами мы пытаемся заменить надежду на Бога, уверенность в Его заботе о нас. Отказавшись от веры в Бога, мы утратили не только смысл жизни и смерти. Мы потеряли знание о том, что мы не одиноки и что мы кому-то нужны. Из детей Небесного Отца мы превратились в бездомных сирот, которые вынуждены идти на все, чтобы выжить. Свой страх перед жизнью, свою неуверенность в будущем, свои комплексы и нереализованные мечты мы компенсируем деньгами. Кроме того, этот грех связан и с гордыней, когда, идя по жизни, человек надеется исключительно на свои автономные силы. *Богатых в настоящем веке увещевай, чтобы они не высоко думали о себе и уповали не на богатство неверное, но на Бога живого, дающего нам все обильно для наслаждения*, – предостерегает апостол Павел (1 Тим. 6, 17). «Сребролюбие внушает [мысль] о долгой старости, немощи рук, неспособных уже трудиться, будущем голоде и болезнях, скорбных тяготах бедности и о том, сколь постыдно принимать от других [все] необходимое», – говорил авва Евагрий.

В раннехристианской аскетической письменности этому пороку уделялось большое значение. Порок корыстолюбия включал в себя довольно широкий спектр значений: «жадность», «лихоимство», «любостяжание», «ненасытимость», берущих свои истоки в учении Нового Завета. По наблюдениям аввы Евагрия, впадая в какой-либо порок, особенно плотского характера, человек постепенно свыкается с ним; приобретенная страсть при отсутствии сопротивления начинает разрастаться, набирая все большую силу вплоть до разрушения личности: «Как неудержимо течение реки, так ненасытна алчность несправедливого мужа».

Принципиальная ненасытимость плотских желаний обременяет душу излишними попечениями, направленными на удовлетворение страстей. В результате Царство Небесное, как цель жизни человека, подменяется многими малыми преходящими задачами, целью решения которых становится удовлетворение множества постоянно сменяющих друг друга желаний и потребностей. «Алчущий материальных благ поглощается многими заботами, а держащийся за них впадает в горькие скорби»⁵⁵. Так же обременительна для души человека и привязанность к материальным благам и гарантированному достатку (ср. Мф. 19, 21–22). Сами деньги нравственно нейтральны, греховны привязанность к ним и стремление к избыточеству. Сребролюбом является не тот, кто имеет деньги, но тот, кто добивается их.

Татарский окончательно понял, что в душу заползла депрессия. Ее можно было убрать двумя методами – выпить граммов сто водки или срочно что-нибудь купить, потратив долларов пятьдесят (некоторое время назад Татарский с удивлением понял, что эти два действия вызывают сходное состояние легкой эйфории, длящейся час-полтора)⁵⁶.

Описанный выше феномен детально был исследован знаменитым американским психологом Эрихом Фроммом и описан в книге «Иметь или быть», а великий русский писатель и поэт А. К. Толстой выразился по этому поводу еще прозрачнее:

⁵⁵ Авва Евагрий. Творения. М., 1994.

⁵⁶ В. Пелевин. «Generation «П».

Они звона не терпят гусярного,
Подавай им товара базарного!
Все, чего им не взвесить, не смеряти,
Все, кричат они, надо похерити!
Только то, говорят, и действительно,
Что для нашего тела чувствительно;
И приемы у них дубоватые,
И ученье-то у них грязноватое!

При этом надо разделять тех людей, для которых богатство является самоцелью, и тех, для кого оно – лишь средство приобретения чего-то другого, например власти или славы. Таким образом, у сребролюбия две стороны: накопительство и мотовство.

Самый распространенный вариант – когда оба мотива тесно связаны, то есть человек жаждет и власти, и богатства одновременно. «Я люблю не деньги, а то, что за них можно купить», – говаривал Остап Бендер.

Кстати, наш век демократии крепко-накрепко связал сребролюбие с тщеславием, объявив устами Америки: «Раз ты такой умный, то почему ты такой бедный?» Мы полагаем ничтожеством того, кто не может заработать деньги, мы с презрением и тайной гордостью усмехаемся над теми, кто одет беднее, у кого модель мобильного устарела, кто ездит на «Жигулях», у кого... Да мало ли что утверждает нас в роли любимцев фортуны!

«В торговле есть своя метафизика. Нет, кажется, большего удовольствия человеку, как продавать, покупать. Ему кажется, что он расширяет, увеличивает себя в этих куплях и продажах. Кажется ему, что, покупая, он нечто прибавляет к себе и приобретает власть над новой частью мира, столь непокорного ему. Такова «метафизика» покупки. А при продаже человеку кажется, что он меняет для себя ценное на более ценное, то есть осуществляет (в наиболее легком плане, материальном) духовную цель своего бытия.

Но вся торговля земли есть только образ жизни духовной. Проходящие ценности мира даны для «покупки» жизни вечной – умножения небесной любви» (*архиеп. Иоанн Сан-Францисский (Шаховской)*).

В наше время человек, сумевший собственными силами нажать состояние, вызывает уважение у окружающих. В стремлении сохранить и приумножить свои богатства человек постепенно забывает все нравственные законы, доходя (в наше время это случается, к сожалению, не так уж редко) даже до убийства.

Сребролюбие бывает трех видов:

а) Стремление наживать богатство, или любостяжание – оно начинается обычно с малого: с желания заработать себе на пропитание. Но чем больше ты потворствуешь страсти, тем больше она разжигается. Заработав на хлеб, человек уже желает намазать на него масло, потом положить колбасу, нарезанную серебряным ножом, и съесть этот бутерброд, развалившись в шикарном кресле перед цветным телевизором, на своей трехэтажной вилле на Канарских островах. Денег много не бывает. Стремление к деньгам есть стремление к магическому, *внешнему* овладению вещами и людьми... «Все куплю», – сказало злато»...

«Мечта алхимиков о превращении всякой материи в злато осуществляется и осуществлялась уже в их дни, хотя они этого не понимали. Есть что-то алхимическое во всякой продаже и всякой покупке. Легкий и быстрый создатель всего внешнего и медиатор – деньги; это легкий превратитель «всего» – во «все», быстрый, почти сказочный осуществитель человеческой

воли... Вот отчего кланяются мамоне богатства. Надежда на мамону, а не на Бога есть как бы «нормальная атмосфера» этого мира, личных, общественных и государственных расчетов. Удивительно ли, что сгорают эти расчеты (*архиеп. Иоанн Сан-Францисский (Шаховской)*).

Мы всегда вынуждены экономить. Сначала на электричестве, потом на электричестве и покупке машины, затем на электричестве и покупке самолета и так далее. Мы все время говорим себе: «Вот накоплю столько-то, куплю себе квартиру и остановлюсь». Ужас заключается в том, что остановиться оказывается уже невозможным: зарабатывая на квартиру, ты так устаешь, что после покупки оной занимаешь в долг у друзей приличную сумму, так как чувствуешь насущную потребность поехать отдохнуть в Европу. Вернувшись из Европы, отрабатываешь долг и т. д. О нехватке денег порой приходится слышать от людей с различным финансовым положением: и от тех, у кого он двести долларов, и от тех, чей месячный доход составляет две-сти тысяч долларов. Думаю, картина мало чем отличается у людей, получающих ежемесячно двадцать миллионов долларов. Мы вообще очень любим приbedняться и делать вид, что наше финансовое состояние значительно хуже, чем оно есть на самом деле. Порой это звучит более чем комично: «Нищета заела, буквально голодаем, видела в супермаркете тигровых креветок – купить не на что».

Одно из излюбленных оправданий сребролюбцев, стремящихся к наживе, – это забота о детях. Впрочем, в своей страстной заботе о детях и об их будущем родители часто не замечают, как дети их становятся бандитами и наркоманами (кстати, в последнем случае накопленный капитал приносит немало пользы в процессе лечения этих самых детей, процессе, который затягивается порой на всю жизнь). Конечно, стремление к наживе далеко не всегда воплощается в реальные действия. Многие по тем или иным причинам остаются нищими. Это, впрочем, не означает, что такие люди не одержимы сребролюбием. Нередко сребролюбие и страсть к наживе терзают их значительно больше, чем людей обеспеченных, так как к мечтам о богатстве подмешивается зависть. Часто люди, выросшие в бедных семьях, очень много думают о деньгах, даже если дальнейшая жизнь складывается благополучно с финансовой точки зрения. Это не абсолютное правило, но тем не менее мы находим ему множество подтверждений.

«Любостязание есть предтеча антихриста», – предрек св. Нил Мироточивый. Как это понять? «Чаще всего, когда говоришь о будущем, раздается один вопрос: «Что, Бог так немилосерден, что способен погубить все народы?» Губит людей не Господь, а дьявольская неумеренность во всем».

б) Нежелание отдавать нажитое – проще говоря, скупость или жадность. Тому, что быть жадным плохо, нас учат еще в детстве. «Надо быть щедрым мальчиком и всегда делиться с другими», – говорят нам родители и неоднократно повторяют эту фразу. После долгой борьбы с собой мы наконец усваиваем эту родительскую заповедь и однажды, вернувшись с гулянья, радостно сообщаем маме, что, следуя ее заветам, подарили свой велосипед какому-то несчастному незнакомому мальчику, которому родители велосипед не купили. Мама по совершенно непонятным для нас причинам приходит в ярость.

С возрастом мы понимаем, что жадным быть нельзя, но бережливым – нужно. Если сформулировать эту фразу на более понятном языке, то звучать она будет примерно так: «Другим нужно отдавать очень маленькую часть того, что имеешь сам, и желательно при этом жертвовать именно той частью, которая самому не особенно нужна». Помните, как у Толкиена во «Властелине колец»? «Подарки – это такие вещи, которые самому не нужны, а выбросить жалко».

Подобная «бережливость» в православном понимании та же жадность. Вспомним святых, которые раздавали все свое имущество бедным и делились со странником последним ломтем хлеба. Один святой даже продал себя в рабство, чтобы накормить голодного. Конечно, подобное поведение приравнивается уже к подвигу. Не обязательно раздавать все. Да ведь и

половину отдать уже почти выше человеческих сил. Представьте, что ежемесячно половину своей зарплаты вы будете отдавать пусть даже не нищим на улице, а близким друзьям, находящимся в затруднительном положении. От одной мысли об этом современного человека бросает в дрожь. Теперь это тоже подвиг. Одной из разновидностей жадности является любовь к бесплатному или, попросту к «халяве». В магазине проводится дегустация. Хочется тебе есть, не хочется – ты обязательно попробуешь: бесплатно же! В эти моменты мы слышим голос не чревоугодия, а именно сребролюбия.

Молодая состоятельная американка: «Завтра мы идем на шоколадную фабрику. Ужасно не хочется. Но обещают бесплатный шоколад, а я так люблю, когда что-то дают бесплатно».

в) Стремление нажить богатство снова, после того как уже отдал нажитое. Страсть эта в наше время абсолютно вышла из моды. Так как нажитого мы никому не отдаем, то и говорить об этой разновидности сребролюбия не имеет смысла.

Накопительство стало теперь наукой. Специальные факультеты вузов обучают тому, как делать деньги. Накопительство стало искусством: люди пишут книги о том, как ловко удалось им из ничего сколотить себе состояние. Накопительство стало философией. Любая человеческая потребность, любая мелкая извращенная страстишка одних становится бизнесом для других. Моментами возникает ощущение, что весь мир медленно превращается в такое коммерческое предприятие: место, где можно заработать деньги.

А начинается все тихо и неприметно.

Маленькой Вареньке подарили на день рождения копилку. Керамическая хрюшка понемногу стала наполняться. Сначала мелочью от сдачи, которую мама отдавала «играть» дочурке, затем и папиными «бумажками» более серьезного достоинства. Наконец однажды наступил момент, когда в доме случилась проблема с деньгами. Мама попросила у Вареньки копилку. «Зачем тебе?» – недовольно буркнула девочка. «Затем, чтобы я вынула заглушку и содержимое. Надо купить в магазине продукты». Варя не поняла: «Но ведь это же моя копилка и мои денежки. Хочешь, мама, я дам тебе их в долг?».

В детстве, на определенном этапе становления личности, ребенок начинает осознавать понятия «мое/чужое». Конечно, представление о собственности приходит от родителей, из их разговоров, из их бытовой жизни. Этот период жизни ребенка сопрягается, как правило, с жадностью, отчетливым нежеланием отдавать то, что принадлежит ему, и, напротив, за наибольшим количеством вещей утвердить название «мое».

Маленький мальчик приходит к маме и показывает ей катушку ниток, найденную под кроватью.

– Мама, это твое? – спрашивает он.

– Да, мое, – говорит мама.

– А подари катушку мне, – говорит мальчик.

Ситуация эта выглядит по сути довольно абсурдной, поскольку мальчик не спрашивает разрешения поиграть катушкой или использовать нитки. Нет, он просит, чтобы мама признала вещь, пусть даже самую пустячную вещь, его собственностью. Вот на этом самом этапе и начинает свирепствовать страсть сребролюбия.

В принципе слово «сребролюбие» происходит от слова «серебро», а следовательно, разумеется под ним прежде всего любовь к деньгам. Но действие страсти сребролюбия не ограничивается только стремлением к обладанию деньгами. Язвы этой болезни мы видим также в жажде любых материальных благ.

Сильная привязанность к материальным ценностям людьми осуждается. Издревле скупость считалась одним из самых презренных пороков.

Со страстью сребролюбия святитель Игнатий Брянчанинов связывает следующие грехи: «Любление денег, вообще любление имущества движимого и недвижимого. Желание обогатиться. Размышление о средствах к обогащению. Мечтание богатства. Опасения старости, нечаянной нищеты, болезненности, изгнания. Скупость. Корыстолюбие. Неверие Богу, неупование на его промысл. Пристрастия или болезненная излишняя любовь к разным тленным предметам, лишаящая душу свободы. Увлечение суетными попечениями. Любление подарков. Присвоение чужого. Лихва. Жестокосердие к нищей братии и ко всем нуждающимся. Воровство. Разбой».

Помнится, в одной из киноверсий «Гибели «Титаника» после крушения огромного корабля, унесшего за собой под воду тысячи людей, какая-то богатая женщина переживала об оставленной на судне одежде.

Любовь к деньгам. Очень, если задуматься, странное чувство. Деньги, конечно, являются прежде всего символом. Но в то же время нередко важны становятся они сами, а вовсе не то, что на них можно купить. Вот мы заработали стопку хрустящих бумажек и пребываем в размышлениях, что купить на них. Мы представляем себе то одно, то другое: можно пойти в ресторан, или закупить книг, или аксессуары для компьютера, или сделать кому-то подарок, или сделать ремонт в ванной, или поменять колеса на машине... В конце концов мы тратим эти самые деньги так или иначе и пост-фактум не получаем уже большого удовольствия от купленной вещи.

С этой точки зрения, **расточительность**, которая также является грехом, можно считать одним из проявлений сребролюбия.

В современном мире стремление к богатству выглядит довольно естественным, а последними нестяжателями были, пожалуй, хиппи (как правило, дети состоятельных родителей, уходившие из дома в коммуны и порицавшие родительскую буржуазность и обеспеченность). Эта романтика нестяжательства как-то совершенно умерла в последние годы для других. Герой, отказавшийся от мирских благ, не находит отклика в душе зрителя. Скорее наоборот, восхищение вызывает человек, приобретший большое богатство, сумевший накопить, сколотить состояние.

Этот факт очень любопытен, поскольку подобный образ вполне можно считать навязанным человеку извне. То есть, с одной стороны, желание обогащения вполне свойственно греховной природе человека, с другой стороны, в последние годы желание это в такой степени культивируется и повсеместно проявляется, что невольно задумываешься: а не создается ли этот ажиотаж вокруг денег искусственным образом?

Возможно, во многом этот фактор связан с американским влиянием, а точнее, с влиянием философии потребления. Если вспомнить в двух словах эту философию, то сведется она к следующему: чем больше потребляет каждый индивид, тем больше становится товарно-денежный оборот страны, тем лучше развивается экономика страны, тем богаче становится страна, тем лучше живет каждому отдельному индивиду. То есть чем чаще ты покупаешь новые машины, тем больше производится машин, тем больше людей получают деньги за производство машин, тем богаче они становятся и тем больше машин имеют возможность покупать.

Именно такой выход нашла для себя Америка, оказавшись когда-то в экономической депрессии. И с тех пор каждый уважающий себя американец покупает определенное количество товаров за определенный промежуток времени, одним словом, по-честному играет в эту философию потребления.

Какие-то близкие идеи начали витать в воздухе и в нашей стране. Эти принципы интересно формулирует писатель Виктор Пелевин: человек в экономике воспринимается как клетка, которая поглощает и выбрасывает деньги. Поглощает он деньги, «чтобы уничтожить страдание от конфликта между образом себя и образом идеального «сверх-я», создаваемого рекламой. Заметим, что дело не в вещах, которые можно купить за деньги, чтобы воплотить это идеальное «я», – дело в самих деньгах. Действительно, многие миллионеры ходят в рванье и ездят на дешевых машинах – но, чтобы позволить себе это, надо быть миллионером. Нищий в такой ситуации невыразимо страдал бы от когнитивного диссонанса, поэтому многие бедные люди стремятся дорого и хорошо одеться на последние деньги». Поглотив деньги, клетка начинает выделять их, «чтобы испытать наслаждение при совпадении упомянутых выше образов». «Поскольку два описанных действия – поглощение денег и их выделение – противоречат друг другу, (...) то выделение денег происходит в скрытой форме, и человек всерьез считает, что удовольствие связано не с самим актом траты денег, а с обладанием тем или иным предметом. Хотя очевидно, что, например, часы за пятьдесят тысяч долларов как физический объект не способны доставить человеку большее удовольствие, чем часы за пятьдесят, – все дело в сумме денег»⁵⁷.

«Время – деньги», это от лукавого. Время есть начало святой вечности, сокровище неоценимое. Во всех земных делах и в самом времени открывается безграничный простор, обращенный к небу... Мгновение во благодати дороже тысячелетий. Люди все богачи, даже если им осталось земного времени только для одного покаянного вздоха (*архиеп. Иоанн Сан-Францисский (Шаховской)*).

Многие психологи говорят о любви к трате денег как о психической зависимости, которая во многом сходна с зависимостью от наркотиков. Заметьте, как это засасывает. Стоит пожить некоторое время привольно, и уже так тяжело оказывается вернуться к скромному образу жизни. И совершенно непонятно, куда же эти деньги уходят. Вроде бы и не покупаешь ничего особенного. Ну, вот сегодня пообедал в ресторане, а вчера пылесос для машины приобрел, а позавчера – цветы подруге. И куда только деньги деваются?

Да даже бывает, не на себя деньги тратишь, а на друзей и подруг. То вечеринку устроишь, то прием, то кому-то подарок купишь. И испытываешь от этого огромное удовольствие, принимая эти свои жесты за проявления щедрости. На самом же деле нередко мотивы такого поведения заключаются совсем в другом. Во-первых, здесь выражается стремление «быть хорошим» и даже где-то покупать чужую любовь. Во-вторых, все та же расточительность, которая не имеет с щедростью ничего общего, поскольку щедрость – это добродетель, а расточительность – это проявление страсти. Разницу не всегда просто увидеть. Но можно попробовать наметить некоторые различия в ощущениях.

Во-первых, щедрость предпочитает действовать скрыто, тайно, так, чтобы «правая рука не ведала, что делает левая», и так, чтобы принимающий дар не знал, от кого дар этот исходит. Щедрость не ждет благодарности или восхищения. Щедрость дает тому, кто просит, а не тому, кто милее сердцу. Щедрость происходит от сострадательности и любви к ближнему, а расточительность – от тщеславия и самолюбия.

Пришедши же, одна бедная вдова положила две лепты, что составляет кодрант. Подозвав учеников Своих, Иисус сказал им: истинно говорю вам, что эта бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу; ибо все клали от избытка своего, а она от скудости своей положила все, что имела, все пропитание свое (Мк. 12, 42–44).

Одним словом, наша любовь делать подарки, как правило, к щедрости имеет очень отдаленное отношение, хотя и является своеобразным антиподом жадности.

⁵⁷ В. Пелевин. «Generation «П».

Присвоение чужого, лихоимство, воровство – желание взять то, что тебе не принадлежит. Грехи эти, очень близкие по сути своей, различаются в основном степенью тех уступок, на которые идет наша совесть. Так, присвоение чужого – самая низкая степень, самая слабая, лихоимство – средняя, а воровство – самая высокая.

Мы все прекрасно понимаем, что значит украсть. Воровство не только грех, но и юридическое преступление. И все же для православного человека украсть – это не только организовать вооруженное нападение на супермаркет. Воровством можно также назвать массу мелких поступков, которые мы так часто совершаем.

Разве мы не воруем, когда ездим «зайцем» в транспорте? Разве не воруем, когда берем с работы скрепки и бумагу? Разве не воруем, когда не платим налоги?

У этих наших мелких подворовываний существует масса оправданий. «Ведь, проехав на троллейбусе бесплатно, мы ничего ни у кого не взяли», – говорим мы. Странно получается. Если мы заходим в магазин, берем буханку хлеба и не платим за нее, то это воровство. А если в троллейбусе едем бесплатно, то нет? «Но ведь мы не у человека берем, а у государства», – говорим мы. А кто сказал, что украсть у группы людей лучше, чем у одного человека?

И то же происходит с налогами. Мы с очаровательной непосредственностью заявляем о своем благочестии, в то время как даже юридические законы (значительно более простые и легкие в применении) исполнять не можем, не то что Божии заповеди. А между прочим, Церковь никогда не отменяла законов государства, всегда призывала отдавать «кесарю кесарево» и никогда не поощряла нарушение этих законов.

«Не укради», – значит, не бери того, что тебе не принадлежит. То есть, по большому счету, даже поднимая с тротуара кошелек, кем-то оброненный, мы уже совершаем воровство, впрочем, можно назвать это снисходительно «присвоением чужого».

Разобраться здесь довольно непросто. Где заканчивается воровство, а начинается *миелоимство* (стремление к приобретению излишнего имущества, к роскоши)? Если ты взял вещь, заведомо никому не нужную, нарушил ли ты этим заповедь? Ну, например, принято выставлять недалеко от помойки коробки с книгами или какую-нибудь мебель, уже не нужную владельцу. Можешь ли ты взять эти вещи, или это тоже будет грехом? Видимо, каждый случай требует индивидуального рассмотрения со своим духовником.

Авва Иоанн Персианин однажды занял у брата один золотой, чтобы купить себе льна для рукоделия. Купив лен, он только принялся за работу, как пришел к нему другой брат и попросил немного льна, чтобы заштопать рубашку, потом другой брат зашел и тоже попросил льна у аввы Иоанна. Так авва роздал весь свой лен и не сделал рукоделия, которое мог бы продать, чтобы вернуть долг. Через некоторое время приходит к нему кредитор и требует вернуть золотой. Старец обещал расплатиться спустя некоторое время. Не имея чем вернуть, он отправился к авве Иакову и увидел на дороге золотой. Он не взял его, а, сотворив молитву, вернулся в свою келью. Через некоторое время снова пришел к нему кредитор с тем же требованием. Авва опять попросил отсрочки, снова отправился к авве Иакову и опять увидел на дороге золотую монету. Не взял ее авва Иоанн, а, сотворив молитву, вернулся в свою келью. На третий раз авва Иоанн поднял золотой, пришел к авве Иакову и отдал ему монету со словами: «Авва, по дороге к тебе я нашел эту монету. Окажи милость, объяви в окрестности, не потерял ли кто ее? И если найдется владелец, то отдай ему». Три дня авва Иоанн искал владельца монеты, но так и не нашел его. Тогда старец сказал авве Иакову: «Если никто не потерял сей монеты, то отдай ее такому-то брату – я должен ему».

Несомненно, к лихоимству относятся также и взяточничество, спекуляция, всяческие операции с уклонением от налогов, обналичиванием денег и прочее.

Мшелоимство, которое уже упоминалось, являет страсть к накоплению вещей, порой даже и ненужных, или страсть к роскоши. Многие люди обрастают имуществом, как снежный ком, катящийся по холму, – новыми слоями снега. Когда мы бесконечно улучшаем интерьер, меняем надоевшую машину на самую последнюю модель, разыскиваем коллекционную мебель или часами выбираем очередной чайный сервиз, мы демонстрируем именно страсть мшелоимства – приобретательства и накопления того, что на самом деле является явным излишеством и не удовлетворяет наших реальных нужд. Ведь, положи руку на сердце, мы можем признаться в том, что все это никогда не спасет нас от голода, холода и болезней, так как не отвечает ни одной потребности, кроме тщеславия, гордыни и любви к вещам.

Другим проявлением мшелоимства является бессмысленное накопительство. Мы вечно что-то храним: баночки, бутылочки, крышечки, пробочки, тряпочки и пр., представляя собой чуть менее гротесковый вариант Плюшкина, которого можно считать самым ярким образом мшелоимца.

Любление подарков, или то, о чем мы говорили в предыдущей части, – любовь к бесплатному, на что, кстати, воздействуют многие рекламные ролики: «Дополнительные 5 % – бесплатно», а также разнообразные акции распродаж: Sale – 25 %. Само слово «бесплатно» действует на нас просто магнетически, буквально завораживая наше сознание. Подарки любит каждый. Правда, в отличие от «халявы», в любви к которой основную роль играет сребролюбие, в пристрастии к подаркам нередко принимает участие и тщеславие. Потому что очень часто мы ценим подарки не сами по себе, а именно как знак внимания дарящего. Ведь часто мелочь, преподнесенная дорогим человеком, становится для нас более значимой, нежели дорогостоящий дар, сделанный человеком, к которому мы относимся плохо или равнодушно.

Неупование на промысл Бога, забота о завтрашнем дне, опасения старости, нечаянной нищеты и пр. В идеале истинный христианин вообще не должен думать о завтрашнем дне. Но большинство людей не способны на подобный подвиг. Все мы предпочитаем иметь что-нибудь на черный день.

Один человек работал в поте лица; из заработанных денег он брал себе только то, что необходимо, а остальное раздавал нищим. Но однажды закралась ему в голову мысль: а что если я заболею? И он начал откладывать часть денег на случай своей болезни. В какой-то момент начала у него гнить нога, и он потратил все отложенные деньги на докторов, но так и не получил исцеления. Тогда пришел к нему последний доктор и сказал, что ногу надо отрезать, а иначе сгниет все тело. Операцию назначили на следующий день. Ночью же явился человеку Ангел и спросил: «Что тебе толку от накопленных денег, когда не смогли они спасти твою ногу?» Раскаялся тогда человек и начал слезно сокрушаться о своем грехе. Тогда Ангел дотронулся до его ноги, и она выздоровела.

Впрочем, это история из преданий. А что касается повседневной жизни, то в нашей стране бесполезность, тщетность накопления денег должна быть вполне очевидна. После бесконечных кризисов, денежных обменов и прочих сюрпризов мало у кого осталась надежда обеспечить свою старость иначе, чем воспитанием хороших детей, которые будут заботиться о нас, когда мы постареем.

Кстати, довольно примечателен тот факт, что, лишившись своих банковских сбережений «на черный день», люди в большинстве своем впали в глубокую скорбь, хотя деньги эти не собирались в ближайшее время использовать, а хранили именно на всякий случай. Казалось бы, сам факт их пропажи не должен волновать до того момента, когда этот «всякий случай»

наступит. Но как бы не так. Потеряв свое маленькое сбережение, человек начинает чувствовать себя совершенно незащищенным. Он не может положиться на Господа, но полагается на совершенно ненадежный банк и в результате вместе с деньгами теряет надежду, приходя в отчаяние.

Конечно, абсолютное нестяжание, о котором идет речь в Священном Писании и трудах святых отцов, в миру почти недостижимо. Тем не менее к нему надо стремиться.

В борьбе со сребролюбием надо прежде всего избегать нечестных путей приобретения богатства. С щепетильностью и скрупулезностью воздерживаться от присвоения чужого.

Для начала взять, например, за правило всегда оплачивать проезд, никогда не брать вещей с работы, до копейки возвращать долги. Нередко будут возникать ситуации, когда в транспорте много народу, у тебя крупные деньги – на талончик передать боязно. Подобные искушения обязательно будут, но их надо последовательно преодолевать, постоянно напоминая себе, что это нормальный ход вещей: «Не грешить сложнее, чем грешить».

Следующей ступенью преодоления сребролюбия может стать подача милостыни. Сначала стоит взять за правило подавать каждому просящему хотя бы маленькую монетку. Можно даже специально на этот случай иметь в кармане мелочь. Потом можно увеличивать суммы милостыни. Или выделять ежемесячно определенную часть своего дохода на подаяние.

Можно освободиться от имущества, которое не представляет большой ценности или необходимости для тебя самого. Например, какая-то одежда, которая все еще в хорошем состоянии, но либо вышла из моды, либо просто не идет тебе, может быть отдана в детский приют, или в храм, или в какую-нибудь благотворительную организацию.

Именно с подобных мелочей начинается борьба со сребролюбием. Далее можно взять себе за привычку ни в чем не отказывать просящим. И так постепенно отрезать всяческие проявления сребролюбия, отдавать как можно больше, оставляя себе только самое необходимое.

Также можно попытаться ограничить себя в приобретении вещей, в которых нет необходимости. Например, покупка обновленной модели бытовой или аудиотехники совершенно бессмысленна, так как гонимся мы именно за новизной, а не за теми функциями, появление которых зачастую никак не отражается на их эксплуатации. Зачем, к примеру, новый мобильный телефон с цифровым фотоаппаратом, если уже есть фотоаппарат? Чтобы быть как все. Это «как все» медленно и верно превращает человека в жадного и агрессивного потребителя, теряющего в погоне за вещами и душевный мир, и собственное «я».

Борьба со сребролюбием дается нелегко. Для преодоления этой страсти мы должны по-детски довериться Богу и поверить Ему, поверить в то, что Господь всегда хочет для нас только блага. Часто случается, что мы ослеплены сиюминутным желанием или страстью и, не имея возможности удовлетворить их, печалимся, не думая о том, что исполнение их может быть губительно для нас. Мы должны надеяться на Господа и на то, что Господь не оставит нас в скорбях без особого промысла о нас, а если и придется перенести нам болезни и нищету, так это для нашего же блага: или для очищения от грехов, или для вразумления, или же для усовершенствования в добродетелях, или же для избавления от еще больших скорбей.

К. был преуспевающим бизнесменом, и ему казалось, что он сделал все, чтобы его жена и сын ни в чем не имели нужды. Жена не работала, а сын учился в престижном колледже. Все отпуска они проводили за границей, перепробовав все доступные развлечения. Но мир в семье почему-то исчез. Жена была недовольна взаимоотношениями с К., обвиняя его в невнимательности и вечном отсутствии. Отношения с сыном свелись к снабжению его деньгами и вещами. Вскоре он начал поздно возвращаться домой, на упреки и нотации родителей отвечал издевками и грубостью. К. все больше уходил в работу, выходные были ему в тягость. Семья оказалась на грани распада.

Тысячи семей живут сегодня именно так – прикрывая совместной тратой денег полное отсутствие взаимопонимания и любви. В стремлении к роскоши и комфорту как-то забывается старая истина о том, что за деньги невозможно купить ни дружбы, ни любви, ни душевного мира, а без этого жизнь теряет смысл, душа смертельно заболевает.

Стремление преодолеть сребролюбие означает также для нас отказ потакать тому же чревоугодию, а нередко – тщеславию и блуду. И вообще, борьба со сребролюбием означает воздержание от множества мирских удовольствий. Подобный подвиг возможен только в том случае, если мы уверены, что наше существование не ограничивается этой жизнью и этим видимым миром.

В келью одного старца пришли разбойники и сказали: «Мы хотим взять все, что ты имеешь». Старец безропотно согласился и помог им даже уложить вещи. Когда же разбойники ушли, старец увидел, что забыли они кошелек с деньгами. Тогда догнал он разбойников и отдал им кошелек. Поразившись такому поступку, воры вернули старцу все имущество и раскаялись в содеянном.

Приложение. Свт. Феофан Затворник. Толкование посланий ап. Павла. Послание к Колоссянам.

Умертвите убо уды ваша, яже на земли, блуд, нечистоту, страсть, похоть злую и лихомание, еже есть идолослужение...

Итак, умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостяжание, которое есть идолослужение.

Кол. 3, 5

Лихомание (любостяжание) – желание непрестанное иметь все более и более, ненасытимая страсть к богатству. Не против имения вооружает нас Апостол, а против лихомания. Имеем нужду в пище, одежде и крове, не можем не иметь и того, чем удовлетворяем ее. Но мерою имения нужно поставить удовлетворение нужде, которая пусть и указывает границы стяжанию и усилиям по нему. Кто же, минуя потребность, полюбит самое стяжание или имение, тот болит страстью любоимения, которая, завладев его сердцем, делается госпожею и всех его дел, мыслей, планов и предприятий. Тогда все бывает забыто и в себе и в других, и земля и небо; одно только имеется в цели – иметь и иметь. При таком настроении, имение бывает богом уже потому, что завладевает всем человеком. Но особенно оно бог для любостяжателя потому, что он все упование свое на него возлагает. И жизнь, и свое положение, и течение дел – все у него стоит прочно, потому что у него всего много. Почивает он упованием на мамоне, и то, что от единого Бога следует ожидать, ожидает он от богатства. Оно для него идол, коему служит и работает, и на коего надеется. Почему лихомание и назвал св. Павел идолослужением.

Глава 4. Гнев

*Нет большей победы, как победить свой гнев и негодование.
Свт. Тихон Задонский*

Гневом называется не просто шумная вспышка ярости, обращенная на ближнего (это только проявление), а злобное состояние души.

Мы часто считаем себя людьми негневливыми. Ну, случается, конечно, поссоримся с кем-нибудь. Но, в общем, не так уж часто это бывает.

На самом же деле язвы страсти гнева видны повсюду. Вспомним обычный свой заурядный день. Примерно две трети его проходит в состоянии раздражения. При этом раздражение мы испытываем на всё и вся: на звон будильника, на необходимость вставать, на погоду, на обрызгавшую нас машину, на бомжа, оказавшегося в одном с нами троллейбусе и издающего неприятные звуки и запахи, на дорожную пробку, из-за которой есть риск опоздать на работу, на водителя, на то, что нет свободных мест, на продавщицу в киоске, которая не может с первого раза расслышать, какие нам нужны газеты, на неработающий лифт, из-за которого придется пешком подниматься на девятый этаж. К моменту прибытия на работу окружающий мир успевает разозлить нас (несильно, конечно, но все же) примерно раз двадцать. На работе, позлившись немного на холод в помещении, плохо работающий телефон и отсутствие воды в кране, мы направляем свой гнев на сослуживцев. Этот не так сказал, тот не так посмотрел, еще одна орет на весь офис и мешает работать. Вернувшись домой после тяжелого рабочего дня, мы слегка (по-доброму) поругаемся с женой или с мужем, покричим на детей и спокойно ляжем спать: день прошел нормально, как всегда.

Это наше постоянное недовольство окружающим миром (недовольство, которое может выливаться в крик, раздражение, обиды, злопамятство, желание отомстить и даже в убийство) и есть действие беса гневливости и страсти гнева в нас.

«Гнев – неистовая страсть, легко выводит из себя... зверскою делает душу и заставляет уклоняться от дружелюбного собеседования... У гневливого глаза мутны и кровавы и обличают возмущение сердца; а лицо долготерпеливого спокойно, глаза благосклонны и смотрят прямо» (прп. Нил Синайский).

Мы порой плохо различаем голос гнева, потому что слишком сильно завладела эта страсть нашими душами. Состояние гневливости кажется нам абсолютно нормальным и естественным состоянием души. Мы сжились с этой страстью и даже вполне уютно чувствуем себя в ее компании. Лишь изредка, ощутив ни с того ни с сего вспышку безудержной ярости, мы подумываем о том, что «нервишки, похоже, расшалились: не обратиться ли к врачу, не попить ли валерьянки на ночь?»

Гневная страсть в своем развитии проходит следующие стадии:

1. Огорчение.

Это неприятное чувство, поселяющееся в душе от чьего-либо оскорбления или от неприятности и неудачи, приключившихся с вами по чьей-то вине. Вот вы с утра идете на работу, вдруг мимо промчалась машина и обдала вас грязью. Вас сразу охватил гнев, но если вы заставили себя промолчать и, помолившись, переключили свои мысли на другое, это пройдет для вас без следа.

2. Смущение.

Если же вы продолжаете размышлять на тему: «За что мне все это, стоило только надеть новый костюм, а ведь как раз сегодня мне надо выглядеть хорошо...» и т. п. и т. д., – вы подкладываете дров в зажегшийся огонек, и вот уже повалил дымок – душа ваша смутилась. Но

если на этой стадии вы удержитесь от проклятий незадачливому ездоку и помолитесь о своем вразумлении, то вы сможете погасить занявшееся пламя гневной страсти.

3. Раздражительность.

То чувство, которое кратко и в слабой степени (хоть и достаточно остро) вы испытали при огорчении, теперь начинает бурлить и klokотать в сердце. От вас буквально валит пар – вы закипели от злости. Сердце ваше наполнилось клубами ядовитого дыма обиды, мысли сталкиваются друг с другом, ввергая ваш ум в смятение: «Вот какой гад, а! Испортил мне вещи! Теперь как дурак буду весь грязный, чтоб его приподняло да стукнуло!» Но все же и в этом состоянии вы еще имеете запас сил для борьбы с собой, хотя уже трудно удержаться от греха действием. Пока не поздно, вы еще можете воззвать из глубины души к Спасителю, чтобы Он укротил вашу сердечную бурю, потому что у вас на это нет ни сил, ни желания.

Еще такое состояние мы можем назвать *гневом, который пылает внутри*. Этим внутренним гневом называется не только тщательно скрываемая злость, не находящая выражения в словах и поступках. Обида – это тоже внутренний гнев. Стоит понаблюдать хорошенько, и мы заметим, что обида всегда сопровождается злостью на обидчика. Гнев – это состояние души. Поэтому он в принципе может и не быть направлен на какой-то определенный объект. И нередко гнев наш распространяется на весь мир. Свт. Тихон Задонский говорил: «Как гнев, так и злоба рождаются от безмерного самолюбия. Ибо самолюбец во всем ищет своей корысти, славы и чести. А если видит препятствие в чем-нибудь своему намерению и желанию, тем смущается, огорчается и гневается на того, кто творит препятствие. И потому старается помочь делу гневом, то есть отомстить, что свойственно злобе».

4. Гнев.

Гнев есть открыто выраженное желание зла ближнему. В нашем примере вы хватаете с земли подвернувшийся камень или пустую бутылку и с силой швыряете их в злосчастную машину, громко осыпая бранью и ее и водителя. Грех совершен в полной мере: вы привели себя в состояние гневной страсти и посягнули на здоровье и благосостояние водителя.

Гнев может быть долгим и кратким. Вот вы излили его на виновника вашей катастрофы и, весело насвистывая, поспешили на работу с чувством глубокого удовлетворения. А может быть и так, что совершенный вами грех не дает вам покоя еще целую неделю, но не совесть мучает вас, а мысль о том, что вас так страшно обидели, а вы так слабо отомстили.

Очень трудно бороться с гневом, пылающим в тебе, и трудно удержать его внутри себя. Но потакание этой страсти крайне опасно, ибо эта страсть лишает человека разума. Психологи нередко советуют не подавлять гнев, а выплескивать эмоции наружу. Верующий христианин никогда не согласится с правильностью этого совета. Если выразить свой гнев один раз, то в другой сдержаться будет уже вдвое сложнее. А сдержишь гнев, смолчишь на обиду и попытаться просто упрекнуть в произошедшем себя самого и свою нетерпимость – так и в следующий раз будет проще смолчать. Повторимся, что лучшим средством для христианина в минуты раздражения или при вспышке гнева является повторение про себя Иисусовой молитвы: «*Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго*». Молитва не просто помогает успокоиться (как счет до 10), но призывает Господа, Который помогает справиться со страстью. Известны многочисленные свидетельства самой что ни на есть практической помощи Иисусовой молитвы.

Надо также сказать, что не все вышеописанные состояния происходят в такой постепенности и с некоторой продолжительностью (от нескольких секунд до бесконечности). Иногда человек в момент взрывается сильным жестоким гневом, который подобно атомному взрыву сжигает в одно мгновение всю душу. Это новое состояние называется вспыльчивостью.

5. Вспыльчивость.

Еще св. Иоанн Лествичник открыл нам, что иногда во время гнева лукавые бесы скоро отходят от нас, чтобы мы не догадались, что поражены гневливостью, и не боролись с нею,

превратив одиночные вспышки раздражительности в неисцельную страсть, полностью владеющую душой. Это то состояние, о котором в миру выражаются так: «Он, правда, вспыльчивый человек, но отходчивый». Последним словом мы словно хотим извинить, умалить страсть гнева, преуменьшить ее роль в душе. Вот на эту демонскую уловку и следует обратить нам особое внимание, чтобы не обманывать самих себя. Часто, накричав на ребенка, на жену, на мужа или на подчиненного, мы успокаиваем себя: «Мол, я же не хотел никого обидеть, просто день такой, а тут еще этот (эта) попался под горячую руку со своей бестолковостью. В общем, ничего особенного и не случилось, в крайнем случае куплю подарок и все такое». Действительно, часто нам удастся лестью и подарками загладить, по крайней мере с виду, причиненную обиду. Но само потакание своей вспыльчивости способно ввергнуть нашу душу в пучину этой страсти, которая, наконец, научит нас вообще всегда чувствовать себя правым, даже нанося кому-то оскорбления и побои. Так и подпадем мы под Божий суд, не подозревая о своей злобе.

Это помраченное состояние души граничит с еще более худшим проявлением страсти гнева – бешенством

6. Бешенство.

Само название этого состояния, производное от слова «бес» показывает, что в нем человек уподобляется бесу, зачастую в буквальном смысле слова становясь одержимым.

Часто страсть гнева, проявляясь в бешенстве, соединяется с блудной страстью и рождает садизм – получение удовольствия от своей ярости и от чужих страданий. Литература знает массу примеров бешенства, из истории же на ум сразу приходит печально знаменитая помещица Салтычиха, запоровшая и замучившая десятки неповинных людей. В нашей повседневности мы тоже с легкостью отыщем подобные примеры: это и кричащий начальник, и хватающиеся за ремень родители, и ругающиеся с продавцами или попутчиками в общественном транспорте граждане. Да что и говорить, когда каждый из нас, порывшись в памяти, отыщет там подобные эпизоды своего поведения. Сколько раз мы яростно сжимаем кулаки, набираем в легкие побольше воздуха и начинаем самозабвенно кричать и изрыгать такие гадости, что посторонний наблюдатель почти физически ощущает бесовское присутствие в нас или рядом с нами. В таком состоянии чаще всего происходят так называемые преступления на «бытовой почве» или в состоянии аффекта, когда человек совершает убийство или вступает в драку «не помня себя», «выйдя из себя».

7. Гнев, который горит долгое время (злопамятство, или памятозлобие).

«Гнев обращается в злобу и злопамятство, когда долго удерживается и питается в сердце. Поэтому и велит Господь скоро его пресекать, чтобы не перерос в ненависть и злобу и тем не приложилось к злу большее зло. *Солнце да не зайдет во гневе вашем; и не давайте места диаволу* (Еф. 4, 26–27), – говорит апостол. Как пожар, если его не потушить сразу, многие поедает дома, так и гнев, если вскоре не прекратится, много зла учинит и бывает виной многих бед. Поэтому, по увещанию апостола, нужно сразу изгонять гнев из сердца, чтобы, усилившись, не причинил еще больше вреда и не погубил нас самих, гневающихся, и тех, на кого мы гневемся», – учил свт. Тихон Задонский.

Злопамятство наиболее противно Богу. Ибо Господь заповедал нам прощать своего ближнего. Мы же очень редко по-настоящему, искренне прощаем нанесенные нам обиды. Бывает, вспомнишь обиду десятилетней давности – и вздрогнешь. Если так, значит, не прощена та обида, а по-прежнему в сердце таится зло на человека, причинившего ее. А потом, когда удастся все-таки простить, то и подумаешь: «А что я, собственно, обижался? Ничего ведь страшного мне не сделали. Это все я по глупости», – и сам на себя подивись. Значит, прощена обида, и нет в сердце гнева. Вы можете на это возразить: есть такие обиды, которые нельзя прощать, но ведь Спаситель молился на кресте: «*Отче, отпусти им, ибо не ведают, что творят!*» Господь заповедал не только прощать обижающих, но и молиться за них, потому

что несправедливо обижающие нас помогают спастись душам нашим. И святые благодарили своих обидчиков.

Мы легко, не задумываясь, говорим о себе: «Я злопамятен» или, напротив: «Я не злопамятен». Бывает и третий вариант: «Я зло прощаю, но не забываю». В первом случае память-злобие выражается в стойкой неприязни к человеку, причинившему нам обиду. Мы так трепетно относимся к собственной персоне, что не можем простить ближнего, если он доставил нашему «я» неприятные эмоции. Есть даже люди, которые гордятся собственным умением помнить зло. Но, как правило, дело обстоит значительно сложнее. В основном мы считаем себя людьми хорошими, умеющими прощать причиненную обиду. Но всегда ли нам удастся простить по-настоящему, всем сердцем? Не правда ли, прощение это нередко происходит только на внешнем уровне. В душе же продолжает жить гнев. Впрочем, иногда мы оправдываем свою злопамятность нежеланием общаться «с плохим человеком»! При этом в прошлом, во время общения с обидчиком, мы очень легко прощали ему «порочность» и прекрасно знали про все его недостатки. Только вот не придавали им значения, пока они не касались нас лично. Мы со спокойной душой слушаем, как друг врет жене в телефонную трубку, но перестаем общаться с ним, когда наталкиваемся на его нечестность по отношению к нам, любимым.

Нередко случается и другой вариант. Пообижавшись немного на провинившегося товарища, мы наконец великодушно прощаем его, произнеся при этом: «Кто старое помянет, тому глаз вон», – и продолжаем с ним «дружить». При этом, разумеется, считаем себя людьми исключительно незлопамятными. А потом, по прошествии двух-трех лет, в момент ссоры или размолвки вдруг как-то очень кстати всплывает старая обида, которую мы конечно же давно простили, а в этом разговоре она просто к слову пришлась. Наиболее яркими и горькими обидами мы даже нередко шантажируем провинившегося, заставляя его чувствовать себя вдвойне виноватым: во-первых, за свой неприглядный поступок, а во-вторых, из-за нашего великодушия.

А бывает, мы действительно забываем о причиненном зле. И годами не думаем о нем. Но спустя много лет мы вдруг случайно вспоминаем старую историю, и в сердце вновь вспыхивает злость.

Мы часто говорим о любви к людям, но любовь эта проявляется только до тех пор, пока те не очень мешают нам. В действительности, прощать обиды и не помнить зла очень сложно. Возлюбить обижающего тебя – большой подвиг. И только по великой гордыне нашей и по неразумению мы с такой легкостью можем заявлять, что подвиг этот совершаем по пять раз на дню. И кто из нас может с чистым сердцем сказать, что простил ближнему обиду?

Противостоять память-злобью крайне сложно. Самый легкий способ – пресечь гнев в момент его появления и не доводить дело до сильной озлобленности. Если же гнев поселился в душе, то действовать надо увещанием и убеждением себя. Во-первых, стоит разобраться в причинах своей собственной обиды. Что именно задело нас в сказанных словах или каком-нибудь поступке? По большому счету, все наши обиды спровоцированы нашими же страстями. Если пристально взглянуть в любую ситуацию, то можно заметить: оскорбляющие нас всегда затрагивают порочные стороны нашей натуры.

Жена вряд ли с легкостью простит мужу измену. Она будет возмущаться, кричать на него, возможно, потребует, наконец, развода. Все ее подружки абсолютно и безоговорочно поддержат ее в «праведном» гневе. Но у нее всегда будет выбор: плюнуть на неудавшуюся семью и развестись или попытаться вымолить у Бога исцеление мужа от блудной страсти; кротостью, смирением и верой попытаться спасти семью, по заповеди апостола: *Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа?* (1 Кор. 7, 16).

Говорили о брате, соседе, великому старцу, что он, приходя к нему, крал, если что находилось в его келии. Старец же видел это и не обличал, но еще более работал, говоря: «Может быть, брат этот имеет нужду». И

великую скорбь имел старец, когда так трудился и, однако, находил свой хлеб в оскудении. Когда же старцу приспела кончина, то окружили его братия. Видя того, кто крал, старец попросил: «Приблизься ко мне!» И, поцеловав его руки, сказал: «Братие! Я благодарен этим рукам, потому что через них иду в Царство Небесное». Брат, умилившись и раскаявшись, сделался и сам искусным монахом от дел, которые видел у великого старца».

Древний патерик

8. Ненависть.

Ненавидеть по В. Далю значит не терпеть, не любить, не выносить кого-л., чувствовать отвращение, омерзение, желать зла, быть кому врагом, питать вражду, злобу, самую сильную нелюбовь. Ненависть же есть отвращение, зложелательство, сильная нелюбовь, вражда и зложелательство. Кому же свойственны эти чувства? Конечно, тому, кто сам носит имя противника и врага, то есть дьяволу.

Поэтому ненависть есть дьявол, а страсть гнева, дошедши до ненависти, есть дьявольское присутствие в человеке.

А) Жестокость.

Зачастую гнев, поселяясь в сердце, делает его бесчувственным к чужим страданиям или, напротив, приучает человека получать от них удовольствие. Такое состояние души получило название жестокости. Жестокий человек – это немилосердный, немилостивый, безжалостный, неумолимый. Обратите внимание, что все эпитеты, характеризующие жестокость, состоят из корня слова, обозначающего некую добродетель с отрицающей ее приставкой *не-* или *бес-*. Думаем, что пояснять это состояние души не надо. Заметим только, что большинство страстей, овладев человеческой душой, порождает в ней и жестокость, так как для того, чтобы удовлетворить свои корыстолюбие, сластолюбие или чревоугодие, не говоря уж о тщеславии или гордости, человек вынужден поступать жестоко по отношению к ближним. Такое состояние души именуется в аскетике окамененным нечувствием, то есть полной нечувствительностью человека к голосу совести и чужим страданиям.

Б) Мстительность.

Мстительность – это стремление ответить злом на зло. Грех этот является продолжением памятозлобия, которое и порождает ненависть. Нередко мы не только не можем забыть нанесенную нам обиду, но и жаждем отмщения за нее. Во многих секулярных культурах месть приветствуется обществом. Здесь можно говорить не только о традиции кровной мести, распространенной у некоторых народов, но и о кодексе чести, прославлявшемся в Европе в XVIII–XIX веках. Так и в России среди дворянства считалось недостойным простить обиду; напротив, обидчика вызывали на дуэль, где обиженный нередко стремился лишить своего «врага» жизни.

Православие же относится с порицанием не только к самой мести, но и к желанию оной. Христос призывал отвечать добром на зло и подставить левую щеку, если тебя ударили по правой. Мы же в своей повседневной жизни часто не только не отвечаем добром, но действуем по древнему, дохристианскому закону: око за око, зуб за зуб. Да и такая вот «справедливость» далеко не предел. Бывает и хуже: человеку нанесли малую обиду, а он отвечает на нее большой, человека обидели неумышленно, а он злонамеренно отвечает тем же.

Определенный культ мести существует в обществе и сейчас. Если нам в магазине нахамила продавщица, мы чувствуем себя почти обязанными ответить ей грубостью. Сейчас, как и раньше, принято считать, что, терпя обиду, ты показываешь свою слабость или трусость.

А., пережив предательство друга, лелеет в душе жажду мести. Приятель начинает отговаривать его:

– Да ладно, ну ты же понимаешь, что в ссоре этой во многом виноват ты сам. В конце концов, будь великодушен и прости ему проступок, не мсти.

– Ну хорошо, я-то могу быть великодушным, я-то могу простить, но только он не поймет, что я простил от великодушия, а не по слабости. Он решит, что его поведение осталось безнаказанным, и в следующий раз опять поступит так же. И все остальные то же подумают. Поэтому надо ему отомстить, чтобы неповадно было.

Стоит ли говорить, что подобная позиция очень далека от православной. Более того, даже с общечеловеческой точки зрения она неразумна. Если же рассудить здраво... Простить значительно труднее, чем помнить зло, а, следовательно, о силе и духовной высоте человеческой личности говорит именно умение прощать, а вовсе не хорошо спланированная месть. Мало того, жизненные наблюдения показывают, что окружающие почти всегда интуитивно чувствуют мотивы твоих поступков: получив искреннее прощение, сами раскаиваются в содеянном и не считают беззлобие слабостью. Другое дело, что прощение действительно должно быть искренним. Нередко мы прощаем только на словах, демонстрируя таким образом не только душевное злопамятство, но порой действительно трусость или сознание своей слабости, которые удерживают нас от мести.

Случается и так, что человек немстительный, готовый помириться с обидчиком, подавляет в себе движения души и мстит просто для того, чтобы возвыситься в глазах окружающих, продемонстрировать таким образом свою силу. Конечно, в таком случае в большей степени действует страсть тщеславия.

Мы далеко не всегда узнаем в себе мстительность. Но следует помнить, что обида, не прощенная и затаенная в душе, обязательно рано или поздно вырывается наружу, и происходит это порой в весьма неожиданной форме. Мы продолжаем общаться с обидевшим нас человеком, а сами подсознательно ждем момента его слабости, когда нанесенный удар будет наиболее болезненным. Мы даже сами можем не осознавать, что осуществляем месть или ждем осуществления ее свыше: просто испытываем скрытую радость, видя ближнего в несчастье.

Двое друзей. Один нанес другому обиду. Второй смолчал, стерпел, в общем, виду не показал, что затаил злость. Но в дальнейшем он будет всем общим знакомым жаловаться на обидчика, жаловаться так искренне и проникновенно, что слушающие невольно начнут проникаться к оскорбителю такой же злобой и ненавистью, как и рассказчик. В результате обидчик, не сделавший, по большому счету, ничего страшного, будет ненавидим и гоним, будет окружен людьми, враждебно к нему настроенными. Весь коллектив на работе начнет косо на него смотреть и избегать общения. При этом обиженный, возможно, даже и осознавать не будет, что свершилась месть: разве он мстил? Что вы! Конечно, нет. Он просто предупреждал окружающих об опасности общения с плохим человеком или искал у ближних сочувствия и понимания. Только с чем тогда связана та радость, которую испытывает это «беззлобное» существо, когда видит оскорбившего его товарища в полном одиночестве, отвергнутого всеми?

Такая месть еще страшнее открытой, потому что мстящий не только мстит, но еще и лукавит перед людьми и перед самим собой. Он даже не сочтет нужным бороться со своей мстительностью, поскольку не видит ее.

Кстати, «протестировать» свою мстительность, распознать ее, по большому счету, не так уж сложно. Почувствовав скрытую радость при известии о неприятностях у ближнего своего, почувствовав скрытое удовлетворение из-за слов поругания в адрес знакомого, можешь с уверенностью сказать себе самому: я мстителен. А потом стоит задуматься, какую обиду не простил ты своему другу, за что именно жаждешь отмщения. Зачастую причиной радости может

оказаться зависть. Но ведь зависть – это тоже своего рода результат обиды, ибо предмет уязвляет тебя своим превосходством.

Мстительность на более поверхностном уровне проявляется нередко в обычных разговорах. Мы не можем пропустить незамеченной и оставить безответной чью-то шутку, упрек, иронию. Как правило, мы чувствуем непреодолимую, почти неконтролируемую потребность ответить тем же. Точно так же происходит во время ссоры, возникает диалог, построенный по принципу «дурак – сам дурак». И как трудно бывает смолчать в ответ на резкую реплику собеседника, как трудно выйти из этого диалога, оставив последнее слово за противником. Мы ссылаемся в таких случаях на дурной характер, вспыльчивость и пр. А на самом деле именно жажда мести заставляет нас выкрикивать в лицо ближнего обидные фразы, которые никогда не были бы произнесены в другой ситуации и о которых мы впоследствии часто горько сожалеем.

Вспомним знаменитого графа Монте-Кристо, персонаж одноименного романа А. Дюма. В восемнадцать лет Эдмон Дантес попадает в тюрьму на пожизненный срок по ложному обвинению, состряпанному несколькими людьми, которых он считал своими друзьями. Каждый из них извлек из его заключения выгоду: один женился на его невесте, другой получил прибыль и т. п. Благодаря счастливой случайности Эдмону удастся бежать и найти несметные сокровища. И вот через двадцать лет он возвращается, чтобы отомстить этим людям. Способы мести изощренны и продуманны, они бьют по самым больным местам и доводят бывших друзей до позора, разорения, безумия и самоубийства. Завершив месть, Эдмон, а теперь граф Монте-Кристо, исчезает, испытав сомнительное удовлетворение и страшное опустошение своей души. Этот роман мало кого оставлял равнодушным – великолепная интрига, знание человеческой души, накал страстей, чудесные приключения. Фигура графа порождала массу подражаний у подростков, которые видели в Монте-Кристо образец настоящего мужчины и романтического героя.

Другой подобный пример – таинственный Атос из «Трех мушкетеров», который, наверное, так или иначе покорила все читательские сердца. В молодости Атос собственноручно повесил свою молодую жену, которая оказалась беглой каторжанкой, а затем превратился в мрачного мизантропа и, будем честны, запойного алкоголика. Миледи из того же романа, та самая жена Атоса, которую он пытался убить, тоже замечательный пример подобной ненависти, как и прекрасная Диана из «Графини де Монсоро».

Таких героев в романах тьма-тьмущая. Чем же они так нравятся нам? Ведь, по сути, если разобраться, окажется, что именно ненависть, завернутая в обертку человеческого обаяния и выдаваемая за добродетель, так привлекает нас. Да-да, эти герои привлекают самой отвратительной, убийственной и злобной человеческой страстью, уподобляющей своих обладателей по степени злобы самим демонам, падшим ангелам. Вот так парадокс! Каким же образом ненависти удастся принимать личину доблести и вызывать всеобщее восхищение?

Ненависть в человеке редко возникает на пустом месте. Ненавидеть можно только то или того, кто причинил страдание. Во всех остальных случаях речь будет идти о других проявлениях страсти гнева. Неважно, было ли это страдание вызвано пустяком или тяжелой обидой, жизненной случайностью или обдуманной несправедливостью. Раз вспыхнув и пройдя все предыдущие стадии, ненависть возникает от памятозлбия, которое, как плита, подогревает и не дает остыть кипящему чувству. Ненависть – это своеобразная жажда справедливости, «око за око», желание, чтобы человек, причинивший страдание, пострадал сам в той же мере, испытал то, что испытывает обиженный. Именно поэтому для мстителя зачастую так важно напомнить своей жертве о причине его ненависти, о том, что ее вызвало.

Раз и навсегда Господь разрешил этот конфликт между обидчиком и жертвой, запретив ненависть и месть словами: *Мне отмщение и Аз воздам*, говоря о том, что право восстанавливать справедливость и судить жертву и преступника принадлежит Ему, Всеведущему Творцу и Промыслителю. Ведь кто, как не Бог, знает истинные мотивы происшедшего, зрит в самую

глубь человеческих сердец и знает, какою мерою воздать каждому, чтобы это послужило к его спасению? А потом не стоит забывать, что человеческие мерки справедливости весьма ненадежны. Сколько раз Священное Писание, Церковь напоминают нам, что если бы Господь был справедлив, то не «спасся бы никто живущий». Господь не справедлив, а милосерден, и нас призывает к этому. *Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут и суд без милости всем не оказавшим милости*, – сказал Иисус Христос всем нам, чающим милостивого суда и уповающим на милосердие Божие. Как же мы осудим брата своего, да еще и дерзнем приговор привести в исполнение, когда не знаем, что ждет нас самих?

Вспомним и то, что ненависть вызывает новую ненависть, а осуществившаяся месть – взаимное желание отомстить. В странах, где существует родовая месть, – на Корсике, в Италии, на Кавказе – иногда целые поселки безжалостно уничтожаются ради такой вот «справедливости». Без жалости убиваются старики и дети, братья и сестры, жены и мужья тех, кто служит прямым объектом этой мести. Где ж тут справедливость? Это просто бойня. А погасить этот цепной пожар могут только любовь и кротость. Остановись в своей мести, и злоба потухнет, как огонь без пищи. Ведь Сам Спаситель призвал нас к этому словами: *А если кто ударит тебя по правой щеке – подставь левую*. Это ведь именно об этой, личной злобе и личной обиде говорил Он, а не о непротivлении злу насилием вообще, как ошибочно растолковали это Лев Толстой и его последователи⁵⁸.

А упиваемся мы описаниями разных «мстителей» потому, что в наших сердцах гнездится злоба на наших обидчиков, и, читая о торжестве чужой мести, втайне мы празднуем свою.

Именно поэтому всякая месть, какими бы «праведными» побуждениями она ни питалась и какую бы «справедливость» ни восстанавливала, всегда преступна и греховна, а истинные ее вдохновители – злоба, поселившаяся в сердце, и демоны, ненавидящие нас всех и жаждущие нашей гибели.

«На усмотрение человека предоставлено – мстить или не мстить; многие считают, что месть сладка. Сладка месть лишь тому, кто отвечает натиску незаслуженного злодеяния никогда не ослабевающим натиском ненависти. Для этого он должен носить в себе огромный первобытный заряд ненависти, и тогда это не благородный характер; или он с удовольствием выставляет напоказ силу своих оскорблений, что недостойно мужчины. (...)»

Подлец сделался теперь твоим злым роком, змеей, которая впрыскивает яд прямо в твою душу. Ему удалось покатить камень зла; если ты ответишь, расщелина будет все увеличиваться, все больше камней будет приведено в движение, пока не возникнет настоящая лавина зла. (...)»

Что бы с тобой ни случилось, никогда не думай о мщении. Если нужно – да, думай о борьбе, о победе, о наказании. Но никогда – о мщении. Находи в себе духовные силы, чтобы сохранить холодную голову. Надо устранить последствия злых деяний. Надо обезвредить злодея. Надо установить истину и справедливость. Но стремление к возмездию, к тому, чтобы он страдал, чтобы ему было плохо, чтобы он был унижен, не должно быть ни твоею заботой, ни твоею радостью. Оставь место для Всезнающего Судии; не пытайся вершить прежде Него. Оставайся христианином и рыцарем!»⁵⁹.

«Какое жалкое состояние – платить ненавистью за ненависть и обидою за обиду. Что если враг сильнее тебя? К чему тогда послужит твоя любомстительность? Разве к ускорению твоей гибели? И при равных силах чего ожидать, если не взаимного падения и бедствия?

⁵⁸ См. об этом замечательный труд русского философа И. Ильина «О сопротивлении злу силою».

⁵⁹ И. А. Ильин. Я вглядываюсь в жизнь. М., 2003. С. 208–210.

Наконец, хотя бы он был и не в состоянии противостоять тебе, разве менее страшны тайные ковы, нежели открытое нападение? А терзающие заботы, а ухищрения, а замыслы, а предприятия, обращающиеся на собственный вред, а мучительные мысли даже о невозможной удаче своей и еще мучительнейшие об удаче противника, а, наконец, самые удачи, сопровождаемые самыми великими угрызениями совести, а иногда всеобщим презрением? Ах, сколько терзаний для сердца ненавидящего, оно есть ад на земле, пламя геенское» (*святитель Филарет Московский*).

В) Человеконенавистничество.

Другой разновидностью ненависти является вообще ненависть к людям или к какому-либо человеку, получившая название мизантропии. Эта страсть была «популярна» в эпоху романтизма и возродилась сегодня с новой силой, получив мощную поддержку в современной техногенной и исполненной агрессии культуре. Человеконенавистничество может проявляться как в прозаических отношениях между невесткой и свекровью, соседями по дачным участкам и т. п., так и в сердечной злобе и ненависти к людям в целом. Часто мы можем наблюдать, как пожилая женщина, умильно тиская кошечку или собачку, буквально исходит ненавистью к «этим двуногим крокодилам», сиречь людям, которые не дают ее любимой кошечке или собачке гадить на детской площадке.

Так же весьма характерно высказывание известной певицы Лаймы Вайкуле. В одном из своих интервью она рассказывала, что на содержание собаки (!) у нее в месяц уходит около двух тысяч долларов (или где-то около того), и сетовала на то, что некоторые люди зачем-то тратят массу энергии на бездомных детей, при этом отчего-то не печалась вовсе о наших бедных четвероногих братьях. Двуногие братья ее, судя по всему, не волновали.

Это и есть человеконенавистничество, выраженное светским языком в толерантном обществе.

Человеконенавистничество развивается из зависти, гордыни, эгоизма и самолюбия, когда свои интересы почитаются высшими, а все, кто им мешает осуществиться, вызывают злобу. Иногда эта страсть так укореняется в сердце, что человек просто пребывает в состоянии ненависти ко всем, не имея ни конкретного повода, ни цели. Такой человек за радость почитает чужие страдания и сам стремится их причинять.

Крайними же проявлениями этой страсти являются сатанизм и ведовство, когда человек сознательно предает себя дьяволу и служит ему, творя дела злобы и ненависти.

9. Осуждение, злословие, злорадство.

Одним из самых усвоившихся и самых частых для человека проявлений страсти гнева являются осуждение и проистекающие из него злословие и злорадство.

Осуждение имеет свои степени. «Иное дело злословить или порицать, иное осуждать и иное уничтожать, – говорит авва Дорофей. Порицать – значит сказать о ком-нибудь: такой солгал, или разгневался, или впал в блуд, и таким образом пристрастно сказать о чужом грехе. Злословим мы, когда пересказываем чужие грехи, сплетничаем, худо говорим о ком-то. Осуждаем мы, когда говорим о ком-то: «блудник», «вор», «лжец». Осудить – значит признать человека виновным в каком-либо грехе, произнести приговор всей жизни человека, назвать греховным само расположение души».

Осуждение – грех крайне распространенный и очень страшный. Христос говорит: *Не судите, да не судимы будете; ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить. И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь? Или, как скажешь брату твоему: дай, я выну сучок из глаза твоего; а вот в твоём глазе бревно? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего* (Мф. 7, 1–5).

Как часто осуждаем мы своих ближних! Как часто стыдим и обвиняем их! Стоит нам заговорить о человеке, как обязательно проскользнет в наших словах нотка осуждения. Едем

ли мы в метро, стоим ли в очереди в магазине, сидим ли в театре – беспрестанно мы вслух и про себя обвиняем: одного в хамстве, другого в неопрятности, третьего в задиристости. А уж как дело доходит до близких знакомых, так начинается полный разгул для осуждения. «К. ужасно ленива, Н. беспрестанно врет, Л. слишком безответственна, С. ни одной юбки не пропустит». Мы подмечаем за своими знакомыми самые мельчайшие недостатки и оплошности: «Вы видели, как он замешкался, когда я попросил денег в долг: жадноват, ничего не скажешь, жадноват». «Как ты можешь с ним общаться, он же скряга и трус?!»

Что может быть приятнее для нас, чем перемыть косточки соседу? С каким наслаждением и удовольствием обсуждаем мы чужие пороки, припоминаем разнообразные случаи, когда человек проявил себя не с лучшей стороны. Впрочем, иногда мы бываем даже «великодушны», снисходительно подыскивая какие-нибудь оправдания жертве нашего злословия. И порой – чрезвычайно «честны», высказывая в глаза другу все, что о нем думаем. Но чаще – строги и непримиримы: «Да я бы таких...», «Да будь моя воля, я бы его...»

А бывало, придет человек за сочувствием, ну тут уж мы разгуляемся: «Я же тебе говорил, что так получится. Ты сам виноват, так что нечего теперь жаловаться».

Самое любопытное заключается в том, что мы обязательно рано или поздно сами наступаем на те же самые грабли. «Опытом дознано, что за какие грехи, телесные или душевные, осудим ближнего, в те сами впадем», – говорит прп. Иоанн Лествичник. В простонародье это называется «законом бумеранга» (бумеранг, брошенный в воздух, всегда возвращается к бросающему его). Так, женщина, осуждающая подругу за то, что та встречается с женатым мужчиной, обязательно попадет в похожую ситуацию и может так же не устоять перед искушением.

«Кстати, психологи также отмечают, что более всего мы видим в других те недостатки, которые нам самим свойственны. «Каждый судит о других по себе». Недаром честные и открытые люди, как правило, крайне доверчивы, а отъявленные лжецы во всем видят подвох. Мы просто не замечаем тех пороков, которыми сами не обладаем. Если мы видим грех, значит, сами причастны к нему, и именно к этому греху. Осуждает ли ребенок кого за разврат? Он его не может видеть. То, что мы видим, мы отчасти имеем» (*Свящ. Александр Ельчанинов*).

Но все нам кажется, что наш порок, наш грех – мелочь по сравнению с грехом соседа. Себе мы находим уйму оправданий, а ему – никаких смягчающих обстоятельств.

В принципе не так уж трудно проверить, осуждаем мы или нет. Хотели бы мы услышать о себе те слова, которые произносим о других? Если гнев наш и осуждение направлены на сам грех, то одинаково они обернутся и на грех ближнего, и на наши собственные прегрешения. И действительно, бывает, услышишь упрек от человека, который – ты уверен – горячо любит тебя, и не обидишься, а вправду устыдишься собственного поступка. И чувствуешь, что он действительно осуждает поступок, понимает его неправильность, но тебя самого не судит, а относится к тебе с терпением и любовью.

Но по греховности нашей не всегда удастся осуждать грех, а не грешащего, поэтому святые отцы сами редко брались судить ближних и другим не советовали, зная, что очень уж это большое искушение.

Авва Пафнутий сказывал: «Однажды, путешествуя, я по причине тумана сбился с дороги и очутился близ одного селения. Там встретил я некоторых срамно говоривших. Устранившись, я пал перед лицом Бога, осуждая себя самого. И вот Ангел идет ко мне с мечом и говорит: «Пафнутий! Все осуждающие братьев своих погибли от меча сего. Но ты хорошо сделал, что не осудил их, а смирил себя пред Богом, как будто бы ты совершил грех их. Посему имя твое вписано в книгу жизни».

Часто человек, готовый судить своего ближнего, сравнивается с тем, кто несет перед собой корзину с горсткой песка, а за плечами – огромный мешок с песком. Притом песок в

корзине – грехи брата его, которые ему видны, а песок в мешке за плечами – его собственные, которые остаются невидимыми. Точно так же судящий уподобляется человеку, имеющему в доме собственного мертвеца и идущего плакать над мертвецом соседа. «Не осуждай блудника, хотя ты и целомудрен, потому что и сам ты так же, как он, преступаешь закон. Ибо сказавший: *не прелюбы сотвори*, – сказал также: *не суди*⁶⁰.

Ну, и, наконец, какое право мы имеем осуждать кого-либо, если нам не дано знать, что скрывается за тем или иным человеческим поступком. Осуждение – принятие на себя функций Самого Бога, Который Один знает о действительной степени вины человека.

Злорадство же гораздо хуже и злословия, и порицания, и осуждения. Сплетничая и перемывая кости знакомым, мы все-таки не желаем им большего зла, и чаще всего нам совсем не хочется, чтобы наши слова достигли их ушей. Мы и болтаем как бы для пользы ближнего, показывая таким образом наше отрицательное отношение к грехам. Но злорадство уже обнаруживает в нас сходство с демонами, так как только бесы радуются падению и гибели человека. Злорадство и ненависть – родные сестры, и редко одна показывается без другой. Злорадство состоит в том, что человек, в конечном итоге, радуется расширению, распространению, победе зла, а духовное радование заключается в том, что настоящий христианин радуется о прекращении зла, о победе Христа над злом. Бесы, а с ними и злорадный человек веселятся самой беде, которая постигла кого-либо, а радость христианская смотрит на начало и конец всякого дела, на его цель и следствия, имея в виду спасение человека от смерти и рабства греху.

⁶⁰ Древний патерик.

Глава 5. Печаль

*Железо ржа поедает, а сердце печаль сокрушает.
Русская народная пословица*

*Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению; а печаль мирская производит смерть.
2 Кор. 7, 10*

*Любящий мир много имеет печали, а презирающий все, что в мире, всегда весел.
Прп. Нил Синайский*

Под словом «печаль» в православии разумеется состояние грусти, скорби или заботы. То значение, в котором «печаль» употребляется в светском обществе, включается в православное значение слова, но является не единственным его составляющим. Печаль обязательно связана с какими-то тревогами и влечет за собой общее состояние дискомфорта в душе.

Единственная печаль, которая допустима, – это скорбь о своих грехах. Но святые проводят четкую грань между печалью-страстью и печалью – скорбью о грехах. Второе чувство, по свидетельству святых отцов, несет с собой мир и покой, тогда как первое – неприятные ощущения, тоску или тревогу.

Заботы одолевают нас ежедневно. Мы волнуемся о завтрашнем дне, боимся выговора от начальства, расстраиваемся из-за разбитой чашки, нервничаем перед экзаменом, тревожимся за здоровье близких, отчаиваемся оттого, что нас бросила жена или муж, убиваемся из-за смерти друга, переживаем из-за финансового кризиса. Мы вечно жалуемся на жизнь, сетуем на нехватку денег. Мы никогда не бываем довольны жизнью. Всегда нас в ней что-то не устраивает.

Жили два друга. П. был очень богат, а Н. крайне беден. П. стеснялся своего богатства и того, что он находится в лучшем финансовом положении, чем его приятель, и вечно одаривал друга сверх меры. Через какое-то время дела у П. пошли плохо: у него сторел дом, нагрянула налоговая инспекция, продажи пошли на убыль. Н. же тем временем становился на ноги: нашел работу и начал зарабатывать деньги. Приятели продолжали общаться и не сильно интересовались финансовым положением друг друга. П. продолжал по мере сил помогать Н., несмотря на собственные довольно стесненные обстоятельства, а Н. все сетовал на вечную нехватку денег. Ситуация эта длилась несколько лет. Каково же было удивление П., когда он случайно узнал, что доход его приятеля в несколько раз превышает его собственный.

Здесь надо заметить, что Н. совершенно не приbedнялся. Он действительно считал, что находится в крайне плачевном материальном положении. В этих жалобах выражалось вечное недовольство жизнью, столь нам всем присущее.

Православная Церковь учит со смирением принимать все, что посылает Господь: не роптать и не лить слезы из-за неудач и не скорбеть о потере или неимении земных благ.

Вспомним историю Иова.

В давние времена жил праведный человек по имени Иов, который старался всею жизнью своей угодить Богу. Господь наградил его за благочестие разными благами. Он имел большую семью и был очень богат.

Но диавол стал клеветать Богу на праведного Иова: «Разве даром богобоязнен Иов? Отними у него все, что у него есть, – благословит ли он Тебя?» Бог же, чтобы показать, насколько верен ему Иов, разрешил диаволу отнять у Иова все, что тот имел. И вот в один день разбойники угнали скот праведника, а огромный вихрь разрушил его дом и погубил детей. Но Иов не только не стал роптать на Бога, а сказал: *«Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!»*

Диавол не удовлетворился этим. Он снова стал наговаривать на Иова: «За жизнь свою отдаст человек все, что есть у него: но коснись его костей, его тела (т. е. порazi его болезнью), – увидишь, благословит ли он Тебя?» Бог разрешил диаволу лишить Иова и здоровья. И вот заболел Иов самой страшной болезнью – проказой. Тогда даже жена стала уговаривать его сказать слово ропота на Бога, а друзья его, вместо того чтобы утешить, расстраивали невинного страдальца своими несправедливыми подозрениями. Но Иов остался тверд, не потерял веры и лишь просил Господа открыть, за что Он наказывает верного раба Своего. Тогда Господь оправдал Иова и открылся ему. Праведность Иова была вознаграждена.

Так и мы должны относиться к одолевающим нас мирским напастям. Не печалиться ни об имуществе своем, ни о здоровье своем. Мы должны твердо помнить, что на все есть воля Божия.

Но кто из нас способен относиться к мирским благам с такой легкостью? Страсть печали одолевает нас во всякий момент, когда что-то происходит не так, как хотелось бы.

Печали существуют два вида.

а) Первый одолевает по прекращении гнева или причиняется нанесенными убытками или потерями и неисполнением желаний. Этот вид печали часто бывает вызван другими страстями: гневом, блудной похотью, сребролюбием или тщеславием. Когда мы жаждем удовлетворения своей страсти, но не получаем его, то впадаем в печаль, которая может доходить до самой крайней своей степени – отчаяния.

Одним из самых распространенных примеров такой печали можно назвать тоску человека в случае влюбленности без взаимности. Мы вождееем другого человека, но не получаем от него внимания и взаимности. Несмотря на все усилия, предмет нашей страсти остается к нам безучастен. Мало-помалу впадаем мы в печаль и считаем это свое состояние в высшей степени романтическим. Порой даже кичимся им. Мы перестаем думать о чем-либо, кроме своего несбывшегося желания, жалеем себя и таковой же жалости требуем от других. Точно так же реагируем мы порой и на другие неосуществившиеся желания: на разлуку с близким человеком, на проблемы со здоровьем, на недостаток денег, на отсутствие признания со стороны окружающих.

Мы можем впасть в печаль из-за того, что лишились работы или имущества, и долго оплакивать потерю. Иногда слезы эти неразумны даже по человеческим меркам, ибо на них тратится столько времени, что давно можно было найти другую работу или вернуть себе потерянное сторицей. Тем не менее человек, поддавшись печали, становится слеп и глух и к доводам рассудка, и к зову сердца. Ему кажется, что он лишился самого главного. Сильна также бывает печаль по умершему, которая тоже до добра не доводит, ибо вместо того, чтобы молиться за упокой души дорогого человека, уповая на воссоединение с ним после смерти, мы начинаем роптать на Господа и жалеть себя, тем самым не только не принося облегчения душе умершего, но и свою погубляя.

б) Второй вид печали происходит от опасений и страхов за свою участь или от неразумных забот и может называться многопопечительством. Излишняя забота о своем имуществе, о своих близких, о своем будущем тоже проявление печали. Наверное, символом этого вида печали можно считать страхование. Как известно, страховать сейчас можно что угодно и от чего угодно. Страхуются имущество, жизнь, здоровье и пр. Но многопопечительство выражается не только в приобретении страховки. Мы всеми силами оберегаем свое

имущество: прячем его за железными дверьми, за охранными сигнализациями, складываем деньги в несгораемые сейфы и помещаем их в надежные банки – стоит ли говорить, что все без толку. На любой замок существует отмычка, и любой банк может разориться. Мы заботимся о своем здоровье: ежегодно проверяемся у врачей и совершаем профилактические процедуры, а потом во время одной из таких процедур случайно подхватываем какую-нибудь страшную инфекцию. Мы крайне печемся о своих близких: все время пытаемся устроить жизнь друзей и родственников, страшно волнуемся, если дети поздно возвращаются... И сколько еще других забот лишает нас сна и покоя.

А между тем Христос говорил: *Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть?* (Мф. 6, 26–27).

А уж как мы переживаем по поводу своего будущего! «А что если...», – говорим мы себе, рисуя в воображении картины неудачной судьбы. А что если мой сын вырастет и станет наркоманом? А что если муж потеряет работу? И вот мы уже не находим себе покоя, уподобляясь героине известной сказки, которая (героиня) представляла, как родит ребенка, тот вырастет, пойдет в погреб и на него упадет мотыга. Кто из нас не расписал жизнь своих детей, кто не решил, кем они станут, где будут учиться и где будут жить, когда выйдут замуж или женятся? Кто из нас не держит в шкатулочке деньги на черный день или на старость?

Подобные заботы не только греховны, но и бесполезны. Они происходят от маловерия и чрезмерной гордости. Мы, забывая о своей немощи и слабости, считаем, что можем собственными силами чего-то добиться. Как можно загадывать на несколько лет вперед, если нам не дано знать, что будет завтра? Какой смысл печалиться о завтрашнем дне, если сегодняшний еще не прожит? Мы считаем, что можем распорядиться своей или чужой жизнью лучше, чем Господь, но так ли это на самом деле?

Разве дано нам знать, как будет лучше для нас самих и для ближних наших? Недаром даже поговорка есть: «Все, что Господь ни делает, все к лучшему».

Печаль – страсть весьма опасная, поскольку крайнее ее проявление – отчаяние, доводящее порой человека до самоубийства. А самоубийство – единственный грех, не подлежащий прощению, поскольку самоубийца не может уже раскаяться. Иуда не будет прощен не потому, что предал Христа, а потому, что впал в отчаяние и повесился.

Но все вышесказанное совершенно не значит, что нужно сидеть на диване, плевать в потолок и уповать на милость Господа. Святые отцы говорят: *«Все, что тебе надо исполнить, – исполни, а остальное возложи на Бога»*.

Все мы должны добывать хлеб насущный в поте лица своего. Мы вынуждены ходить на работу и зарабатывать деньги, чтобы кормить себя и свою семью. Мы вынуждены стирать, убирать и готовить еду, вбивать гвозди и чинить водопровод. И все это, разумеется, надо делать. Но все происходящие неудачи надо воспринимать с должным смирением и не печься излишне о своем будущем.

Представьте себе человека, смастерившего кораблик и пустившего его вниз по реке. Что толку ему следовать неотступно за своим кораблем, если все равно он ничего не может поделать в случае беды. Разумный человек идет к устью реки, поджидает там свое судно и надеется, что оно доберется до устья невредимым.

Так и мы должны запускать свои кораблики, уповать на милость Божию и не предаваться печали, если кораблик затонул.

Жалеть себя – дело для человека обычное. Нередко мы думаем, что никто не превосходит нас в несчастьях. Ну у кого жизнь тяжелее?! Как часто слышишь: «Что твои проблемы в сравнении с моими проблемами?»

Целые дни мы проводим в хлопотах и заботах, а вечера – в огорчениях по неудачам. Но...

«Не думай, что ты один терпишь скорбей больше всякого. Как живущему на земле невозможно избежать этого воздуха, так человеку, живущему в этом мире, невозможно не быть искушенным скорбями и болезнями. Занятые земным, от земного испытывают и скорби; а стремящиеся к духовному, о духовном и болезнуют» (*прп. Ефрем Сирин*).

«Печаль одиночества связана с несоответствием человека Господу Иисусу Христу. Чувство одиночества есть знак несоединенности со Христом... Тут сокровеннейший источник жажды людей, так часто ими неверно и губительно удовлетворяемой – лишь в области телесной и психической...» (*архиеп. Иоанн Сан-Францисский (Шаховской)*).

Для преодоления печали важно помнить, что скорби, которые мы претерпеваем в этой жизни, посылаются для нашей же пользы, а вовсе не в наказание. Прп. Нил Синайский говорит: «В скорбях более всего будь благодарен, потому что через них яснее ощущается благодать заступления». А кроме того, во всех скорбях о земных предметах мы же сами и виноваты. Недаром говорят, что, только потеряв что-то, человек понимает, насколько был привязан к потерянной вещи. Нередко слышишь: «Для меня деньги не имеют значения», – но оказывается, что не имеют они значения только до тех пор, пока находятся в наличии. Если же человек, бросающийся подобными фразами, разорится, то печаль его будет безмерна. «Кто возненавидел мир, тот избежал печали. Если же кто имеет пристрастие к чему-либо видимому, то еще не избавился от нее; ибо как не опечалиться, лишившись любимой вещи?» – говорит св. Иоанн Лествичник. Так что любые скорби надо воспринимать как предупреждение и напоминание о наших пороках.

У К. было много друзей-христиан, но он в какой-то момент своей жизни встал на дурную дорогу: ушел из семьи и поселился с любовницей. Однако жизнь не складывалась, повсюду его преследовали неудачи и несчастья. Да и сама женщина оказалась скорее в наказание, чем в радость: он даже пытался выгнать ее, но не мог. Однажды К. встретил старых друзей и начал жаловаться им на жизнь:

– Остальные живут ничуть не лучше, и им все ничего, все с рук сходит, а меня так вот Господь наказывает, – говорил К.

На это один из его друзей ответил:

– Что же ты хочешь, у тебя столько верующих друзей, и все мы молимся за тебя, каждое воскресенье поминаем на литургии. Так неужели ты думаешь, что Господь оставит тебя и позволит спокойно жить в блуде, а не будет ежедневно пытаться наставить тебя на путь истинный?

Многие святые говорят о терпении скорбей и поруганий как о самом верном пути к Царствию. «...установлен Богом закон, более твердый, чем небо и земля, закон, что *многими скорбями подобает внити в царствие Божие*. А мы в настоящее время пришли в такой период жизни человечества, когда спасаются исключительно только безропотным терпением скорбей, с верой в Бога и надеждой на Его милосердие. Другими путями сейчас не умеет спастись никто», – писал современный подвижник игумен Никон (Воробьев).

К проявлениям печали святитель Игнатий (Брянчанинов) относит следующие грехи: огорчение, тоска, отсечение надежды на Бога, сомнение в обетованиях Божиих, неблагодарение Бога за все случающееся, малодушие, нетерпеливость, несамоукорение, скорбь на ближнего, ропот, отречение от креста, покушение сойти с него.

Самоубийство

В православной аскетике есть несколько мнений по поводу того, проявлением какой страсти является грех самоубийства. Иногда его считают следствием гордости, иногда уныния, иногда – плодом гнева и печали.

Свт. Игнатий (Брянчанинов) называет помыслы о самоубийстве среди грехов хулы на Духа Святого, а отчаяние считает проявлением уныния. Другие же свв. отцы говорят об отчаянии как о следствии печали. Не стремясь разрешать подобные богословские споры, мы все-таки склонны причислять отчаяние и мысли о лишении себя жизни к проявлениям печали, поскольку, как правило, попытки самоубийства связаны с нежеланием далее переносить жизненные скорби, будь то несчастная любовь, или тяжелое финансовое положение, или презрение окружающих, или потеря доброго имени, или, как это чаще всего случается с молодыми, отсутствие цели в жизни и одиночество. Так и хочется воскликнуть вместе с В. Розановым, знаменитым русским публицистом и философом: «Некуда было пойти? Да пошел бы к бедному! Не было цели в жизни? Да помог бы в занятиях неуспевающему мальчику или приискал бы службу лишенному ее! Совершенно очевидно, что стоило бы двум самоубийцам встретиться, чтобы не было ни которого. Один самоубийца «нашел бы смысл в жизни», сплотившись личной жизнью с тем, кто «дошел до самоубийства под гнетом безысходной нужды». Но и для этого требуется желание и воля, а печаль и уныние, соединяясь к жалости к себе парализуют волю, жизненные силы человека. В качестве примера осмелимся предложить печально знаменитое привидение «плаксы Миртл» из «Гарри Поттера». Кто не читал, сообщаем, что это вечно рыдающее и жалеющее себя привидение девочки обитало в туалете, где когда-то эта девочка покончила жизнь самоубийством из-за того, что «ее никто не понимал». Жестокая шутка автора? А может быть, это достойное воздаяние самоубийце и предупреждение живущим? Строки о «плаксе Миртл» вызывают смех, но смеемся мы не над девочкой, а над дошедшей до абсурда жалостью к себе, злопамятством и эгоизмом, которые терзают нас. И образ туалетного призрака напоминает нам о собственных обидах на весь мир, которые заслуживают именно такого загробного бытия, как плескание в бачке унитаза. Ведь, если мы не хотим посмертно топиться в унитазе, значит, нам следует по-другому жить и не утопать в слезах здесь и сейчас. И привидение самоубийцы, обитающее в туалете, как нам кажется, лучшее средство удержать подростков и молодых людей от такого вот конца, развенчав мнимый подвиг самовольного и всегда позорного бегства с поля жизни.

Интересно заметить, что мысли о самоубийстве приходят в моменты праздности и безделья, а, кроме того, в ситуациях, которые, по большому счету, особенной сложностью не отличаются. Так, с трудом представляется, что кто-то захотел бы наложить на себя руки во время кораблекрушения или в момент прыжка с парашютом, или в иной экстремальной ситуации, заставляющей человека бороться за выживание. Редко кончают жизнь самоубийством и те, кто чувствует на себе ответственность за судьбы других: детей, престарелых родителей, доверившихся людей. Самоубийство – это результат нелюбви к себе и ближнему, безответственности и малодушия тех, кто решается убежать от проблем. Самоубийцы – это в некотором роде трусы и подлецы, которые решаются причинить боль близким, выскочить на ходу из жизни, бросив тех, кому призваны помогать. «Самоубийца всегда «уродует», «обезобразивает» все вокруг себя... Этого нельзя забыть»⁶¹. В мирное время процент самоубийств значительно выше, чем в военное. Важно то, что фактически никогда мысли о самоубийстве не несут под собой достаточных оснований. Отчаяние не всегда является результатом действительно бедственного положения, но чаще результатом излишнего попечения о своем бедствии.

⁶¹ О самоубийствах. // В. В. Розанов. Террор против русского национализма. М, 2005. С. 334–347.

«... Заметьте, в оставляемых записках (самоубийц) никогда не звучат слова *любви* – к брату, к сестре, ну о родителях не говорим – «изгибшие создания». Ну, родителей не нужно любить, не стоит, – «консерваторы», «чиновники»: а товарища, друга, какого-нибудь больного в больнице, какого-нибудь «Ваньку перехожего»? Как это до двадцати лет дожить и ни к кому не привязаться?! К бабушке, к тете, к дяде? Но нет: «никого не виню», «ухожу – потому что нет смысла в жизни». Да «смысл» есть, он под ногами: будь для кого-нибудь костылем! Как нет «смысла», *«не нахожу смысла»*, когда вокруг везде страдание, нужда, нехватка средств прокормиться, вынужденная работа в престарелости, в болезни. «Нет смысла в жизни» – это и значит «никого не люблю». Ибо «любовь» и есть уже «смысл». Страшны эти рассуждения – и я готов все взять сейчас назад, как только мне укажут очевидную неверность мысли; но долбит она в голову: не есть ли в большей своей части самоубийства – тайный уход из жизни тайного греха, вот этого сердечного, вот этого душевного, сводящегося именно к жестокости, к бесчувственности? И к некоторому притворству и фальши, которыми одета или задрапирована такая жизнь?»⁶²

Часто в моде на страдания и самоубийства оказываются виновны так называемые деятели культуры, которые неплохо зарабатывают на рассусоливании различных высот и красот самоубийства. Модные писатели, публицисты, художники, кинорежиссеры и музыканты смакуют различные подробности суицида, причем вовсе не спеша обменять свои кресло, апельсиновый сок и утреннюю сигарету на могильных червей и мокрую глину. Популяризуя идеи смерти и играя на исканиях и идеалах молодежи, они сеют ужасные семена отчаяния, тоски и безнадежности. Возьмем, к примеру, модные романы Б. Акунина с его «Кладбищенскими историями» – своеобразной одой смерти. Самоубийство и смерть – главные герои этого литературного произведения, сеющего в наших душах отнюдь не добро, а скорее тиражирующего пороки и страсти самого автора. Жаль только, что никто не проведет за руку Пелевина и Сорокина, Акунина и прочих перед глазами тех матерей, жен, детей, братьев и сестер, которые по их вине потеряли своих близких, чьи души были развращены и изуродованы подобным «творчеством». Вспоминаются розановские слова о подобных «людях искусства», как нельзя лучше оценивающие их вклад в умножение жестокости и смерти.

«Жестокости много, но ужасно мало страха. Особенно у публицистов его мало. Превеселенький народ, да и не мудрено: такие гонорары получают. Оставим их, взглянем на молодежь, на юношей и девушек. (...) Есть явная жизнь и есть тайная жизнь. В «явь» выходят гробы, могилы, кладбище; но им предшествует ужасная ночь внутри, ночь одинокая, без звезд, без месяца... Туманы, облака там ходят, что-то липкое пристает к душе, как мокрая простыня, как засасывающая тина. Что спасет? Воспоминания о прекрасном поступке. *Но его нет*. Что еще спасет? Если я кого-нибудь люблю. *Но я никого не люблю*. Так зачем же жить?! – с этим ужасным чувством, увы, истинным чувством, т. е. с действительным сознанием: «я ни для чего живу», сбрасывается конвульсивно свечка или огарок, мерцавшая в пустой, ничем не населенной комнате, на пол...

⁶² Максим Горький о самоубийствах. // В. В. Розанов. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. М., 1996. С. 594–596.

Суть в этой ужасной, сырой, холодной комнате *без жильцов*, которая предшествует всякому въязв самоубийству»⁶³.

Борьба с печалью крайне сложна. Страсть печали практически не находит внешнего выражения, а посему при ее нападениях невозможно идти от совершенствования своего внешнего поведения к внутреннему, как это происходит с некоторыми другими страстями. Посему остается действовать только увещанием себя, молитвой и постом.

Печаль, как говорят св. отцы, приходит в те моменты, когда какая-то иная страсть наша не получила удовлетворения. Мы, будучи одержимы сребролюбием, хотели денег, но не получили их – и вот мы печалимся. Мы были обижены и взалкали отмщения, но не смогли его совершить – снова печаль. Мы влюблены и жаждем добиться ответного чувства от предмета своей страсти, но наш возлюбленный остается бесчувственным – и снова мы в печали.

Для борьбы с печалью мы должны сначала разобраться, какая именно страсть стала ее причиной. Найдя корень своей печали, надо задуматься о том, какую пользу мы получаем, не имея возможности удовлетворить свое желание.

Особенно имеет смысл поучиться беспечальному терпению различных бедствий у мучеников, пострадавших за Христа. На их крови взошли семена христианства, и их подвигом веры и незлобия тысячи людей уверовали в спасение, которое даровал нам Христос. XX век дал России беспримерное количество мучеников и исповедников, которые терпеливо сносили голод, холод, пытки и унижения ради любви к Христу. Вспомним и пример царской семьи, которая перед лицом смерти беспечально и мужественно пребывала в любви и надежде на Бога.

Добродетелью, противоположной печали являются надежда и упование на Бога, детское доверие к нему и желание потрудиться на благо ближнего. Чтобы прогнать печаль, необходимо отвлечься от саможаления и попытаться деятельно пожалеть другого. Подайте милостыню от души, помогите подмести церковный двор, окажите поддержку находящимся в беде ближним, займитесь рукоделием в пользу малоимущих или храма. Попросите прощения у тех, кого вы обижаете, помогите по хозяйству членам вашей семьи. Любое ваше волевое действие, направленное на благо другого человека, принесет вам утешение, потому что настоящее счастье – это любить кого-то, а не приобрести чью-то любовь.

Любовь к бесчестию есть исцеление раздражительности; псалмопение же, милосердие и нестяжательность суть убийцы печали (*прп. Иоанн Лествичник*).

⁶³ Максим Горький о самоубийствах.//В. В. Розанов. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. М., 1996. С. 594–596.

Глава 6. Уныние

*Не унывает кто на Бога уповает.
Русская народная пословица*

*Уныние есть изнеможение души, а душа в изнеможении, не имея того, что ей свойственно по естеству, не устаивает мужественно и против искушений.
Прп. Нил Синайский*

Унывать, по словарю Даля, означает грустить, безнадежно падать духом, робеть, отчаиваться, терять всякую бодрость и надежду, не находить ни в чем утешения.

Унынием в аскетике называют изнеможение, усталость души.

«Как больной не выносит тяжелого бремени, так унылый не в состоянии тщательно исполнить Божие дела; ибо у того телесные силы в расстройстве, а у этого не осталось сил душевных» (прп. Нил Синайский).

Разницу между печалью и унынием уловить иногда бывает довольно сложно, тем более что первая страсть часто перетекает во вторую. Тем не менее мы попытаемся обрисовать различия. Печаль суетна и побуждает на многие хлопоты и размышления. Одержимый печалью человек или стремится как-то обустроить свою жизнь, или переживает о том, что это не удастся. Так, потеряв корову, он пытается понять, где был недосмотр, и еще с большим усердием принимается охранять остальных коров. Заболев простудой, он начинает сокрушаться о том, что вчера съел мороженое.

Иначе проявляет себя уныние. Потеряв корову, человек, одержимый унынием, перестает охранять остальных коров вообще, заранее уверенный, что все равно все они потеряются или будут украдены. А заболев, не пытается лечиться, внушая себе, что лечиться абсолютно бесполезно. Если человек, одержимый печалью, недооценивает Промысл Божий о себе, то одержимый унынием недооценивает Его милосердие. Печаль заставляет надеяться исключительно на собственные силы, уныние же отнимает надежду вообще. Даже акт самоубийства, являющийся следствием печали, есть не что иное, как самоволие. Как объясняют свое намерение самоубийцы: «Это единственный выход, я загнан в тупик, и ничего не остается больше делать» – не есть ли это последняя попытка настоять на своем? Уныние не ведет к самоубийству, ибо человек не верит ни в Божию милость, ни в собственные силы. Печаль можно утолить, если убрать причину оной (вернуть потерянное имущество и т. д.), уныние, как правило, не имеет какой-то конкретной причины, только мнимую (если человеку, впавшему в уныние из-за потери имущества, вернуть потерянное, он не обрадуется: в этот раз нашлось, а в другой не найдется).

Уныние нередко имеет выраженную хронологическую зависимость: усиливается в полуденные часы, что дало основание именовать его «бесом полуденным». К ночи обычно страсть эта уменьшается или стихает вовсе.

«Бес уныния, который также называется «полуденным» (Пс. 90, 6), есть самый тяжелый из всех бесов... Прежде всего этот бес заставляет монаха замечать, будто солнце движется очень медленно или совсем остается неподвижным, и день делается словно пятидесятичасовым. Затем бес понуждает монаха постоянно смотреть в окна и высказывать из келлии, чтобы взглянуть на солнце и узнать, сколько еще осталось до девяти часов, или для того, чтобы посмотреть, нет ли рядом кого-либо из братии. Еще этот бес внушает монаху ненависть к месту, роду жизни и ручному труду, а также мысль о том, что иссякла любовь и нет никого, кто мог бы утешить его. А если кто-

нибудь в такие дни печаливает монаха, то и это бес уныния присовокупляет для умножения ненависти. Далее сей бес подводит монаха к желанию других мест, в которых легко найти все необходимое ему и где можно заниматься ремеслом менее трудным, но более прибыльным. К этому бес прибавляет, что угождение Господу не зависит от места, говоря, что поклоняться Ему можно повсюду (Ин. 4, 21–24). Присовокупляет к этому воспоминание о родных и прежней жизни; изображает, сколь длительно время жизни, представляя пред очами труды подвижничества. И, как говорится, он пускается на все уловки, чтобы монах покинул келлию и бежал со своего поприща»

Авва Евагрий

Задолго до научных психиатрических изучений депрессивных состояний святые отцы описали достаточно точно и достоверно клиническую картину этого душевного недуга. Уныние порождает чувства утомления, отвращения, сожаления о якобы потерянном времени, внушает, что человек не может спастись, что усилия его тщетны, труды пропали даром и прочее; приводит его в физическое изнеможение, доставляет беспокойство, вызывает смятение ума, волнение души, которая лишается в это время своих благоприобретенных добродетелей и твердости. Человек становится малодушным, уязвимым, неспособным для духовных усилий и подвигов.

Иногда уныние имеет довольно ярко выраженные физические симптомы. Оно сопровождается тяжелым сном и тяжелым пробуждением. Резко повышается утомляемость, появляется одышка. Кроме того, наблюдается фактически полная атрофия воли. Трудно заставить себя делать повседневную работу, тяжело сосредоточиться. Внимание становится несобранным и рассеянным. Часто посреди фразы или какого-то дела человек будто отключается на несколько секунд, а включившись обратно, не может вспомнить, о чем говорил или что собирался сделать.

«Пишешь, что иногда такая скука нападает, что не знаешь, что и делать. Скука бывает от безделья, а если ты занят и у тебя дело есть, то это не скука, а тоска – нежеланная гостья монаха и живущего с монахами. Иначе называется она «уныние» – бес полуденный. Помнишь, говорится в Библии про Саула: *И возмутил его злой дух* (1 Цар. 16, 14). Давит душу тяжело, апатия в мир тянет, к людям. Монахов сей бес сильнее еще давит и душит, особенно кто поддастся ему. Ну, тогда хоть криком кричи, на стену полезай, волосы рви. И у-у, как лихо! Главное, тут молитва на ум не идет, бесчувствие, безвкушие духовное нападает. Нужно преодолеть себя, переломить, встать на молитву и класть земные поклоны с молитвою Иисусовою, а потом вслух по-церковному читать псалтырь – кафизмы одну или две. Мне всегда это помогает. Миротворно и умирительно также бывает чтение в эти минуты про Страсти Христовы, особенно Гефсиманская ночь: *Начал скорбеть и тосковать... Душа Моя скорбит смертельно* (Мф. 26, 37–38). О Господи, Господи! Сделай так, чтобы когда затоскуем мы по Тебе, Радости нашей, тосковали с Тобой бы...

Вас гнетет только бесенок полуденный, а нас, монахов, целый бесище. Только нюни-то тут и распусти – он тебе покажет. А как разорешься на него, растопчешься, задашь хорошую встрепку, небось струсит, сразу сбежит. Потом прогоню полуденного-то и начну ко Господу вопить... И дивно, непостижимо, неведомо откуда придет помощь, подкрепление и такая нежная, такая теплая, сладкая ласка, что ни на какие мирские радости и неги не променяешь ее. И не страшно тогда одиночество, и никого, ни знакомых, ни друзей – никого не хочется видеть, хотя одни враги лишь кругом жили, и те не страшны... Ты пишешь, что всё тебя оставляет тогда: молитвы нет, душа наполняется страстями, ум – сомнением, сердце – унынием, дух никнет. Это

есть явный штурм души сатаной, страшный и жуткий, бывает и длительный. Подобные штурмы испытывали и великие святые подвижники. Помню, с владыкой Арсением гостили на Угреши. Прав митрополит Макарий, он как раз переживал подобный штурм, он сказал нам: «Помолитесь обо мне, трудно, тяжело, совсем никну, дух безнадежья полнейшего томит меня». И мы ничем не могли утешить, никак. Об этом безнадежье и туче писала схимонахиня Серафима. Она молилась о нем, и у него прошел этот дух безнадежья и никновения. Но зато на нее сугубо напал дух сей. Так что она криком кричала молитву Иисусову».

Свищмч. Серафим (Звездинский), еп. Дмитровский

Уныние бывает двух видов.

а) Уныние, вгоняющее в сон. Выражается в лености тела и души. Многие психологи говорят о том, что желание сна – подсознательное желание смерти. В отличие от отчаяния, в котором человек желает смерти телу, прекращения страданий, впад в уныние, он хочет вечного сна. Одно из желаний, свойственных унынию, вгоняющему в сон, – уснуть и никогда не просыпаться. Притом спать хочется без снов.

Человек, одержимый унынием, может проводить дни напролет на диване, ничего абсолютно не делая. Он начинает пренебрегать своими обязанностями, убегает от общения, запускает все в доме и себя самого. Его ничего вокруг не интересует и не радует. Он может много есть, но еда не приносит удовольствия. Его преследует ощущение бессмысленности бытия, то, что в психологии принято называть «экзистенциальным вакуумом».

«Уныние очень похоже на сонливость. Все пущено на самотек. Человек погружается в грезы наяву, уходит в нереальный мир, в мечтания. Дремота не ждет ночи. Закрываешь глаза – и можно считать, что настало время ночного сна. И как ни странно, но именно в моменты, когда у нас недостает энергии действовать на самом деле, наши мечты полны гордости, силы, власти, успеха. Когда мы погружены в дело, то, чем мы заняты, требует всего нашего внимания, но в мечтах первое место занимает любоначальие, жажда власти, гордые устремления».

Митрополит Сурожский Антоний

б) Уныние, которое гонит из дому. Внешне проявления этого вида уныния прямо противоположны предыдущему. Человек начинает вести довольно активный образ жизни, в основном предаваясь развлечениям. Он все время стремится к общению и веселью. Появляется страх одиночества, потому что одиночество ведет к первой форме уныния. Человек ищет все более и более изощренных развлечений, отдавая предпочтение наиболее экстремальным. Если сначала во время приступа уныния достаточным кажется пойти в гости, то довольно скоро спокойное общение с друзьями уже не в состоянии прогнать «полуденного беса» – он настигает и в гостях, и в театре, и на улице. Развлечения становятся бурными: дискотеки, ночные клубы, блуд. На последней стадии человек может обратиться к наркотикам, рискованным приключениям, всякого вида извращениям. Проблема заключается в том, что «убежать» от уныния нельзя. Оно везде настигнет и набросится на беглеца с пущей силой.

Прп. Иоанн Кассиан повествовал, что, начав жить в пустыне, он был одолеваем унынием. И вот однажды он рассказал авве Моисею, что накануне был крайне расслаблен недугом уныния и не мог иначе освободиться от него, как сходявши к авве Павлу. «Нет, ты не освободился от него, – сказал ему авва Моисей, – но еще больше показал себя ему преданным и покорным. Потому что потом оно еще сильнее будет нападать на тебя, как на труса и беглеца, увидев, как ты с первой схватки дал себя победить и тотчас убежал с поля

брани, если только не решишься ты вдруг бороться с этим врагом вместо оставления кельи или погружения в сон».

Несмотря на все различия между двумя видами уныния, они имеют много схожих симптомов. Человек, одержимый унынием, которое гонит из дому, также страдает повышенной утомляемостью, общим неважным самочувствием, он также небрежен по отношению к своим обязанностям, празден, ленив, забывчив, капризен.

В жизни проявления уныния мы встречаем буквально на каждом шагу. Одним из наиболее распространенных признаков оной страсти можно считать обычную скуку и праздность: состояние, когда нет желания заниматься делами и в то же время не можешь найти себе развлечения. Так, например, Евгений Онегин несомненно был одержим страстью уныния: все ему опостылело, и ни в чем не мог он найти отрады. В русском языке существует множество названий (исконно русских и иноязычных) для уныния: скука, хандра, апатия, депрессия, сплин, меланхолия.

Уныние часто ведет к мечтательности, к уходу, как сейчас говорят, в виртуальный мир. Кстати, чрезмерное пристрастие к чтению художественной литературы, к кино, театру есть также проявление уныния: погружаясь в книгу, мы тем самым заменяем реальный мир воображаемым. Любовь к компьютеру чаще всего тоже порождена унынием и являет собой все ту же попытку убежать от реальных проблем и конфликтов, которые нет желания и сил разрешить.

Проявлением уныния святитель Игнатий Брянчанинов называет следующие грехи:

Леность ко всяком доброду делу, в особенности к молитвенному. Оставление церковного и келейного правила. Оставление непрестанной молитвы и душеполезного чтения. Невнимание и поспешность в молитве. Небрежение. Неблагоговение. Праздность. Излишнее успокоение сном, лежанием и всякого рода негою. Перехождение с места на место. Частые выходы из кельи, прогулки и посещения друзей. Празднословие. Шутки. Кошунуны⁶⁴. Оставление поклонов и прочих подвигов телесных. Забвение грехов своих. Забвение заповедей Христовых. Нерадение. Пленение. Лишение страха Божия. Ожесточение. Нечувствие.

Важно заметить, что именно на унынии замыкается первый круг страстей. Во всей последовательности мы видели, как одна страсть приводит к другой, и как, преодолевая одну страсть, можно ослабить следующую и упростить с ней борьбу. Теперь мы добрались до корня шести первых страстей. Уныние – это недостаток веры, неупование на Бога. Бес уныния заставляет человека сомневаться в существовании Бога и искупительном подвиге Сына Божия Иисуса Христа, в необходимости своего спасения.

Опасность уныния в том, что поражение в схватке возвращает человека на самую первую ступеньку лестницы, на ту ступеньку, с которой он начинал свою борьбу со страстями. Столкнувшись с унынием, человек ощущает бесполезность всех проделанных до того трудов, ослабляет свою решимость и оказывается не готов отражать новые нападения страстей.

Именно на унынии легче всего сломаться в подвижнических трудах. Потому что уныние ведет к праздности, а праздность – ко всем остальным грехам. Святые подвижники говорят, что трудящегося одолевает один бес, а пребывающего в праздности – легион.

Начинаются проявления уныния с **лености**.

Праздность – мать всех пороков, а леность – прямое следствие праздности или ничего-неделания. Лекарством от многих страстей, а особенно от лености и уныния святые называют труд.

«Труд неприятен нам, как узда, накинута на наше сердце, стремящееся к вечному, невозмутимому счастью, но без этой узды сердце, предоставленное необузданности своих

⁶⁴ Кошунить, или кошунствовать означает насмехаться над священными предметами, отзываться о них с презрением, бранно, пошло. Синонимы: поругать, осквернять, буесловить, суесловить.

стремлений, сбивается с дороги и, если оно порывисто и возвышенно, быстро достигает бездонной пропасти ничем не утешимой скуки и мрачной апатии; если же оно мелко, то будет погружаться день за днем, тихо и незаметно, в тину мелких, недостойных человека хлопот и животных инстинктов»⁶⁵.

Мы и сами знаем, что работа отвлекает от дурных мыслей, стабилизирует и нормализует жизнь. Вместе с тем труд – это прекрасное и практически единственное средство для самоусовершенствования своих личных качеств, средство, которое к тому же дает нам возможность принести пользу ближнему.

«Высылая человека на труд, Творец сделал труд необходимым условием физического, нравственного и умственного развития, и самое счастье человека поставил в неизбежную зависимость от личного труда. (...) Труд сделался отличительным признаком сына земли, знаком его падения и указанием пути к совершенствованию, признаком бессилия и залогом силы, (...) клеймом рабства и печатью свободы; жизнь и самое счастье стали трудом; но зато в труде же нашел человек и жизнь, и единственно достойное его счастье»⁶⁶.

Но в то же время труд сам не должен становиться целью жизни. Так, например, иудейский, а затем и христианский запреты трудиться в «день седьмой» связаны с опасностью идолослужения мамоне. День седьмой мы отдаем Богу и отдыхаем от труда, направленного на стяжание.

Празднословие (пустоговорение).

Грех празднословия хоть и не смертелен, тем не менее часто является источником многих других грехов. Как праздность является хорошей почвой для любого зерна порока, так и праздная речь рождает множество тяжких грехов. Празднословие почти всегда влечет за собой злословие, потом сквернословие, вскоре – ложь и клеветничество, шутки, разнообразные прегрешения словом, призывание нечистого, клятвы, упоминание имени Господа всуе (например, слово «обожаю», произнесенное по отношению к какому-либо предмету, так как «обожаю» – уподобляю Богу) и многие, многие другие грехи.

«Не в том дело даже, что мы говорим много. Разумеется, есть и это. Но не в этом «праздность» слов. Праздность – значит бесплодность, она коренится в духе уныния, малодушия, мечтательности, которые приводят к жажде власти – и мы говорим, когда не должны бы, и живем в воображаемом, а не в реальном мире. И это очень важно, потому что мир Божий – мир реальности. Мир дьявола – мир мечтаний и нереальности. Мир Божий реален, в нем присутствуют все трудности, вся жесткость того, что реально. Дьявол предлагает нам мир, в котором нет ничего реального, хотя все кажется доступным. Мы всемогущи, наша гордость удовлетворена, мы славны, мы воображаем себя всем, чем не являемся в реальности. Мы отважны и смелы, хотя еще ничего не совершили. Мы спим, но мир реальности принадлежит тем, кто бодрствует» (*митрополит Сурожский Антоний*).

Испокон века молчание считалось большой добродетелью. Молчание – золото, говорят в народе. Многие подвижники принимали на себя обет молчания (их называли молчальниками) и годами не разговаривали ни с кем.

Кстати, психологи также признают важность произнесенного слова в жизни человека. Мы все прекрасно знаем и чувствуем, что, произнося какую-нибудь мысль вслух, укрепляемся в ней. Именно на этом построены системы аутотренинга, в практике которых недостаточно про себя прочитать имеющийся текст, но обязательно произнести его вслух.

⁶⁵ Труд в его психическом и воспитательном значении.// К. Д. Ушинский. Проблемы педагогики. М., 2002. С.166.

⁶⁶ Труд в его психическом и воспитательном значении.// К. Д. Ушинский. Проблемы педагогики. М., 2002. С.166.

Точно так же, произнося как бы между прочим злые слова в адрес ближнего, мы постепенно будто бы убеждаем себя в том, что действительно ненавидим его. Вообще, тот факт, что наши слова несут с собой заряд некой энергии, признается и всеми религиозными мыслителями (в самых разных религиях), и современными учеными, исследующими психику человека. Так, произнося вслух (даже в шутку) имя нечистого, мы тем самым призываем его к себе. То же происходит, когда мы произносим имя Господа. *Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда. Ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься* (Мф. 12, 36).

В принципе, любая сказанная фраза уже символически совершившееся действие. Таким образом, следя за своей речью, надо представлять, что все сказанные тобой слова становятся реальностью. Такое упражнение научит словесному воздержанию и трезвению, которые очень много значат для христианского спасения.

Смех и шутка.

Смех, шутка, ирония – вещи совсем неоднозначные. *Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь*, – заповедует апостол Павел всем христианам. Радость, в которой пребывает праведник, не имеет ничего общего с тем весельем, которое исходит от шутки и влечет за собой чаще всего унижающий кого-либо смех. Если мы с вами посмотрим пословицы и поговорки, сложенные нашим народом о смехе и веселье, мы и там увидим четкое разграничение между «добрым» и «злым» смехом. «Кто в радости живет, того и кручина неймет», – сказано о жизнерадостном и не помнящем зла характере. Но в то же время народ помнит и о другом юморе: тебе смешно, а ему тошно. Так что, шутку любишь над Фомой, так люби и над собой, – замечает пословица.

Православный взгляд на юмор как таковой весьма осторожен. Для нас, живущих в атмосфере пошлых анекдотов, постоянного зубоскальства и кривляния в развлекательных передачах, комедий и иронических детективов, это кажется странным, потому что мы привыкли полагать, что шутка «строить и жить помогает». Но мы не замечаем, как постоянная несерьезность и ирония размывают самые дорогие для нас чувства: супружескую любовь, отношения к родителям, патриотизм, скромность и целомудрие. Это обратная сторона смеха, его демоническое свойство. Недаром дьявол всегда изображается полным иронии и всегда готовым посмеяться над всем. Именно об этом опасном характере юмора и иронии и предупреждают нас св. отцы.

«Кто смеется над ближним, тот как бы клеветает на него, а клевета ненавистна Богу и людям (*прп. Ефрем Сирин*).

«Чувство юмора заставляет рассматривать свои и чужие поступки под более широким углом и с более дальних позиций, от чего они выглядят нелепыми. Это чувство охлаждает энтузиазм, высмеивает надежду, оправдывает недостатки, утешает в неудаче. (...) Широкий угол и дальняя позиция не дары выдающейся природной мудрости, но всего лишь сгусток мнений данного общества в данный момент»⁶⁷.

С одной стороны, юмор нередко помогает в борьбе с пороком, выставляя его смешным и нелепым. С другой стороны, эта борьба приобретает совершенно иной смысл: не спасение души, а желание повеселить общество, которое по какой-то причине сегодня решило высмеять тот или иной порок. Именно поэтому Н. В. Гоголь, мечтавший, что его «Ревизор» или «Мертвые души» послужат к исправлению общества, не только не был понят этим обществом, но и испытал на себе обвинения в безумии и «религиозной мании», а книги его остались памятниками желчной иронии, а не христианской любви. Не говоря уж о том, что нередко высмеива-

⁶⁷ Торнтон Уайлдер. День восьмой.

емые черты, например малограмотность или слабоумие, с точки зрения верующего человека, не являются недостатками, заслуживающими обличения.

Шутка рассматривает и порок, и добродетель как бы через уменьшительное стекло, в результате чего первый перестает быть страшным, а вторая – прекрасной. Глядя на мир через призму юмора, человек забывает, насколько серьезно то, что происходит в нем. Шутка часто связана с иронией, а ирония – с цинизмом. Чувство юмора ведет к умеренности, к тому, что «не горячо, не холодно, но тепло». Мы все боимся быть смешными. Как часто мы отказываемся от своих идей, от своего мнения, от своей позиции только потому, что кто-то высмеял их. Казалось бы, что здесь такого? Разве смех убивает или калечит? Почему наши внутренние взгляды, способные выдержать периодически довольно серьезные испытания, пасуют перед чьим-то ироничным языком?

В реальности людей высмеивающих всегда боялись, ибо смех их не только бичует пороки, но и разрушает все, что другим дорого. В действительности сами шутники, как правило, крайне несчастны, потому что они все видят через искаженное зеркало иронии, их действия пропущены через ее фильтр, они не способны проявить искренние чувства, потому что искренние чувства всегда крайне серьезны. Они живут с вечной оглядкой на других и на саму гопожу иронию, ставшую в их жизни своего рода кумиром. И в этом цинизме обнаруживается их собственная пустота. Ведь такой смех выжигает в душе и цель жизни, и ее смысл, порождая в душе мучительное раздвоение на наблюдателя и наблюдаемого. Характерным примером жертвы такого юмора и иронии является персонаж романа Лермонтова «Герой нашего времени» Печорин, который много зла принес ближним и себе именно благодаря такому отношению к миру.

Для многих знакомых общение с О. было сущим наказанием. Уж если кто попадался ей на язычок, то спасения не было. Но и поссориться до конца с ней никто не решался: уж больно остроумной и способной расшевелить любую компанию девушкой она была. Однажды на исповеди О. призналась священнику, что ей кажется, будто ее сознание раздваивается. В общении с близкими, на молитве и в разговоре с любимым человеком О. казалось, что одна ее часть с холодным любопытством наблюдает за ее жизнью и поступками, постоянно иронизируя над собой и над окружающими, а вторая пытается хоть что-то почувствовать на самом деле, а не сквозь эту иронию. Батюшка посоветовал О. во время молитвы просить у Бога, чтобы он убрал из ее сознания эту раздвоенность, этот «голос» иронии и самоанализа. Когда О. поведала нам эту историю, она сказала, что благодаря Богу незаметно для нее самой эта раздвоенность исчезла, но стоит чересчур развеселиться в компании, как она вдруг видит себя со стороны и, вспомнив о прошлом, быстренько прикусывает не в меру заболтавшийся язык.

В то же время святые знали, как может ободежить человека, вернуть ему бодрость духа вовремя сказанное доброе, веселое слово. Мастером таких шуток был оптинский старец прп. Амвросий, обладавший великим даром рассуждения духов и видевший насквозь человеческие страсти. Он нередко заключал христианскую мудрость в шуточные стихотворения:

Скука – унынию внука, а лени – дочь.
Чтобы отогнать ее прочь,
В деле потрудись,
В молитве не ленись;
Тогда и скука пройдет,
И усердие придет!

А если к сему терпения и смирения прибавишь,
То от многих зол себя избавишь.⁶⁸

От уныния же приходят **ожесточение и нечувствие сердца**. Уныние подобно сну души, когда всякие чувства, направленные на спасение, оставляют ее. Душа, пребывая во сне уныния, перестает ощущать свою греховность. Подобное состояние св. отцы называют окамененным нечувствием. Отсутствие истинного покаяния в своих прегрешениях, нежелание исправиться, нежелание спастись. Сердце теряет чувствительность к происходящему, голос совести замолкает. Человек вроде бы и понимает, что поступает худо, но понимание это не вызывает никаких эмоций, никаких чувств. Сердце будто парализованно, не способно к движению.

«Бывает такое «стянутое» состояние души, когда трудно улыбаться, никакой мягкости, нежности ни к кому, одним словом – «окамененное нечувствие». Только молитва, особенно церковная, разгоняет это состояние. Оно обычное для гордых, унылых, самолюбивых, распутников, скряг; но в некоторой степени свойственно всем вообще – это состояние греха и безблагодатности, обычное состояние человека. Для души – это уже ад на земле, смерть ее при жизни тела, и оно есть естественно следствие греха, который буквально убивает душу» (*свят. Александр Ельчанинов*).

Как правило, человек, чье сердце окончательно ожесточилось и пребывает в окамененном нечувствии, говорит: «Ну и пусть попаду в ад. Зато здесь нормально проживу». Надо отметить, что для них не встает вопроса, куда попадет душа их после смерти. Эти люди потеряли надежду. Они подобны человеку, которого уговаривают бросить пить, на что он говорит:

– Уже поздно.

– Никогда не поздно, – возражают на это ему.

– Ну, тогда я брошу как-нибудь потом, – отвечает он.

Эти люди похожи на приговоренного к смерти, который в последние минуты стремится получить от жизни как можно больше и преступает все человеческие законы, потому что все равно умирать, а вместо угрызений совести чувствует злость на мир, который обрекает его на смерть. Только он в своем безумии, ослепнув и оглохнув от своего отчаяния, не хочет слышать того, что ему обещают помилование, если он изменится.

Уныние выражается в скуке и вечно плохом настроении, в депрессии, в постоянной усталости, в ощущении бессмысленности всего и тщетности попыток что-то изменить. Столь популярный вопрос о смысле жизни есть по сути своей вопрос уныния.

Бес уныния лишает человека способности радоваться. Одержимый унынием перестает радоваться даже удовлетворению своих страстей, понимая в глубине души, что удовольствие это преходящее, минутное, не может заполнить тот внутренний вакуум, который образовался в душе. Одиночество становится невыносимым. Окружающие люди нагоняют скуку и тоску. Человек не может долго находиться без движения, все время стремится к перемене места жительства, работы, учебы, к смене круга общения. Он не может подолгу заниматься одним делом: хватается то за одно, то за другое. Не может долго оставаться в состоянии собранности и сосредоточенности.

Страсти уныния противопоставляется добродетель трезвения, путь к которой лежит через труд, молитву и воздержание, а рождает трезвение смирение и терпение.

«Одному брату перед бдением внушал помысл: «Сегодня дай себе отдых и не вставай на бдение». Но он отвечал помыслу: «Кто знает? Завтра, может быть, и не встанешь; потому надо встать сегодня». И за работой тоже внушал ему помысл: «Дай себе отдых сегодня, а завтра

⁶⁸ Архим. Агапит. Жизнеописание иеросхимонаха Амвросия. Ч. 1. М., 1900. С. 103.

поработай». Он же опять отвечал: «Нет, сегодня поработаю, а о завтрашнем дне попечется Господь» (*прп. Ефрем Сирий*).

Таким образом, первая и главная защита от уныния – это постоянное памятование о смерти и страха Божий.

«Если брат при нашедшем на него унынии продолжает трудиться, то, при содействии благодати, отгоняет тогда от себя уныние», – учит прп. Ефрем Сирий.

Вспомним наш обычный день. Садимся за работу, и все как будто не клеится. Там болит, здесь ломит, спать хочется. Вот и думаешь: «Лучше не буду сегодня работать, отложу все на завтра». Удивительнее всего то, что назавтра повторяется та же история. Более того, оказывается, что заставить себя работать вдвое сложнее. А послезавтра будет еще сложнее. Как часто слышишь от людей о сильной занятости. И почти всегда люди эти (сильно занятые) за день не успевают почти ничего сделать. И наоборот, люди, обладающие большой производительностью труда, всегда найдут время помочь другу или встретиться с близким человеком.

Чем больше на день запланировано дел, тем больше ты успеваешь сделать, да еще время остается. Если же день посвящен в основном отдыху и сделать надо всего пару мелочей, то, скорее всего, либо времени на них не останется, либо весь день уйдет на эти самые мелочи.

Бывает, что, сидя за работой, чувствуешь усталость, но по причине срочности работы не можешь позволить себе отдохнуть, и вскоре усталость проходит, открывается как бы второе дыхание.

Уныние часто проявляется в сонливости. Так, читая книгу, склоняешься ко сну, особенно если книга эта душеспасительная. Существует масса способов стряхнуть с себя сон, чтобы продолжить чтение: полить себя водой, открыть в комнате форточку, чтобы было прохладно, читать стоя или стоя на коленях и т. д. То, что молитвы принято читать либо стоя, либо на коленях, тоже во многом связано с тем, что в расслабленной позе человек бывает не способен сосредоточиться на молитвенном тексте. Потому же особенно начинающим советуется читать молитвы вслух, чтобы сосредоточиться на них.

«Бог никого не оставляет. У Него все дети. Нет пасынков. И тяжелейшие случайности и состояния – все на добро нам направляется. Если бы вы могли узреть это, не было бы ни в чем тяготы. Но вы, кажется «узрели это» – порешили всего себя и все свое предать на волю Божию. Помогите вам, Господи, пребывать так. И когда тягота одолевает начнет, вызывайте сие чувство и утвердите его посреде между вами и тяготой, и чувство сей последней или утишится, или совсем исчезнет. Уповающего на Бога милость обыдет. Упование не посрамит... Пойте: «Заступнице усердная...», «Блажим Тя вей роди...», «Тебе необоримую стену...»

Свт. Феофан Затворник

Многие считают, что ценна только та молитва, которая идет без понуждения, прямо из сердца, а если нет желания молиться дома или в храме, так лучше и не делать того совсем, пока не ощутишь потребности к молитве. Позиция эта в корне неверна. Дело в том, что наше естество, испорченное грехом, привыкшее потакать страстям, потеряло, заглушило в себе «инстинкт» правильной жизни.

Представьте человека, который много лет пролежал на диване, не вставая с него. И вдруг в какой-то момент он испытывает желание начать двигаться. Но мышцы его не привыкли к работе. От движения он не испытывает никакой радости, а воспринимает его только как тяжелый труд. И вот он думает: «Если движение кажется мне тяжелым трудом, значит, оно естественно для моего организма, а, следовательно, продолжу я лучше лежать на диване». Но если он преодолеет первые тяжелые дни, поборет усталость и заставит себя ходить, то потом

уже движение начнет доставлять ему удовольствие, и он будет удивляться, почему он лишал себя такой радости.

Некий старец рассказывал: «Когда я беседовал с некоторыми братьями о пользе, на них нападал такой глубокий сон, что не могли двигать веками. Желая обнаружить действие демона, я заговорил о пустом предмете. Они обрадовались – и сон тотчас прошел».

Кто хочет победить беса уныния, тот должен соблюдать следующее:

- воздерживаться от празднословия;
- иметь мирные отношения с ближними и членами семьи, несмотря на их «непонимание» безусловно «глубоких и трагичных» обстоятельств;
- исполнять свои родительские обязанности не только в материальной заботе о чадах, но и в их душевном воспитании и любви.
- усиленно исполнять свои трудовые обязанности;
- вести домашнее хозяйство, заниматься рукоделием;
- читать Слово Божие (Священное Писание и Евангелие, отцов и подвижников Церкви);
- принуждать себя к молитве;
- помышлять о смерти и о утешении и радости в Царствии Небесном.

Знаете, почему Золушке некогда было унывать, несмотря на ужасные жилищные условия, скверных родственников и бесперспективную работу прислуги? Потому что, прежде чем попасть на бал, ей надо было прибрать в комнатах, вымыть окна, натереть пол, выбелить кухню, выполоть грядки, посадить под окнами семь розовых кустов, познать самое себя и намолоть кофе на семь недель!

Так что, если вы решите сознательно выполнить хотя бы половину того, что вы должны делать из приведенного выше списка, вам не то что унывать, вам зевать будет некогда! Конечно, это немножко шутка, но в качестве утешения тем, кто все-таки полагает, что «Бог забыл обо мне» и жалуется на множество неурядиц, мы приведем еще одну цитату:

«Мачеха: Золушка, Золушка, нехорошая ты девочка! Я забочусь о тебе гораздо больше, чем о родных своих дочерях. Им я не делаю ни одного замечания целыми месяцами, тогда как тебя, моя крошечка, я воспитываю с утра до вечера. Зачем же ты, солнышко мое, платишь мне за это черной неблагодарностью?»⁶⁹

⁶⁹ Е. Шварц. Золушка.

Глава 7. Тщеславие

*Всем воздавай честь ради Господа, не требуя чести себе, и
обретешь благодать у Господа.*

Св. Ефрем Сирий

В переводе на современный русский язык слово это означает: тщетная (напрасная) слава. Тщеславный человек тот, кто жадно ищет славы мирской или суетной, стремится к почету, к похвалам, требует признания мнимых достоинств своих, делает добро не ради добра, а ради похвалы, почета и внешних знаков почестей. Синонимами тщеславия в русском языке выступают спесь, бахвальство, кичение, надутость, чванство, высокомерие.

Великий русский поэт и писатель А. К. Толстой великолепно изобразил эту страсть:

Ходит Спесь надуваючись,
С боку на бок переваливаясь.
Ростом-то Спесь аршин с четвертью,
Шапка-то на нем во целу сажень,
Пузо-то его все в жемчуге,
Сзади-то у него раззолочено.
А зашел бы Спесь к отцу, к матери,
Да ворота некрашены!
А и помолился б Спесь во церкви Божией,
Да пол не метен!
Идет Спесь, видит: на небе радуга;
Повернул Спесь во другую сторону:
Не пригоже-де мне нагибаться!

Священник Александр Ельчанинов заметил: «Мнение о нас других людей – вот то зеркало, перед которым позируют почти все без исключения. Человек делает себя таким, каким хочет, чтобы его видели. Настоящий же, как он есть на самом деле, неизвестен никому, включая часто и его самого, а живет и действует некая выдуманная и приукрашенная фигура».

Как часто тщеславие прикрывается хорошими поступками. Оно прячется за безотказностью и обязательностью, за пунктуальностью и честностью, за щедростью и смелостью. Если копнуть поглубже, то окажется, что за половиной тех хороших качеств, которые мы в себе видим, скрывается именно эта страсть.

Симптомы тщеславия весьма многочисленны: нетерпение упреков, жажда похвал, постоянные мысли о реакции других людей на наши поступки. Кто из нас способен воспринять критику, даже справедливую, без некоторой внутренней злобы? И испокон веков одна из основных задач педагога – указать ученику на его ошибки и недостатки, не задев при этом его самолюбия.

А кто из нас не любит лести? Сладкие слова словно бальзам изливаются нам на душу: их приятно слушать, даже если сами мы абсолютно уверены, что говорящий сильно преувеличивает наши достоинства.

«Тщеславие издали видит приближающегося зрителя и гневливых делает ласковыми, легкомысленных – серьезными, рассеянных – сосредоточенными, обжорливых – воздержанными...» – говорит св. Иоанн Лествичник.

Застенчивость и комплекс неполноценности по сути тоже есть не что иное, как формы тщеславия. Застенчивый человек хочет быть самым лучшим, но не уверен, что у него это получится. Более всего он боится казаться смешным или нелепым, боится не понравиться. Ком-

плекс неполноценности – недовольство собой – вызван примерно теми же мотивами. Молодая девушка испытывает комплекс неполноценности по поводу своей внешности. Так ли ее в действительности волнует ее внешность? Нет, конечно. На самом деле волнует ее недостаток внимания окружающих, в особенности представителей мужского пола, и недостаток похвал. Предложите ей на выбор: а) ее внешность изменится на ту, которая кажется ей эталоном красоты, но все остальное в жизни останется по-прежнему; б) ее внешность останется прежней, но все окружающие начнут ею восхищаться. Разумеется, она выберет второй вариант.

К тому же скрытому тщеславию можно отнести ложную скромность. «Какая классная у тебя машина!» – говорит один приятель другому. «Да что ты, – отвечает тот, в глубине души гордясь собою, – по-моему, ничего особенного». Ложной скромностью особенно часто грешат женщины и называют это кокетством: «Ах, как я ужасно сегодня выгляжу», – говорит какая-нибудь дама, ожидая услышать в ответ бурные возражения и заверения в том, что она выглядит просто великолепно.

Та же работа на зрителя проявляется в грехе самооправдания. Более всего мы боимся неприглядно выглядеть со стороны, а посему, рассказывая о своих некрасивых поступках, стремимся найти объяснение этим действиям, оправдаться в глазах собеседника. Впрочем, играем мы не только перед собеседником, но и перед самими собой. Нам точно так же не хочется выглядеть плохими в своих собственных глазах. Мы убеждаем себя, что ни в чем не уступаем другим, что если жизнь наша и недостойна, то виноваты в том родители и среда, наша же вина минимальна. Так мужчина, оставляя жену с детьми ради любовницы, всегда скажет в свое оправдание, что любовница его соблазнила, а жена не удержала.

Бес тщеславия радуется, когда видит умножение наших добродетелей. Чем больше у нас успехов, тем больше пищи для тщеславия. «Когда я храню пост, я тщеславлюсь; когда же, для утаения подвига моего, скрываю его – тщеславлюсь о своем благоразумии. Если я красиво одеваюсь, я тщеславлюсь, а переодевшись в худую одежду, тщеславлюсь еще больше. Говорить ли стану – тщеславием обладаю; соблюдаю молчание – паки оному предаюсь. Куда сие терние ни поверни, все станет оно вверх своими спицами», – говорит св. Иоанн Лествичник.

Тщеславие многовидно, тем не менее в аскетике выделяют два его основных вида.

1) Превозношение плотскими преимуществами и видимыми вещами, а также своими умственными достижениями или талантом, или мирская гордость. Мы можем кичиться своим богатством, физической силой, красотой, хорошей семьей, успехами в работе и т. д., и т. п.

2) Желание суетной славы из-за духовных предметов, или гордость монашеская. Особенно характерно кичение достижениями в духовной жизни среди неофитов – людей, недавно обратившихся к вере. Новообращенные поначалу стараются очень последовательно и строго соблюдать устав: часто ходить в церковь, строго поститься, вычитывать утреннее и вечернее правило. Довольно скоро у них возникает ощущение собственной значимости и добродетельности, которое может принять угрожающие формы. Выражается это в том, что такие люди начинают считать всех, включая и церковную иерархию, погрязшими в грехах и пороках, а самих себя – призванными очистить Церковь от скверны. Хорошо, если по прошествии некоторого времени приходит понимание, что соблюдение внешних правил, хоть и важно, но является не целью верующего, а только помощью в стяжании добродетели.

Новообращенная девушка-христианка приходит к подруге в гости. День постный. Хозяйка к чаю кладет на стол плитку шоколада. Гостья читает на обертке состав и, заметив среди ингредиентов молоко, вытаскивает из сумочки соевую шоколадку, с которой и пьет чай.

У верующих со стажем тщеславие уже становится менее заметным постороннему глазу. Хотя, конечно, многие из нас считают, что по лестнице, ведущей к Богу, поднялись значительно выше своих ближних.

В наше время довольно распространенным стало «тщеславие наоборот»: когда люди тщеславятся не чем-то положительным, а чем-то отрицательным.

Например, превозносятся своими несчастьями или болезнями. Человек, не имеющий перед другими особых преимуществ, которыми он мог бы гордиться, часто стремится вызвать в окружающих жалость, беспрестанно сетуя на свое тяжелое положение. Замечательно, что люди, которым свойственно подобное поведение, не оставляют его даже в те моменты, когда дела их идут очень неплохо. Так, два человека могут поспорить о том, кому из них живется хуже, и в процессе этого спора впасть в зависть и в гнев друг на друга. На первый взгляд, такая ситуация кажется нелепой: как можно завидовать чужому несчастью? Но если вдуматься, все довольно легко объяснить. Человек несчастный вызывает жалость и сострадание, а значит, внимание ближних, перед которыми иногда самозабвенно разыгрываются целые спектакли. Вспомните мольеровского «Мнимого больного».

Еще одна довольно извращенная форма тщеславия – гордость своими недостатками. Так, нередко приходится слышать, как человек говорит с гордостью: «Да я вообще сволочь редкая. Ужасно люблю совать нос в чужие тайны, подслушивать, подглядывать...» Или: «Я тут такую интригу сплел! Так искусно подсел начальника отдела, прямо душа радуется», – а потом шантажировать людей добытыми сведениями. Или: «У меня, знаешь ли, вообще дурной характер. Я баба вздорная, капризная, скандалить люблю – жуть». Эта форма тщеславия особенно распространилась в наше время. Добродетель нынче не в моде. Сегодня целый книжно-журнальный поток тиражирует мировоззрение типа «я стерва».

Св. Иоанн Лествичник говорил о том, что все мы хотим к себе расположения и хорошего отношения окружающих. Так было в его время. В наше же главное – быть замеченным. Мы согласны даже на ненависть и презрение, только бы обратить на себя внимание.

Молодой человек – любимой девушке:

– Значит, ты меня не любишь?! Ну что же, раз я не могу заставить тебя меня полюбить, значит, я сделаю все, чтобы ты меня возненавидела!

Еще одну очень распространенную форму тщеславия детально изучил Ф. М. Достоевский. Его добровольные шуты, пресмыкающиеся перед властью имущими персонажи являют собой пример сильно развитого тщеславия. Такие люди, как Фердыщенко, Смердяков и пр., несомненно тщеславны, но не имеют возможности достичь того, что могло бы являться предметом гордости. Их уязвленное самолюбие выливается в добровольное унижение и наслаждение этим унижением.

В светском обществе тщеславие считается несомненной добродетелью и всячески поощряется. Родители, воспитывая своих детей, с детства внушают им стремление к высокому положению, богатству: «Ты должен быть самым лучшим, первым, иначе вообще нет смысла этим заниматься (спортом, иностранным языком, музыкой и пр.)». Учителя в школе, добиваясь от учеников хорошей успеваемости, устраивают всевозможного рода соревнования и постоянно сравнивают детей друг с другом. И так всю жизнь.

Довольно часто мы распространяем тщеславие не только на себя самих, но и на свою семью или на своих друзей. Так, мы чрезмерно радуемся успехам своих детей, а дети, в свою очередь, тщеславятся финансовой обеспеченностью своих родителей, их положением в обществе. Тщеславие страшно и само по себе, но, кроме того, оно ведет к другой, еще худшей страсти – гордости.

Тщеславие происходит непосредственно от гордости и одновременно питает гордость. Тщеславный человек желает казаться самым лучшим и достойным человеком на земле, самым умным, красивым, счастливым, талантливым и преуспевающим во всех отношениях. Тщеславие, поиск всеобщего признания и восхищения являются рычагом, заставляющим человека двигаться вверх по карьерной лестнице, проводить целые дни в тренажерных залах, покорять женщин.

Тщеславие полностью поработает человека, делая его марионеткой, куклой, которой управляет общественное мнение. При этом совсем не обязательно человек добивается похвалы, нет, он может стремиться к тому, чтобы его боялись, или ненавидели, или смеялись над ним. Самое страшное, что представляется для тщеславного, – это равнодушие окружающих, возможность остаться незамеченным, затеряться в толпе.

Человек ошибочно может предполагать, что стремится к сохранению собственного лица, что не делает ничего, противоречащего его жизненным принципам, но в реальности это не так. Не говоря о том, что сами принципы его были созданы в угоду какому-то желанному для него образу, но и меняются они тоже в зависимости от ситуации. Мало того, само «лицо» (личность человека), которое и является основной ценностью тщеславия: я не такой как все, я лучше, я отличаюсь, я выше, я особенный – в результате поработания человека страстью теряется полностью. Тщеславие в поиске всеобщего восхищения пытается подражать образцам, которые это восхищение заслужили, и человек теряет через это собственную личность. Он выстраивает всю свою жизнь по некоторому шаблону, образцу, который кажется ему нет, не наиболее правильным – наиболее эффективным.

Происходит что-то вроде клонирования. Наиболее часто встречаются разнообразные звезды экрана. На втором месте – литературные персонажи, политики и исторические деятели. Наконец, немало встречается пятых или десятых копий (т. е. человек подражает своему авторитету, который, в свою очередь, подражает своему авторитету и пр.). Некоторые, особенно умные, создают *mix* (смесь) из нескольких образов. Одно совершенно очевидно: мало кто решается оставаться самим собой, не играя какой-нибудь роли.

Всегда ли легко высказать собственное мнение, если не уверен в его не обязательно даже правильности, но хотя бы разумности? Всегда ли просто выразить свои эмоции? Разве не страшно показаться смешным, нелепым или, напротив, вызвать резкое осуждение у окружающих? Всегда хочется быть на высоте. Всегда хочется, чтобы промахи остались незамеченными, а слабости принимались за силу. И всегда нужно одобрение: много, много постоянного одобрения и внимания.

Человек тщеславный нередко подбирает свое окружение таким образом, чтобы его приятели и друзья оттеняли все его достоинства. Так, человек, демонстрирующий щедрость, обязательно будет держать в кругу своих приятелей скупцов, смельчак – трусов, умный – глупцов. Таким образом, будет создаваться контраст человека и окружения, а в результате этого контраста еще резче выделяться его смелость, благородство или ум. Но как только интерес к определенному качеству у тщеславного человека утихает (например, демонстрация смелости отойдет на второй план), такие друзья будут отпадать за ненадобностью. И, несомненно, дружба закончится, если приятель по недосмотру вдруг окажется человеком очень достойным.

В конечном итоге, как бы ни старался человек, одержимый тщеславием, понравиться окружающим, они все равно остаются только чернью, подсобным материалом для построения дворца славы, и все эти друзья взаимозаменяемы. Но в то же время, признаваясь периодически себе самому в своем равнодушном отношении к людям, он совершенно не задумывается о том, что сам, словно собачка, прыгает перед этой толпой на задних лапках и просит конфетку. Он не осознает, как из этакое величественного господина, каким себя мыслит, превращается в жалкое существо, терзаемое завистью и ненавистью ко всем, кто в чем-то превосходит его. Только попробуйте сказать такому человеку, что у кого-то из его бывших приятелей больше

зарплата или выше должность, и вы увидите, как лицо его исказится от злобы. Ни страдания блудника, ни страдания сребролюбца не могут сравниться с той мукой, которую испытывает человек тщеславный, ежеминутно сжигаемый на десятке костров из зависти.

Все мы в той или иной степени одержимы тщеславием. Мы постоянно думаем о том, как посмотрит на нас тот, что подумает о нас этот. Тщеславие наше может выражаться очень по-разному. Вариант, описанный выше, представляет собой тщеславие в обнаженном виде. Но очень часто оно бывает скрытым, завуалированным. Оно искусно прячется под благими деяниями: щедростью, безотказностью, воздержанием и многим, многим другим.

Проявлениями страсти тщеславия свт. Игнатий (Брянчанинов) называет:

Искание славы человеческой. Хвастовство. Желание и искание земных и суетных почестей. Любление красивых одежд, экипажей, прислуги и келейных вещей. Внимание к красоте своего лица, приятности голоса и прочим качествам тела. Расположение к наукам и искусствам гибнущего сего века, искание успеть в них для приобретения временной, земной славы. Стыд исповедовать грехи свои. Скрытие их перед людьми и отцом духовным. Лукавство. Самооправдание. Прекословие. Человекоугодие. Зависть. Уничтожение ближнего. Переменчивость нрава. Потворство. Бессовестность. Нрав и жизнь бесовские.

Особенность тщеславия заключается в том, что нередко оно прячется не только за добродетельные, хорошие поступки, но и за другие страсти. Бывает, что мужчина, часто меняющий женщин, одержим в большей степени не блудной страстью, а именно тщеславием. Он легко может отказаться от женщин, если внушить ему другие идеалы и нравственные ценности. Но каких бы целей он ни добивался, стремление к общественному признанию все равно останется. Очень важно понимать эту особенную природу тщеславия, для того чтобы искоренить его.

Основные признаки тщеславия: вечный взгляд на себя со стороны, постоянная оценка себя с точки зрения окружающих и попытка подстраивать свое поведение под их критерии. Основной вопрос: «Я сегодня хорошо выгляжу?» (не обязательно внешне, но: хорошо ли держусь, говорю, шучу, проявляю себя в тех или иных ситуациях).

«Всем нам нужно, чтобы на нас кто-то смотрел. Нас можно было бы разделить на четыре категории согласно тому, под какого рода взглядом мы хотим жить.

Первая категория мечтает о взгляде бесконечного множества анонимных глаз, иными словами, о взгляде публики. (...) Они, когда теряют публику, испытывают ощущение, будто в зале их жизни погасли лампы»⁷⁰. К этой категории относятся люди искусства, политики и т. д. Их тщеславие совсем открыто и ничем не замаскировано, оно то же, что искание славы. Для всех совершенно очевидно, что слава – один из самых соблазнительных жизненных призов. Тот же Зигмунд Фрейд писал, что стремление к славе (особенно для мужчины) часто не менее, а то и более важно, чем стремление к сексуальным удовольствиям. Любопытно отметить, что слава порой бывает дороже не только мирских ценностей, но даже и самой жизни. История знает случаи, когда люди жертвовали жизнью ради науки, или ради «победы рабочего класса», или просто ради известности. Странная, действительно странная деталь, потому что невозможно понять умом, зачем человеку слава, если он мертв. Здесь, конечно, можно возразить, что люди жертвовали жизнью во имя истины. Да только это неправда. Ну, возьмем в пример некий собирательный образ ученого, пожертвовавшего жизнью, чтобы доказать факт существования земного притяжения. Ведь его смерть, по сути, ничего не изменила: Земля притягивала предметы тогда, притягивает сейчас и делает это вне зависимости от того, знаем мы о законе притяжения или нет. Но наш ученый не боялся смерти. Он был одержим тщеславием, он был на сцене, на подмостках, вокруг которых собралось несметное количество людей – потомков. И их неслышные аплодисменты подбадривали его в смертный час. Он должен был достойно выглядеть на сцене истории.

⁷⁰ *Милан Кундера. Невыносимая легкость бытия.*

Тщеславие дает человеку надежду убежать от смерти. Страсть тщеславия так сильна потому, что связана с самым глубинным и самым сильным нашим страхом: страхом смерти, страхом небытия. Поиск славы – попытка остаться в этом мире: пусть в памяти людей, пусть на обложке книги, пусть в старой видеокассете.

«Вторую категорию составляют те, кому жизненно необходим взгляд многих знакомых глаз. Это неутомимые устроители коктейлей и ужинов»⁷¹.

Такой вид тщеславия может выявляться очень по-разному. Эти люди – короли в своих небольших кругах. Они завоевывают определенные позиции и всеми силами поддерживают свой авторитет. Как правило, за такими людьми устанавливается определенный имидж: «радушная хозяйка», «супермен», «рубаха-парень». Нередко имидж этот оказывается довольно случайным, но, закрепившись за человеком, он словно маска, прирастающая к лицу, уже не оставляет его в покое. Иногда даже забавно смотреть, как «радушная хозяйка» готова придушить любимых гостей, которые слишком буквально воспринимают ее образ, но на лице ее по-прежнему играет милая улыбка: «Как, вы уже уезжаете? (Ну наконец-то!). Почему же так скоро? (Ничего себе скоро: целую неделю гостили). Неужели такие неотложные дела? (Понятное дело, вам заняться нечем, а у меня вот забот накопилось по горло.)».

«Затем существует и третья категория: это те, кому нужно быть на глазах любимого человека»⁷².

Есть действительно довольно обширная категория людей, для которых тщеславие сводится к одобрению одного или нескольких людей. Мне встречались довольно неприятные в общении персонажи, которые оказывались просто ангелоподобными существами в отношении двух-трех близких людей. Можно было бы предположить, что они просто любят своих близких. Но это не совсем так. Здесь тоже выказывается определенный род тщеславия: люди такого типа нуждаются в постоянном одобрении любимого, они все время просматривают свою жизнь глазами близкого человека. Подобные отношения иногда складываются у сына с матерью, если она воспитывала ребенка одна. Дело не в безмерной любви сына к матери, а в том, что мать является для этого человека средоточием всего мира. Она для него – все люди в их совокупности. Ее похвалы достаточно, чтобы удовлетворить тщеславие, тогда как похвалы окружающих почти ничего не значат.

«И есть еще четвертая, редчайшая, категория; эти живут под воображаемым взглядом отсутствующих людей»⁷³.

Эта категория тоже крайне любопытна, поскольку ориентируется в своих поступках не на окружающих, а на некоторое мифическое существо. Особенно явно это выражается в случае смерти кого-нибудь из близких. Человек, переживший серьезную потерю, постоянно смотрит на себя глазами несуществующего человека, делает что-то, чтобы угодить ему (украшает могилку на кладбище), ведет себя так, как тому бы понравилось, и так далее.

Тщеславие, как всякая страсть, может полностью овладеть человеком. Например, в большом спорте не одержимому тщеславием человеку делать нечего. Вообще любая система соревнований построена на тщеславии.

Соревновательный момент и соперничество порождают зависть.

Зависть — желание, чтобы окружающие не имели того, чего не имеет сам завидующий.

Кто скажет, чтоб Сальери гордый был
Когда-нибудь завистником презренным,
Змеей, людьми растоптанною, вживе

⁷¹ *Милан Кундера*. Невыносимая легкость бытия.

⁷² *Милан Кундера*. Невыносимая легкость бытия.

⁷³ Там же.

Песок и пыль грызущую бессильно?
Никто!.. А ныне сам скажу – я ныне
Завистник. Я завидую; глубоко,
Мучительно завидую. – О, небо!
Где ж правота, когда священный дар,
Когда бессмертный гений – не в награду
Любви горящей, самоотверженья,
Трудов, усердия, молений послан —
А озаряет голову безумца,
Гуляки праздного?.. О Моцарт, Моцарт!⁷⁴

Зависть относится к числу смертных грехов, так как является источником ненависти, злобы, мстительности и богоборчества. Сальери восстает на самого Бога, так как ему кажется, что Бог неправильно наградил гением «праздного» Моцарта, а не его, трудолюбивого Сальери. Зависть скрывается в самых глубинах души, и ее часто нелегко распознать. В светской жизни слово «зависть» используется в достаточно узком значении, подразумевая желание чужого имущества или почестей. И мы сами нередко относим себя к числу независтливых людей исключительно потому, что не заримся на чужую машину или дом. И в то же время многие ли из нас умеют радоваться чужим радостям? Как часто мы с неодобрением смотрим на преуспевающего друга и стараемся изыскать в нем недостатки, которые умаляли бы его успехи. Мы говорим: «Да, он многого добился, но каким способом?!» Если же нашему знакомому удастся достичь настоящих высот, мы вдруг чувствуем себя неловко рядом с ним, либо отстраняемся, стараясь общаться как можно реже и не особо обращаться с просьбами, либо же, напротив, то и дело норовим выказать свое дружеское расположение. Мы с легким содроганием смотрим на вынимаемые из кармана пачки денег... Нет-нет, «мы не завидуем», просто ощущаем легкий дискомфорт.

Часто завистливый человек стремится внешне умалить ценность того, что является для него предметом зависти. «Подумаешь, – говорим мы, – машину ты новую купил. Тоже мне радость. С ней возни столько, хлопот». Или, напротив, отговариваем приятеля от затрат: «В Испанию хочешь поехать? Не советую. Там в этом году погода плохая и пляжи грязные. Лучше в Крым. И тебе же дешевле станет». Или: «Ну зачем тебе компьютер? Для работы вроде не нужен, не то что мне. Так, разве для баловства. Пора бы относиться к жизни более ответственно».

Самое удивительное, что завидовать можно не только успеху, но и неудаче. Как часто в ответ на чужие жалобы у нас непроизвольно вырывается: «А мне все равно хуже, чем тебе. И болезней у меня больше, и денег меньше...» И нам сразу хочется быть очень несчастными, больными и бедными. Мы страстно желаем чужих бед, чтобы иметь возможность на них жаловаться.

Зависть (в отличие от той же гордости) мы стремимся скрыть и от себя и от окружающих как можно глубже, пряча свою завистливость за другими грехами.

Зависть таится по закоулкам души. Так нелегко бывает поймать ее и еще труднее назвать по имени. В отличие от многих других грехов, зависть часто скрыта от глаз окружающих и от нашего собственного взора. Осознание этого греха – первый и очень важный шаг к избавлению от него. Как непросто сказать себе: «Я завидую». Еще сложнее, произнеся эти слова, не искать оправдания своей зависти: этот коварный грех очень легко находит себе оправдание. «Почему другим – все, а мне – ничего? Чем я хуже?» – восклицаем мы, почувствовав легкое раздражение на преуспевающего товарища.

⁷⁴ А. С. Пушкин. Моцарт и Сальери.

Сегодня зависть и тщеславие зачастую используются в качестве «двигателя торговли». Как вам такая реклама?

«Приготовьтесь ловить восхищенные взгляды! Ведь такому автомобилю позавидуют подруги и не только...»

Мало того, что я почему-то должен покупать вещь только для того, чтобы мне позавидовали, так и завидовать мне должен не кто-нибудь, а подруга или друг! И таких рекламных слоганов, играющих на самых низменных и отвратительных грехах человеческой души, – тысячи. И мы, и наши невинные дети невольно напиваемся этой мерзостью, вселяя в свои души отвратительные страсти.

Противостоять зависти нелегко. Человеку не под силу бороться с этим грехом самостоятельно, только с помощью Господа и духовного наставника. И поэтому увидеть в себе этот грех, если он есть, и исповедаться в нем особенно важно.

«Зависть есть меч обоюдоострый, который наносит вред обоим: как самому завистнику, так и тому, кому он завидует, но не прежде последнему, чем первому. Завистник, прежде чем сделает вред другому, прободает свое собственное сердце, тяжело страдает душою, изменяется в лице и горько вздыхает. Хорошо сказал св. Василий Великий завистнику: «О чем ты вздыхаешь? О своем ли несчастье или о чужом счастье?» И справедливо: завистник страдает не столько от своего несчастья, сколько от чужого счастья: он терзается сердцем, когда видит ближнего своего выше себя, в счастье и почете. И для Каина не столь горько было то, что Бог отверг его жертву, сколько то, что Он благоволил принять жертву его брата; он не тужил о своей потере, а скорбел, смотря на счастье брата; он не думал исправить себя примером добродетели братней, но становился от того еще худшим. И сколько тот преуспевал пред Богом в добре, столько сей ожесточался во зле; тот возвышался в очах милосердия Божия, а сей нисходил в глубину погибели».

Свт. Димитрий Ростовский

Обидчивость. В повседневной жизни мы считаем обидчивость или ранимость человека скорее его бедой, нежели виной. Конечно, попадают люди с гипертрофированной ранимостью, которые вызывают своими постоянными обидами исключительно раздражение, но подобные случаи довольно редки. Чаще люди ранимые, уязвимые противопоставляются бездушным и циничным индивидуумам, у которых нет «нежных чувств», «слабых мест» и пр. Люди комфортные, самодовольные, самодостаточные нередко пугают окружающих. А к понятию «уязвимости», «ранимости» относится принципиальная способность человека на глубокие душевные переживания. Как ни странно, глубокими переживаниями люди почему-то считают преимущественно переживания негативные: скорбь, боль, обида и пр. Так, например, далеко не всегда верна пословица о том, что друг познается в беде. При углублении в познание человеческой природы становится понятно, что настоящая дружба и настоящая близость познаются вовсе не в беде, а именно в радости. Беда проверяет исключительно приятельские отношения. Радость же проверяет крепкую дружбу. Мы готовы прийти на помощь в самых сложных ситуациях, мы готовы одолжить денег, предоставить дом и еду. Но значительно труднее оказывается *сорадоваться*, чем сопереживать. В момент радости мы не чувствуем ни собственной значимости, ни собственной необходимости, мы играем роль статистов, которые вытеснены прямой на второй план. И эта роль становится самой трудной, поскольку менее всего подходит нашим тщеславным самолюбивым натурам: она перемещает нас вглубь сцены и заставляет подыгрывать чужому успеху. Искренне сорадоваться умеют далеко не многие. Есть даже особый тип людей: когда у тебя все плохо – они лучшие друзья, как только жизнь нормализуется – начинаются конфликты, ссоры, недовольства.

Отступление это, хоть и увело нас несколько от темы разговора, тем не менее представляется крайне важным, поскольку демонстрирует тот факт, что умение испытывать негативные эмоции далеко не так однозначно предстает со знаком «+». В конечном итоге наркоман, лишенный наркотика, тоже очень страдает, что, впрочем, не свидетельствует о его глубоком внутреннем мире.

Точно так и ранимость вовсе не говорит о душевной тонкости и чуткости. Напротив, многие психологи с уверенностью заявляют, что обидчивость – проявление эгоизма: человек требует от окружающих любви и внимания, а не получая их, испытывает сильные негативные эмоции. Из этого мы соответственно можем сделать вывод, что обидчивость есть непосредственный результат тщеславия. Нас задевают чужая невнимательность, резкое слово, неудачная шутка. Этот забыл позвонить в день рождения, другой не оценил наш великодушный жест, третий не счел должным отблагодарить нас за услугу. Как же так? По нашим представлениям, весь мир должен вращаться исключительно вокруг нас. Все должны о нас помнить, нас замечать, нас ценить и любить. Ежели они поступают иначе, то мы обижены, задеты, раздавлены...

Мы так искренне и совершенно бескорыстно помогаем людям, а они, понимаете ли, не ценят! Мы говорим им: «Да что вы, не стоит благодарности», – а они и в самом деле не благодарят нас – каков удар!

Мы приходим к человеку с открытой душой, с лучшими намерениями, делимся с ним сокровенными тайнами, а он, воспользовавшись нашим доверием, устраивает подлости. Мы разочарованы, мы в отчаянии, мы обманулись в самых своих лучших ожиданиях, нас предали...

Что есть по сути своей обидчивость, как не тщеславие, не получившее удовлетворения? Любая обида подразумевает нанесение некоторого ущерба человеку, его личности. Когда мы ударимся, то чувствуем боль. Она является реакцией, спровоцированной инстинктом самосохранения, то есть любовью к телу (медицина давно объяснила, что боль – это реакция нервных клеток на аномалии в теле). Боль – сигнал о неисправности, сигнал, сообщающий о том, что нам нанесен ущерб. Боль, которую испытывает человек от обиды, является таким же сигналом. Как известно, внутренняя боль, то есть сильное огорчение, имеет порой такой отчетливый характер, что иногда выражается на физическом уровне в виде спазмов в районе грудной клетки, затрудняет дыхание, сковывает движения и провоцирует напряжение в теле. Боль душевная есть тоже сигнал о неисправности, проявление инстинкта самосохранения, любви к себе, самолюбия.

Кстати, напомним, что самолюбие и эгоизм – это искаженные греховные проявления той необходимой и здоровой любви к себе и к своей душе, которые вынуждают нас заботиться о своем спасении и бороться со своим ветхим «я».

Но как инстинкт самосохранения, тоже вполне естественный и натуральный, может обернуться в гипертрофированное оберегание себя от любого дискомфорта, так и гипертрофированная любовь к себе, к своей личности претворяется нередко в чрезмерную обидчивость.

Кроме того, можно заметить, что наиболее обидчивыми бывают те люди, которые более всего требуют к себе внимания. Подобное наблюдение опять же подтверждает нашу теорию. Люди самодостаточные, не нуждающиеся в постоянном подтверждении окружающими собственных достоинств, значительно меньше и мягче реагируют на чужие неблагоприятные поступки и фразы в отношении собственной персоны.

Есть полезный совет в борьбе с обидчивостью, данный одним священником. Внушите себе такую простую и справедливую мысль: вам никто ничего не должен. Сразу станет легче жить и дышать.

«Если кто-либо из ближних причинит нам обиду – не допустим мы в своем сердце господствовать злобе! Помните, что в ином случае нашими слабостями сразу же воспользуется враг человеческого рода. Он будет, несомненно, внушать нам, что обида слишком велика и

непростительна; станет раздувать малое в большое, представлять из мухи слона. Злоба же, войдя в сердце, не даст нам покоя ни днем, ни ночью, ни на молитве, ни на работе. Она будет точить наше сердце, да так сильно, что мы выбьемся совершенно из колеи. Смотрите же, не давайте места диаволу! И если заметим в своем сердце обиду на ближнего, то поспешим к примирению, если только это возможно. Бывает, правда, и так, что человек просит прощения, а обиженный не прощает. В таком случае, оставляя все на совести ближнего, станем очищать самих себя пред Богом и пред людьми» (*Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладозжский*)

Застенчивость. Многие психологи сходятся на том, что застенчивость есть также проявление излишнего тщеславия. Люди застенчивые, как правило, крайне строги к себе, оценивают себя по высшему счету и более всего на свете боятся допустить какой-либо промах. В тех или иных ситуациях во многих из нас проявляется застенчивость. Так, придя в незнакомую компанию, мы будем вести себя не так, как обычно. Почему? Просто мы не уверены, что наше обычное поведение, приемлемое в тех или иных кругах, покажется нормальным здесь, понравится здесь. Если мы сами так критично и негативно оцениваем свое повседневное поведение, то почему бы не изменить его в принципе, а не в исключительных ситуациях? Именно в этом отличие застенчивости от христианской скромности: застенчивость как проявление тщеславия есть лицемерие, потому что человеком движет не желание исполнить евангельские заповеди в отношении ближних, а житейское самолюбование.

Однажды автору пришлось наблюдать своего хорошего знакомого в непривычной для него обстановке. Вечный лидер, человек, находящийся всегда в центре внимания, вдруг совершенно стушевался и вел себя необычайно тихо и скромно. Перемена поражала. И только сейчас, осознавая, как связаны тщеславие и застенчивость, становится хорошо понятна его реакция на незнакомый коллектив. Он оказался в чужой среде, которая явно отнеслась бы к нему недоброжелательно, продемонстрируй он свое повседневное поведение. Мало того, и сама среда ему не сильно понравилась. Но незнакомая компания была связана с его другом, весьма близким человеком, мнением которого он дорожил. Таким образом, застенчивость, чувство неловкости, продемонстрированные в тот момент, выявили все то же тщеславие, то есть стремление, страстное желание получить у окружающих одобрение своего поведения и неуверенность, что окружающие поведение одобряют.

Любопытно отметить, что нередко комплекс неполноценности – застенчивость в острой форме – проявляется в ощущении, что весь мир на тебя смотрит, при этом смотрит неодобрительно, с насмешкой, с издевкой. Подобные ощущения, к примеру, возникают у закомплексованных подростков. Внутренняя нервозность доходит до абсурдных ощущений. Чудовищная рефлексия, вечный взгляд на себя со стороны: как я сел, как я встал, как я посмотрел. Застенчивость в высшей своей стадии делает человека центром вселенной в любой момент его жизни, устремляя глаза всех остальных обитателей мира исключительно на него.

Молодая женщина на сеансе у психолога жаловалась на то, что не может без дрожи в коленках войти в магазин, в котором работает продавщицей. Она входит, опустив голову и уставившись под ноги, так как точно знает, что взгляды всех мужчин в магазине устремлены на нее. Ей стыдно за свою фигуру, походку, осанку. Каждый вход в магазин превращается в пытку. На вопрос психолога, смотрела ли она когда-нибудь по сторонам и если нет, то как она может знать, что все взгляды устремлены на нее, девушка краснела и отвечала,

что глаз никогда не поднимала, но точно знает, что все мужчины пристально ее рассматривают...

Ложь – стремление исказить истину в мыслях, словах или поступках.

Грех лжи, хотя первоначально бывает спровоцирован какой-либо из страстей, в конечном итоге сам по себе может превратиться в страсть. Ложь – отрицание истины, и отец лжи – сатана. Поэтому всякий грех уже есть ложь.

Мир наполнен ложью, он как кривое зеркало, искажающее Божий порядок. В той или иной степени все мы склонны лгать. Одни делают это открыто, другие говорят нечто похожее на правду, как бы полуправду. Обычно под грехом лжи подразумевается вранье, так или иначе осознанное. Но понятие лжи в христианской аскетике значительно шире. Вот как разделяет ложь прп. авва Дорофей:

«Есть три различных вида лжи: иной лжёт мыслию, другой лжёт словом, а иной лжёт самую жизнь свою. Мыслию лжёт тот, кто принимает за истину свои предположения, т. е. пустые подозрения на ближнего; такой, когда видит, что кто-нибудь беседует с братом своим, делает свои догадки и говорит: он обо мне беседует. Если прекращают беседу, он опять предполагает, что ради него прекратили беседу. Если кто скажет слово, то он подозревает, что оно сказано для оскорбления его. Вообще в каждом деле он постоянно таким образом замечает за ближним, говоря: он ради меня это сделал, он ради меня это сказал, он это сделал для того-то. Таковой лжёт мыслию, ибо он ничего истинного не говорит, но всё по одному подозрению, а от сего происходят любопытство, злословие, подслушивания, вражда, осуждения...

Некогда в бытность мою в общежитии было мне такое диавольское искушение, что я стал было по движениям и по походке человека заключать о его душевном устройении, и со мною встретился следующий случай. Однажды, когда я стоял, прошла мимо меня женщина с ведром воды; сам не знаю, как я увлёкся и посмотрел ей в глаза, и тотчас помысл внушил мне, что она блудница; но лишь только пришёл мне сей помысл, я стал очень скорбеть и сказал о сем старцу, авве Иоанну: «Владыко, что я должен делать, когда я невольно замечаю чьи-либо движения и походку, и помысл говорит мне о душевном устройении сего человека?» И старец отвечал мне так: «Что же? Разве не бывает, что иной имеет естественный недостаток, однако с великим усилием и трудами исправляет его? Потому и нельзя из этого заключать чьего-либо душевного устройства. Итак, никогда не верь своим догадкам, ибо кривое правило и прямое делает кривым. Мнения человеческие ложны и вредят тому, кто предаётся им»...

А словом лжёт тот, кто, например, от уныния поленившись встать на бдение, не говорит: «Прости меня, что я поленился встать»; но говорит: «У меня был жар, я до крайности утомился работою, не в силах был встать, был нездоров», и говорит десять лживых слов для того, чтобы не сделать одного поклона и не смириться. И если он в подобном случае не укорит себя, то беспрестанно изменяет слова свои и спорит, чтобы не понести укоризны.

Также когда случится ему иметь какой-нибудь спор с братом своим, то он не перестаёт оправдываться и говорить: «Но ты сказал, но ты сделал, но я не говорил, но такой-то сказал», и то, и другое, чтобы только не смириться. Опять, если он пожелает чего-нибудь, то не хочет сказать: «Я этого желаю», но всё извращает слова свои, говоря: «У меня такая-то болезнь, и это мне нужно; это мне приказано», и лжёт до тех пор, пока не удовлетворит своему желанию. И как всякий грех происходит или от сребролюбия, или от славолюбия, или от сребролюбия, так и ложь бывает от сих трёх причин. Человек лжёт или для того, чтобы не укорить себя и не смириться, или для того, чтобы исполнить желание своё, или ради приобретения и не перестаёт делать извороты и ухищряться в словах до тех пор, пока не исполнит желания своего. Такому человеку никогда не верят, но хотя он и правду скажет, никто не может дать ему веры, и самая правда его оказывается невероятною...

Жизнью своею лжёт тот, кто, будучи блудником, притворяется воздержным; или, будучи корыстолюбив, говорит о милостыне и хвалит милосердие, или, будучи надменен, дивится сми-

ренномудрию. И не потому удивляется добродетели, что желает похвалить её, ибо если бы он говорил с сею мыслию, то он сперва со смирением сознался бы в своей немощи, говоря: «Горе мне, окаянному, я сделался чуждым всякого блага», и тогда уже, по сознании своей немощи, стал бы он хвалить добродетель и удивляться ей... Но лживый человек, или боясь стыда – чтобы не смириться, или желая обольстить кого-нибудь и повредить ему, говорит о добродетелях и хвалит их, и удивляется им, как будто сам поступал так и знает их по опыту: таковой лжёт самую жизньнюю свою. Это не простой человек, но двойственный, ибо иной он внутри, и иной снаружи, и жизнь его двойственна и лукава...»⁷⁵

Ложь открытая отчетливо осознается говорящим. Она произносится намеренно, ради каких-то целей или, напротив, из страха перед наказанием. Иногда мы наблюдаем случаи «немотивированной» лжи. Вроде бы человек лжет чисто из «любви к искусству». Тем не менее впечатление это обманчиво. Если разобраться как следует, то становится видно, что ложью мы всегда так или иначе преследуем какую-то цель. Просто не всегда цель эта очевидна.

Нередко мы считаем совершенно естественным лгать и скрывать что-то от окружающих. Так, например, подростки, даже честные и правдивые с друзьями мальчики и девочки, считают вранье родителям или учителям абсолютной нормой и совершенно не переживают по поводу подобных обманов. Впрочем, вранье детей родителям – пример очевидный. И все взрослые люди знают, что это плохо. А сколь часты ситуации наоборот – когда родители врут детям, по пустякам и не только. Вот обыденный пример: мама смотрит телевизор, ребенок спрашивает, когда она придет к нему. «Через 15 минут», – не задумываясь, отвечает мама, прекрасно зная, что фильм закончится минимум через час.

Опоздав на полчаса на работу, мы на автомате выпаливаем, что автобуса долго ждали, будильник не прозвонил или что-нибудь в этом роде, даже не задумываясь о том, правду сказали или нет. Разговаривая по телефону с неприятным человеком, точно так же, не задумываясь, ссылаемся на несуществующие дела, чтобы закончить разговор. Отказываясь одолжить деньги, объясняем, что нет ни копейки, хотя только что получили зарплату.

Такая вот автоматическая ложь переполняет всю нашу жизнь. Мы не каемся в ней на исповедях, мы вообще не замечаем ее. Казалось бы, мы не всегда получаем от нее какую-то выгоду. Но это не так. Отвечая по телефону неприятному человеку: «Я занят», мы тем самым избавляем себя от скучного собеседника и в то же время остаемся в его глазах хорошим человеком. Мы говорим, что врем, дабы его не обидеть. Но это тоже не так. Потому что, если бы мы заботились о нем, то уделили бы ему больше внимания, а не искали способов от него отвязаться.

Есть и другой вид лжи, более скрытый, когда мы и сами почти верим в правдивость сказанного.

Так, если взять любую ситуацию в пересказе двух людей, то, как бы ни стремились они к правдивости рассказа, тем не менее, в повествованиях их обязательно обнаружатся некоторые различия. И дело здесь не в забывчивости, а в так называемом индивидуальном взгляде. Этот самый индивидуальный взгляд сводится в основном к стремлению выставить себя в более выгодном свете, чем окружающих. Бывают, конечно, редкие моменты откровенных рассказов, когда мы начинаем во всем себя обвинять, но значительно чаще мы стремимся оправдать все свои поступки, приукрасить намерения и смягчить неприглядные слова и жесты.

Мы редко называем подобные рассказы лживыми, скорее – преувеличенными, приукрашенными, неточными. А в то же время стремление к самооправданию тоже разновидность лжи. И нередко ложь эта настолько всасывается нам в кровь, настолько пронизывает все существо, что мы даже перестаем замечать, как велика разница между подлинным событием и нашим

⁷⁵ Прп. авва Дорофей. Поучения.

рассказом о нем. А рассказав свою историю разу по десятому, мы уже и сами начинаем верить в ее правдивость.

Впрочем, произнесение «правды» в обыденном смысле слова тоже не всегда хорошо. Грань между правдой и неправдой совсем не так очевидна, как кажется.

Так, например, ложь, служащая для примирения, – это не ложь вовсе, но как раз истина. Священник Александр Ельчанинов, приводя в пример рассказ о келейнике, ложью примирившем поссорившихся старцев, и совет отца Иоанна Кронштадтского «не только не передавать дурных отзывов, но передавать лучше несуществующие хорошие», заключает: «Наши дразги, ссоры, злоба – это «не-сущее», хотя оно как-то существует, в то время как выдуманное доброе более реально, хотя оно и выдумано».

Д. и Н., два близких друга, поссорились. У Д. был день рождения, и он, несмотря на ссору, приглашает Н., но тот отказывается, ссылаясь на дела. Некто третий, пытаясь их примирить, говорит Н., что Д. очень расстроен отказом (хотя Д. выказал скорее, злость), а Д. сообщает, что Н. очень хотел пойти к нему на день рождения и огорчен своей занятостью в этот день (разумеется, и это неправда). В процессе примирительной операции посредник, придумавший «ложь во спасение», вдруг очень отчетливо осознал, что все произнесенные им «придуманные» слова – это самая настоящая правда, так как за внешней злостью поссорившиеся Д. и Н. действительно скрывали свои переживания.

Вообще, правда, истина не может способствовать разжиганию злобы, не может провоцировать человека на дурные поступки. Говорить правду, не утаивать правды вовсе не значит прибегать к другу с воплями: «Твоя жена тебе изменяет» – или с гордостью сообщать неприятному человеку: «Ты глуп, уродлив и вообще последний мерзавец».

Ложь как стремление исказить истину выражается во многих других грехах. Одно из наиболее распространенных проявлений лжи – это *лицемерие*. Этот грех, ненавидимый всеми в своих крайних проявлениях, в более слабой форме присущ очень многим. Ведь все мы ведем себя дома не так, как на работе, на работе – не так, как в компании друзей. Притом считаем подобную множественность личин совершенно нормальной и даже гордимся своей способностью подстраиваться под любое общество.

Очень часто лицемерие называют вежливостью. Действительно, что лучше: улыбаться неприятному человеку (и тихо про себя его ненавидеть) или прямо, всем своим видом показывать свою неприязнь? На этот вопрос можно ответить только: «Оба варианта хуже». Потому что испытывать к человеку неприязнь уже грех. И как бы это зло ни выражалось, чем бы ни усугублялось – лицемерием или грубостью, все равно будет плохо. Впрочем, нельзя считать лицемерием искренние попытки начать относиться к человеку лучше.

Лицедейство, столь много обличаемое древними отцами Церкви, можно увидеть не только на сцене. В повседневной жизни мы не так уж редко лицедействуем, надеваем на себя какие-то личины, меняем так называемый имидж. Диапазон лицедейства широк: от простого кривляния, сюсюканья с детьми до разыгрывания целых ролей в написанных нами же пьесах.

Самое страшное в лицедействе – это сознательное искажение своей личности (т. е. образа и подобия Бога в человеке) в угоду преходящим целям.

Еще одно проявление лживости – *клеветничество* – стремление опорочить, оговорить ближнего. Мы довольно часто пытаемся приписать окружающим какие-то нелицеприятные поступки, мысли, слова. Иногда с целью переложить свою вину на другого, иногда подчиняясь стремлению вызвать в людях неприязнь к ненавистному нам человеку. Довольно часто бывает, что, услышав хороший отзыв о ком-то из наших приятелей, мы начинаем вдруг неизвестно почему говорить о нем всяческие нелицеприятные вещи, сильно преувеличивая его

недостатки. Мы начинаем высматривать дурные помыслы за самыми лучшими его поступками, приписывать ему разнообразные пороки, наполовину нами же придуманные. Пересказываем какие-нибудь его слова в искаженном виде или опуская смягчающий их контекст. «А П. называл тебя...», – говорим мы, не упоминая ни словом, что резкие речи П. произносились в момент сильного гнева. Попуская себе клеветничество, мы доходим до того, что готовы оболгать человека ради достижения своих корыстных целей. Впрочем, здесь уже можно говорить о совершенно сознательной клевете, когда мы заведомо сообщаем ложную информацию.

Лживостью же можно считать *лесть*. Кстати, ошибочно полагать, что льстивые слова могут произноситься из желания порадовать человека. За лестью всегда стоит корыстная цель, как правило, стремление завоевать расположение слушающего. Так как все мы очень любим слушать о себе приятное, то льстецу легче всего втереться в доверие.

Знаменитый американский психолог Дейл Карнеги разработал целую систему, «как льстить людям»: говорите о них самих, хвалите их детей и собак, улыбайтесь им и всячески демонстрируйте свое расположение – и вот все они у вас в кармане. И между прочим, знаменитая американская улыбка тоже уходит корнями своими в лесть: «Ты мне нравишься», – говорит своим оскалом продавец в супермаркете. И покупатель, попавшись на примитивную приманку, стремится завоевать еще больше симпатии, покупая в безумных количествах то, что ему совсем не надо.

Преподобный Иоанн Кассиан говорит, что дух тщеславия – самый разнообразный, изменчивый и тонкий, так что от него предостеречься почти невозможно и даже распознать его бывает очень трудно. Тщеславие нападает со всех сторон и искушает христианина и одеждой, и внешностью, и походкой, и голосом, и работой, и талантом.

«Диавол, в ком не мог породить тщеславия благообразием статной и блестящей одежды, в том пытается всеять его одеждою неуклюжей, неопрятной и нищенской; кого не мог ввергнуть в сию страсть честью, того подбивает на нее унижением; кого не мог заставить превозноситься многознанием и умением красно говорить, у того вызывает это важничаньем в молчании».

Прп. Иоанн Кассиан Римлянин

Овладев душой человека, тщеславие сводит на нет все труды во спасение. Преподобный Нил Синайский говорит, что «тщеславный монах – бесплатный работник: несет труд, а награды не получит». Святые отцы советуют всячески остерегаться людских похвал. Сделав доброе дело, не превозноситься, а постараться скрыть его от окружающих и самому как можно быстрее забыть о нем.

«Кто просит у Бога даров за труды, тот на опасном основании утверждает; а кто, напротив, смотрит на себя как на всегдашнего должника перед Богом, тот сверх чаяния своего вдруг увидит себя обогащенным небесным богатством» (*прп. Иоанн Лествичник*).

Истинный благой поступок стыдится свидетелей и благодарности. Он совершается тайком ото всех и скрывается с таким же усердием, как и поступок постыдный.

Первое правило в борьбе с тщеславием – избегать похвальбы. В Евангелии сказано: *Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая твоя рука не знает, что делает правая. Чтобы милостыня твоя была втайне, и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. И когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц останавливаясь молиться, чтобы показаться пред людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою, помолись Отцу твоему, который втайне; и Отец твой, видящий тай-*

ное, воздаст тебе явно (...) Так же, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры; ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцем твоим, который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно (Мф. 6, 1–6, 16–18).

Один брат очень строго постился. Однажды он пришел на общую трапезу и, когда все вкушали вареные овощи, ел размоченную чечевицу. После трапезы отвел его в сторону старец и сказал:

– Лучше бы ты ел вместе со всеми, дабы не подвергаться тщеславию. Если же хочешь соблюдать строгий пост, то сиди в своей келье и не выходи из нее.

Одного отшельника, известного своей праведной жизнью, предупредили о том, что должен к нему за благословением приехать знатный вельможа. Услышав об этом, отшельник сел у входа в свою келью с куском хлеба и с сыром и, завидев приближение вельможи, начал жадно поглощать их.

Вельможа, увидев эту картину, сказал:

– И это отшельник, которого хвалили мне за праведную жизнь?! – развернулся и уехал, а отшельник радостно вернулся в свою келью.

Противоположной тщеславию добродетелью святитель Игнатий (Брянчанинов) называет смирение. Добродетель эта очень высока и трудно постижима. Но без смирения богообщение невозможно. Примеры истинного смирения являют нам истории из патериков и житий святых.

Глава 8. Гордость

Ибо кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится.

Мф. 23, 12

Гордый глух и слеп к миру, мира он не видит, а только свое во всем отражение.

Свиц. Александр Ельчанинов

Кто превозносит себя над братом своим, над тем издеваются бесы.

Прп. Ефрем Сирин

В современном русском языке слово «гордость» имеет ряд значений.

- 1) Чувство собственного достоинства, самоуважение.
- 2) Чувство удовлетворения от чего-либо (гордость от победы).
- 3) Высокомерие, чрезмерно высокое мнение о себе.

В православной аскетике слово «гордость» – абсолютный синоним слова «гордыня», т. е. значение его совпадает с 3-м из приведенных значений. Смысловая путаница в этом случае ведет к недопониманию того, что Церковь разумеет под страстью и грехом гордости. Преподобные отцы, целью своей подвижнической жизни ставившие смирение, не говорили, что человек не должен любить и уважать себя. Православное вероучение призывает человека к *правильной любви к себе*. А чувство собственного достоинства заключается в осознании христианином того, что он создан по образу и подобию Божию, и выражается в его стремлении к добродетели. Это значит, что человек не будет лгать, воровать, убивать, завидовать, хвастать, потому что тем самым он оскорбляет в себе образ Божий. Любя и уважая в себе образ и подобие Божие, человек должен в равной степени любить и уважать то же в другом человеке и в значительно большей степени, нежели себя, любить и чтить своего Создателя.

Без понимания этой истины нельзя понять суть греха гордыни. Ибо что есть гордость? Это желание возвыситься над ближними своими и сравняться с Богом; это отрицание Бога и непризнание достоинства ближнего.

Если попытаться проиллюстрировать это, то получится следующее. Представьте себе отряд солдат. Над этим отрядом стоит некий офицер. Остальные солдаты равны по званию. Один из них (из солдат) много о себе возомнил и перестал подчиняться приказам командира. Он, быть может даже из благих целей, совершает в одиночестве вылазку на врага, попадает в результате в плен и ради сохранения своей жизни рассказывает неприятелю обо всех планах отряда. Что из этого получится? Да ничего хорошего. Он и себя погубит, и ничем не поможет, а напротив, помешает осуществлению главной задачи, преследуемой отрядом. Вместе с тем он нарушит и дисциплину и кодекс чести, потому что солдат должен подчиняться тому, кто выше по званию, и быть верным присяге. Но то, что он подчиняется командиру, вовсе не значит, что он должен лебезить перед врагом. Напротив, честь велит воину бороться с врагом. Наша война – это борьба со страстями. И победить в ней мы можем только при одном условии – при полном и беспрекословном подчинении воле Бога. А перед врагом (перед демонами и своими страстями) мы должны вести себя достойно и мужественно. Мы же, как тот бунтующий солдат, не слушаемся своего Отца и Создателя, но зато пресмыкаемся перед бесами. Не будете ли вы смеяться, если солдат этот скажет, что пошел против воли командира из чувства собственного достоинства, исключительно потому, что не может позволить кому-то собой командовать? Почему же мы не смеемся тогда над собой, хотя поступаем точно так же, утверждая,

что не можем из чувства собственного достоинства попросить прощения у ближнего своего, которого незаслуженно обидели? И разве повернется язык наш сказать, что остальные солдаты, которые исполняют волю командующего и мужественно сражаются с врагом, не имеют чувства собственного достоинства, просто потому, что они подчиняются чьим-то приказам? Нет, напротив, мы назовем их достойными воинами, потому что они мужественно противостоят врагу. Точно так же и истинный христианин не должен противиться Промыслу Божьему, но должен по мере сил достойно противостоять своим страстям и бесовским козням. Недаром первые христиане называли себя верными. Верными Богу, Святому Крещению и своей вере в Искупителя. В этом-то и заключается чувство собственного достоинства христианина.

«Бог-Троица, при искуплении образа Своего – человека, дал такую возможность к преуспеванию в усовершенствовании подобия, что подобие обращается в соединении образа с Подлинником, бедной твари с всесовершенным Творцом ее. Дивен, чуден образ Божий, тот образ, из которого светит, действует Бог! Тень Петра апостола исцеляла! Солгавший перед ним пал внезапно мертвым, как солгавший перед Богом! Убрусцы и головные повязки апостола Павла совершали знамения! Кости Елисея пророка воскресили мертвеца, которого телу неосторожность погребателей допустила прикоснуться к давно покоившимся в гробе костям духоносца!

Ближайшее подобие, соединение получается и по получении удерживается пребыванием в евангельских заповедях. *Будите во Мне*, заповедует Спаситель ученикам Своим, *и Аз в вас. Аз есмь лоза, вы же родите, и иже будет во Мне и Аз в нем, той сотворит плод мног.* Блаженнейшее соединение доставляется, когда с чистой совестью, очищаемой удалением от всякого греха, точным исполнением евангельских заповедей, христианин приобщается святейшего тела Христова и святейшей Его крови, а вместе и соединенного с ними Божества Его. *Ядый Мою плоть*, сказал Спаситель, *и пийй Мою кровь во Мне пребывает, и Аз в нем.* Разумный образ Божий! Рассмотрим: к какой славе, к какому совершенству, к какому величию ты призван, предназначен Богом! Непостижимая премудрость Создателя предоставила тебе сделать из себя то, что пожелаешь сделать. Разумный образ Божий! Неужели ты не захочешь пробить достойным образом Божиим, захочешь исказить себя, уничтожишь подобие, превратишься в образ диавола, низойдешь к достоинству бессловесных?» – пишет свт. Игнатий (Брянчанинов) в статье об образе и подобию Божиим в человеке.

Гордыня, гордость – самая опасная страсть и виновница всех грехов. Именно из-за гордыни сатана отпал от Бога. Именно гордыня сводила на нет многолетние усилия некоторых святых. Именно гордыня была первым грехом, которым согрешили Адам и Ева.

Гордый обычно не видит своего греха.

Некий разумный старец увещал на духу одного брата, чтобы тот не гордился; а тот, ослепленный умом своим, отвечал ему: «Прости меня, отче, во мне нет гордости». Мудрый старец ему ответил: «Да чем же ты, чадо, мог лучше доказать свою гордость, как не этим ответом!»

Древний патерик

Каковы внешние приметы гордости? Гордец обидчив и самолюбив, ему трудно просить прощения, тяжело уступить в споре. Он не любит слушаться ни равных себе, ни старших. Он не любит приказных интонаций, а предпочитает им смиренные просьбы. Он подвержен вспышкам гнева. Он помнит причиненное ему зло и постоянно в душе или на словах осуждает других людей.

Все мы имеем эту страсть. Но гордец не видит в себе гордости. Как же распознать ее в себе? На это Иаков, архиепископ Нижегородский, отвечает: «Чтобы понять, ощутить ее, замечай, как ты будешь себя чувствовать, когда окружающие тебя сделают что-либо не по-твоему, вопреки твоей воле. Если в тебе рождается прежде всего не мысль кротко исправить ошибку,

другими допущенную, а неудовольствие и гневливость, то знай, что ты горд и горд глубоко. Если и малейшие неуспехи в твоих делах тебя опечаливают и наводят скуку и тяжесть, так что и мысль о Промысле Божиим, участвующем в делах наших, тебя не веселит, то знай, что ты горд и горд глубоко. Если ты горяч к собственным нуждам и холоден к нуждам других, то знай, что ты горд и горд глубоко. Если при виде неблагополучия других, хотя бы то врагов твоих, тебе весело, а при виде неожиданного счастья близких твоих грустно, то знай, что ты горд и горд глубоко. Если для тебя оскорбительны и скромные замечания о твоих недостатках, а похвалы о небывалых в тебе достоинствах для тебя приятны, восхитительны, то знай, что ты горд и горд глубоко».

Разделяются два вида гордыни: плотская и духовная. Большинство людей одолеваются плотской гордыней. Духовная же нападает на больших подвижников, достигших уже высот в духовной жизни.

а) Плотская гордыня. В отличие от гордыни духовной, плотская значительно более заметна и признаваема самим человеком. Другое дело, что, как правило, плотская гордыня почитается нами за достоинство, которое мы бережем и лелеем. Мы называем это «сохранением собственного лица», отсутствием трусости и пр. Задаваясь же вопросом: что из этих похвал в действительности хорошо? – мы окончательно запутываемся, не умея различить стремление к добродетельной жизни от гордыни. На самом же деле тест донельзя прост. Любое слово похвалы в свой адрес уже есть гордыня, любое ощущение собственной правоты – гордыня тоже. И наша абсолютная неспособность согласиться с тем, что хвалить и одобрять себя греховно, то чувство протеста, которое мы испытываем, читая эти слова, тоже гордыня. Она заставляет человека превозноситься по причине внешних физических преимуществ, больших знаний или лучших душевных качеств по сравнению с другими людьми. «Я красивее», «я умнее и добрее» – вот выводы поддавшегося этой страсти. Плотская гордыня выражается в чрезмерной обидчивости, в непокорности, нередко в чрезмерной смелости, в стремлении командовать, часто в излишней болтливости, в завистливости, в злопамятстве, в гневе, в самонадеянности.

б) Духовная гордыня одолевает в основном тех, кто уже достиг каких-то добродетелей. Часто жертвой этого беса становились подвижники. Как только в своей борьбе со страстями ты говоришь: «Я достиг» – тут же все твои старания сводятся на нет. Одной этой мыслью уничтожается все достигнутое. Так, существует немало историй о том, как подвижники после многих лет поста и молитвы видели ангелов, а потом оказывалось, что это были не ангелы, а бесы. Этот вид гордости именуют прелестью, или обольщением.

Древние патерики донесли до нас много таких историй.

Монах Ирон пятьдесят лет провел в пустыне и превзошел всех живущих в ней иноков своим равноангельским житием. Но гордость погубила и такого подвижника. Он вообразил, что соседние с ним иноки держатся не такого устава, какого бы, по его мнению, следовало держаться. И стал относиться к ним с презрением. Дьявол, заметив зародившееся в старце самомнение, не замедлил приложить старание, чтобы погубить его, и достиг своего. Он явился ему в образе светлого ангела, а самообольщенный монах принял его действительно за такового. Дьявол предложил старцу броситься в колодец, говоря, что-де за святую жизнь ему от этого вреда не будет. Старец послушался, и... вытащили его из колодца едва живым. На третий день он скончался.

Прот. В. Гурьев. Пролог

И вот еще одна история:

В пустыне жил достойный инок. Он усердно постился и проводил все дни в молитве. Словом, его украшали все добродетели души. Но он возгордился своими успехами и стал надеяться на себя, а не на Господа. Тогда диавол решил искусить его, и однажды вечером ко входу в пещеру инок подошла прекрасная женщина. Она со слезами просила впустить ее и дать ей убежище от ночного холода и зверей. Инок впустил ее в пещеру. Она рассказала свою историю и постепенно очаровала отшельника. Постепенно монах распалился страстью, но когда он уже готов был броситься в постыдные объятия, женщина исчезла, а вокруг себя он увидел множество злых духов, которые смеялись над ним: «А! Это ты, возносившийся до небес, теперь низринулся до ада! Теперь понимаешь слова:...всяк возносяйся смирится!?» (Лк. 14, 11). Тогда инок помешался в уме и, не вынеся позора, ушел в мир, где начал вести недостойную жизнь, всячески избегая встречи с праведными людьми, чтобы кто-нибудь не извлек его из бездны.

Руфин. Жизнь пустынных отцов

Гордость в высшей своей точке приводит к самообожению, к тому, что человек воображает себя центром вселенной и стремится заставить весь мир крутиться вокруг себя. Есть немало примеров великих гордецов, оставивших свой след в истории. Надо полагать, именно таковыми были Наполеон, Гитлер, Сталин (примеры, которые напрашиваются сами собой). Одним из самых ярких примеров гордецов в русской литературе можно считать Николая Ставрогина (*Ф. М. Достоевский. «Бесы»*).

Но такая гордость, переходящая все пределы, все-таки не часто проявляется в людях. Большинство из нас одержимы гордыней в значительно меньшей степени.

Кто такой гордец? Это человек, желающий поставить себя выше Бога, уж не говоря о ближнем. Справиться с гордостью самостоятельно совершенно невозможно хотя бы потому, что гордец никогда не видит своей страсти. Впрочем, так как любой грех есть прежде всего проявление гордости (гордость называют матерью всех грехов и страстей), то и проводить какие-то тесты и проверки на гордыню не обязательно, можно просто смириться с фактом ее наличия.

Конечно, как и любая страсть, гордость может проявляться в разных степенях и очень поразному. Высшую степень гордыни показал сатана, попытавшись поставить себя выше Господа. Самым откровенным гимном гордыне можно считать философию Фридриха Ницше.

«Абсолютно гордое существо живет и действует, руководясь сознательно или безотчетно следующими положениями: *мое* решение устанавливает или даже творит ценности; поэтому *моя* воля должна господствовать над всем, что совершается; все, что происходит, должно следовать *моему* плану и указанию; никто не смеет меня порицать и даже хвалить, т. е. оценивать; даже неличные ценности – нравственное добро, красота, истина – не смеют покорять меня себе, *я не обязан* подчиняться им, да и обусловлены они *моею* волею, а не существуют сами по себе.

Такое абсолютно гордое существо приписывает себе божественные свойства и хочет само стать на место Бога. Отсюда возникает соперничество гордеца с Богом, активное богоборчество, неуспех этой борьбы и потому жгучая ненависть к Богу. Существо, подлинно ненавидящее Самого Живого Бога, есть сатана. Совокупность таких существ образует особое царство бытия, противоположное Царству Божию и называемое адом»⁷⁶.

Гордыня фактически единственная страсть, которая может полностью вытеснить остальные. Мы уже говорили о том, что нередко одна из страстей занимает в сердце человека главенствующее положение. Но в таком случае остальные страсти все равно присутствуют, только отступают на задний план. Скряга, возможно, и не потратит денег на удовлетворение блудной

⁷⁶ Достоевский и его христианское миропонимание// Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М., 1994. 432 с.

похоти, но это вовсе не значит, что его не одолевает блудное разжжение. Гордыня же тем и опасна более всего, что человек, подчинившись этой страсти, почти с легкостью может победить (на время) все остальные страсти. Любопытно отметить, что гордыня питается мнимыми человеческими достоинствами. Чем более «хорош» человек в общепринятом, светском понимании, тем сильнее развивается его гордыня. Как правило, люди, одержимые гордыней, ведут себя весьма достойно, особенно поначалу, в тот момент, когда гордыня только набирает силу. Они могут быть щедры, честны, обязательны и пунктуальны, у них может быть много друзей, они будут спокойно отказывать себе в пище или сне, воздерживаться от блуда, справляться со своим гневом и не впадать в уныние даже при самых больших неприятностях; они могут быть независтливы, незлопамятны, немстительны и пр. И вообще окажутся на поверку самыми душевными и милыми людьми. Но... все это будет оставаться в силе только до тех пор, пока гордыня их будет нуждаться в пище, в укреплении. Пройдут годы, и этих людей будет не узнать... Куда что девалось? Где необычайная сила воли? Где честность и щедрость? Почему они так меняются в лице при упоминании о чужих радостях и успехах? Что за неконтролируемые вспышки гнева? Откуда такая любовь к деньгам и почету? И вот уже нет вокруг друзей, только коллеги по работе. И вот уже окружающие люди все чаще не восхищаются, а жалеют. Но удивляет даже не унижающая жалость, которую получает гордец от окружающих, а то, что он будто бы не замечает этой жалости, он все с таким же апломбом рассуждает на какие-то важные темы, он все так же считает себя гением, самым лучшим и, мало того, нисколько не сомневается в том, что остальные о нем такого же мнения, а не показывают этого... быть может, из зависти?

Когда глядишь на этих жалких, уничтоженных гордецов, когда вспоминаешь, какими они были какое-то время назад, думаешь невольно: «Жизнь сломала...» На самом деле крушение происходит вовсе не от жизненных неприятностей, напротив – гниение начинается изнутри. К какому-то моменту человек настолько убеждается в своем превосходстве над всеми, что, во-первых, начинает потихоньку во всем потакать себе, искренне полагая, что это никак не умалит его неисчислимых достоинств (от этого рождается плотолубие), во-вторых, настолько замыкается на себе, что совершенно перестает быть восприимчив к окружающему миру. То есть он не видит никого и ничего, кроме себя, а соответственно тут же теряет друзей, начинает спокойно пренебрегать всяческими своими обязательствами, спокойно нарушать данное слово. Его щедрость становится автоматической и корыстной, то есть он уже не благодетельствует ближних, если не уверен, что получит что-нибудь взамен; понятие «честность» абсолютно нивелируется: «Почему я должен отчитываться перед другими за свои поступки?» Он не готов ничем жертвовать ради окружающих, но в то же время отсутствие признания на каком-то этапе начинает тяготить его. Нередко он видит в отношении людей к нему неблагодарность, иногда объясняет для себя холодность бывших друзей тем, что они завидуют его успехам. Постепенно жажда внимания становится все сильнее: гордыня, не находя себе никакой подпитки, начинает пожирать человека изнутри. И вот он уже выплясывает вовсю, чтобы взгляды окружающих сосредоточились наконец на нем. Он выкрикивает в лицо приятелям оскорбительные слова, он исходит в сарказме или, напротив, занимается самоуничижением и совсем примитивным шутством. Его сжигают гнев и зависть. «Гордый не терпит превосходства над собой и, встречая его, или завидует, или соперничает. Соперничество и зависть друг другом держатся, и в ком есть одна из сих страстей, в том обе они».

Но дружбы нет и той меж нами.
Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами себя.
Мы все глядим в Наполеоны;

Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно.⁷⁷

«В самом деле, властолюбие обыкновенно включает в себя, кроме властвования над людьми, еще и любовь к собственности как лучшему объекту властвования, а также могутствующему средству для осуществления власти. Гневливость гордеца есть следствие того, что он не терпит никакого столкновения чужой воли со своею. Ненависть ко многим лицам, идеям, проявлениям жизни естественно возникает опять-таки потому, что чужая воля и чужая жизнь не следуют планам и вкусам гордеца. Любовь к роскоши, сластолюбие и горлобесие (или гортанобесие. – *Прим. авт.*) легко могут возникнуть как следствие естественной потребности иметь в составе жизни и чувственную полноту телесного бытия, но невозможность удовлетворить ее в высоких формах, достигаемых на пути соборного творчества. Наконец, уныние есть печальный конец жизни нераскаянного гордеца, который начинает свой путь энергичной деятельностью, полный веры в себя, но, потерпев множество крушений, утрачивает вкус к жизни»⁷⁸.

Да, уныние, отчаяние действительно становятся финалом гордыни. Оно начинается со скуки, с невозможности развлечь себя, а заканчивается смертельной тоской, которую ничего уже не может развеять, ощущением полной бессмыслицы, отсутствием стимула для того, чтобы жить дальше. Ибо рано или поздно человек смотрит на себя в зеркало и понимает, во что он превратился. И еще понимает другое. Он, всю жизнь видевший смысл только в себе самом, в самосовершенствовании, в услаждении себя, сидит теперь у разбитого корыта, и не за что оказывается зацепиться, ибо все его попытки служить только себе привели к результату, обратному ожидаемому: ему плохо.

Таково неизбежное следствие превозношения своего «я», которое лежит в основе горделивого конструирования себя, столь любимого всеми гордецами. Это самосовершенствование, служащее исключительно для удовольствия гордеца и осуществляемое его же собственными силами, ставит конечной целью не только превзойти всех людей, но и достичь каких-то небывалых высот, какие и не представлялись ранее человеку. Для гордеца недостаточно быть просто лучшим, ему обязательно надо быть единственным, неповторимым и, что уж говорить, действительно совершенным. Конечная цель гордыни – быть всем в самом себе и ничего не знать, кроме себя. Гордыня центристательна и ведет в пустоту. И сатана, первый, кто впал в гордыню, и человек – все хотят стать Богом: обрести в самом себе бытие, и наслаждение, и самодостаточность.

Но получается, что человек, желающий обрести смысл жизни и самую жизнь вечную в себе самом и только для себя (а именно это и является конечной целью гордеца), оказывается ни с чем, потому что человек не заключает в себе средства бессмертия. Источник жизни – Бог, Он – смысл и цель нашего существования. Вне Бога нет ни бессмертия, ни власти над собой, но признать это – значит пережить крушение своего «я», созданного из иллюзий и заблуждений.

Подобный крах, если за ним не следуют раскаяние и попытка переосмыслить жизнь, приводит либо к самоубийству, либо к тяжелым формам наркомании (в т. ч. алкоголизма): не видя впереди цели, гордец впадает в отчаяние и стремится свести счеты с жизнью если не прямым наложением на себя рук, то с помощью ухода в виртуальный мир, в поисках забвения.

Но даже в период торжества гордец тоже несчастлив. Потому что гордость, вопреки пространенному заблуждению, вовсе не означает любви к себе. Гордец абсолютно не способен любить себя, точно так же, как не способен любить других. Потому что любовь – это стремление к Богу, а гордец, напротив, бежит Бога. Любовь – это видение в себе и в других образа

⁷⁷ Пушкин А. С. Евгений Онегин. Гл. 2. Стрф. 14.

⁷⁸ Достоевский и его христианское миропонимание// Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М., 1994. 432 с. С. 144.

и подобия Божьего. Но разве способен гордец на это? Нет, никогда. Он, наоборот, стремится найти в себе нечто Богу чуждое, от Бога отличное и Богу равное. Иногда ему мерещится, что это нечто удалось наконец разглядеть. Но моменты сладкой эйфории, похожие на состояние опьянения, сменяют следующие за ними моменты прозрения собственного ничтожества. И одновременно с пониманием своей никчемности приходит жгучая ненависть к себе, к своей недостаточности, к своей неспособности принести самому себе удовлетворение.

Гордецов часто упрекают в самовосхищении. Но это лишь одна сторона их ощущения себя. Другая же выливается в невозможное отвращение к себе, в непримиримую жестокость к себе. Мало кто из подвижников истязает себя так, как это порой делает гордец. А как гордец занимается самобичеванием! Он за малейшее прегрешение порой готов себя со свету сжить, похоронить заживо. Он скорее ближнему простит подлость в отношении себя, чем себе – непредусмотренный планом самосовершенствования поступок. Отсюда так сильна у гордецов мучительная рефлексия без раскаяния, которая переходит все мыслимые и немыслимые границы и портит в итоге жизнь не только самому гордецу, но и окружающим.

Но в конечном итоге все восхищение собой пройдет, а останется только черная дыра ненависти и отвращения к себе, которые заполнят все его существо и сделаются невыносимой пыткой.

Надо заметить, что постоянные наши упоминания о конечном падении и отчаянии вовсе не означают действительного конца, потому что конец этот, это самое окончательное падение может оказаться началом другого пути. Потому что нередко вслед за осознанием полной собственной несостоятельности возникает вопрос: «А что же я такое? Где я сам?» Иногда, пережив подобную катастрофу, человек понимает, что всю жизнь гонялся за химерами, что в стремлении быть самым лучшим потерял себя самого и уже не помнит, какой же он. И дальше наступает время долгого соскребания с души налипшей грязи в попытке найти себя под грудойхлама и мусора.

К проявлениям гордыни свт. Игнатий (Брянчанинов) относит:

Презрение ближнего. Предпочтение себя всем. Дерзость. Помрачение, дебелость ума и сердца. Пригвождение их к земному. Хула. Неверие. Лжеименитый разум. Непокорность закону Божию и Церкви. Последование своей плотской воле. Чтение книг еретических, развратных и суетных. Неповиновение властям. Колкое насмешничество. Оставление хриstopодражательного смирения и молчания. Потеря простоты. Потеря любви к Богу и ближнему. Ложная философия. Ересь. Безбожие. Невежество. Смерть души.

Если мы проанализируем по этой схеме жизнь и творчество писателя Льва Толстого, то придем к выводу, что именно так развивалась в нем духовная болезнь, повлекшая за собой отречение его от Церкви.

Относительно *предпочтения себя всем и презрения ближнего* все довольно-таки ясно. Самолюбием мы все грешим в крайней мере. И даже абсурдным кажется не предпочитать себя всем. Ведь «своя рубашка ближе к телу». Понятно также насчет помрачения ума и сердца и *пригвождения их к земному*. Мы уже настолько погрязли в своих земных заботах, что о Боге вспоминаем крайне редко, по большим праздникам или, напротив, в минуты большой беды.

Сложнее дело обстоит с *неверием*.

В Евангелии сказано: *Если вы будете иметь веру с горчичное зерно, и скажете горе сей: перейди отсюда туда; и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас* (Мф. 17, 20).

Что это значит? Неужели никто из нас не верит даже самую малость? Неужели никто из нас не имеет веры с горчичное зерно? В храмах сегодня множество народа, и все уверенно ответят, что Бог есть. Но что такое наша вера? Дело не в жертвах, которые мы готовы или не готовы ради нее принести. Нет, речь сейчас вовсе не об этом.

Вот мы приходим на исповедь, сдавленным голосом перечисляем свои грехи и пороки... А потом выходим из храма и начинаем все по новой. Да, конечно, со многими страстями справиться нелегко. Но ведь есть и другие. Что стоит, например, бросить курить... Трудно, не спорю, но, по сути, не такая уж это проблема. Но почему-то оказывается непросто завязать с этой дурной привычкой. Силы воли не хватает, скажете? Да не в силе дело. В воле? Пожалуй. Мы не хотим. Мы не верим, что это принципиально. То есть умом мы понимаем, что курить – это плохо. А вот сердцем – не верим.

Все упирается в конечном итоге в веру. Представьте себе курильщика, который точно знает, то есть он уверен на сто процентов, что следующая сигарета будет для него означать смерть. Альтернативы нет. Никакая «скорая помощь» не откачает, никто не поможет. Для него выкурить эту самую сигарету означает наложить на себя руки. Неужели же не хватит у него сил удержаться от нее? Хватит, если он дорожит жизнью.

Можно возразить, сказать про дьявольские козни, про соблазны и искушения. Но в том-то вся и суть, что соблазны и искушения могут подействовать только на того, кто слаб в вере. Именно на какую-то ахиллесову пяту в нашем сознании (у кого-то эта ахиллесова пята занимает почти все сознание, а у кого-то лишь малую его часть).

Сила веры не в том, что она помогает отказаться от земных благ. Она сама по сути своей уже отказ от земных благ, вернее, непризнание за земным миром блага.

Это пугает. Представьте себе отказ от всего земного, подчеркиваю – от всего. С чем мы окажемся? Чем можем мы заменить образовавшийся вакуум? У кого из нас хватит веры на все это пространство?

Большинство из нас до судорог, до иступления любит жизнь, это земное существование, тяжелое, бедственное, неуклюжее существование.

Мы говорим, как некогда Блаженный Августин: «Господи, дай мне целомудрие», а мерзкий голосочек в душе подшептывает: «Но только не сейчас, а немного попозже».

Мы говорим о том, как сложно бороться со страстями, с греховными наклонностями. Разве так уж сложно? Было бы желание. Это все тот же неоднократно заводившийся разговор о том, что Господь каждому готов даровать Царствие Небесное. Ну, берите же. Ну, кому нужно целомудрие – пожалуйста. А мы сидим на своих диванах, и все тот же гаденький голосочек говорит: «Только не сейчас, потом, завтра». Потому что хочется нам вовсе не Царствия Небесного и не целомудрия. По-настоящему нам хочется вкусной еды, женщин/мужчин (нужное подчеркнуть), денег и т. д.

Вот он, вопрос веры. Да кто же из нас верит по-настоящему, что Царствие Небесное – это главное и самое важное? Так оно и выходит, что веры нет. Есть только слабое, не очень уверенное представление о том, что это так. Это понимание существует преимущественно на уровне рассудка и порой маячит в душе, но по большому счету к вере имеет очень отдаленное отношение. Иногда, правда, пробивается еще слабый голосок совести, который мы старательно заглушаем разнообразными выгодными доводами. Но если ты веришь, что жить надо для Царствия Небесного, то никак иначе жить не будешь, просто не сможешь.

Вспоминается фильм А. Тарковского «Сталкер»⁷⁹ с его чудесной комнатой, в которой исполняются желания. Оглядываешься по сторонам, и кажется, что вся жизнь представляет собой подобие этой чудесной комнаты. И каждый из нас получает то, что хочет: просящим дается и стучащим открывается (здесь нет никакого переносного смысла, слова сказаны совершенно буквально). Только почему-то никто не просит ни целомудрия, ни смирения, ни прочих духовных благ. Мы проходим мимо них, оставляя на «потом».

«Кто ж не верует в Сына Божия? – Не только тот, кто открыто, решительно отвергает Его, но и тот, кто, называясь христианином, проводит

⁷⁹ Авторский сценарий создан по мотивам романа А. и Б. Стругацких «Пикник на обочине».

греховную жизнь, гоняется за плотскими наслаждениями; тот, у кого бог – чрево; тот, у кого бог – серебро и золото; тот, у кого бог – земная слава; тот, кто почтил земную мудрость, враждебную Богу, как бы бога... Вера мертвая, признание Христа одним невольным умственным убеждением, может быть и принадлежностью бесов! Такая вера послужит верующему только к большему осуждению его на суде Христовом. Вера в Евангелие должна быть живая; должно веровать умом и сердцем, исповедывать веру устами, выражать, доказывать ее жизнью. *Покажи ми веру твою от дел твоих*, говорит Апостол хвалящемуся одною мертвою верою, одним голым знанием бытия Божия».

Свт. Игнатий (Брянчанинов)

Как обрести веру? Неверующий скажет: «Я не верю, вот когда я поверю, тогда и приду в храм. Если я сейчас пойду, то это будет неискренне». И почти невозможным оказывается объяснить, что вера не сможет попасть в его сердце, пока он не откроет дверь. Тут такой парадокс с точки зрения бытовой логики. Замкнутый круг: человек не верит, потому что не хочет верить, и не хочет верить, потому что не верит. На это можно ответить теми же словами прп. Амвросия, которые он сказал и о стяжании любви: «Если хочешь обрести веру – поступай так, как будто ты ее имеешь. И Господь, видя твое желание, подаст тебе веру». Иными словами, исполнение евангельских заповедей вселяет в сердце человека Христа, а значит, и саму веру.

«Слушай Евангелие, говорящее тебе, и святых Отцов, объясняющих Евангелие; слушай их внимательно, и мало-помалу вселится в тебя *живая вера*, которая потребует от тебя исполнения евангельских заповедей, за это исполнение наградит надеждою несомненного спасения. Она соделает тебя на земле последователем Христовым, сонаследником Его на небе».

Свт. Игнатий (Брянчанинов)

Столь же неоднозначно обстоит дело и с *ересью*, или *ложной философией*. В рафинированном виде грехи эти – нечто подобное поступку Ницше или какого-нибудь Секо Асахары. Но если говорить о более скрытых вариантах, то почти у каждого из нас нет-нет да обнаружится парочка завалящихся «собственных» мыслишек на тему Православия. Даже не говоря о варианте половинного принятия веры, вроде этого: «В Бога верю, но в храм ходить не буду», который конечно же к истинной религии имеет мало отношения, – почти каждый пытается сформулировать Православие как-то по-своему, наиболее комфортным для себя способом, отодвигая неудобные, «не самые важные» для себя вещи на задний план, а более удобные выдвигая на передний. И нередко подобные измышления заводят довольно далеко, к прямому искажению догматов и истин Церкви – к ереси.

Борьба с гордыней – дело крайне сложное. И приступать к этой борьбе можно только с отчетливым пониманием, что самостоятельно человеку с демоном гордыни не справиться. Фактически и борьба вся заключается в этом самом осознании собственного бессилия и ничтожества, в отказе от попыток совершить что-то только своими силами и обращенной к Господу молитве о помощи.

«Итак, очевидно, что никто не может достигнуть последнего предела совершенства и чистоты иначе как смирением истинным, которое он, видимо свидетельствуя пред братьями, изъясняет также и пред Богом в сокровенностях сердца своего, веруя, что без Его покрова и помощи, в каждый момент его посещающих, никак не может он достигнуть совершенства, которого желает и к которому с усилием течет» (*прп. Иоанн Кассиан Римлянин*).

В отличие от описания борьбы с остальными страстями, св. отцы дают не так много советов по борьбе с гордыней. Основные виды оружия: раскаяние, пост, молитва и поступки, кото-

рые через отречение своей воли ведут к смирению (т. е. св. отцы учат поступать так, как надо, по совести, а не так, как указывает гордый ум).

Преподобный Нил Синайский пишет:

«Не забывай своего падения, хотя и покаешься; но поминай о грехе твоём плачем, к смирению твоему, чтоб, смирившись, по необходимости отсесть тебе гордость. Не взирай на падших с кичливым помыслом, надмевающим тебя будто судью, но себе самому внимай помыслом трезвенным, – испытателем и оценщиком твоих деяний».

«Начало смиренномудрия – покорность», – говорит прп. Ефрем Сирин. Эти слова очень важны для борьбы с гордыней, потому что один из немногих способов бороться с этим демоном на внешнем уровне – это послушание. Для начала – послушание родителям и старшим по званию. А в конечном итоге – послушание по отношению ко всем ближним.

«Один брат сказал: «Просил я себе у Господа помысл смиренномудрия, чтобы, когда брат мой прикажет мне сделать что-нибудь, говорил я помыслу: «Это господин твой, слушай его»; а если прикажет другой брат, опять говорил: «Это брат господина твоего». И если прикажет ребенок, и тогда говорил: «Слушай сына господина своего», – и таким образом, противясь чуждым помыслам, при содействии благодати, безмятежно делал он дело свое» (прп. Ефрем Сирин).

Святые отцы указывают еще один способ борьбы с гордостью – прошение милостыни. Под этим можно понимать не только стояние на паперти: милостыня – это просьба о милосердии, просьба признавшего себя слабым к тому, кого он признает сильнее, важнее, могущественнее себя. Гордец никогда не попросит о помощи, он предпочитает, чтобы были ему должны, нежели самому находиться в долгу. Он всегда крайне тяготится своим бедственным положением, любой зависимостью. Обратиться за помощью для него величайший подвиг. Св. Ефрем Сирин пишет: «Ничто так не смиряет душу, как пребывание в нищете и пропитание подаением».

Удивительно то, что противоположной гордыне добродетелью святитель Игнатий (Брянчанинов) называет не смирение, как было бы логично предположить, а любовь. Удивительно и в то же время абсолютно логично, поскольку гордыня интравертна, она видит смысл бытия в себе. Любовь же экстравертна, она обращает взгляд на окружающий мир и позволяет увидеть смысл в другой личности – в личности Бога. Ведь не смирение, а именно любовь делает гордыню невозможной. Гордыня базируется на выделении себя из мира, на ощущении собственной самости, на восприятии своей личности как чего-то обособленного. Любовь же сливает две личности в единое целое. Границы между «я» и «не-я» как бы перестают существовать. Человек, стяжавший любовь, не может видеть смысла в себе самом, ибо другая личность становится неотъемлемой частью его существа. Любовь действительно высшая из добродетелей. Все остальные достигаются страхом Божиим. Когда приходит любовь – страх покидает человека. Святой апостол Иоанн Богослов говорит: *В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение; боящийся не совершенен в любви* (1 Ин. 4, 18).

Любовь – это то состояние души, к которому стремится истинный христианин. А поэтому дело любви ставится им превыше всего, даже превыше молитвы. И через дело любви человеку многое прощается. Но особенно важны дела любви в борьбе с гордостью.

Есть общепринятое мнение, что любовь приходит сама, и человек не властен над ее приходом. Конечно, мнение это в глобальном смысле верно, потому что любовь – дар Божий, и приходит она именно как дар, который можно стяжать (т. е. получить), но не создать самому.

Но дар этот, как и благодать, дается только человеку, готовому и желающему его принять. А подготовить себя можно, совершая дела любви, то есть поступая так, словно ты уже имеешь дар любви.

Старец Зосима в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» говорит о «деятельной любви», которая приводит к любви истинной и к вере. На вопрос, как обрести веру, старец Зосима отвечает:

«Опытом деятельной любви. Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души вашей. Если же дойдете до полного самоотвержения в любви к ближнему, тогда уж несомненно уверуете».

Далее, разъясняя, что есть деятельная любовь, старец Зосима противопоставляет ее «любви мечтательной», предаваясь которой человек жаждет облагодетельствовать все человечество, но не может даже с элементарным терпением относиться к каждому человеку в отдельности. Он приводит в пример пожилого господина, который сказывал: «Я, говорит, люблю человечество, но дивлюсь на себя самого: чем больше я люблю человечество вообще, тем меньше я люблю людей в частности, то есть порознь, как отдельных лиц. В мечтах я нередко, говорит, доходил до страстных помыслов о служении человечеству и, может быть, действительно пошел бы на крест за людей, если б это вдруг как-нибудь потребовалось, а между тем я двух дней не в состоянии прожить ни с кем в одной комнате, о чем знаю из опыта. Чуть он близко от меня, и вот уж его личность давит мое самолюбие и стесняет мою свободу. В одни сутки я могу даже лучшего человека возненавидеть: одного за то, что он долго ест за обедом, другого за то, что у него насморк, и он беспрерывно сморкается. Я, говорит, становлюсь врагом людей, чуть-чуть лишь те ко мне прикоснутся. Зато всегда так происходило, что чем более я ненавидел людей в частности, тем пламеннее становилась любовь моя к человечеству вообще».

В отличие от мечтательной любви, жаждущей «подвига скорого, быстро удовлетворимого», деятельная любовь – «это работа и выдержка, а для иных так, пожалуй, целая наука».

Речь идет о делах любви, о терпении, которого нам так не хватает в общении с ближним, о прощении, которое нередко дается большим трудом.

Чуть позже, развивая эту тему уже словами другого персонажа, Достоевский рассуждает о том, что «дальнего» любить гораздо проще, чем ближнего.

Это не лишнее остроумия замечание довольно тонко характеризует психологию человека. Действительно, какие мы бываем хорошие при дальних знакомых, какие самоотверженные по отношению к приятелям. А вот чем ближе друзья, тем больше негативных эмоций по отношению к ним возникает. Что уж говорить о родственниках. Сложнее всего оказывается ужиться с родителями, детьми, женами и мужьями.

И за деятельную любовь, в отличие от мечтательной, Господь дарует любовь истинную. Мы сами, если понаблюдать, можем заметить, как через дела любви смягчается душа, как она постепенно приходит в состояние мира и покоя. Чем больше мы отдаем окружающим людям заботы, внимания, тепла, тем больше их образуется в нашей душе. С глаз наших постепенно спадает пелена гнева, и человек перестает раздражать нас, а напротив, начинает вызывать сочувствие и стремление помочь.

И многие наверняка из опыта знают, как в результате постоянных попыток совершать дела любви приходит чувство глубокой привязанности к человеку (не страстного влечения, которое приносит только тяжелую зависимость и боль, а именно теплого, глубокого чувства родства с другим человеком).

Каждое, пусть даже самое незначительное дело любви приносит большое облегчение в борьбе с гордыней и является своего рода ходатайством на Небесах.

Одна молодая женщина унаследовала после смерти родителей большое состояние. И вот однажды, прогуливаясь по саду, она увидела человека, который собирался повеситься. Девушка остановила его и стала расспрашивать, в чем причина такого его отчаяния. Человек рассказал ей, что

погряз в долгах и не может с ними расплатиться, а следовательно, попадет в рабство, которое для него хуже смерти. Тогда молодая женщина сказала:

– Возьми все, что у меня есть, и расплатись со своими долгами, только не лишай себя жизни.

По прошествии небольшого времени женщина прожила все, что осталось после уплаты долгов незнакомца, и не нашла другого выхода, кроме как пойти торговать собой. Прожив год в блуде, она сильно заболела. Во время болезни она решила креститься, но никто из соседей не откликнулся на ее просьбу позвать священника для крещения, потому что презирали ее как блудницу. И тогда явился к ней Ангел в виде того человека, которого спасла она от самоубийства, и отнес ее в храм, где ее крестил епископ. Когда же он понял, что свершилось чудо, то спросил женщину, чем она так угодила Господу. Женщина рассказала ему, что однажды Господь привел ей спасти человека, и сразу после этого рассказа умерла.

Выше любви к ближнему только любовь к Господу. Ради Господа человек может отречься от родных и близких. Святые отказывались от встречи со своими матерями и сестрами. Женщины с радостью отдавали на мучение детей, чтобы те через муки удостоились Царствия Небесного. Жены радовались, когда мучили мужей, потому что те стяжали мученический венец.

Авва Аммон Нитрийский пришел к авве Антонию и говорит ему: «Я больше тебя тружусь, почему же твое имя больше прославилось между людьми, чем мое?» Авва Антоний ответил: «Потому что я больше люблю Бога, чем ты».

Часть III Страсти в современном мире

*Так начинается голод:
С утра просыпаетесь бодрым,
Потом начинается слабость,
Потом начинается скука,
Потом наступает потеря
Быстрого разума силы,
Потом наступает спокойствие.
А потом начинается ужас.*

Даниил Хармс. 1937 г.

Глава 1. Рассеянность

*Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч;
О, если бы ты был холоден, или горяч!
Но как ты тепл, а не горяч и не холоден,
То извергну тебя из уст Моих.*

Откр. 3, 15–16.

Если попытаться нарисовать себе образ современного человека, то перед глазами предстает респектабельно одетый мужчина, который все время куда-то бежит, разговаривая на ходу по мобильному телефону. Мы все чрезвычайно суетливы, постоянно озабочены какими-то проблемами, вечно куда-то опаздываем, все время чего-то не успеваем. Мы мечемся от одного дела к другому и пытаемся уладить все проблемы одновременно – для каждого, наверно, очевидно, что сегодня человек слишком напряжен. Но эта очевидная характеристика нашего современника при ближайшем рассмотрении окажется поверхностной.

Суетливость не может быть признаком собранности и редко влечет за собой результативность. Суетясь, человек совершает массу бесполезных, а то и вредных действий. Эти действия отнимают время и силы, не приводят ни к какому положительному результату и, кроме того, ослабляют желание достичь изначальной цели. Зачастую целью становится уже сама суета, благодаря которой человек может выглядеть занятым, деловитым и серьезным перед своими сослуживцами или друзьями.

Как ни парадоксально, в основе этой суетливости лежит глобальная рассеянность.

Суета возникает там, где обнаруживается неспособность к результативной деятельности. Рассеянный человек, в первую очередь, *не может сосредоточиться на том, что делает*. Вроде бы он выполняет определенную работу, но мысли его в этот момент заняты иными проблемами, он переключается на эти проблемы, а голова как нарочно забита работой. Отчаявшись, он садится за книгу, но тут на него одновременно наваливаются мысли и о работе, и о проблемах. В итоге он мечется от одного дела к другому, не доводит до конца ни одной задачи, все делает спустя рукава, затем переделывает по двадцать раз, забывая то об одном, то о другом. Проблемы так и остаются неразрешенными, потому что наш персонаж забывает сделать тот звонок, который помог бы их разрешить. Вернее, он целый день помнит о необходимости этот звонок сделать, и эта навязчивая мысль мешает ему заниматься другими делами, но именно в нужный момент отвлекается на иной предмет и пропускает назначенное время. И даже книга оказывается прочитана кое-как: он вроде бы читает, но не понимает написан-

ных слов, то и дело возвращается на несколько страниц назад, пытаюсь хоть как-то вникнуть в незамысловатый сюжет.

День прошел, наш герой ложится спать уставшим, у него нет сил позаниматься с ребенком или пообщаться с женой. Этот обычный день, напряженный и деятельный, как все дни его жизни, не принес никаких положительных результатов. И, засыпая, человек безнадежно пытается понять, почему же так тяжело все в жизни дается, почему работа, которая должна занять полчаса, заняла целый день, почему столь незначительная проблема уже неделю не может разрешиться, почему в семье полный разлад. Но сосредоточиться он по-прежнему не может. И на следующий день все повторяется заново. Он думает, что все само как-нибудь образуется, но не делает никаких попыток что-либо изменить в своей жизни. Он предпочитает не совершать резких действий, видя в этом свою разумность и умение выжидать, но на самом-то деле он проявляет полное нежелание и *неспособность совершить осознанный выбор*. Он вообще боится совершить ошибку. И поэтому предпочитает по возможности обходить ситуации, требующие от него сознательного выбора. Пусть все идет, как идет.

Из страха совершить ошибку он живет так же, как все. Заблуждаться вместе с большинством не так страшно, как в одиночку. Наш герой соблюдает все предписанные правила и условности, соглашается с мнением начальства и на собраниях присоединяется к мнению коллег. Он не задается глупыми вопросами: зачем существуют эти правила и условности и кому они нужны. Магические слова «так положено» освобождают его от необходимости терзаться сомнениями. Он не задается вопросом: право ли большинство? На то оно и большинство, чтобы решать. В конце концов, он обычный человек, и стоит ли ему задумываться о таких серьезных вещах. На любой случай жизни у него запасены фразы: «все так говорят», «по статистике», «общепринятое мнение». *Он конформист* и не видит в этом своем качестве ничего плохого.

Впрочем, жить по правилам все время – это скучно. Поэтому порой он делает то, что *хочется*. Он может отпустить фривольную шутку в адрес босса, проехать на красный свет или вскружить голову молоденькой секретарше. Он не сможет объяснить, зачем это сделал. Ведь бывает, что просто захотелось. И его ужасно угнетает потом, когда молоденькая секретарша, заливаясь слезами, спрашивает, почему он ее бросил. Да не бросал он ее вовсе. Просто неделю назад ему хотелось, а теперь не хочется. Ему же неподконтрольны его желания. Проще нужно быть. Захотели – встретились, захотели – разбежались.

Он вообще не любит всей этой серьезности, всех этих разборок и психологического анализа. У него и так много проблем – и вот только не надо его грузить философией, моралью и нравственностью. Он ведь даже фильмов серьезных не любит. Боевички, комедии, детективы – это для него. *Ему по вкусу массовое искусство*. Жизнь слишком сложна, не надо умножать сущности без необходимости.

И лишь иногда у него возникает ощущение, похожее на задумчивость. Он устает от всей этой суматошной жизни и во время очередного праздника чувствует отвращение к этой пустоте, но день сменяется днем, а наш герой все так же крутится в водовороте суеты ненужных мыслей и бессмысленных дел.

Так вот, душа моя, все сейчас находится в когтистых лапах рассеянности. Жизнь частная в большом городе начинается только с темнотой, при которой и малое искушение превращается в страсть. Какое уж тут: «Бдите!». Напротив, вся жизнь, «окультуренная» адом, направлена на то, чтобы заглушить даже слабые голоса совести, голоса еще не окончательно погибших душ. И что эта «культура» несет? Идеи «нравственной свободы», суть культы Ваала и Астарты, культы пьянства, разврата, обжорства или культы человеческого тела... Никто ничего нового предложить не может – либо

языческая рассеянность и неумеренность, либо Божественная бдительность и осмотрительность в потреблении⁸⁰.

Рассеянность сродни состоянию опьянения. Человек, опьяненный грехом, теряет внутренний стержень. Он перестает координировать свои поступки. Его чувства, ум, тело не слушаются его воли и действуют сами по себе. Одурманенная рассеянностью личность перестает быть активной участницей своей жизни, отходит на роль зрителя. Находясь в состоянии рассеянности, мы не совершаем осознанного выбора, а принимаем происходящие с нами события как некую данность, с которой нет сил бороться.

Внешне рассеянность зачастую выглядит как атрофия воли, но безволие – это только верхушка айсберга. Так же как под действием алкоголя – неуправление своим телом. В более глубинном смысле рассеянность – это отсутствие целостности личности. Человек как бы распадается на части, и части эти не могут найти согласие друг с другом. В итоге человек оказывается в вечном конфликте с самим собой. Верх одерживают то одно, то другое стремление, и личность теряет устойчивость, постоянно перетекая из одного настроения в другое.

Корнем рассеянности можно назвать страсть уныния, когда душа человека пребывает в лени и праздности. Поддаваясь унынию, мы лишаемся собранности, сосредоточенности и превращаемся в аморфную, сонную массу, которая передвигается и меняется под воздействием внешних обстоятельств. Мы не только не способны на подвиг, мы вообще никакого труда к своей жизни прикладывать не хотим. Потому что наше «я» уже перестало быть «я», а стало чем-то весьма неопределенным, состоящим из произвольного набора секундных устремлений. Даже «я хочу» у нас трансформируется в «мне хочется», потому что нет «я» как активного субъекта, а есть «мне» как объект, или, скорее, как место действия неких непонятных нам самим сил. Ведь «я хочу» уже подразумевает некоторую активность и собранность, тогда как «мне хочется» – это пассивность, возведенная в абсолют, когда моя личность отказывается принимать участие не только в моих поступках, но даже в моих желаниях.

Наша рассеянность отражается и на нашей религиозной жизни, которая так же лишена собранности, как и жизнь светская. Особенно чувствуешь это в храме или во время домашней молитвы, когда в молитвенный текст то и дело вторгаются посторонние мысли: «знакомое лицо – где-то я уже видел эту женщину», «диакон сегодня хрипит – простудился, наверное».

А как легко мы умеем забывать о своей религиозности в житейских ситуациях! Мы живем по двойной морали. Мы приходим в храм, скромно одетые, со смирением на лице, набожно крестимся и всем своим существом признаем, что лгать – плохо, отвечать злом на зло – плохо, скупиться тоже плохо. Но за стенами храма – другая жизнь, и в ней мы существуем по совершенно иным законам. В светской жизни мы считаем нормальным лгать, отвечать злом на зло, скупиться. Мы не лицемерим, а именно двуличничаем. Мы зачастую не осознаем собственной непоследовательности. Многим даже в голову не приходит, что в храме и на работе можно жить по одним и тем же принципам. Способность жить по двойной морали тоже следствие рассеянности, признак отсутствия целостности человека.

Но мы не только веруем рассеянно. Мы идем дальше. Мы возводим эту рассеянность в принцип и уже пытаемся сделать ее фундаментом своей христианской жизни. Как часто приходится слышать от людей, называющих себя православными, что вера должна быть бездумной. Это распространенное мнение абсолютно неверно. Если у человека есть мозги, то они должны участвовать в его христианской жизни точно так же, как и остальные части тела. Иначе получится, что ум с сердцем не в ладу. Конечно, существуют блаженные, которые ради Христа принимают на себя вид лишенных ума людей; это цельные натуры, для которых сердечное знание не нуждается в логических подтверждениях. Но большинство современных людей привыкли мыслить логически, то есть отстраняясь от эмоций. В логическом мышлении самом по

⁸⁰ Свщ. Александр Краснов. Духовные беседы и наставления старца Антония. Без вых. данных. С. 122.

себе ничего плохого нет. И во все времена помимо блаженных существовали также философы и богословы, которые ставили свой ум на службу Господу. Они написали множество мудрых книг, питающих наш ум и по сей день.

А раз так, то следует подключать голову к своей религиозной жизни, иначе все может очень печально кончиться. И для начала следует разобраться, во что ты веришь, – ведь многие и этого не знают. Социологические опросы показали, что в России более половины людей, называющих себя православными, верят одновременно в переселение душ, хиромантию, Книгу перемен и прочие ложные фантазии. А некоторые, приходя на исповедь, говорят: «Батюшка, а мне не в чем каяться – я хорошо живу». Зачем тогда человек на *исповедь* пришел?

Даже если не брать вышеперечисленные крайности, бездумная вера все равно очень опасна. Христианин должен задумываться над своими поступками, должен совершать осознанный выбор между грехом и добродетелью, должен понуждать себя совершать одни действия и запрещать себе совершать другие. Любой из этих процессов требует рассудительности.

Нередко «бездумная вера» ведет к догматизму и формализму, что противно вере истинной. Религия начинает восприниматься человеком как набор правил, регулирующих его жизнь. С одной стороны, следовать правилам – это хорошо. Но, с другой стороны, форма не должна заслонять содержание. Формализм в христианской жизни недопустим. Можно каждое воскресенье ходить в храм, читать утренние и вечерние молитвы, соблюдать все посты и не получить от этого никакой пользы. Можно принимать все догматы Православия и не быть при этом верующим. Потому что вера – это не слепое принятие догмы, а полное и действенное согласие с догмой. Если нет этого внутреннего согласия, то Символ веры остается пустым набором слов, не рождающим желания менять свою жизнь и стремиться к Царству Небесному.

Так же обстоит дело и с правилами. Бездумное соблюдение поста (мол, в книжке написано, что так надо делать) никакой пользы не принесет. Если ты не понимаешь, зачем поститься, почитай духовную литературу или приди к священнику и задай вопрос. Если ты не понимаешь, для чего нужно причащаться, опять же читай или иди к священнику и спрашивай. Если ты в чем-то сомневаешься, не нужно прогонять эти сомнения, а нужно их рассеивать. Бери богословскую литературу, ищи ответы, общайся со знающими людьми, задавай вопросы, спорь, приводи свои аргументы. Потому что загнанные вглубь сознания сомнения никуда не денутся, они будут подтачивать твою веру, разрушать ее, сводить на нет твои усилия. Конечно, не все в Православии можно объяснить разумом, многое понимаешь сердцем, но оставлять ум в бездействии не годится. Впрочем, есть люди, которые ни в чем не сомневаются. Они живут по правилам, потому что так проще. Они исправно соблюдают внешние ритуалы и считают себя людьми церковными. Они привыкают к подобному образу жизни, и тот становится для них естественным. Они не задумываются, почему живут так, а не иначе. И не понимают, что хотят получить в итоге. С таким же успехом они могли бы заняться йогой, стать мусульманами или исповедовать буддизм.

В основе христианской жизни должны лежать личные отношения со Христом и вера в то, что каждый из нас искуплен Его Пречистой Кровью; должно лежать мое осознанное стремление ко Христу и жизни во Христе. Иначе зачем совершать огромное количество действий, стремясь неизвестно к чему?

А мы вот совершаем. У нас же ноги в церкви, ум на работе, а сердце в спальне. Соответственно телом мы бьем поклоны, головой решаем управленческие задачи, а сердцем спим. И собрать все свои части воедино возможности не представляется. Поэтому и вопрос, куда идти, не возникает. Ведь та аморфная масса, которую мы собой представляем, идти вообще не в состоянии. Она может только растекаться, притом одновременно во всех направлениях.

Рассеянность кажется такой безобидной чертой по сравнению с той же гневливостью или скупостью, что вроде и говорить-то о ней не стоит. Конечно, мы понимаем, что несобранность в некоторых ситуациях (например, в работе врача) может привести к тяжелым последствиям.

Понимаем и то, что конформизм позволил существовать концлагерям. Но мы-то своей рассеянностью никому не вредим.

Беда в том, что христианская жизнь и рассеянность – две несовместные вещи. Христианин плывет против течения, а не сплавляется по реке жизни подобно бревну. Христианская жизнь начинается с осознанного выбора, который невозможно совершить по рассеянности. И дальше, в течение всей жизни, христианин каждую секунду сталкивается с выбором между щедростью и скупостью, целомудрием и блудом, воздержанием и чревоугодием, каждую секунду он должен совершить свой маленький выбор, и каждый этот выбор есть его выбор между жизнью и смертью, праведностью и грехом, Богом и сатаной. Отказ совершать этот выбор, предоставление решения случаю – это тоже выбор, и не в пользу Бога.

Христианская жизнь требует от человека постоянного активного присутствия, бодрствования и трезвения. Христианский подвиг невозможен без самодисциплины, без постоянного понуждения себя. Если вам очень хочется схалтурить, но вы во имя Божие заставляете себя сделать работу тщательно – это христианский подвиг. Если же вы по ошибке дали нищему сто рублей вместо десятки, то это к христианству никакого отношения не имеет; и если вам, как роковой женщине из рассказа Н. Тэффи, в два часа ночи взбрело в голову поехать в храм молиться – это тоже не имеет никакого отношения к христианству.

Духовность – это ответственность, то есть постоянное держание ответа за каждый свой поступок, за каждое слово, за каждую мысль. Каждую секунду мы должны вопрошать себя: почему я поступил так? И только один ответ верен: потому что я хочу быть с Богом. И все сразу становится ясно. Я не могу во имя Божие схалтурить, не могу совершить безответственный поступок, не могу жить по принципу «мне захотелось». А вот стремиться узнать и понять Евангелие или церковные правила во имя Божие – необходимо.

Конечно, сознательность, активность вовсе не подразумевают отказа от церковных правил. Но соблюдение этих правил тоже должно быть осознанным. Правила поддерживают внутреннюю дисциплину (именно поддерживают, а не заменяют), помогают не расслабляться и не рассеиваться.

Кроме того, нужно понимать, что ответственность никак не связана с гордостью. Смиряться не значит бездействовать, а значит в борьбе с помыслами сохранять мир в душе и надежду на Бога даже тогда, когда не виден результат. Смиренен не тот, кто лежит на диване в ожидании манны небесной, а тот, кто, трудясь в поте лица и не получая за труд даже пищи вдоволь, не возмущается сердцем, а принимает эту ситуацию как Божий Промысл и лучший шанс ко спасению.

Глава 2. Одиночество

Нагие и одинокие приходим мы в изгнание. В темной утробе нашей матери мы не знаем ее лица; из тюрьмы ее плоти выходим мы в невыразимую глухую тюрьму мира.

Кто из нас знал своего брата? Кто из нас заглядывал в сердце своего отца? Кто из нас не заперт навеки в тюрьме? Кто из нас не остается навеки чужим и одиноким?

Томас Вулф. Взгляни на дом свой, Ангел

«Мы обречены на пожизненное заключение в одиночной камере» – эти слова основной темой звучат в сознании современного человека. Ибо одиночество, отчужденность, отделенность от окружающего мира стали нашим наказанием за отход от Бога.

Мы выходим из лона семьи, из маленького одиночества, в общество – одиночество большое и неисчерпаемое.

Эта отчужденность от мира, которую осознает почти каждый представитель человечества, была воспета сначала поэтами-романтиками, а потом стала базовой предпосылкой всей культуры XX века. Кто не поставит свою подпись под тютчевским «Silentium!»: «Как сердцу высказать себя? Другому как понять тебя?» А может, для кого-то актуальнее прозвучат другие строки: «Лишь жить в себе самом умей – есть целый мир в душе твоей таинственно-волшебных дум...»?

И далее через диалоги-непонимания Чехова, через поэзию свободы Маяковского, через «Вы, идущие мимо меня» Цветаевой – через всю эту бесконечную разомкнутость, разобщенность, разорванность мы пришли наконец к осознанию собственного одиночества как некоей данности, трагического разлада, положенного в основу нашего земного бытия. Едва научившись говорить и думать, мы тут же кричим, что нас не понимают, не уважают, не любят... Мы пытаемся добиться понимания и любви не мытьем, так катаньем: покупаем, завоевываем, выпрашиваем, требуем... В конечном итоге приходим к осознанию полной и тотальной невозможности ее получить, впадаем в уныние, отчаяние, тоску. Потом успокаиваемся, придумываем искусственный заменитель для недостижимого: вежливость, взаимовыручка, ласковость, любезность.

Но заменители не помогают. Они создают иллюзию правильности, но не питают душу. В них нет той силы, тех питательных веществ, которые необходимы для нашей личности, для того трепетного, слабого, обделенного существа, которое сидит в нас и беспрестанно требует пищи, не довольствуясь химической эссенцией, которой мы его пичкаем. Оно болеет, страдает, жутко мучается и никак не хочет оставить в покое другое наше «я», которое гонится за славой и деньгами, за вкусной едой и красивыми машинами.

Эту отчужденность, неродство с миром каждый осознает и формулирует по-своему. Кто-то проносит их через жизнь с покорностью, как тяжкий крест, другой – с гордостью, как полковое знамя, третий – как защитный бронежилет.

Конечно, опыт одиночества у каждого свой, индивидуальный. Но как бы мы ни объясняли собственную отчужденность, в независимости от того, кажется ли она нам благом или проклятием, мы воспринимаем ее как аксиому, как предпосылку, исходное условие нашего бытия.

«Мы говорим на разных языках» – к такому выводу приходим мы однажды, пытаясь объяснить кому-нибудь всю глубину своих ощущений или мыслей. Особенно остро воспринимается это в детстве. «Ну как же ты не понимаешь?!» – почти плачет ребенок, стараясь втол-

ковать своему родителю элементарную вроде бы вещь. Да, взрослые – они другие. Они отличаются от детей, им не дано понять.

Но позже происходит еще одно страшное открытие: все люди другие. Никто не понимает.

«А что если мы все видим и слышим разное. Вполне возможно, что мы просто заучиваем, как называются вещи, как словами обозначать какие-то явления. То есть мне эта занавеска кажется красной, ему – синей, а ей – зеленой, но мы знаем, что этот цвет называется желтым. Если все так, то получается, что мы совершенно не способны понять друг друга».

Из разговора на уроке литературы в 7-м классе.

Мы очень часто сталкиваемся с проблемой «разноязычия». Это всегда раздражает. Ты уже битый час излагаешь собеседнику свои жизненные принципы, а он не проникается и все время твердит что-то свое. «Как сердцу высказать себя?» Как сделать так, чтобы тебя услышали и поняли?

Но нам не приходит в голову, что стоит научиться слушать – и все решится само собой. Мы сами выстраиваем вокруг себя стены, вместо того чтобы прокладывать мосты. Зачастую стоит прислушаться к словам собеседника, и ты поймешь, что уже битый час вы говорите с ним об одном и том же, называя это разными именами.

«**Никто меня не любит**», – осознаем мы еще в детстве. Люди эгоисты. Им нет дела до других. Родители, друзья, возлюбленные – все думают прежде всего о себе.

Отношения – вещь непостоянная. Сегодня есть, завтра нет. Мы звоним своим самым близким и родным людям, чтобы поделиться переживаниями, а они ужинают, уходят в кино или спят – и мы чувствуем себя преданными, оставленными, брошенными.

Мы остро ощущаем одиночество: все люди чужие, никто нас не может понять, никому мы не нужны, никто нас не любит.

В три часа ночи накатывает тоска, и мы роемся в записной книжке, прикидывая, кому можно позвонить в такое время. Выясняется, что некому.

Мы с завистью смотрим на любимчиков общества, вызывающих всеобщее восхищение и любовь. Как же им хорошо! Их зовут на все праздники, у них дома не умолкает телефон, а друзей у них – не счесть. Представители противоположного пола так и вешаются им на шею.

«В последнее время меня преследует одна навязчивая мысль. В мире живет какое-то число человек, к примеру, 4.985.374.555 или 5.001.785.177, даже неважно, сколько именно. Главное, что число это нечетное. Все люди, как у Платона, имеют свою пару, свою половину. Все, кроме одного. И этот единственный, оставшийся по недоразумению без пары, – это я».

Из дневника подростка.

Осознав свою ненужность, человек пытается что-то изменить. Но тщетно. Купить любовь и внимание окружающих не удастся. В результате обильных подарков, услуг и теплых слов друзья и приятели начинают грубо и вульгарно тебя использовать. Столкнувшись с подобным обращением, человек окончательно обижается на мир и поворачивается к нему спиной. Он либо уходит в себя, замыкается, становится неразговорчивым, угрюмым, хмурым, либо же принимает вид надменный, высокомерный, ведет себя грубо, отрицает авторитеты, подчиняет себе людей при помощи угроз и насилия.

В обоих случаях человек сам себя изолирует. Он делает это назло миру, мол, «раз вы так со мной обращаетесь, то и не нужна мне ваша любовь, подавитесь вы своими теплыми чувствами». Стоит ли говорить, что хуже он этим делает только себе.

Проблема изначально состоит в самом человеке. Описанный симптом нередко имеет возрастную характеристику. Чувство собственной ненужности и «лишности» более всего преследует подростков (хотя оно может сохраниться и во взрослой жизни, вернуться остротой в

среднем или пожилом возрасте). В период, когда происходит личностное, мировоззренческое становление человека, юное существо испытывает острую потребность осмыслить происходящие в нем перемены, в результате чего замыкается на самом себе. Этот эгоцентризм сразу сказывается на его отношениях с ровесниками, которые точно так же заиклены на себе, и с родителями, которые априори не воспринимают своего ребенка как объект интереса (как говорила одна бабушка: «Все, что ты знаешь, я уже успела забыть»).

Таким образом, в подростковом возрасте человек зачастую оказывается не способен к нормальному общению в силу того, что слишком заиклен на собственной персоне. Но отсутствие этого общения травмирует, воспринимается как трагедия и заставляет подростка еще сильнее замыкаться на себе. Нередко проблема сама разрешается с возрастом. Иногда преодоление ненужности происходит через чувство влюбленности, которое переключает внимание подростка со своего внутреннего мира на другого человека.

Кроме того, нелюбимым и ненужным ощущает себя человек в минуты неприятностей, в самые трудные моменты своей жизни.

У меня в молодости случались моменты глубоких депрессий, которые усугублялись ощущением собственной ненужности. Друзья слушали, конечно, мои жалобы на жизнь, пытались даже утешить, но постепенно начинали скучать, пытались сменить тему, отказывались от встреч под предлогом занятости. Все больше и больше времени приходилось проводить в одиночестве. И так продолжалось до тех пор, пока ко мне не возвращалась обычная веселость. Понятное дело, я очень обижалась на своих знакомых, пока не оказалась на их месте. С моей подругой приключилась беда. Сначала я всем существом пыталась помочь ей, посочувствовать, поддержать. Но мое сочувствие как будто не доходило до нее. Она словно вообще меня не видела. И моих успокаивающих доводов не слышала. Она с головой ушла в собственные неприятности, и мои попытки помочь ни к чему не приводили. В конечном итоге пришлось самоустраниться. В дальнейшем я избегала встречаться с ней до тех пор, пока она не пришла в себя и не стала нормальным собеседником.

Из рассказа на приеме у психолога.

Этот рассказ весьма показателен. Очутившись в беде, человек настолько углубляется в себя, в свои собственные проблемы, что не видит протягиваемой руки помощи. Естественно, друзьям «несчастливого» рано или поздно надоедает стучаться в закрытую дверь, и они оставляют тщетные попытки помочь.

Мой друг расстался со своей девушкой и ужасно переживал по этому поводу. Отношения еще можно было наладить, но своим мрачным видом, бесконечными жалобами он только все портил. Я изо всех сил пытался поддержать его и посоветовать советом и делом. Он вроде бы не отказывался от помощи, даже, напротив, постоянно обращался за советом. Но, задав вопрос, никогда не слушал ответа и заранее отвергал все конструктивные предложения. В одном из разговоров я, уже в сильном раздражении, произнес услышанную где-то фразу: «Помоги мне помочь тебе». Эти незамысловатые слова как будто отрезвили моего приятеля. Он совершил над собой усилие и вскоре не только вернулся к хорошему расположению духа, но и возродил свой, казалось бы, навсегда загубленный роман.

Из рассказа на приеме у психолога.

«Я чужой на этом празднике жизни» – ощущение оторванности от коллектива, невозможность слиться с обществом, в котором ты учишься, живешь или работаешь, нередко воспринимается человеком как серьезное несчастье.

Как часто, попав на какой-нибудь праздник, человек чувствует, что ему невесело. И всеобщее веселье окружающих только усугубляет его ощущение собственной обделенности.

П. как-то устраивал вечеринку по поводу окончания института. Пригласил одноклассников. Группа была мужская, так что девочек П. позвал из своих неинститутских знакомых. Компания образовалась разношерстная, даже сам П. знал не всех. Но праздник удался. Только одна девушка, недавняя знакомая П., весь вечер была мрачнее тучи. Все пытались ее развеселить, но она продолжала сидеть в углу, угрюмая и скучная. В конце концов все перестали обращать на нее внимание. Значительно позже она призналась, что восприняла приглашение П. как знак особого внимания и пришла покрасоваться в мальчишеской компании. Но увидев, что королевой бала ей не стать, испытала разочарование и досаду.

В действительности проблемы с коллективом возникают именно тогда, когда мы сами начинаем резко отделять себя от компании. Мы либо стесняемся чужих людей, либо пытаемся произвести впечатление, либо просто слишком заняты своими мыслями. В результате мы перестаем интересоваться окружающими людьми, которые собрались повеселиться и хорошо провести время, а не воздавать почести нам, неповторимым.

«Весь мир – театр, а люди в нем актеры» — нередко слова эти произносятся с горечью и разочарованием. Очередное предательство: мы думали, что нас любят, а нас просто использовали.

Есть ли люди, которые избежали столкновения с человеческим лицемерием, с ложью и притворством? Впрочем, можно и иначе поставить вопрос: найдется ли человек, которому ни разу в жизни не приходилось спекулировать на чужом хорошем к себе отношении, который ни разу не обманул чужого доверия, ни разу, хотя бы неумышленно, не стал причиной разочарования другого?

Наши отношения с окружающими людьми мы делим на несколько категорий: знакомый, приятель (отношения близкие, но не доверительные), друг (человек, про которого, как нам кажется, мы знаем все или почти все).

К первым двум категориям людей мы относимся спокойно и бесстрастно. Мы им не доверяем. Не то чтобы мы подозревали этих людей в дурных мыслях, нет, мы просто не открываем перед ними сундучок своей души; при них мы держим марку, сохраняем хорошую мину при плохой игре и стараемся не ударить в грязь лицом.

Людям близким мы показываем все свои (порой не слишком-то симпатичные) переживания, изливаем им душу и (за редким исключением) требуем от них беспредельной преданности и бесконечной любви. Катастрофа происходит в тот момент, когда выясняется, что наш друг никогда не был с нами откровенен, что он просто выслушивал наши излияния, а потом, в один прекрасный момент, использовав наше доверие, подложил нам свинью.

Правда, сквозь боль, обиду и разочарование мы зачастую не видим, что сами виноваты. Кто нам, собственно, сказал, что наш собеседник относится к нам с любовью? Разве обещал он хранить наши секреты в ущерб себе?

Нет, конечно, бывают злонамеренные обманщики, люди, которые сознательно и обдуманно используют чужое доверие в своих корыстных целях. Но, поверьте, подобный цинизм встречается крайне редко. Значительно чаще разочарования наши становятся следствием недоразумения и в первую очередь – нашего собственного эгоизма и нашей слепоты.

Впрочем, в сознательном возрасте разочарования происходят крайне редко. Мы уже просто не очаровываемся людьми, навсегда для себя решив, что «вся наша жизнь – игра». Мы прилежно изучаем правила этой игры, текст своей роли и пытаемся в зависимости от собственной испорченности играть либо честно, либо так, чтобы получить побольше собственной выгоды.

Кажется, мы уже говорили, что первым сформулировал правила подобного общения американский психолог Дейл Карнеги, который, синтезировав труды и опыт множества знаменитых людей от Макиавелли до Черчилля, создал теорию, позволяющую завоевать доверие и вызвать симпатии самых разных людей и аудиторий.

«Я прихожу в гости к своим друзьям, мы общаемся. Но я все равно в каждую минуту своей жизни чувствую, что все это ненастоящее, что за произносимыми нами словами о привязанности, интересе или заботе ничего не стоит. Это только текст сценария: нам по правилам положено говорить друг другу такие слова. И я все время думаю, что будет, если я вдруг поведу себя не по правилам. Я так и представляю, как какой-нибудь мой приятель, ставший подопытным кроликом в подобном эксперименте, изменится в лице и полезет в карман за шпаргалкой, чтобы подсмотреть, как положено вести себя в подобной ситуации».

Из рассказа подростка.

Ощущение неестественности происходящего, жизни по правилам, неискренности окружающих нередко приводит к протесту против этой «ненастоящей» жизни.

«*Скучно жить на свете, господа*» — ощущение тотальной скуки становится неизбежным следствием одиночества. Будучи замкнут в себе самом, человек не испытывает интереса ни к чему и ни к кому, кроме собственной персоны.

Мир представляется ареной, на которой можно «показать себя». Любой предмет интересует до тех пор, пока являет собой вызов способностям человека. Как только решение загадки найдено, предмет перестает волновать воображение. Жизнь превращается в своего рода показательное выступление, демонстрацию собственных способностей. Целая плеяда литературных героев порождена подобным мировоззрением, начиная от Фауста и заканчивая персонажами Пелевина или Акунина.

Анамнез этого страстного состояния души, порожденного гордыней, традиционен: эмоциональная сфера человека оказывается незатронутой, его душа пребывает в бездействии и в результате впадает в уныние.

Общение с ближними «человек скучающий» осуществляет не сердцем, а головой. Поэтому в окружающих людях его притягивают прежде всего новизна и загадка, бросающие вызов интеллектуальным способностям «скучающего человека». Но, разгадав загадку, такой человек начинает тяготиться общением, поскольку не имеет душевной привязанности к своему «подопытному кролику». Вспомним крылатые слова Пушкинского Дон Гуана:

Они сначала нравились мне
Глазами синими да белизною
Да скромностью — а пуще новизною.

«Мне интересно раскрывать человека. Особенно если человек этот по-настоящему замкнут. Порой на процесс раскрытия, расположения человека к себе, постижения его внутреннего мира уходит долгое время. Иногда — год или полтора. Но когда удастся-таки докопаться до сущности, я теряю к нему интерес. Я не знаю, что дальше делать с его внутренним миром».

Из разговора.

Эмоциональная невовлеченность в общение с другим человеком, отсутствие истинного интереса к ближнему приводят к тому, что любой человек рано или поздно становится скучен. Общение если и сохраняется, то сводится к совместному проведению досуга. Подобная форма отношений делает окружающих людей взаимозаменяемыми: в конце концов, какая разница, с

кем играть в бильярд или пить кофе? Прочных дружеских связей не образуется, и человек от этого еще более ощущает свою отчужденность.

«Я не могу долго общаться с одним и тем же человеком. Довольно скоро он становится мне скучен. Максимум полтора года – и меня уже тянет сменить компанию. Нужно все время чего-нибудь новенького. Потом, отдохнув от старого знакомого, я могу опять начать с ним общаться. А могу и не начать. Это уже зависит от ситуации. Но раздражение после некоторого перерыва проходит. Ну, если я буду общаться с человеком редко, примерно несколько часов в месяц, тогда наши отношения могут продлиться довольно долго. В любом случае потребность отдыхать от людей, потребность менять круг общения всегда присутствует».

Из разговора.

Подобное отношение к дружбе провоцирует еще большее отдаление человека от мира. Не участвуя в отношениях сердцем, не жертвуя ничем ради другого, он не может постичь истинной природы другого человека, не может по-настоящему заглянуть в чужую душу. Для «человека скучающего» окружающие люди представляют собой нечто вроде хитроумных механизмов. Ему интересно бывает покопаться в чуде техники с названием «человек», «разобрать его», «разложить по винтикам», но знание человеческого устройства вызывает не восхищение, а только скуку. С другой стороны, набравшись опыта в таком «использовании» людей, он понимает к какому-то моменту, что может быть точно так же использован кем-то другим. Это осознание рождает сильный и почти непреодолимый страх перед возможностью открыться другому человеку. В конечном итоге человек скучающий еще больше замыкается в себе, яростно противится любой возможности оказаться вовлеченным в эмоциональные отношения, перед которыми он чувствует себя беззащитным, и не принимает никаких форм откровенного общения.

«*Не лезьте ко мне в душу*». Проходя через различные формы отчуждения от окружающего мира, человек к какому-то моменту, не умея преодолеть это отчуждение, возводит его в принцип, делает из него продуманную систему. В основе этой системы лежит все тот же страх за свое «я» как одна из форм гордыни, ощущение полной собственной беззащитности как следствие неверия в Бога и Его Промысл о человеке. По своей гордости человек, будучи не в силах признаться ни в том, что «любить не получается», ни в том, что «любить страшно», восклицает надменно: «Любить не хочу!»

За его «любить не хочу» стоит всегда острая нехватка любви окружающих. Он жаждет всей душой этой любви, но, не получая ее, провозглашает добровольный отказ: «Не очень-то и хотелось». Любопытно отметить, как в сознании, не утвердившемся еще в подобном нигилизме, соседствуют мысли о собственной отверженности и о собственном нежелании человеческого общения.

«Ко всему, что творится во мне, прибавляется еще много глупостей, например, меня стали бросать друзья. Я всю жизнь думал, что дружба – это понятие круглосуточное, но когда лучшие друзья бросают мне фразы: «не до тебя», «надоел» – и перестают со мной общаться, мне кажется, что я и не дружил с ними вовсе, а подумаю, вроде бы и не с чего им меня бросать... Мне все время хочется быть одному, люди достают меня своими вопросами, замечаниями, предложениями. У меня такое ощущение, что в жизни пропали все люди, которым я могу все рассказать».

Из письма.

На самом деле здесь нет парадокса. Оказавшись отделенным от мира, человек ищет выход из трагической ситуации (а ситуация одиночества всегда воспринимается с некоторой степенью

трагизма) и встает зачастую на наиболее простой (впрочем, никуда не ведущий) путь. Ведь когда тебя отвергают, легче всего сказать: «Не очень-то и хотелось». Другое дело, что подобный поступок проблемы совершенно не решает. Единственное, что он дает, так это возможность «сохранить лицо».

Понимая, что слов недостаточно, человек порой берется за дело радикально и начинает себя перевоспитывать, переделывать, то есть последовательно добивать все оставшиеся чувства. Он осмысленно и сознательно творит из себя бесчувственного робота, считая, что только так может защититься от потенциальной боли. В зависимости от природных дарований (от того, сколько всего нужно в себе убить) и от силы воли человек рано или поздно преуспевает в своих опытах над собственной душой и превращается в озлобленное существо, разъедаемое собственными амбициями и неудовлетворенной потребностью в любви. Он точно вампир питается чужими чувствами (такие люди испытывают постоянную необходимость в присутствии поблизости любящих сердец), но не может насытиться, а только истощает окружающих, потому что его душа, занятая самосозерцанием, оказывается неспособной принять энергию чужой любви.

«Я всю жизнь пытался воспитывать себя по заранее придуманной схеме. И пугался, когда происходили события, этой схемой не предусмотренные, как, например, вспышка увлечения другим человеком. Всегда старательно гасил в себе подобные эмоции. А сейчас жалко уже расставаться с таким привычным образом. Хотя понятно, что придется, потому что он оказался слишком узким, слишком тесным. В результате из-за него приходится отрезать очень существенный кусок от собственной жизни. И мучить людей, которых ты... как-то даже странно это произносить... любишь».

Из разговора с психологом.

Подобные ситуации напоминают классическую пьесу Лопе Де Вега «Собака на сене», где прекрасная графиня Диана разрывается между гордостью и любовью к человеку низкого происхождения.

Как правило, люди подобного склада обладают незаурядными способностями и недюжинной силой воли. Подавление стремления души любить оказывается трудным и мучительным процессом. Достичь окончательного умерщвления души вряд ли кому удастся.

В результате, не выдержав жизни взаперти, энергия вырывается однажды наружу, но этот эмоциональный всплеск совершенно не похож на светлое и высокое чувство, которое могло бы принести счастье и наслаждение и субъекту, и объекту. Искаленная, больная, изуродованная гордостью и эгоизмом «любовь» принимает порой безобразные формы. Эта по сути блудная, возникшая из неудовлетворенной похоти сердца страсть, которую человек по-прежнему всеми силами пытается подавить, приносит невыразимые страдания и ему самому, и предмету влюбленности. Она может, к примеру, выражаться в полной одержимости объектом; одержимости, приводящей к всплескам безумной ревности и жестокости.

«Отворите мне темницу», – хочется закричать нам однажды. Отказавшись от общения с окружающим миром, человек ограничивает свое жизненное пространство собственной черепной коробкой. Личности неизбежно становится тесно на таком небольшом пятнышке. Все чаще и чаще приходит ощущение, что «я» заключено как бы в темницу. Человеческому «я» начинает патологически не хватать воздуха, пространства, свободы.

Желание вырваться, выйти за пределы, раскрыть двери своей тюрьмы становится одним из доминирующих в жизни человека. Душе необходима подпитка, а человек перекрыл ей все доступы кислорода, и душа чахнет, умирает. Сознание же, управляющее человеческими действиями, не умея и не желая увидеть истинную причину происходящего, занимается поиском

всяческого рода суррогатов, которые, как ему (сознанию) кажется, дадут душе необходимые питательные вещества.

Таким суррогатом очень часто становятся наркотики. А впрочем, их место может занять любое экстремальное (или даже не очень экстремальное) пристрастие: азартные игры, гонки на выживание, прыжки с парашютом, компьютер и многое, многое другое.

Вторым распространенным следствием подобного мрачного состояния души становятся поиски иного бытия, иной, сверхъестественной силы, что приводит человека к занятиям оккультизмом, магией или различными тренингами.

В момент действия выбранного средства человеку кажется, что ему удалось вырваться из темницы. Но куда? Те же наркотики или медитативные трансы зачастую действительно позволяют видеть духов (это еще древние шаманы знали), но, к сожалению, в состоянии наркотического опьянения мы можем увидеть только духов тьмы, потому что к видению духов света, то есть ангелов, ведет другая дорога. Понятное дело, никакой настоящей пищи душе демоны дать не могут. В Евангелии Иисус Христос предупреждает, что только Он, Бог, Пресвятая Троица есть источник благодати, питающей и обновляющей человеческую душу: *Всякий, пьющий воду сию, возжаждет опять; а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную* (Ин. 5, 13–14). Единственное, что под силу падшим духам, – это создать иллюзию, будто душа получила некую энергию, или новые знания, или необыкновенные впечатления. На самом же деле через общение с бесами душа погружается в еще большее отчуждение от Бога, еще глубже тонет в страстях, а следовательно, еще больше погружается в смерть.

«Тварь я дрожащая, или право имею» – наконец, ощущение одиночества может вылиться в возвеличивание себя над всеми остальными людьми, почитание себя сверхчеловеком, которому все позволено и для которого остальные люди лишь подсобный материал. Куда заводят подобные наполеоновские чаяния, нетрудно догадаться по уголовной хронике и историям болезней в психлечебницах.

Из всего написанного выше видно, что одиночество всегда является следствием гордыни, следствием неумения и нежелания любить ближних и Бога. Одинокий человек всегда полагает себя центром вселенной. Все его интересы, желания, стремления сосредоточены на собственной персоне. Окружающий мир вызывает страх, непонимание, неприязнь, скуку. Да, по сути, мы в своей гордости вообще не считаем этот окружающий мир хоть сколько-нибудь достойным внимания.

Человек XX века крайне эгоцентричен и вследствие дурной наследственности, и по воспитанию, и по образованию, и по привычке.

И в то же время любить себя ему тоже оказывается невозможным, потому что человек не способен любить собственную личность, если он не любит Бога.

Таким образом, современный человек оказывается в страшном и чудовищном разладе. Он почти все время испытывает невыразимое страдание от пребывания в мире: ему скучно с другими людьми, скучно с собой; он хочет, чтобы его любили, но не может получить радость от этой любви; он хочет вырваться из своей одиночной камеры, но не умеет это сделать, и все его усилия приводят к тому, что стены камеры все плотнее и плотнее подступают к нему.

Убежать от одиночества можно только через любовь. Только любовь питает душу, придает ей силы. Только любовь может объединить человека с миром. Конечно, любовь – это дар Божий, но этот дар дается только трудящемуся. Вот как пишет святой старец нашего времени прав. Алексий (Мечев): «Любовь приобретается путем работы над собой, путем насилия над собой и путем молитвы... Посылает Господь какого-нибудь человека, надо отнестись к нему внимательно, подойти к нему, войти в его положение, посвятить ему уголок своего сердца. Так постепенно все новые и новые люди будут входить в наше сердце, и наше сердце будет все рас-

ширяться и расширяться. Мы должны подражать любви Божией. Случай сделать добро кому-нибудь есть милость Божия к нам. Поэтому мы должны бежать, стремиться всей душой послужить другим. А после всякого дела любви так радостно, так спокойно на душе, чувствуешь, что так и нужно делать; хочется еще и еще делать добро. После этого будешь искать, как бы кого еще обласкать, утешить, ободрить. А потом в сердце такого человека вселится Сам Господь: *Мы придем и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23)».

К сожалению, этот трудный, но единственно верный путь выбирают немногие. В основном же люди сворачивают на другие, хорошо протоптанные тропинки, ведущие в пустоту, и замыкаются в своем эгоизме и одиночестве.

Глава 3. Семья

Великий вопрос жизни – это боль, которую мы причиняем, и наиболее остроумная метафизика не может оправдать человека, растерзавшего любящее сердце.

Бенжамен Констан. Адольф

Говорить о современном обществе с точки зрения Православия весьма сложно. Бытует довольно распространенное мнение, что современный человек значительно более греховен, нежели его прародитель. Так ли это?

С одной стороны, если сравнить моральный облик наших пра-пра-пра-пра с нашим собственным, возможно, результаты этого сравнения окажутся далеко не в нашу пользу. Но с другой стороны, на витрине современного мира представлена очень пестрая гамма искушений, на любой вкус. Индустрия искушений настолько развилась за последние века, что находит обманки для любого, и встречаются они человеку на каждом шагу. К какому-то минимальному возрасту, примерно к пяти-семи годам, ребенок настолько уже оказывается втянутым в разврат окружающего мира, что даже с большой натяжкой признать его «невинным младенцем» не удастся. Из-за этой акселерации, еще не успев вырасти, человек уже зарабатывает себе столько пороков, что потом, в более взрослом возрасте, борьба с этими пороками оказывается почти невозможной, по крайней мере очень-очень сложной.

А душа человеческая мало в чем изменилась за последние несколько тысячелетий: ее обуревают все те же страсти и те же желания. Разница в том, что современность предлагает значительно больше соблазнов.

Следовательно, крайне важную роль приобретает в современном мире семья, которая превращается постепенно в один из немногочисленных оплотов веры и нравственности.

В последнее время все чаще в обществе возникает вопрос: зачем она, семья то бишь, нужна? Учитывая формирующееся нынче отношение к браку и к воспитанию детей, подобные сомнения весьма понятны.

Для верующего человека цель брака – создание малой Церкви. Единение жены с мужем – это не пространственная и не сексуальная близость. Это «полное метафизическое вышечичное единение в одном существе». На эту цель брака указывает Библия, говоря: *И будут (два) одна плоть* (Быт. 2, 24), т. е. одно существо. «Это метафизическое единение мужчины и женщины есть таинство, поскольку оно превышает категории нашего разума и может быть пояснено лишь сопоставлением этого таинства с таинством Пресвятой Троицы и догматом Церкви, а психологически это единение является источником таких чувств брачующихся, которые по самому своему характеру исключают вопрос о целях брака вне его самого, ибо эти чувства есть чувства удовлетворенной любви, а потому полноты и блаженства»⁸¹. Подобное отношение к браку редко встретишь сегодня. Семья все больше приобретает статус даже не ячейки общества, а экономической единицы: совместное хозяйство, общежитие, одна квартира, общий бюджет и пр. Говорить о каком-то родстве душ приходится довольно редко и с некоторой относительностью. Ну, какое имеет значение родство душ, если, как правило, люди (члены семьи) проводят друг с другом в лучшем случае несколько часов в день и два дня в неделю (подчеркиваю, это при очень хорошем стечении обстоятельств).

Попытаемся рассмотреть современный брак в некотором его усредненном виде.

Во-первых, следует поговорить о причинах, по которым современные молодые люди женятся и выходят замуж.

⁸¹ См. проф. С. Троицкий. Христианская философия брака.

Конечно, браки по любви не редкость. Но, как ни странно, процент браков по любви не так велик, как следовало бы предположить. В основном семьи создаются по иным причинам.

1. Одним из самых важных стимулов к началу семейной жизни становится жилищный вопрос, тесно связанный со стремлением к самостоятельности. Нередко женитьба объединяется со съездом из родительской квартиры и обретением своего дома. Особенно часто мы видим подобную картину в ранних браках, когда стремление получить собственную жилплощадь и кусок самостоятельности крайне велико. Приведем на эту тему один показательный пример.

Отец молодого человека собирается в длительную командировку в другую страну. Мать довольно сильно тревожится за сына, который, оставшись в одиночестве, может начать развлекаться и вольничать, поэтому предлагает следующий вариант: либо молодой человек женится на своей девушке, и они вместе будут жить в оставленной родителями квартире, либо мать отпускает отца в командировку (на два года) одного, а сама остается следить за сыном. До этого разговора молодой человек и думать не думал о женитьбе, хотя и встречался со своей девушкой уже около года. Предложение матери показалось более чем заманчивым, и он начал серьезно подумывать о браке.

Таких историй можно найти сотни. Часто стремление оставить родительский дом, желание получить квартиру в подарок на свадьбу и так далее маскируются большими и светлыми чувствами, которые, по всей видимости, в некоторой степени все же присутствуют в большинстве подобных ситуаций, но в процентном соотношении к желанию самостоятельной жизни крайне невелики.

2. Другим мотивом для женитьбы может стать желание повысить общественный статус. Как правило, причина эта важна в большей степени в браках не совсем ранних (где-то 21–25 лет) и в основном у женщин. Страх перед стереотипным представлением «женщина, которая до 23 (25) лет не вышла замуж, – это старая дева» нередко играет самую главную роль в браках, совершаемых в этом возрасте. И вообще для женщины страх оказаться незамужней зачастую становится основным рычагом в стремлении создать семью.

3. Далеко не самый распространенный, но все же по-прежнему играющий важную роль стимул для женитьбы или выхода замуж – корысть. Есть самая грубая, непосредственная, откровенная корысть – это «продажа» себя богатому человеку. Чаше молодые девушки выходят замуж за «богатых». Но помимо такого откровенного варианта существуют еще браки с выездом за границу, браки с людьми высокого положения, браки с влиятельной родней. Так как обществом «браки по расчету», в основном осуждаются, то чаще всего люди, сочетающиеся браком по расчету, как можно тщательнее скрывают корысть, маскируя ее любовью. Иногда же они и сами пребывают в уверенности, что в основе их брака лежит глубокая привязанность ко «второй половине». Возможно, отчасти так оно и есть. Но можно заметить и другое: сама привязанность эта возникла во многом благодаря тому, что человек обеспечивает те условия жизни, которые нравятся.

Для мужчины же рациональная, корыстная причина нередко сводится к рассматриванию жены исключительно как «домохозяйки». И в этом случае выбирается супруга хозяйственная, домовитая, аккуратная, экономная, с покладистым и ровным характером, как правило, молодая и стоящая ниже мужчины и по материальному, и по социальному положению. Кстати, впоследствии подобное отношение к жене приводит к многочисленным конфликтам, начинающимся с того, что молодая женщина взрослеет, умнеет, набирается «самости» и перестает быть кроткой овечкой и исполнительницей хозяйкой, а еще чего доброго, сама разводится с мужем и отбирает у него половину имущества.

Вот эти три причины, представляющие собой смесь социальных и экономических стимулирующих факторов, являются основными рычагами создания семьи в современном мире.

Как правило, два человека объединяются в супружескую пару по взаимному соглашению, и каждый получает от этого какую-то свою выгоду.

Можно сказать несколько слов о «чувствах». Мы уже писали кое-что о человеческой любви-страсти, которую и называют теми самыми «чувствами», что подвигают человека на брак. Во-первых, в современности очень редко «чувства» становятся стимулом для узаконивания отношений; пожалуй, такой подход к делу принят либо в среде верующих людей, которые не могут жить в блуде, либо среди людей, воспитанных довольно консервативно. Чувства у неверующих людей, как правило, выражаются в банальном сожительстве, лишенном всяких обязательств. Брак же, который может свершаться и в таких случаях, принимает характер формальности и не воспринимается как «единственный брак». То есть брак будет длиться до тех пор, пока будут длиться эти самые чувства, так что он мало чем отличается от обычного сожительства, существующего на тех же условиях. Подобное сожительство по причине сильной любви тоже превращается в вопрос экономии времени, денег и пр.: людям не надо ехать через весь город, чтобы провести вместе какое-то время (очень небольшое количество времени, так что говорить о желании всегда быть вместе неправомерно).

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что семья в современном мире в большинстве случаев является не более чем экономическим и социальным институтом, не имеющим непосредственной связи ни с чувствами, ни тем более со стремлением создать малую, домашнюю Церковь.

Подобная тенденция не может не отражаться на «качественных характеристиках» семьи.

Первая и, конечно, самая очевидная черта современного брачного союза – это его непрочность. Вступая в брак из соображений прагматических, человек быстро понимает, что его расчеты оказались ошибочны. Из стремления закамуфлировать корысть он не может как следует выяснить и рассчитать, как много получит от брака, и получает значительно меньше, чем надеется. Другая причина непрочности супружеских союзов заключается в том, что свобода, статус и прочие выгоды, которых ищут современные молодые люди в браке, нередко оказываются на поверку не столь уж ценными сокровищами, каковыми кажутся издалека. Свобода превращается в непосильное бремя ответственности, а статус лишает многих забав, которые по-прежнему влекут своим блеском.

Сожительство, основанное на страсти, тоже редко длится долго, потому что душевная любовь не переносит обыденности, а следовательно, иссякает, как только перестает получать постоянную подпитку новыми ощущениями.

Второй характерной чертой современных браков можно назвать отчужденность, в которой нередко живут муж и жена. Отчужденность эта оказывается не только духовной, но и душевной, а порой даже и телесной. Ибо очень скоро довольно большая часть современных семей превращается в соседское существование в коммунальной квартире, когда муж и жена не имеют ни общих интересов, ни общих желаний, ни (часто бывает и такое) даже тем для разговоров. В результате этой отчужденности дом превращается для обоих супругов в место ночного отдыха. Количество проводимых вместе часов сокращается, разговоры заменяются совместным просмотром телевизора, который, в свою очередь, приобретает функцию цемента, заполняющего пустоты и не дающего семье развалиться окончательно. Супружеские измены как следствие подобных отношений становятся неизбежным дополнением к семейной жизни.

Далее эти самые соседские отношения, в зависимости от разумности и воспитанности супругов, приобретают характер либо постоянной склоки, либо постоянного компромисса и попыток находить обоюдно удобные решения. При этом второй вариант развития отношений не принципиально лучше первого. В обоих случаях дом превращается в зону конфликтную,

и независимо от того, будут ли конфликты решаться при помощи оружия или дипломатии, участники все равно получают свою долю стресса от сложившейся ситуации.

Таким образом, современная семья не только не выполняет той роли, которую предназначил ей Господь, но и становится очередным источником стресса и почвой для развития страстей и грехов.

Но на этом разговор о браке не заканчивается, поскольку в семье может быть еще один участник – ребенок.

Психологи беспрестанно твердят, что формирование личности ребенка происходит в ранние годы его жизни и во многом зависит от отношений между родителями и от отношения родителей к самому ребенку.

Вполне очевидно, что ребенок, постоянно находящийся в зоне конфликта, вырастает нервным и склонным к психическим расстройствам. Не видя любви между родителями и по отношению к себе (а любви этой в большинстве случаев действительно не существует), он в принципе не может понять, что значит любить.

Правомерно задать вопрос: почему же современный родитель оказывается неспособен любить своего ребенка? Основная причина видится конечно же в отходе от Бога и от Церкви, вне которых вообще странно говорить о любви, даже о любви к собственному ребенку. Но в современном мире ребенок не получает не только духовной любви родителя, но и банальной человеческой теплоты. Отношение родителей к ребенку ярко проявляется в разнообразных бракоразводных ситуациях. Ситуация развода травмирует, но, по большому счету, она просто выталкивает на поверхность то, что раньше тщательно скрывалось. Насколько часто мы видим, что ребенок становится, например, средством давления одного из супругов на другого: если ты не сделаешь так, то я отберу у тебя ребенка или запрещу с ним видеться. Или орудием мести.

Т., переживая развод с мужем, собиралась сообщить своему ребенку, что любимый им отец умер. Она находила тысячи оправданий своему решению, но не принимала в расчет чувства самого ребенка, которому придется сначала пережить такую трагедию, как смерть одного из самых любимых людей, а потом, спустя годы, выяснить, что второй из этих двух людей так жестоко с ним обошелся.

Следствием развода становится ограниченная возможность общаться с одним из родителей. Впрочем, такие конфликты, когда жена запрещает мужу видеться с ребенком, не так уж часто случаются, а следовательно, как правило, тот факт, что отец проводит со своими детьми мало времени – отражение его безразличия и нежелания с ними общаться.

Отсутствие любви может выражаться очень по-разному. Здесь и синдром вундеркинда, то есть стремление сделать своего ребенка самым лучшим (как правило, стремление это объясняют благом самого ребенка, но, по большому счету, оно сводится к тщеславию родителей, которые хотят гордиться детьми); здесь и чрезмерное баловство, задушевание ребенка, которое также к любви не имеет никакого отношения, потому что связано обычно с завуалированным желанием откупиться, заплатить вещами за недостаток внимания; здесь и попустительство, в котором отражается желание быть «хорошими мамами и папами», и, напротив, чрезмерная строгость, говорящая о стремлении родителей к собственному комфорту, которому ребенок мешает.

Результат самый что ни на есть плачевный. Во-первых, не видя примера любви, маленький человек не может научиться любить сам. Во-вторых, ребенок, стремясь завоевать родительскую привязанность, начинает сперва сознательно, а потом уже бессознательно выстраивать свою жизнь таким образом, чтобы получать от родителей как можно больше знаков привязанности. Подобный подход к жизни, воспитанный с детства, создает определенные стереотипы поведения, которые в дальнейшем будут пронизывать жизнь человека насквозь.

Стоит только посмотреть, как потенциальные вундеркинды сориентированы на похвалу. Для этого существует минимум три причины: во-первых, тщеславие, унаследованное от родителей, во-вторых, тщеславие (честолюбие, упорство), воспитанное родителями, в-третьих, тщеславие, воспитанное в себе самим ребенком, который вынужден был добиваться от родителя именно похвалы (единственное проявление «любви», на которое тот был способен), то есть внешнего признания.

С другой стороны, не меньше вреда наносит душе ребенка вседозволенность. Правда, вред этот более очевиден, нежели в предыдущем случае: избалованный ребенок, превратившись во взрослого человека, доставляет себе и окружающим немало хлопот.

Что уж говорить о детях, которые и вовсе обделены родительским вниманием. Нередко такие дети вырастают озлобленными, полными скрытых амбиций, жестокими. Оказавшись буквально на улице, лишённые представления о том, что хорошо, а что плохо, они еще в детстве настолько увязают в грехе, что к более сознательному возрасту без какого-то сильного потрясения, сами по себе просто не в состоянии оказываются выбраться из замкнутого круга порока.

Что же касается родителей... Они спохватываются слишком поздно. Спустя годы они начинают рассуждать о различии поколений, некоторые, правда, наиболее сознательные, видят свою вину в том, что дети «пошли не той дорогой», но, даже ощущая свою вину, они все равно не могут и не пытаются ничего изменить, поскольку любви как не было, так и нет, а без любви помочь невозможно.

Главная проблема заключается в «центробежности» всех ее представителей, не исключая детей, которые, подрастая, стремятся уйти из дома; родители сперва переживают по этому поводу, но в конечном счете, скорее, радуются уходу детей, нежели сожалеют о тех днях, когда жили вместе.

Безусловно, мы не можем вдруг, в одну минуту перестроить отношения в семье. Но мы и не бессильны.

В старые времена, помимо серьезной и глубинной философии семьи, существовал еще внешний уклад, который тоже соблюдался со всем тщанием. Все мы предрасположены ко греху, но «укладывая» свою жизнь правильным образом, мы можем минимализировать конфликтные ситуации и уменьшить риск развития порочных наклонностей. Нельзя заставить себя любить жену, мужа, ребенка. Но вполне реально создать в своем доме, в своей семье атмосферу, располагающую к любви, и тогда, возможно, Божьей милостью любовь эта сама придет.

В первую очередь надо обратить внимание на некоторые моменты, которые принципиально несовместимы с «правильным» укладом.

1) Женская эмансипация.

Об этой проблеме в современной церковной литературе говорится редко. По сравнению с теми безобразиями, которые творятся сплошь да рядом, эмансипация женщин кажется мелочью. Тем не менее феминизм, хоть и является результатом общей развращенности общества, сам по себе страшен, губителен и ведет к поистине разрушающим последствиям. Губителен он в первую очередь для самих женщин, которые, выбравшись из-под «опеки», демонстрируют полную непригодность к окружающей жизни с ее искушениями и соблазнами.

Вспомним положение женщины в стародавние времена: ей достаточно было подчиняться воле мужа (как для ребенка довольно слушаться родителей), и половина сложных решений, а следовательно, и ответственности за них с нее снималась.

Сейчас дело обстоит иначе.

Эмансипация является следствием гордыни. Ведь что, как не гордыня, заставляет современную женщину качать права, добиваться равных с мужчиной возможностей и равного общественного положения. Стоит ли говорить, что даже в общечеловеческом плане женщина, выби-

рая подобную дорогу, теряет очень много привилегий, которыми обладала на правах слабого пола. Радость же ей достается одна-единственная – возможность тешить свою гордость. (Мы не говорим в данном случае о вынужденной эмансипации: в современном мире женщина значительно чаще, чем раньше, оказывается в ситуации, когда ей просто ничего не остается, как только бороться за свое существование.)

В результате глобальной эмансипации современная женщина почти не уступает мужчине ни в тщеславии, ни в развращенности, ни в прочих греховных склонностях.

Другим неизбежным следствием эмансипации становится отсутствие нормального домашнего очага. Интересы женщины направлены вовне, а дом оказывается заброшенным и запущенным. Муж не получает должной заботы и внимания, дети – любви. Мужчина, в свою очередь, наблюдая такую ситуацию, перестает добросовестно выполнять свои обязанности перед семьей. И действительно, зачем их выполнять? Во-первых, жена пренебрегает своими. Во-вторых, она с радостью взваливает на себя обязанности мужа: ее увлекает карьерный рост, ей интересно решать профессиональные проблемы. А ему значительно приятнее выпить с друзьями пива и поиграть в компьютерные игры.

Но тем не менее подобным образом мужское самолюбие уязвляется до крайности. Чувствуя постоянные удары по самолюбию, мужчина, в свою очередь, стремится взять реванш в схватке с женщиной за счет силы и грубости, которые выражаются, например, в культивировании бандитизма. Гордыня мужчины, не находя для себя мирного применения, устремляется на стезю войны. Не получая власти и послушания в собственном доме, за его стенами мужчина стремится к насилию.

Таким образом, о результатах эмансипации можно говорить до бесконечности, находя все новые и новые следствия такой, на первый взгляд, безобидной тенденции.

2) Развитие детей.

Однажды мне попала американская статья, автор которой довольно иронично отзывался о стремлении современных родителей сделать из своих детей вундеркиндов. Он (автор) приводил довольно забавные факты и случаи из жизни. В частности, рассказывал о том, как детей в грудном возрасте учат читать и говорить на нескольких языках. Конечно, подобные картинки теперь довольно обычны и для нас.

Помимо того, что излишнее внимание к внешним успехам малыша развивает в нем до крайности страсть тщеславия, раннее образование вредно не только этим.

В Православной Церкви ребенок до семи лет не исповедуется. Это правило возникло не случайно. В младенческом возрасте ребенок не несет ответственности за свои поступки, он не может еще вполне осознать совершение греха.

Но современный ребенок благодаря новейшим образовательным технологиям развивается значительно быстрее, чем в старину. Таким образом, при родительском усердии уже к пяти, а иногда и к четырем годам он научается логическому мышлению, изворотливости ума и прочим интересным вещам, благодаря которым превращается в довольно сознательное существо. И в то же время по своему психическому и физическому устройству он по-прежнему остается младенцем. Он точно губка впитывает все, что получает, не имея при этом возможности дать нравственную оценку полученной информации. Кроме того, при раннем интеллектуальном развитии существенно страдает эмоциональная сфера, что влияет на способности ребенка чувствовать сострадание, жалость, любовь и дружбу, воспринимать красоту или безобразие окружающего мира. Вместо этого маленькие вундеркинды учатся тщеславию, агрессии и изворотливости, так как именно эти качества помогают им высоко держать планку, заданную неумными родителями. Нам часто приходилось наблюдать детей, умеющих к 4 годам и читать и считать, прекрасно решающих головоломки и т. п. Вот только такие дети почему-то не могли пройти самого примитивного тестирования на навыки общения, у них оказывались

существенно искажены или вовсе не развиты представления о прекрасном. Например, на предложение посмотреть на небо и сказать, красивое оно или нет, такие дети недоуменно глядели то на взрослых, то на небо, вовсе не понимая, чего от них хотят.

О порочности практики воспитания ребенка в детском саду вряд ли стоит подробно распространяться. Психологи дружно твердят о том, что, оказываясь сызмальства в коллективе, ребенок вырастает более приспособленным к жизни. Но что это значит? Во-первых, в коллективе малыш лучше усваивает знания (соревновательный момент), во-вторых, вырастает раскованным (развязным), коммуникабельным (склонным к праздности) и пр. Конечно, ребенку, воспитанному в детском саду, будет легче идти по жизни, но это ли является целью воспитания? А если вспомнить, сколько «замечательных» навыков получают дети в компании сверстников! Каждый родитель наверняка помнит, как его ребенок просил объяснить значение матерных слов, услышанных от друзей. И это, поверьте, только цветочки. И сколько ни объясняй ребенку, что ругаться матом плохо, он, вырастая среди людей, которые ругаются, не сможет сохранить изначальную чистоту. Так уж устроена человеческая психика: будучи вынужден наблюдать порок, человек рано или поздно свыкается с ним и перестает испытывать к нему отвращение, ибо «худое сообщество развращает добрые нравы».

3) Работа – больше, чем работа.

Опять же сошлемся на американскую статью, где речь идет о поколении молодых профессионалов, для которых вся жизнь проходит в работе. Для этих молодых людей профессиональное развитие становится своеобразной квинтэссенцией жизни, ставится во главу угла, и в жертву ему приносится все остальное.

Вообще излишнюю любовь к работе до недавнего времени следовало называть проявлением страсти тщеславия или сребролюбия, потому что главным стимулом для активиста были либо деньги, либо карьера.

Теперь ситуация несколько изменилась. Работа для современного человека часто уже не средство, а цель. Она становится чем-то вроде наркотика, от привычки к которому крайне трудно избавиться. Как много мы знаем примеров, когда человек «сгорает» на работе, посвящает всю свою жизнь делу, живет для работы.

И народное сознание чутко реагирует на эту тенденцию. Ведь термин «трудоголик» (по аналогии с «алкоголик») возник не даром. И возник как раз тогда, когда в нашей стране наблюдался повальный трудоголизм. Вспомним поколения наших родителей и дедов, вспомним трагичность ухода на пенсию, вспомним пропущенные отпуска, недозятые отгулы, неготовые обеды, неумытых детей и прочие признаки «жизни на работе».

Современного человека привлекает лекарственное свойство труда, позволяющего нивелировать негативные душевные ощущения. Не находя комфорта ни в семье, ни в компании друзей, он стремится на работу, которая одна снимает неприятные ощущения, заполняя жизнь каким-то позитивным смыслом.

В упомянутом уже американском тексте идет речь о том, что ради работы молодые профессионалы жертвуют друзьями, семьей и возможностью устроить свою личную жизнь. Так ли это? В конце концов, профессионалами они становятся только годам к двадцати с лишним, и, по всей видимости, к этому моменту личные отношения уже не представляют для них ценности. То есть фактически жертвовать оказывается нечем. Напротив, работа становится необходима, чтобы заполнить вакуум, создавшийся в их душах от неумения любить окружающих людей.

Мало кто из трудоголиков по-настоящему любит свою работу, свое дело. Конечно, вынужденный оставаться дома, такой вот любитель работы начинает с двойным усердием рваться на службу и безмерно скучать, но скучать не «по», а «от». Он будет стремиться не на

работу, а вырваться из дома, где он предоставлен самому себе или, в лучшем случае, вынужден общаться со своими родными и близкими, к которым не испытывает ни любви, ни интереса.

Молодые люди ценят в работе возможность получить интересные впечатления, азарт, который возникает от необходимости решать сложные задачи, новизну и возможность профессионального развития (под последним подразумевается, видимо, повышение ощущения собственной весомости и карьерный рост). Что же касается любви к собственному делу, так о ней речь не идет вообще, поскольку многие подобные профессионалы меняют профессии, как перчатки, не говоря уж о местах работы.

В семейной жизни работа нередко становится социально одобряемым предлогом ухода из семьи. То есть одно дело – пропадать до ночи в компании друзей, и совершенно иное – на работе. Любопытно то, что второй супруг, как правило, очень тонко чувствует возникшую ситуацию. С какого-то момента он/она перестает делать различие между пребыванием в компании друзей и ночевкой на работе: и вовсе не потому, что не доверяет своей половине. Нет, просто факт ухода из дома, для окружающих незаметный, для оставленного супруга становится очевидным.

Конечно, нелепо думать, что во всем виновата работа. В образовавшемся замкнутом круге человек, с одной стороны, рвется на работу, потому что не может создать комфорта в семье, с другой стороны, его длинные рабочие дни – такой замечательный выход из сложного положения, что он даже не пытается найти другой.

Не всегда оказывается просто создать в семье патриархальный уклад: муж работает, жена сидит дома, хлопочет по хозяйству и воспитывает детей. Но определенное согласование своей жизни с патриархальными устоями вполне возможно и резонно. По крайней мере, трех перечисленных выше подводных камней, на которые нередко наталкивается корабль семейной жизни, надо избегать.

Планирование семьи

82

Православный христианин воспринимает рождение ребенка как дар Божий. Испокон веков матери спасались через деторождение, и большая семья воспринималась как знак особой божественной милости, тогда как бездетность в древние времена считалась наказанием.

Само выражение «планирование семьи» отражает сугубо светский и прагматический подход к семейной жизни. Апостол Иаков учит, что все человеческие планы должны сопровождаться оговоркой: *Если угодно будет Господу и живы будем...* (Иак. 4, 15). Отказ от рождения детей – акт человеческого самоволия и нежелания исполнять Божий Промысл. Но использование контрацепции становится только следствием этого самоволия. Конечно, мы должны говорить об ответственном отношении к рождению и воспитанию детей.

Иногда православные пары практикуют воздержание от супружеских отношений в случае, если не хотят иметь больше детей, чем уже имеют. Возможно, подобный подход к проблеме в теории верен, но нередко влечет за собой семейный раздор, потому что зачастую кто-то из супругов вовсе не планировал отказа от супружеской близости... Отношение к сексу как к чему-то абсолютно позорному и допустимому только ради зачатия ребенка разделяется далеко не всеми отцами Церкви. Апостол Павел пишет: *Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве* (1 Кор. 7, 5). Соитие мужчины и женщины, состоящих в браке, даже если оно происходит не для рождения детей, нельзя вос-

⁸² См. книгу прот. Николая Балашова «И сотворил Бог мужчину и женщину. Комментарии к социальной концепции Русской Православной Церкви». М, 2001.

принимать как греховное. Поэтому не будем забывать о том, что хотя воздержание – высокая добродетель, которую всегда восхваляли отцы Церкви, всякая добродетель должна достигаться с рассуждением и не без чувства меры. А эта мера для каждого своя.

В православной среде тем временем распространяются самые разные точки зрения, иногда приходящие между собой в прямое противоречие. Недопустимо, когда неразумное навязывание частных взглядов всем окружающим приводит в конце концов к распаду семей и к личным трагедиям. Такое нередко происходит, когда ревностные духовники говорят о том, что существуют лишь две возможности: или рождение неограниченного количества детей (сколько получится!), или полное воздержание супругов после рождения у них того количества детей, которое они могут понести.

Конечно, пара, не желающая иметь детей, не может стать домашней церковью и не может быть названа христианской семьей в настоящем смысле этого слова. Если супруги не готовы к жертвенности, если они не хотят отдавать свое время, свой покой и свои душевные силы, не готовы жертвовать в какой-то степени даже своей карьерой и профессиональной реализацией ради того, чтобы родить и воспитать дитя, – это всего лишь глубоко ущербный союз двух эгоистов.

Но бывает, в семье складывается ситуация, когда по болезни, иным серьезным причинам бывает необходимо на какой-то срок воздержаться от рождения детей... Да, можно сказать, что единственный способ ограничить количество детей – не прикасаться мужу и жене друг к другу. Но что мы получим в результате? Распад многих семей. Будет ли это победой высокой нравственности? Вряд ли.

Сегодня так же популярна настоятельная рекомендация, почерпнутая, как говорят, из «Посмертных поучений» преподобного Нила Мироточивого, о полном воздержании от супружеских отношений в период беременности матери и кормления младенца грудью. Если подсчитать, сколько супруги должны провести времени порознь, то в общей сложности получится срок примерно в два года, а если долго кормить, то и больше. Один священник не без основания заметил: «За это время мужу, пожалуй, можно и монашество принять». Конечно, в поздние сроки беременности и в первое время после родов воздержание необходимо, об этом и врачи говорят. Но если подобные советы применять во всей полноте, то результатом, очевидно, легко может стать нарушение супружеской верности и вследствие этого распад семьи. Поэтому не стоит всем подряд рекомендовать образ жизни, похожий на подвижничество святого Иоанна Кронштадтского.

В «Основах социальной концепции» Русской Православной Церкви средства контрацепции делятся на абортивные и неабортивные. Абортивные средства – это те, которые уничтожают на самых ранних стадиях уже зачатую в утробе матери человеческую жизнь. Таковы, например, некоторые гормональные препараты, действие которых препятствует закреплению оплодотворенного яйца в матке и дальнейшему его развитию. К употреблению таких средств, отмечено в документе, «применимы суждения, относящиеся к аборту» (ХП. 3). Значит, Церковь считает их использование недопустимым и греховным.

Но далее сказано: «Средства, которые не связаны с пресечением уже зачавшейся жизни, к аборту ни в какой степени приравнять нельзя». Исходя из социальной концепции РПЦ, можно предположить, что Церковь благословляет контрацепцию и, как говорится, расслабиться. Но мы должны помнить, что нравственная оценка использования подобных средств во многом зависит от мотивов, которыми руководствуются супруги. Одно дело, если супруги исходят из эгоистических побуждений и не хотят рождения детей, которые лишили бы их покоя, части достатка, которые будут впоследствии предъявлять какие-то права на их участие, жертвенность, заботу. Это, конечно, греховное поведение, как и отмечено в «Основах». Другое дело, если отсрочивать рождение детей супругов побуждает необходимость обеспечивать подобающее воспитание для уже родившихся, либо состояние здоровья кого-либо из родите-

лей, либо уход за серьезно больными членами семьи и тому подобные основательные причины. «Очевидно, что решения в этой области супруги должны принимать по обоюдному согласию, прибегая к совету духовника», – сказано в соборном документе (ХТТ, 3). Духовникам же Собор рекомендовал заботиться в подобных ситуациях прежде всего о сохранении и укреплении семьи. А для этого «надлежит с пастырской осмотрительностью принимать во внимание конкретные условия жизни супружеской пары, их возраст, здоровье, степень духовной зрелости и многие другие обстоятельства, различая тех, кто может *вместить* высокие требования воздержания, от тех, кому это не *дано* (Мф. 19, 12)».

Искусственное оплодотворение

Сама идея помощи женщине в зачатии не более греховна по своей сути, чем любое использование медицины. Предание анафеме всех достижений науки и прогресса – своего рода суеверие, которым грешат ханжи. Само собой, мы не можем жить так, как жили первобытные люди, хотя, возможно, именно такой образ жизни наиболее нравствен. Так исторически сложилось, что человечество развивает медицинские технологии.

Смирение перед посылаемыми напастями не означает отказа от помощи в них. В конце концов, раньше, когда медицина была слабо развита, в России было множество людей, наделенных даром целительства. И болящие точно так же приходили к ним за помощью, как мы идем к врачам. Можно считать медицину происками лукавого, но с такой же уверенностью ее можно назвать и даром Господа.

Если супружеская пара не может зачать ребенка, муж с женой идут к врачам, лечатся, пьют лекарства и пр. Когда лечение не помогает, они могут прибегнуть к современным медицинским технологиям оплодотворения.

Но техник оплодотворения много, и они очень различаются не только по своей медицинской сути, но и с точки зрения нравственности.

Если в процессе искусственного оплодотворения половые клетки мужа вводятся в матку, то вряд ли можно усмотреть в подобном действии нечто греховное.

Другое дело, когда в подобных целях используется «донорский материал». «При этом существенным образом нарушается целостность и исключительность брачных отношений между двумя людьми, мужчиной и женщиной. В них вторгается кто-то третий. /.../ у ребенка наряду с «социальным» отцом будет еще какой-то «генетический», с которым он связан всей своей наследственностью. /.../ Все это создает нравственно скользкую и двусмысленную ситуацию в отношениях между супругами и ребенком»⁸³.

Еще более неприемлемо так называемое «экстракорпоральное оплодотворение». Дело в том, что в процессе этой процедуры гибнут «запасные» эмбрионы. В Социальной концепции Русской Православной Церкви по этому поводу сказано следующее: «Нравственно недопустимыми с православной точки зрения являются... все разновидности экстракорпорального (внетелесного) оплодотворения, предполагающие заготовление, консервацию и намеренное разрушение «избыточных» эмбрионов» (ХП. 4).

В действительности, пытаясь перехитрить природу, мы зачастую забываем о самом простом и замечательном способе преодолеть бездетность – об усыновлении чужого ребенка. Сегодня в России так много детей, оставленных родителями и нуждающихся в любви, тепле и заботе... И чем гоняться за передовыми технологиями по искусственному оплодотворению, всегда лучше усыновить ребенка, тем более что принятие в дом чужого ребенка и воспитание его можно приравнивать пусть к небольшому, но все же христианскому подвигу, ибо Христос сказал: *Кто примет одно такое дитя во имя Мое, тот Меня принимает* (Мф. 18, 5).

⁸³ См. «Основы социальной концепции РПЦ».

Аборты

Отношение Церкви к абортам очевидно для всех и нередко высказывается священниками и архипастырями в такой категоричной форме, что ни о каких «но» и «если» спрашивать даже в голову не приходит. Православная Церковь считает, что с самого момента зачатия мы имеем дело с личностью, пусть еще не развитой, но именно личностью, убийство которой осуждается со всей строгостью.

Зарождение новой жизни окутано тайной, и в этот момент нам, простым смертным, является «обыкновенное чудо» возникновения человека, чудо, которое, как ни старайся, невозможно объяснить ни генетикой, ни биологией, ни какими бы то ни было иными науками. На самой ранней стадии развития, в утробе матери, новый человек (эмбрион) чувствует боль и страх, что было доказано неоднократными научными исследованиями, испытывает радость или грусть (психологам посредством введения человека в гипнотический сон удается иногда получать информацию о переживаниях, испытанных исследуемым в материнском чреве).

Та горячность, иногда, возможно, чрезмерная, с которой священнослужители осуждают аборты, связана с дозволенностью оных нашим законодательством и неосуждением подобного рода «операций» общественным мнением. Итогом такой дозволенности становится повсеместное распространение абортотворения и то равнодушие, с которым зачастую принимается решение об аборте (на сегодняшний день 7 из 10 зачатых детей не рождается – не правда ли, ужасная статистика?).

В то же время это – убийство с отягощающими обстоятельствами из-за того небрежения и непочтения к Божественному чуду, являемому нам в виде новой жизни.

И, конечно, отдельного разговора заслуживает тот вред, который наносит аборт душам родителей ребенка, поскольку человек, решающийся на убийство собственного чада даже по недомыслию, повреждает свою душу в крайней степени. Как правило, в грехе аборта каются только женщины, что в корне неправильно. Если мужчина знал, что женщина собирается сделать аборт, и не воспрепятствовал этому, не отговорил ее или, что еще хуже, сам подтолкнул к такому решению, он так же повинен в убийстве ребенка. Не составляют в данном случае исключения и те безответственные мужчины, которые просто бросают забеременевшую женщину на произвол судьбы, отказывая не только в помощи, но даже в признании отцовства чада, – они тоже повинны в грехе. И, наконец, мы нередко сталкиваемся с ситуациями, когда забеременевшая незамужняя молодая женщина вынуждена «избавляться от ребенка» под давлением родителей, которые не только не предлагают помощи в сложной ситуации, но, напротив, всячески попрекают дочь тем, что она собирается взвалить на них (родителей) обузу в виде внука.

Зачастую женщина, забеременев, оказывается под огромным прессингом со стороны своих близких, которые всеми правдами и неправдами убеждают ее совершить аборт, и нередко именно это давление играет решающую роль в судьбе малыша. Посему возлагать ответственность за убийство на одну лишь женщину не всегда справедливо. Впрочем, каково бы ни было давление со стороны окружающих людей и мира в целом, аборт все равно не может быть оправдан.

Конечно, бывают в жизни ситуации, когда аборт становится «меньшим из зол». Иногда, например, в случае внематочной беременности, роды просто невозможны, и без аборта умрут и мать, и ребенок. Бывает и так, что роды угрожают жизни матери. Некоторые женщины решаются рожать и в таких случаях и нередко Божьей милостью выживают, несмотря на грозные предупреждения врачей. Но подобные ситуации происходят в жизни не так уж часто. Хотя даже в таких крайних случаях женщина обычно исповедуется в вынужденном грехе.

Но обычно причиной аборта становится просто нежелание рожать ребенка. Оправдания могут быть самые разнообразные: ребенок навредит карьере, у семьи мало денег на содержание нового члена, нет подходящей жилплощади и т. д.

Стоит ли говорить, что такие доводы оправдать убийство не могут. Даже в тех случаях, когда врачи предсказывают, что ребенок родится неполноценным, Церковь все равно противится аборту. Во-первых, подобные предсказания оправдываются только в половине случаев. Во-вторых, с точки зрения Православия, умственная или физическая неполноценность не является недостатком. Иногда умственно отсталые люди или физически убогие обладают кристальной душевной чистотой, сравнимой со святостью, и родители еще души спасти могут ходатайством своих «неполноценных» чад. Кроме того, тяжесть заботы о неполноценном ребенке – это тот крест, который Господь посылает родителям, а следовательно, необходимая для спасения души ноша.

Если все же аборт совершен, то женщина должна в нем покаяться и исповедаться. По каноническим правилам Церкви женщина, совершившая аборт, отлучается от Причастия на 10 лет. Сегодня мало кто из священников прибегает к столь суровой мере наказания. Как правило, отлучение от Причастия ограничивается сроком в год, и кроме того, на женщину накладывается епитимья. При наложении епитимьи священник принимает в расчет обстоятельства, при которых был совершен аборт: если на то были какие-то серьезные причины, то епитимья может быть еще мягче. «В случае, когда существует прямая угроза жизни матери при продолжении беременности, особенно при наличии у нее других детей, в пастырской практике рекомендуется проявлять снисхождение. Женщина, прервавшая беременность в таких обстоятельствах, не отлучается от евхаристического общения с Церковью, но это общение обуславливается исполнением ею личного покаянного молитвенного правила, которое определяется священником, принимающим исповедь»⁸⁴.

Внебрачные связи

Мы живем в то время, когда религиозные нормы играют в жизни очень незначительную роль. Даже для церковных людей эти нормы зачастую представляются факультативными. Поэтому человек, пытающийся следовать заповедям, оказывается иногда в довольно экстремальном положении. С одной стороны, оно и хорошо, потому что жизнь во Христе не должна быть всегда легкой. С другой стороны, не каждый может принести те жертвы, которых «требует» от него Церковь.

Вопрос внебрачной жизни становится одним из самых актуальных для современных христиан. Одно дело, если к вере пришел уже будучи семейным человеком: верность вполне поощряется и в светском обществе. И совсем другое, если ты не состоишь в браке.

Сегодня девство до брака представляется чем-то совершенно немыслимым и даже несуразным. Трудно представить, что молодой человек и девушка, встретившись, погуляли пару месяцев за ручку, а потом решили пожениться. Как правило реализуется простая схема: встреча – постель – свадьба.

Далеко не каждый человек сегодня способен ждать, пока не появится та единственная его половина, которая выйдет за него замуж (или женится) без предварительной совместной жизни. В чем причина? Да все в том же. В нежелании обуздать собственную похоть, в стремлении испытать наслаждение, в жажде удовольствия.

Как православной девушке противостоять своему возлюбленному, который желает с ней близости до брака, если он не живет по тем же нравственным законам, что и она? Думаю, что ограничиваться фразой «все равно нельзя» – значит подходить к вопросу несколько фор-

⁸⁴ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. XII.2

мально. То есть фраза-то абсолютно верна: конечно, блуд – это грех. Но мне хотелось бы еще раз вспомнить о самой сущности этого «нельзя».

Ведь мы называем отношения блудными, если люди сошлись только для любовных утех, вовсе не желая вкусить ответственности друг за друга и за потенциальных детей, вкусить страдания и боль, без которых не рождается настоящая любовь. Ведь брак – это всегда внутреннее согласие быть вместе до конца, в радости и горе. А если этого согласия нет? Значит, мужчина и женщина не хотят быть вместе. Они хотят только приятностей.

Помните пьесу «Обыкновенное чудо»⁸⁵?

Принцесса отказалась от своей любви к Медведю (медведя превратили в прекрасного юношу; если он полюбит и поцелует девушку, он снова станет зверем). Предав любовь, не желая отведавать горечь разлуки и увидеть, как ее возлюбленный снова станет зверем, она смертельно заболевает. Итак:

«Король. (Они) говорят, что принцесса умрет.

Администратор. От чего?

Король. От любви, что ли.

Администратор. Это, я бы сказал, вздор. Бред, как я это называю. Наш общий врач, мой и королька, вчера только осматривал принцессу и докладывал мне о состоянии ее здоровья. Никаких болезней, приключающихся от любви, у принцессы не обнаружено. Это первое. А во-вторых, от любви приключаются болезни потешные, для анекдотов, как я это называю, и вполне излечимые, если их не запустить, конечно. При чем же тут смерть?»

Так вот, любовь и «любовь» так же отличаются друг от друга, как те болезни, которые от них приключаются. В одном случае болезнует и тоскует душа, жаждущая соединения с любимым, а в другом итоге становятся венерические болезни.

Так неужели мы согласимся любить этой второй, меленькой и дешевой любовью, которая боится свадьбы без того, чтобы «предварительно не попробовать друг друга»? Неужели мы так дешево себя ценим, что испугаемся потерять человека, который «не может потерпеть», словно речь идет о походе в туалет? Или мы сами не в состоянии потерпеть?

И если вы оба так уверены в чувствах, что мешает вам освятить их в Церкви и испросить Божией благодати на вашу любовь?

А мешает внутреннее убеждение в том, что эта любовь ненастоящая. Что будет другая или другой, которые «больше подойдут». Вот мы сами и поставили себе диагноз. Если есть сомнения – значит это не «та самая» любовь. А если не та самая – брак бессмыслен и обречен на провал. А если так – значит, мы живем в блуде ради удовлетворения животных инстинктов. А если мы в блуде, значит, мы недостойны Причастия Вечной Жизни и Любви – Христа. Вот так мы осудились собственной совестью, и «злые» батюшки здесь ни при чем.

Потому что, если мы внутренне понимаем, что нас не разлучат ни смерть, ни горе, ни болезнь, – значит мы уже в браке. Печать в паспорте – это свидетельство перед обществом. Венчание – свидетельство перед Богом. Поэтому те, кто действительно живет одним дыханием, всей душой желают единения перед Законом и Благодатью. А те, кто тешит похоть и жаждет наслаждений, бегут и от загса и от храма, запутавшись в похоти и лжи перед самими собой и перед сожителем. Значит, сердце сжигает блудная страсть, и мы встаем перед выбором: бороться с ней или уступить.

Поэтому столь логично звучит призыв Церкви или оставить блудную жизнь, или превратить ее в брак, наполнив ответственностью, любовью и благодатью.

⁸⁵ Евгений Шварц. Обыкновенное чудо.

Глава 4. Старость в современном мире

*Не пренебрегай человека в старости его, ибо и мы стареем.
Сир. 8, 7*

В современном мире старость из естественного периода человеческой жизни превратилась в некоторый отрицательный символ, обладание которым едва ли не приравнивается к пороку и точно уж порицается, так же как глупость, бедность или неудача. Ныне показателями самореализации, успешности и востребованности на социальном, политическом и экономическом рынке служат молодость, красота и хорошая физическая форма, и это заблуждение повсюду пропагандируется СМИ и другими глашатаями современной культуры. А ведь еще недавно, каких-нибудь 30–40 лет назад, эту роль вполне заслуженно играли опыт, мудрость, «почтенные седины». Образ умудренного опытом старца или старицы, наставляющих и вразумляющих мало что знающую молодежь, архетипичен для всех мировых культур и цивилизаций. За всю историю человечества мы впервые столкнулись с ситуацией, когда быть стариком – стыдно. Так искусственно ломается еще одна базовая структура человеческого самосознания, укорененная не только в психике, но и в генах.

Конечно, старость страшна. Старость немощна, больна и максимально близка к смерти. Старость противна природе человека и внесена в нее первородным грехом вместе со смертью и болезнями. Но приведет ли к спасению от смерти и старости их отрицание?

Объявляя Адаму об ужасных последствиях человеческого греха, Господь говорит: *В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься* (Быт. 3, 19). Сказав это, Он лишает Адама вечной жизни (Быт. 3, 22) и тем самым обрекает его на медленное умирание, то есть на старость. Ведь что такое старость? Ученые открыли некий ген старения, при отсутствии которого клетки человека способны были бы вечно обновляться, а человек жил бы вечно. Мы уже говорили о том, что смерть дана человеку промыслительно, как возможность к покаянию, для того чтобы избежать демонской участи – вечности во зле.

Старость же предусмотрена Богом как пора «сбора урожая». Утихают гормональные бури, вырастают дети, становятся нереализуемыми многие страсти и желания. Старость похожа на осень. Природа, уставшая от цветения и плодоношения, жаждет отдыха и сбрасывает уже ненужную листву...

Помните:

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно.
Так нелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечет.

* * *

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,

В их сенях ветра шум и свежее дыхание,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдаленные седой зимы угрозы.

Наши предки соотносили времена года и периоды человеческой жизни. Для христианина природа – это Божественная книга, по которой можно прочесть приметы собственной жизни. Да, зима-смерть страшна, но в ней – залог новой жизни. Зерно, упав в землю, умирает, но если не умрет – не воскреснет. *Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода* (Ин. 12, 24). Глаза старости обращены внутрь, вспять, а ведь и покаяние (по-гречески – «метанойа») означает «поворот вспять». Старость зорко всматривается в минувшее, вспоминает давно ушедшее, анализирует, переживает заново. Это ли не дар Божий для немощной души, это ли не возможность раскаяться в грехах, обелить перед смертью одежды совести? Старость открыта и незащищена перед жизнью как детство – это ли не милость Божия, позволяющая нам снова стать «как дети», чтобы удобнее войти в Царство Божие? Старость беспомощна и немощна, это ли не узда для гордости и не кратчайший путь к высшей добродетели – смирению?

Если мы всмотримся в приметы старости, мы поймем, что нам дается время на осмысление прожитой жизни, на то, чтобы отстраниться от суеты и славы и подумать о вечности, – о своей собственной душе, которая, в отличие от нашего тела, на вечность просто обречена.

Но сегодня любое напоминание о смерти – непростительная, нетерпимая и жестокая грубость. Вглядываясь в зеркальце подобно мачехе из известной сказки, мы трепетно ждем приговора... Вот они, вестники старости и смерти – морщины, обвисшая кожа, дряблые мышцы, седые волосы, теряющие блеск глаза. Мы расцениваем это не как неминуемый итог, а как удар в спину – несправедливый, неожиданный, мучительный.

И вот, самым прибыльным бизнесом становится медицина, а точнее, те ее области, которые подобно алхимии и магии силятся вырвать у природы рецепт вечной молодости. Пластическая хирургия и фетальная терапия, косметология и лазерная коррекция – новые и новые методы служат человеку в утопической мечте – быть «вечно молодым». Смерть и старость неминуемы и страшны, поэтому они осмеиваются и изгоняются. Психологи лечат от «комплекса старости», потому что человеку не удастся избавиться от осознания того, что его, как и миллиарды других до и после, ждут старость и смерть.

Комплекс утраты молодости⁸⁶, победив христианское осмысление старения и умирания, как время духовной жизни, мудрости и покаяния, породил страшные преступления против жизни.

К ним можно отнести фетальную терапию. Латинское слово *fetus* означает плод. Суть этого метода в том, что органы и ткани, извлеченные из эмбрионов человека на разных стадиях развития, могут, по утверждениям некоторых ученых, использоваться при лечении многих болезней у других людей. В том числе и таких болезней, которые до сих пор считались неизлечимыми. Речь идет, например, о таких заболеваниях, как детский церебральный паралич, болезнь Паркинсона, болезни Пика и Альцгеймера, рассеянный склероз, болезнь Дауна, различные виды иммунодефицита. Дело в том, что клетки развивающегося плода обладают огромным запасом жизненной силы, они проявляют высокую биологическую активность. Говорят, что фетальные инъекции помогают при циррозе печени, алкогольной энцефалопатии, при постинсультных расстройствах, при лечении различных опухолей. Правда, те ученые, которые свободны от профессиональной и материальной заинтересованности в развитии фетальной терапии, считают эти обещания всего лишь рекламным приемом. До сих пор нет надеж-

⁸⁶ Именно так именуют переживания, связанные со старостью, вежливые психологи.

ных подтверждений терапевтического эффекта, не говоря уже об абсолютном выздоровлении в результате этих процедур. Но уже сегодня распространяется применение фетальных материалов для лечения импотенции, особенно связанной с пожилым возрастом, для общего омоложения организма и – в виде кремов и масок – для косметических целей, для «обновления» увядшей кожи, устранения морщин... Такое косметическое применение представляется особенно безнравственным – оттягивать старение за счет поглощения молодых, несостоявшихся человеческих жизней...

«Безусловно недопустимым Церковь считает употребление методов так называемой фетальной терапии, в основе которой лежат изъятие и использование тканей и органов человеческих зародышей, абортированных на разных стадиях развития, для попыток лечения различных заболеваний и «омоложения» организма. Осуждая аборт как смертный грех, Церковь не может найти ему оправдания и в том случае, если от уничтожения зачатой человеческой жизни некто, возможно, будет получать пользу для здоровья. Неизбежно способствуя еще более широкому распространению и коммерциализации абортов, такая практика (даже если ее эффективность, в настоящее время гипотетическая, была бы научно доказана) являет пример вопиющей безнравственности и носит преступный характер», – говорится в «Основах социальной концепции РПЦ», п. 12.7.

«Мне все это напоминает жуткую фреску Гойи «Сатурн»: старое чудовище, которое держит в руках маленькую человеческую фигурку с откушенной головой. Как страшно, если человечество пойдет по этому пути пожирания своих детей ради продления молодости состоятельных стариков и старушек!» – сказал прот. Николай Балашов в комментариях к «Основам...».

Старость, готовая на все ради собственной жизни, отвратительна. Молодящиеся старики и старухи были сотни раз высмеяны в литературе. Но сегодня принято смеяться над теми, кто не натягивает кожу, не вставляет титановые челюсти, не пересаживает волосы и не трансплантирует себе силиконовую грудь. Вглядываясь в обезображенные «молодостью» лица эстрадных звезд и политиков, невольно задумываешься о том, что эта «молодость» нравственно позорит и унижает их самих, лишая естественного человеческого достоинства. Говорят, что до сорока пяти у человека такое лицо, которое дала ему природа, а после – какое он заслужил. Почему же мы стесняемся своих лиц?

Раздумывая об этом, вспоминаешь лица святых. Вот, например, лицо мч. царицы Александры. От частых родов и болезней наследника ее красота померкла, лицо покрылось морщинами, волосы поседели. Но сколько же недостижимой красоты и внутреннего благородства в ее добром и мудром лице! Разве такое лицо можно купить? Нет – как нельзя купить жертвенную, чистую, милосердную душу. А лица недавно преставившихся старцев – прот. Николая Залитского или архим. Иоанна Крестьянкина? Один взгляд на них, одно их присутствие исцеляло, оживляло и спасало сотни людей. Как можно отказаться от *такой* старости? А ведь все они терпели немощи, болезни, нужду и лишения! А лицо собственной матери, бабушки? Разве вечную молодость ищем мы в дорогих чертах? Их молодость перелилась в нас, а их любовь и мудрость научили нас жить и надеяться.

«Делая себе лицо», мы хотим казаться, а не быть. Мы отвергаем свое бытие, свою секунду, свой «миг между прошлым и будущим», который и есть жизнь, во имя иллюзии. Отрекаясь от старости, мы отрекаемся от плодов, предпочитая цветы. Мы превращаемся в ту неплодную смоковницу, которая одна вызвала проклятие Господа. Убегая от мыслей о смерти, мы убегаем от мыслей о вечности. Лишая себя покаяния, мы осуждаем себя на вечные муки. Недаром памятование о смерти считается одной из христианских добродетелей.

У старости есть и другая сторона. Мы говорили о *нашем* старении и смерти, а теперь поговорим о старении и смерти других. Ведь отношение к старости – это в первую очередь, отношение к старикам. Есть страницы позора в человеческой судьбе, и к одной из таких относится существование домов престарелых, где обитают старики при живых детях и родственни-

ках (мы не говорим о действительно одиноких людях). Отдать своих родителей в такой дом – это навлечь на себя проклятие Божие, ибо одна из заповедей гласит: «Чти отца и мать своих». Что ждет таких людей? На что они надеются? Или они полагают, что их дети поступят с ними по-другому? Такие грехи страшным бременем ложатся на детей и внуков, требуя деятельного раскаяния.

А наше отношение к старикам в очереди, в транспорте, на улицах, к старикам-соседям?

В заключение напомним, что старость – это начало перехода из этой жизни в будущую. И если мы будем воспринимать нашу телесную немощь и душевные невзгоды как процесс «сбрасывания балласта» перед этим переходом, то она превратится для нас из времени ужаса во время свободы.

Глава 5. Эвтаназия

Уже довольно давно ведутся споры о том, можно ли лишать человека жизни, если он страдает от неизлечимой болезни. В современном мире тот факт, что человек просит лишить себя жизни медикаментозным способом, дабы не терпеть больше страданий, самоубийством уже не считается. Точно так же, как не считается убийством со стороны врача «облегчение страдания больного», а напротив, многими признается актом милосердия.

Конечно, Православная Церковь относится к эвтаназии иначе. Грех этот приравнивается к убийству со стороны врача и к самоубийству со стороны человека, пожелавшего досрочно прекратить свои мучения.

Все, в том числе и болезни, посылается Господом, а посему терпеть их надо с должным смирением. Известны случаи, когда именно тяжелая болезнь вела в результате ко спасению.

Эвтаназия страшна вдвойне, поскольку является двойным грехом: одна душа погибает безвозвратно (ибо самоубийца не может войти в Царствие Небесное), а другая (способствовавшая самоубийству) оказывается на пороге гибели.

Вот что говорится об эвтаназии в «Основах социальной концепции РПЦ», п. 12.8:

«Предсмертные физические страдания не всегда эффективно устраняются применением обезболивающих средств. Зная это, Церковь в таких случаях обращает к Богу молитву: «Разреши раба Твоего нестерпимыя сея болезни и содержащая его горькия немощи и упокой его, идеже праведных души» (Требник. Молитва о долгостраждущем). Один Господь является Владыкой жизни и смерти (1 Цар. 2, 6). В Его руке душа всего живущего и дух всякой человеческой плоти (Иов. 12, 10). Поэтому **Церковь, оставаясь верной соблюдению заповеди Божией: не убивай (Исх. 20, 13), не может признать нравственно приемлемыми распространенные ныне в светском обществе попытки легализации так называемой эвтаназии, то есть намеренного умерщвления безнадежно больных (в том числе по их желанию).** Просьба больного об ускорении смерти подчас обусловлена состоянием депрессии, лишаящим его возможности правильно оценивать свое положение. Признание законности эвтаназии привело бы к умалению достоинства и извращению профессионального долга врача, призванного к сохранению, а не к пресечению жизни. **«Право на смерть» легко может обернуться угрозой для жизни пациентов, на лечение которых недостает денежных средств.**

Таким образом, **эвтаназия является формой убийства или самоубийства**, в зависимости от того, принимает ли в ней участие пациент. В последнем случае к эвтаназии применимы соответствующие канонические правила, согласно которым намеренное самоубийство, как и оказание помощи в его совершении, расцениваются как тяжкий грех. **Умышленный самоубийца, который «соделал сие от обиды человеческой или по иному какому случаю от малодушия», не удостоивается христианского погребения и литургического поминовения** (Тимофея Алекс. прав. 14). Если самоубийца бессознательно лишил себя жизни «вне ума», то есть в припадке душевной болезни, церковная молитва о нем допускается по исследовании дела правящим архиереем. **Вместе с тем необходимо помнить, что вину самоубийцы нередко разделяют окружающие его люди, оказавшиеся неспособными к действительному состраданию и проявлению милосердия.** Вместе с апостолом Павлом Церковь призывает: Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов (Гал. 6, 2)».

Глава 6. Разочарования в церковной жизни

Время от времени приходится сталкиваться с людьми, разочаровавшимися в христианстве, или в Православной Церкви, или в православном священстве. И каждый раз я задаюсь вопросом, что можно сказать таким людям. Невольно начинаешь думать о том, что действительно зачастую священники тоже не чужды греха, что, возможно, самому устройству церковному есть куда совершенствоваться, что какими-то своими установлениями Церковь отпугивает людей.

Но по здравом размышлении на эти темы приходишь к совершенно иному взгляду на вещи.

Хочется вспомнить книгу «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу». Сюжет весьма прост: некий человек слышит наставление о том, что нужно беспрестанно молиться, и слова эти так заинтересовывают его, что он отправляется в паломничество, дабы узнать, что они значат. Много лет он странствует по России, посещает старцев, отшельников и всех спрашивает о том, что значит непрестанно молиться. Он не успокаивается, пока не находит ответа.

Эта история вспомнилась по контрасту с сегодняшним положением дел. Во все времена люди искали веры и истины, жаждали их более всего на свете, алкали их и не успокаивались, пока не находили. Странник, о котором шла речь, обошел пешком всю Россию, чтобы найти ответ на волновавший его вопрос. А мы... Мы даже не в состоянии прочитать двух-три книги, чтобы утвердиться в правильности своего понимания религии. Мы что-то где-то услышали и довольствуемся этим вполне. «Надо непрестанно молиться», – слышим мы. Непрестанно не получается, часто тоже не получается и вообще не очень получается. Но мы знаем, что нужно читать молитвы как можно чаще. А по сути, вообще не задумываемся над подобными вопросами.

Мы говорим сейчас, что раньше вера в Бога была основой жизненного уклада большей части общества, но это не совсем так. Возможно, это высказывание и справедливо по отношению к XII–XVI векам, но не к более раннему времени. Да и вообще основой уклада не может быть вера, а только церковная традиция. Вера же, истинная вера всегда была выше уклада и традиции. Самые великие святые переворачивали традицию, разбивали уклад и нередко даже претерпевали гонения и унижения от своих же собратий христиан. Ярким примером тому может служить житие прп. Серафима Саровского, который неоднократно за свою жизнь сталкивался с гневом братии и даже монастырского начальства.

У нас бытует странное, нелепое представление, что все святые как-то сами собой стали святыми. Вдруг в их жизни что-то перевернулось, и они превратились в святых. Да, конечно, многие из христиан испытали некий толчок, который подвиг их к вере. Но смею заверить, что многих подобный же толчок к вере не подвиг. Вспомним Марию Египетскую, которая не смогла войти в церковь и поэтому удалилась в пустыню приносить покаяние Богу за свои грехи. Да, конечно, Марии было явлено чудо, но кто из нас, современных христиан, ушел бы в пустыню после такого чуда? Мы бы недоуменно пожали плечами и поехали домой к родному телевизору. Для Марии Египетской невозможность войти в церковь стала отправной точкой в поиске истины. В тот момент, перед входом в церковь, она только поняла, что вся предыдущая жизнь была ошибкой, и тут же, не задумываясь, отрешилась от той, неправильной жизни, чтобы обрести новую, истинную. Осмелюсь предположить, что, уходя из мира, она и не представляла толком, куда уходит и сколько времени там проведет. И уж точно она не ставила перед собой цели прожить 40 лет в пустыне, питаясь акридами, чтобы научиться ходить по воздуху.

Ревностность первых христиан так велика вовсе не потому, что они были какими-то особенными людьми, а потому, что они искали Истину, находили ее и не выпускали уже из рук ни под какими пытками.

Другое дело мы. Подобно Пилату мы нехотя говорим в лицо Живой Истине, Христу: «Что есть истина?», вовсе не желая получить немедленный, а тем более дискомфортный ответ. Мы ничего не ищем. Нам не нужно ничего, кроме собственного дивана. Мы свою веру не ищем, не обретаем, мы вообще к вере-то не стремимся. Мы пассивно, с некоторой неохотой поддаемся на уговоры пойти в храм или прочитать Евангелие, принимаем какие-то догмы, не особенно разбираясь, зачем и кому они нужны, и далее так же расхлябанно следуем неким столь же непонятным установлениям до тех пор, пока они не особенно прижимают нашу самость. Когда же неизбежный конфликт происходит, мы разочарованно поворачиваемся к Церкви спиной, объявляя, что она вовсе не такова, какой бы *нам* хотелось ее видеть. При этом мы даже не думаем отправляться на какие-то дальнейшие поиски Истины, мы просто отказываемся от навязанной нам идеи во имя своего комфортного существования. При чем комфортным для нас будет даже страдание, если только нашему «я» будет позволено остаться без изменений.

Нас, христиан, часто обвиняют в догматичности, и обвинение это справедливо. Наши истины и догмы не выстраданы, не выношены, они просто нахлобучены на нашу жизнь, как чужая шапка. Мы их даже не принимаем с послушанием и смирением, потому что послушание и смирение уже предполагают какую-то осознанность, мы просто с ними не спорим. Поэтому так легко бывает во всем разочароваться. Для истинно верующего нет догм, а есть жизненная правда. То, что огонь обжигает, – это не догма. Мы знаем об опасной силе огня из собственного опыта. То, что еда необходима человеку, – это не догма, в необходимости еды удостоверяет нас чувство голода. Мы не разочаруемся в пище только оттого, что конкретный ужин был невкусным.

Вот простой пример. Человек поступает в институт. Если его поступление было осознанным, если он долго готовился, волновался, если пришел сюда за знаниями – он будет учиться. Ему не понравился преподаватель – он потерпит ради нужных знаний, ему не нравится система – он будет даже при этой системе извлекать максимум для себя выгоды. Он будет учиться во что бы то ни стало и, несмотря на все недостатки института, выйдет оттуда образованным человеком. Конечно, он будет замечать недостатки данной конкретной системы, и, став ученым, попробует, возможно, сделать свой вклад в систему, чтобы она стала лучше. Но он не разочаруется в самом знании, ради которого пришел. Иное дело студент, поступивший просто так, без труда, от нечего делать – почему бы не поучиться. Он действительно, увидев недостаток преподавателя, готов уже разочароваться в самой науке и во всем, что с ней связано. Вернее, даже и не разочароваться, потому что никогда не очаровывался, а просто предпочесть другой способ проведения досуга.

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н. В. Гоголь пишет, что Церковь – это не священство и не епископат, а это мы, верующие христиане. Но современность забыла об этом напрочь. Для нас Церковь – это Московская Патриархия и настоятель нашего прихода. Мы не чувствуем себя членами Церкви. Иначе не было бы разочарований. Как клетка организма может разочароваться в организме из-за того, что соседняя клетка неправильно себя повела?

Мы хотим от религии, чтобы она была удобной, благодатной и не требовала от нас большого труда. И не находим всех этих качеств, не находим, потому что их и нет в христианстве. Христианство – для тех, кто алчет и жаждет высшей правды, Истины. Так жаждали правды первые христиане. Они неустанно искали эту правду и, найдя ее во Христе, не отступались уже от нее.

Перед нами же все сокровища мира выкладывают на тарелочке – бери не хочу, а мы топчем его, это сокровище, как те евангельские свиньи, перед которыми не надо метать бисер.

Православную Церковь нередко обвиняют в том, что она слишком мало внимания уделяет вовлечению новых членов. Нам же, после долгих раздумий, представляется, что, напротив, слишком много. Нас прямо-таки уговаривают пойти в храм, приманивают разными обещаниями. А все равно без толку. Потому что мы приходим в итоге в Церковь не холодные и не горячие, но теплые и в ожидании каких-то развлечений или утешений и разочарованно уходим, не обнаружив их.

Мы счастливейшие из людей, потому что Благая Весть разнеслась по всему миру и доступна каждому, – и в то же время – несчастнейшие, потому что мы не знаем ее цены и не умеем ее жаждать. Она кажется нам чем-то само собой разумеющимся. Но мы все время забываем об одной простой вещи: Евангелие – это не закон Ньютона, который был однажды открыт и с тех пор существует. Благая Весть приходит в сердце каждого, кому она нужна, и для каждого алчущего она звучит как откровение. И пасхальное приветствие «Христос Воскресе!» не просто напоминает нам о событиях минувших дней, а открывает Истину. Когда мы откроем для себя Евангелие, откроем так, как открывали его первые христиане, когда оно станет необходимостью нашей жизни, мы начнем создавать Церковь, соработать ей, строить ее, притаскивая кирпичик за кирпичиком собственных усилий в добродетелях и в борьбе с грехом.

А до тех пор все наше хождение в храм, вся эта наша псевдорелигиозность будут сопровождаться ворчанием на священников, на церковный уклад и постоянным разочарованием в Церкви, которая почему-то обманывает какие-то наши ожидания.

Глава 7. Новые искушения: в поисках врага

Сегодня в православии непомерно распространились верования в силу чародейства и волшебства, а также в одержимость, буквально подстерегающую на каждом шагу, и впридачу в тайно пришедшего антихриста, весьма ловко клеймящего ничего не подозревающих верующих своей дьявольской печатью. Также открылась масса новых «святых», которые попали в сей чин благодаря насильственной смерти, дурной прижизненной славе и советской историографии. В чем же причина этих новоявленных бедствий, обрушившихся как снег на голову нашему беспомощному православному народу?

Попробуем разобраться. Если очертить тип человека, который верит во все вышеперечисленное, скорее всего это будет человек средних лет или уже пожилой, недавно пришедший в церковь и только что обнаруживший, что, оказывается, существует целый пласт культурных традиций и верований, который прошел мимо него. Человек этот жаждет откровений и чудес. Добавьте к этому полное незнание учения Церкви и догматического богословия, уныние, экзальтированность, страсть к реформированию и революциям и страх перед будущим. Тип церковного нигилиста и обличителя во многом порожден тем «революционным» духом, которым насквозь пропиталась русская интеллигенция, и теми многочисленными суевериями, которые всегда сопровождали наш народ со времен язычества.

Также немалую роль в этих проявлениях человеческой природы играет *стремление найти врага*. Зачастую человеку вообще не под силу оказывается верить, любить, дружить **просто так**. Ему обязательно нужен некто, **против** кого он будет верить, любить и дружить. Нужен враг. И врагом этим могут стать не только другие национальности или конфессии, а, например, «масоны» или даже «бесы». Поиск врага превращается в занимательную игру. Во всем можно увидеть его происки. Хлеба нет в магазине – это происки масонов. Собственный ребенок стал наркоманом – виновато правительство. Все, что тебе непонятно или не нравится, – бесовщина. Ну, а я, разумеется, только с Богом и в своих падениях не виноват. Враги кругом, так сказать, одолевают, а я ведь немощный. Эту вот суеверность мы очень ясно увидели в истории с ИНН, когда некая часть православной общественности начала кричать во весь голос, что ИНН – это бесовские происки.

1. Конечно, нет ничего приятного в том, что тебя обзывают цифрой, но странно считать, что ИНН кого-то может погубить. Мы лжем, крадем, завидуем, нарушаем все заповеди – и ничего, а какого-то ИНН боимся, как адского огня. О какой дьявольской печати мы говорим, когда сами с потрохами отдаем себя во власть лукавого?

Символы имеют огромное значение, но пропускать троллейбус, в номере которого присутствуют три шестерки, и называть его бесовским просто глупо. В конечном итоге, вся эта приверженность цифрам, знакам и прочим внешним вещам во многом идет от суеверия.

То, что лукавый не дремлет, понимать необходимо. Но нужно понимать и то, что он занимается не развешиванием номеров на троллейбусы, а искушением людей. И нас он искушает тоже. Поддаваясь суеверию, мы тем самым не выдерживаем искушений, поддаемся бесовским страхованиям, разменивая свой религиозный пыл на вещи незначительные, вроде номеров, ИНН и прочей ерунды.

Цель христианской жизни состоит не в обнаружении дьявольских происков и не в разоблачении масонских заговоров. Цель христианской жизни, по верному определению св. Серафима Саровского, состоит в стяжании Духа Святого, в наполнении сердца благодатью и добродетелями. Все остальное лишь средства или помехи. Прежде всего нужно бороться с лукавым в своем сердце, в своих мыслях. Нужно бороться со страстями, с грехом и стремиться к Богу. И только очистившись от своих грехов, убелив одежды совести, мы сможем различить «бесов-

ские козни» в окружающем мире и начать сражаться с ними. А до тех пор территорию борьбы с бесами лучше ограничить собственным сердцем.

На вопрос о том, утрачивает ли христианин имя, если ему присвоили ИНН, можно ответить словами старца архимандрита Иоанна (Крестьянкина): «...Дорогие мои, как мы поддались панике – потерять свое христианское имя, заменив его номером? Но разве это может случиться в очах Божиих? Разве у Чаши жизни кто-то забудет себя и своего небесного покровителя, данного в момент крещения? И не вспомним ли мы всех тех священнослужителей, мирян-христиан, которые на долгий период жизни должны были забыть свои имена, фамилии, которые заменил номер, и многие так и ушли в вечность с номером? А Бог принял их в Свои отеческие объятия как священномучеников и мучеников, и белые победные ризы сокрыли под собой арестантские бушлаты. Не было имени, но Бог был рядом, и Его водительство вело заключенного сквозь сень смертную каждый день. У Господа нет понятия о человеке как о номере, номер нужен только современной вычислительной технике, для Господа же нет ничего дороже живой человеческой души, ради которой Он послал Сына Своего Единородного, Христа Спасителя. И Спаситель вошел в мир с переписью населения».

2. Современная православная «охота на ведьм», подогреваемая изданием различных брошюр и молитвословов «против чародейства и волшебства», тоже страшное суеверие. Конечно, во все времена находились люди, выбирающее зло и погибель, жаждущие общения с бесами. Но с нами, христианами, зло может приключиться только по двум причинам. Первая из них – наши собственные порочность и нераскаянные грехи. Отказываясь от спасительного покаяния, прикипев к тем или иным грехам, мы тем самым демонстрируем собственную свою склонность ко злу, отвергая помощь Божию и отдавая себя в руки бесов добровольно. Промысл Божий может попустить такому нераскаянному грешнику подвергнуться нападениям сатаны. Вторая причина – это действие особого Промысла Божия, как это было с праведным Иовом, чью веру и добродетель испытывал Господь. Так же, промыслительно за грехи родителей могут страдать и дети, вынуждая тех к покаянию, усиленной молитве.

Утверждать же, что колдуну ничего не стоит повредить христианину, значит считать ни за что и Бога, и Его всемогущество, и Его Промысл о нас, и Его милосердие, и то, что бесы, как и любая тварь, находятся в полной воле Божией и ничего не могут совершить без Божиего дозволения. Так что лучшим лекарством от колдовства являются наша чистая совесть и упование на Бога.

3. В моду вошла «одержимость». Таинственный обряд экзорцизма, или изгнания духов, так взволновал народ, что появилась своего рода истерия, когда даже здоровые люди с волнением посещают подобные процедуры, ища в себе признаки «одержимости». Таким образом, не просто профанируется обряд изгнания злых духов, действительно существующий в требнике Петра Могилы, но и возникает угроза массовых истерий, которые уже случались в истории России и Европы. В России конец кликушеству положил указ Петра I, повелевшего пороть розгами подобных «одержимых». Как ни странно, эти варварские методы вскоре исцелили целые области, просто охваченные эпидемиями таких «беснований»⁸⁷. Екатерина II высочайшим указом запретила жалобы на колдунов и ведьм, что тоже существенно снизило процент «сглаженных» и «испорченных».

Поэтому, прослышав о каком-нибудь священнике, практикующем массовые отчитки, нужно знать, что, во-первых, массовый экзорцизм не проводится в православии, а во-вторых, поинтересоваться, кто и когда благословил этого священника на подобную деятельность, так как на проведение подобных треб необходимо благословение правящего архиерея данной епархии. В-третьих, одержимость, вопреки брошюрам, случается гораздо реже, чем психические отклонения и нервные заболевания.

⁸⁷ См.: Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000. С. 341–423.

4. Стремясь пополнить святцы именами Ивана Грозного, Григория Распутина, Павла 1, Суворова, Сталина (!?) и т. д., борющиеся за это «православные» полностью убеждены в своей правоте. Их не смущают ни решения Патриархии, ни проповеди старцев и миссионеров, ни очевидная историческая абсурдность подобных канонизаций. В этом поведении ярко проявляют себя именно самость и гордыня этих людей, которые свое непросвещенное фактами и духовным опытом мнение ставят выше мнения Церкви, зачастую даже вовсе признавая его ложным. Мы не будем сейчас подробно останавливаться на биографиях вышеперечисленных исторических лиц⁸⁸, достаточно сказать, что подобными «канонизаторами» движут вполне понятные мотивы: жажда чуда, радость от противопоставления себя большинству, самомнение, необразованность в области истории и богословия, явное искажение исторической реальности в угоду собственным прихотям, пренебрежение мнением церковной иерархии, непослушание и гордость. Итогом их деятельности является раскол Церкви, дискредитация ее в глазах неверующих, провокации, обольщение многих простецов и клевета на священнослужителей. Плоды столь очевидны, что дерево познается без труда.

Приложение. Священник Дионисий Дунаев, кандидат богословия. Богооткровенная религия и мифотворчество

89

В истории человечества можно наметить два вектора существования религии – истинную религию, которую сам Бог создает для спасения человека и общения с ним; и ложную религию, которую создает сам человек в отрыве от Бога. Стремление к богообщению есть необходимая составляющая человеческого духа. Если это стремление исполняется в богооткровенной религии – человек достигает спасения. До пришествия в мир Христа Спасителя такой богооткровенной религией было ветхозаветное иудейство. Из Св. Писания мы знаем, что суеверия и предрассудки временами встречались и там: это и частые отпадения в идолопоклонство, и, в более поздний период, осуждаемые Христом *предания старцев*. Оторванная от Бога религийтворческая функция, что называется, «работает в автономном режиме»; эта функция, выражаясь языком психологов, является *архетипом религиозных представлений*. Действует эта функция иногда массово, иногда индивидуально, продолжительно или кратковременно. Как объяснить многовековое существование таких старших по возрасту, чем христианство, религий, как индуизм, буддизм, даосизм, конфуцианство? Эти религии есть порождение исключительно человеческого духа, но никак не Божественного откровения, а Бог не утесняет свободу человека.

Слово «язычество» происходит от слова «язык» – «народ, племя». Феномен *язычества* (*народничества*) должен осознаваться не только как отдельно взятый культ и набор сопутствующих ему теоретических представлений, которые можно заменить христианским культом и богословием и на этом поставить точку. Язычество пронизывает собой все сферы жизни и деятельности человека, его мировоззрение и тайные закоулки души. Даже лишенное религиозных составляющих, язычество выживает, трансформируясь в идеологические и социальные формы. Особенно живуче язычество на уровне быта и семейных отношений. Язычество очень *психологично* в том смысле, что оно есть состояние души без Бога. И вот именно про это бытовое, психологическое язычество, приживающееся даже в «церковной оgrade», мы и собираемся поговорить в этой статье.

⁸⁸ См., например: Царь Иван Васильевич: грозный или святой? Сб. статей. М., 2003; Испытания наших дней. Сб. статей. М., 2003.

⁸⁹ «Камо грядеши». № 2 (22), 2003 г.

Ритуалы и рудименты

Вместе с язычеством рука об руку шагает *магия*. Магия есть стремление человека подчинить себе существующий в мире порядок, заставить служить своим интересам всю совокупность видимых и невидимых существ. Вот что пишет об этом о. Александр Мень: «Для мага радости мистического богообщения – пустой звук. Он ищет только достижения могущества в повседневной жизни – на охоте, в земледелии, в борьбе с врагами. Этот антагонизм оставался даже тогда, когда магия стала переплетаться с религией. Магизм ждет от Неба только даров, природу (включая незримые силы) он хочет поработить, в человеческом обществе он воцаряет насилие. Племя и власть становятся над духом. Человек сливается с родом, подпадая под гипноз коллективных представлений». Таким образом, в то время как богооткровенная религия строится на основе любви, магизм строится на отношениях «ты – мне, я – тебе». Подобные магические отношения складываются и у многих наших современников. Не будь этого – не появились бы пословицы: «гром не грянет – мужик не перекрестится» или «как тревога – так до Бога». Люди, у которых ни Бог, ни Церковь не занимают в жизни важного места, в случае неприятностей бегут в храм, там ставят *самые толстые* свечи (как будто Богу, чем толще свеча, тем угоднее!) и пытаются убедить священника в том, что их семейные неурядицы и беды спровоцированы дюжиной местных колдуний. Но это вовсе не значит, что Православие для них есть нечто вроде последней инстанции, – с тем же успехом они обратятся к отечественной «бабке» или к экзотическому африканскому шаману.

Не лучшим образом ситуация складывается и в среде мирян, более или менее стабильно посещающих богослужения. Для многих из них ритуал является понятием не религиозным, но психологическим. В психологии *ритуал* есть зачастую произвольное действие, обеспечивающее стимуляцию жизненных отношений индивида, например, в одном храме под Киевом некоторые местные прихожанки считают, что в церковный двор можно заходить только через центральные ворота и ни в коем случае не через заднюю калитку с другой стороны храма. Никаких объяснений подобным действиям они не дают. Психологи данный обычай объяснили бы как ритуал, обеспечивающий его участникам *магический престиж*, а религиоведы добавили бы к этому, что здесь имеет место *табу*. Трудно не согласиться с этим.

Выше мы упоминали о так называемом *свечном благочестии*. Для многих людей элементарнейший акт возжигания свечей в храме является чуть ли не самым основным в их «христианской» жизни. (Это все равно как если бы человек, намеревающийся купить ювелирное изделие, ограничился тем, что выкрутил в ювелирном магазине дверную ручку и, всемерно довольный и даже не заходя в магазин, отправился бы домой, гордясь приобретением.) Боже упаси кого-нибудь постороннего дотронуться или переставить поставленные ими свечи! Это вызовет моментально бурю гнева и возмущения, посягнувший будет обличен в колдовстве и может схлопотать по рукам! Не лучше обстоят дела и со святой водой. Многие далеки от веры, что «капля освящает море» и поэтому настойчиво требуют от священника в дни, когда в храмах служатся молебны с водосвятием, чтобы он «хорошенько побрызгал» и принесенную ими воду, и их самих. Вере в невидимое освящение души благодатью Св. Духа через Таинства Церкви эти псевдоправославные люди предпочитают чисто психологическое самоуспокаивание: дескать, меня водой облили – теперь и здоровье будет, и грехи простятся.

Не свободны, к сожалению, от суеверий и предрассудков и многие представители духовенства. Так, известно, что в некоторых селах существует следующий обычай: когда наступает время какой-нибудь односельчанке рожать ребенка – священник спешит в храм «отверзать Царские врата», чтобы тем самым обеспечить потенциальной роженице благополучные роды. Здесь налицо элемент так называемой *гомеопатической магии* (подражательной): Царские врата кощунственно ассоциируются с женским лоном. Известен случай, когда некий свя-

щенник запретил своим прихожанам причащаться (!) на праздник Преображения Господня, мотивируя запрет тем, что, дескать, «сегодня мы все причащаемся яблоками (!!)». Некоторые священники вообще запрещают причащаться в двенадцатые и великие праздники без особой на то мотивации – все вы, мол, недостойны сегодня. Забывают только они об ответственности, которую несут перед Богом за свою паству; ведь смысл и центр православной общины – это Евхаристия, а не различные обрядовые мелочи. Тут впору вспомнить слова, обращенные к каждому поставляемому иерею при вручении Св. Агнца: «Приими Залог сей, о Нем же истязай будешь...».

Перечислим еще некоторые суеверия и предрассудки, которые встречаются в современной церковной жизни.

Геронтомания – поиск «старцев». Напрасно многие современные «старцеискатели» полагают, что ими руководят примеры великого старчества из истории христианства, отнюдь. Стремление многих православных к духовному рабству и зависимости от воли сомнительных «старцев» напоминает времена, когда после принятия Русью христианства по ее просторам ходили разные вещуны и волхвы, пугая нетвердых еще в вере людей гневом богов: неурожаями и болезнями. Или петровские и послепетровские времена, когда старообрядческие посланцы призывали всех бежать в скиты «от антихриста». Таким образом, алармизм и эсхатологический психоз постоянно наблюдались в истории в различных вариациях и провоцировались «старцами». «Старец» – это архетип многих народов, олицетворение мудрости, тайных знаний: друид, шаман, тибетский лама и т. п. Именно этот архетип заставляет людей искать «духовного сверхчеловека», противопоставляющего себя и свою доктрину Церкви и ее учению.

Технофобия – боязнь продуктов технического прогресса. Носителями этого вида фобии чаще всего выступают старые, больные, одинокие люди. Они считают, что компьютеры, банкоматы, аудиовидеотехника и т. д. суть «бесовщина». Такие люди активно способствуют распространению всяких слухов о близком конце света. Технофобия и геронтомания тесно связаны между собой. «Старец», боязнь техники и отождествление ИИИ с «печатью антихриста» шествуют обычно вместе.

Ксенофобия – боязнь мнимо чужого и нового. Этот вид суеверия охватывает как мирян, так и духовенство. Ксенофобия, как правило, сочетается с разновидностью национализма – церковным национализмом, а также с невежеством. Вот примеры: некоторые священники и монахи запрещают читать книги известных православных богословов только под тем предлогом, что у этих богословов нерусские фамилии (Керн, Мейендорф, Шмеман, Блюм). Незнание истории Церкви и полноты христианской традиции в соединении с этнофилетизмом заставляют подверженных ксенофобии мирян и духовенство во всем неизвестном и непонятном им видеть происки «врагов православия» или нечто совершенно чужеродное по отношению к Церкви, которую они понимают крайне узко – в пределах лишь одной поместной Церкви, а иногда и монастыря, и даже прихода. Огромное недоумение у ксенофобов вызывает факт почитания Православной Церковью в лице святых некоторых римских пап. Некоторые священники даже стараются заменять слово «папа» словами «патриарх» или «епископ», как будто слово «папа» – ругательство, а «патриарх» и «епископ» – эвфемизмы. Таким образом, «психология мелкого лавочника» заменила у ксенофобов соборное (кафолическое) сознание. Но ксенофобы не знают не только историю древней Церкви, но и особенности духовных традиций других современных Поместных Церквей, которые имеют право отличаться от русской или украинской традиций. Уверен, что в традициях и укладе жизни других Поместных Церквей нашлось бы много такого, что пришлось бы не по нраву нашим ксенофобам и было бы расценено последними как ересь и беззаконие.

Некрофобия – боязнь покойников и того, что с ними связано. Множество суеверий и предрассудков связано с похоронами. Этот первобытный магический страх не имеет ничего общего с христианским отношением к смерти. Люди, занимающиеся колдовством, стараются

заполучить воду, которой обмывали покойника, или тряпки, которыми связывали покойному руки и ноги, в тщетной надежде, что эти предметы им помогут в их богопротивных занятиях. Не отстают от колдунов и родственники и друзья покойника. После поднятия гроба они переворачивают табуретки, на которых гроб стоял, сиденьями вниз, чтобы никто из живых не сел на них: вероятно, они считают, что эти табуретки способны нанести вред живым по принципу контагиозной (заразительной) магии. Зеркала и другие отражающие поверхности в квартире завешивают материей, но не для того, чтобы в день траура не прихорашиваться, а чтобы не увидеть в зеркале душу покойного. Наверное, по этой же причине оставляют возле портрета покойного и рюмку с куском хлеба. Таким образом, потустороннее бытие человеческой души видится некрофобам в узко-спиритуалистическом аспекте. Соседи покойного часто боятся нести венки, а принесшие землю в храм для «заочного» отпевания боятся потом эту землю заносить домой. Зато никто не боится превращать поминальный обед в языческую тризну – с песнями и обильными возлияниями алкоголя.

Уверен, что суеверий и предрассудков существует намного больше, чем описано в данной статье. Впрочем, и этого достаточно, чтобы сделать неутешительный, но правдивый вывод – нам всем (священникам, православным педагогам, катехизаторам, воцерковленным мирянам) нужно помнить, что мы, православные, должны жить и действовать как миссионеры в языческой стране.

Глава 8. Творчество и искусство

*...но ужель он прав,
И я не гений? Гений и злодейство
Две вещи несовместные. Неправда:
А Бонаротти? Или это сказка
Тупой, бессмысленной толпы —
и не был
Убийцею создатель Ватикана?
А. С. Пушкин. Моцарт и Сальери.*

90

Расхожее мнение, что Православие отвергает творчество и считает его греховным, еще одна клевета, которая, однако, так сильно утвердилась в обществе, что всякие робкие попытки опровергнуть это ложное мнение воспринимаются мирянами чуть ли не как ересь.

Начнем с того, что Православие богословски оправдывает творчество трояким образом:

– когда исповедует в Символе веры «Бога Отца, Вседержителя, *Творца* неба и земли, видимым же всем и невидимым»;

– когда признает в человеке образ и подобие своему Творцу, а значит, и саму возможность к творчеству, подобную, пусть и в малой степени, свойству Бога творить (кстати, все остальные существа такой возможности лишены, даже ангелы: они могут лишь *воспроизводить* или управлять);

– когда утверждает догмат иконопочитания, признавая за произведением искусства способность служить окном в иной мир.

«Бог, создавший естество человеческое, даровал ему бытие, совокупное с волей, и сочетал с этой волей творческую способность [осуществлять] надлежащее», – учит прп. Максим Исповедник⁹⁰.

Итак, в Божественном замысле о человеке нам дарована возможность творить, и творить нечто новое. Я могу осуществить этот замысел о себе или, напротив, зарыть свой талант в землю. В любом случае, как и в евангельской притче о талантах (Мф. 25, 19–28), я не останусь безответен, мне придется дать ответ, как я распорядился своим талантом, своим творческим даром.

Когда после грехопадения Адам и Ева были изгнаны из рая, этого царства свободы, в «юдоль плача» – мир, где правят законы смерти, человек, захотевший быть как боги (Быт. 3, 5), сделался рабом греха, открытым для всех диавольских внушений и демонических воздействий. Однако во Христе нам вновь была дана возможность реализовать свою духовную свободу: познайте истину, и истина сделает вас свободными (Ин. 8, 32). Истина – это Христос, и только пребывание со Христом, единение с ним через Святое Причастие может освободить человека от принудительных законов природы, изъять его из плена грехов и страстей, спасти от владычества над ним его собственного ветхого, телесного, помраченного психического «я» или, по-святоотечески, самости, которая узурпировала власть над духом, душой и телом.

В связи с этим и возникают вопросы: может ли быть творцом человек, сознательно отвергающий Христа и Его свободу? Может ли приумножить таланты тот, кто восстает против Самого Источника жизни, против Самого Творца и подателя творческого дара? Или, иными словами, может ли быть творцом тот, кто предпочел служение змию? И может ли сам про-

⁹⁰ При написании этой главы мы воспользовались замечательным трудом О. Николаевой «Православие и свобода», М., 2002.

⁹¹ Прп. Максим Исповедник. Творения: В 2 кн. М., 1993. Кн. 2. С. 104.

тивник Божий, сам диавол быть покровителем человеческого творчества? Обладает ли он сам творческой энергией? Похож ли виновник зла на булгаковского Воланда, извлекающего из inferнального огня лживые евангелия?

И как называть тех многочисленных «шоу-менов», писателей и художников, которые, казалось бы, превращают в деньги и славу саму скверну, стоит им только «облагородить» ее своим талантом?

Христианство дает на эти вопросы однозначные ответы. Во-первых, источник всякого таланта – Бог. Диавол, как и зло, не обладают собственным бытием, они лишь искажение добра. Кстати, и по этой причине тоже христиане отвергают взгляд на мир, как противостояние добрых и злых сил, которые равны в своем бытии. То есть деление фантаста Лукьяненко мироустройства на «дневной и ночной дозор» для нас, православных, неприемлемо. «Зло не есть или, вернее, оно есть лишь в тот момент, когда его совершают», – пишет бл. Диадок Фотикийский⁹². Зло в мире начинается с греха – отступления от Бога. И первым совершил зло Люцифер, великий ангел, позавидовавший славе и могуществу Бога (Ис. 14, 11–14). Изначально вся тварь была соделана Богом весьма хорошей, и лишь определенные поступки этой твари произвели в мире то, что ныне мы называем злом. Стоит прекратить совершать грех – и зло исчезнет. Этот закон действует и в нас, и в мире. Именно поэтому «спасение» нужно начинать с себя, а не с государственных переворотов или осуждения родственников и знакомых.

Во-вторых, приумножить свой талант без Божественного участия невозможно. Отвергнув Бога, можно лишь подобно золотоискателям, нашедшим рудоносную жилу, эксплуатировать свой талант до тех пор, пока не истощатся нервные и физические силы. Даже пресловутый булгаковский Мастер, создав очередной апокриф, довел себя до безумия, в котором вряд ли можно обвинить советскую власть. Те, кто творит, не ведая Творца или сознательно Его отвергнув, всегда находятся под воздействием демонических сил, жаждущих поэксплуатировать «свободного» художника себе на пользу, а людям на погибель. И если в душе такого мастера есть червоточинка, то зло обязательно проторит туда дорогу. В лучшем случае это произведение будет воспевать и смаковать те страсти, которым подвержен сам художник; в худшем соблазненный адскими безднами, он начнет прямо воспевать зло как источник свободы и наслаждения.

Для нас очень важно усвоить одну истину, вытекающую из грехопадения и сатаны, и наших прародителей. Главное для гордыни и зависти – это не быть, а казаться, не трудиться, а присвоить плоды труда, в том числе славу, почет и уважение. Испокон веков одержимые этими страстями люди боролись именно за эти плоды, которые в их глазах обладали гораздо большей ценностью, чем сами таланты. Но лишь XX век возвел эти пороки в добродетели. Имидж, то есть искусство казаться тем, кем не являешься, стал краеугольным камнем культуры, политики, экономики. Так в нашем сознании произошла подмена обладания талантами и добродетелями способностью выдавать себя за их обладателя. То же произошло и с творчеством. Ныне произведением искусства называется любой предмет, который сумел *выделиться* из общей массы *любым* свойством. Это же относится и к творцам подобных артефактов.

В-третьих, художник, попавший как корабль без руля в злую стремнину страстей, будет рано или поздно изувечен и обессилен этими страстями. Его творческая энергия истощится, и он вырождается или в плагиатора или в «носителя идей», а благодатные дары свободного таланта отнимутся от него. Сам диавол, будучи такой же тварью, как и мы, не только не имеет в себе источника жизни и вдохновения, но лишен возможности вернуть себе его. Ведь Христос, оставив нам Святые Дары Причастия к Божественному бытию, не призвал к этой трапезе падших аггелов, так как те по своей воле безвозвратно отпали от Бога и не имеют в себе возможности к покаянию.

⁹² Лосский В.Н. Догматическое богословие.

Итак, опираясь на Священное Писание и богословие, мы можем однозначно утверждать, что сатана не творит ничего нового, он лишь вносит в творческие способности человека свои плевелы – страсти. И насколько духовно чист человек-художник будет чисто или нечисто его художество.

Во все времена люди искусства являлись проводниками и выразителями неких идей и душевного состояния того общества и той культуры, в которых они обитали. Перед поэтами, художниками, музыкантами, как и перед всеми нами, всегда стоял выбор: позволить ли течь через себя темной, страстной, приносящей мгновенную славу и богатство силе; или выбрать узкую, полную терний и трудов тропу собственного самоусовершенствования, выйти на проповедь не того, что льстит похоти и самомнению толпы, а того, что может помочь этой толпе обрести лица и лики, осознать себя как людей и призвать этих людей к вратам Царствия Божия. Таковы талант Иродиады, пляской своей принесшей гибель св. пророку Иоанну Крестителю, и талант евангелиста Луки, по преданию, написавшего дивный лик Богородицы – Владимирскую икону Божией Матери. Таковы талант В. Набокова, ради денег и славы создавшего «Лолиту», соблазняющую и оскверняющую души сотен тысяч людей, и талант старца Паисия Святогорца, чьи мудрые, полные любви слова и после его смерти извлекают людей из пучины отчаяния, грехов, страстей. Тысячи подобных примеров вокруг нас, и поэтому бессмыслен спор об искусстве, как бессмысленно спорить – демонское изобретение псалтырь или Божественное. Под ее музыку веселились в блудилищах, и из нее пророк царь Давид извлек Божественные глаголы, превратив слова и музыку в непрестанную молитву.

Искусство таково, каким его делает человек – автор, творец, создатель. Исходя из очищенного сердца, оно несет чистую радость; рожденное помраченными чувствами, оно сквернит и затемняет мир. По плодам познается древо.

Другое дело, что перед христианством и его носителем и хранителем Церковью и культурой стоят разные задачи. Церковь и культура относятся к разным планам человеческого бытия. «Церковь хоть и пребывает в мире, но миру не принадлежит, культура же принадлежит миру и истории, вместе с которыми она и погибнет: «земля и все дела на ней сторгят» (2 Пет. 3, 10). Хотя, как сказано, «пшеницу уберут в житницы»⁹³. Именно поэтому верующие люди не склонны придавать столь уж большое значение художественным талантам и способностям человека. «Нетленным сокровищем», собираемым на Небесах, были и остаются для нас великие добродетели, привлекающие в душу Духа Святого и ведущие нас в жизнь вечную.

⁹³ См. О. Николаева, С. 252.

Глава 9. Новоявленные пристрастия и грехи

Существует огромная категория грехов и греховных стремлений, которые либо возникли в наше время, либо в наше время получили очень широкое распространение. Об этих грехах особенно тяжело говорить, поскольку св. отцы, подвижники и аскеты, чьими наблюдениями, знаниями и опытом мы пользуемся, рассматривая внутренний мир человека, не имели опыта в подобных грехах, не сталкивались именно с этими проявлениями действующих в нас страстей.

Наркомания, или страсть эскапизма

Именно наркоманию можно, наверное, считать истинным бичом нашего времени. Понятное дело, наркотики существовали испокон веков. Еще в древности во время языческих культовых обрядов использовались наркотические вещества, которые, как считали жрецы, помогают увидеть богов и вступить с ними в общение.

Несмотря на это, в писаниях святых отцов вряд ли найдется упоминание о наркомании как о грехе или пристрастии, ибо именно так будем мы именовать в дальнейшем это явление. Объяснение этому факту напрашивается само. Ведь даже в начале XX века, когда упоминание о наркотиках встречается достаточно часто (опиум и морфий, реже – кокаин), зависимость как таковая является скорее исключением, нежели правилом. Во-первых, в начале XX века наркотические вещества могут быть достоянием высших классов, а соответственно не столь большого количества людей. Во-вторых, употребляют наркотики, как изысканные дорогие напитки, то бишь нечасто и в небольших количествах. И совсем уж немногие «подсаживаются».

К середине XX века, а уж тем более к концу ситуация радикально меняется. Звучат ошеломляющие цифры, говорящие о том, что чуть не половина земного шара «сидит на игле». При этом особенно удручает тот факт, что цифры эти растут от поколения к поколению. Если среди бабушек и дедушек процент людей, пробовавших наркотики, совсем невелик, то среди внуков, нынешних подростков, едва ли 10 % тинэйджеров прошли мимо «косячка» (это в лучшем случае), а то и шприца.

Конечно, огромные цифры до некоторой степени можно объяснить модой, с одной стороны, и доступностью наркотиков – с другой. Значительно сложнее обстоит дело с дальнейшим вовлечением человека в наркотическую зависимость. Ведь в конце концов для того, чтобы с гордостью сказать: «Я пробовал анашу», вполне достаточно единожды затянуться. Кстати, эффект анаши особенно интересен, поскольку, как известно, с первого раза она не действует, а следовательно, потребности попробовать еще раз возникнуть не может. Тем не менее популярность травки и скорость вовлечения в курение новых людей очень велика. То есть человек, начавший «курить», терпеливо ждет некоторое время, пока, наконец наркотик начинает действовать.

С более сильными наркотиками все происходит быстрее, и в момент первой же пробы человек переживает «состояние измененного сознания».

Физическая зависимость, о которой так любят говорить врачи и в еще большей степени сами наркоманы, конечно, очень велика, но вполне преодолима. Давным-давно придуманы уже методы борьбы с ней. И опять же наркоманам часто удается «соскочить» с наркотиков на месяц, а то и на полгода даже без посторонней помощи. А в то же время доказано, что через две недели потребности в наркотическом веществе организм уже не испытывает.

Из всего вышесказанного можно вывести, впрочем, давно уже осознанное заключение: привязанность к наркотикам имеет в большей степени не физический, а психологический характер.

Почему наркотики получили такое распространение именно в XX веке? На это есть несколько причин. Во многом пристрастие к наркотикам объясняют фрустрацией (т. е. ослаблением, сведением на нет) ощущения осмысленности бытия. Экзистенциальный вакуум, или, проще говоря, отсутствие смысла жизни, признается многими психологами одной из самых важных проблем нашего века. Несомненно, ослабление веры является основной причиной потери человеком ощущения осмысленности жизни. За отсутствием высшей цели человек ставит во главу угла принцип удовольствия: «Я живу для того, чтобы получать удовольствие». Но для современного человека, прямо скажем, интеллектуально развращенного по сравнению с каким-нибудь крестьянином века XIX, недостаточно есть вволю или блудить направо. Удовольствия должны быть более изощренными, то есть человек стремится истончить удовольствие, сделать его таким, чтобы оно максимально действовало на душу через эмоционально-чувственные переживания. Изощренность – это стремление человека перенести удовольствие в мир душевный из мира грубо плотского, материального. Отсюда же происходит увлечение восточными религиями и оккультизмом. Оно и понятно: ведь для мало-мальски душевно развитого человека очень трудно сделать смыслом жизни еду или секс.

С другой стороны, наркотики становятся для многих способом преодоления одиночества, отторженности от мира. Наркотические вещества создают иллюзию «выхода за пределы себя», сбрасывания с собственных души и тела оков земного существования. Но для любого здравомыслящего человека очевидно, что иллюзия заменить реальность не может. Важно понимать, что наркотики – это не уход куда-то, а бегство откуда-то. Человек в нормальном состоянии не может предпочесть реальной жизни сновидения, настоящим вещам – галлюцинации. Только крайняя внутренняя неустроенность человека в реальном мире заставляет его погружаться в наркотический сон.

Наркотики же дают человеку возможность изменить если не мир, то хотя бы свое восприятие мира. Человек погружается в состояние безудержной любви ко всему окружающему или в состояние сильнейшего эмоционального подъема, которого он не умеет добиться в обычной жизни, или... да мало ли в какое. Важно то, что он уходит от действительности, уходит от себя.

Именно это желание выйти из реального мира и движет наркоманом.

Доказать же мы пытаемся, собственно говоря, только то, что наркомания, будучи сама по себе бедой, является все-таки результатом некоего стремления, присущего человеку издавна и усугубившегося за последнее время. Это стремление можно назвать желанием выйти за пределы реального мира; оно чаще всего проистекает из страстей уныния и печали и связано с мечтательностью.

Злоупотребляя наркотиками, человек разрушает не только тело, но и душу, то есть свою личность. На определенной стадии зависимости в человеке перестают работать его морально-нравственные установки: он может соврать, украсть, убить, предать лучшего друга. Совершение подобных поступков плохо уже само по себе, но кроме того, подобное поведение свидетельствует о личностной деградации. Воля человека полностью подчиняется пристрастию.

Наркомания является грехом, поскольку человек, употребляющий наркотики, отказывается от общения с Богом и ищет общения с миром демонов. Также человек грешит против своего тела, через его саморазрушение (тело – храм Духа Святого), что приравнивается к греху самоубийства.

Вообще, удивительно, насколько сильно в современном мире желание так или иначе погрузиться в некоторую виртуальную, несуществующую реальность. Книги уступили место кинематографу. Многие скажут, что это происходит из-за человеческой лени и нежелания трудиться над чтением, но позволю себе не согласиться: просто кино реально, оно сильнее вовлекает зрителя в себя и в большей степени создает иллюзию переселения в иной мир. А прибавьте к этому всяческие технические новшества и домашние кинотеатры, которые имитируют

реальное распределение звука; звук окружает человека со всех сторон: справа скрип рамы, слева шаги, за спиной хлопнула дверь, а вдалеке слышны раскаты грома. Еще более ярким примером можно считать виртуальные шлемы, которые создают полную иллюзию нахождения в ином мире.

Конечно, подобная постановка вопроса многим не понравится: как можно сравнивать кино или виртуальные шлемы с наркотиками? Но мне кажется, что это очень родственные явления. А вот еще одно современное хобби, которое можно включить в список новых страстей:

Человек в сети

Об опасностях, связанных с компьютером, заговорили уже довольно давно. Темы этих дискуссий все те же: перемещение, переселение человека из мира реального в какой-то иной, вымышленный, нереальный. Для истинного компьютерщика машина заменяет в жизни все.

Д., профессиональный дизайнер, проработав месяц в очень напряженном режиме (за машиной просиживал каждый день без выходных по 14–16 часов), получил наконец выходной. Когда он снова вышел на работу, кто-то из сотрудников спросил его:

– Ну как выходной прошел? Отдохнул?

– Отлично, – ответил Д. – Спал до 12 часов. Потом встал, позавтракал и до ночи играл на компьютере.

Пристрастие к компьютеру может превратиться в болезнь. У человека возникают проблемы с общением. Люди не понимают его, он не понимает их (он уже привык общаться с бездушным механизмом, где нажатие на определенную кнопку обязательно приводит к определенному результату – того же он ожидает и при общении с людьми). Вообще в повседневном мире все его раздражает. Он начинает жить миром компьютерным. Более того, известны случаи физической зависимости от компьютера, выявленные у детей 6–12 лет (лишаясь компьютера, они плохо ели, переживали расстройство желудка, ощущали сильные боли в брюшной полости).

Чаще всего пристрастие к компьютеру выражается в любви к компьютерным играм или увлечении Интернетом. Первое, как правило, развивает в человеке агрессивность и азартность. Второе...

Впрочем, Интернет заслуживает особого разговора. Есть такая шутка, в которой больше правды, нежели юмора: «Васи нет дома, он в Интернете».

Надо сказать, что человек, погружившийся в сеть, действительно куда-то уходит – неизвестно куда. Удивительно свойство этой системы: поисковые машины, форумы и чаты завораживают настолько, что их действие вполне сопоставимо с действием наркотиков химических. Взять хотя бы так называемые чаты. Попытка автора этой книги поучаствовать в подобных электронных разговорах вылилась в невозможность в течение часа оторваться от экрана. При этом до сих пор не верится, что целый час был потрачен на такое пустое занятие. Ведь абсолютно ничего умного или полезного в этих чатах не сообщается. Всемирная паутина засасывает в себя все новые и новые жертвы. Бывалые интернетчики в этом смысле не лучше наркоманов. Отключи у них на неделю Интернет – и начнется настоящая ломка (это без преувеличения: подобные опыты проводились). Без Интернета они уже и жизни своей не мыслят.

Индустрия развлечений

В свое время в нашей стране средства на развитие той или иной отрасли распределялись государством. Ныне эта картина резко изменилась: в невыгодные отрасли вкладывать средства

не хотят; развивается только та индустрия, которая приносит доход при наименьших затратах. Одной из таковых и является индустрия развлечений. Естественно, чтобы иметь доход в данной области, необходима, с одной стороны, массовость, то есть вовлечение в ту или иную сферу бизнеса как можно большего числа людей, а с другой стороны, превращение в бизнес всех сфер человеческой жизни и доступность их для любого человека. И мы уже являемся свидетелями, как наши дети с младенческих лет приучаются не к труду, как это было во все времена существования человечества, а к «воробыным дискотекам», развлекательным школьным программам и т. п. Труд перестал быть святыней, основой и содержанием жизни человека, а стал средством зарабатывания денег для дальнейшего вложения их в развлечения.

«Развлечение имеет свойство все делать поверхностным, лишать подлинного внутреннего смысла ту сферу жизни человека, которой оно касается. Оно превращает все в легкую насмешливую шутку, святые, интимные стороны человеческой жизни – в посмешище. Поэтому во все времена человеческой истории существовали сферы жизни, которые строго охранялись от посягательства развлекательного подхода, где останавливали и наказывали всех, кто опошлял, т. е. низводил до неприличия, прикасался грязными руками и душой к тому, что дорого для народа. Естественно, те люди, которые жаждали заработать капитал на развлечениях, всегда хотели уничтожить охранителей святынь. Для этого не жалели средств, да и ныне не жалеют. Объектами нападков везде и повсюду стали: Церковь, являющаяся носительницей и охранительницей духовных святынь народа; старшее поколение, являющееся носителем традиций и жизненного уклада; и государство как силовая структура, устанавливающая и охраняющая определенный порядок жизни граждан» (*священник Василий Середа*).

Святые отцы стремление к развлечениям называют проявлением страсти уныния.

Конечно, желание повеселиться существовало у человека во все времена. И тем не менее никогда развлечение не занимало столь важного места в жизни каждого отдельного человека.

Картина вырисовывается довольно унылая. Выясняется, что современный человек совершенно не в состоянии не только проводить время в одиночестве, но даже находить удовольствие в обществе друзей. Трудно, например, представить, что несколько людей собрались вместе для того, чтобы просто пообщаться. Здесь обязательно появляются либо бутылка, либо обильный стол, либо совместные дела, либо развлечение, которые связывают собравшихся. Рафинированное общение, то есть общение без всяких примесей, переносится крайне тяжело.

Любовь к ближнему даже в самом минимальном проявлении оказывается для современного человека чем-то заоблачным и нереальным. Человеческие отношения базируются все чаще либо на ситуации нервной зависимости от другого (страсть, мучительная влюбленность, истерические переживания за беспутного сына, соревновательный элемент в общении с друзьями), либо на равнодушии, превращающем человеческое общение в совместное времяпрепровождение.

Первое часто принимается за признак глубины чувства. Но, приглядевшись к этому ощущению повнимательнее, мы поймем, что любовь оно никак не напоминает. Во-первых, это сильное чувство должно постоянно подпитываться неудачами. Известно множество примеров, когда ситуация вдруг изменялась, и предмет влюбленности, заботы или тревоги отвечал взаимностью на чувства субъекта. Очень быстро субъекту становилось скучно, чувства ослабевали и пр. Надо заметить, что ситуация эта распространяется не только на романтические истории. Взять, например, опять же отношения матери и беспутного сына. Он является предметом ее тревоги и опеки, пока находится в сложной ситуации, пока он беспутен. Но представьте, что сын встал на путь истинный, превратился в доброго, любящего и заботливого. Сразу выяснится, что мать его жизнью более не интересуется.

Испытывать в человеке потребность вовсе не то же самое, что любить его. И вообще, как можно назвать любовью чувство, которое в один прекрасный момент может просто исчезнуть и превратиться в равнодушие, а тем более – в неприязнь?

А равнодушие, скука, раздражение присутствуют, как правило, даже в отношениях очень близких людей. Что уж говорить о дружбе. Да и вообще, можно ли сейчас говорить о дружбе? Вместо нее все чаще встречаются приятельские отношения, компанейские. Компании людей формируются уже не по общим интересам, влечениям или привязанности друг к другу. Люди объединяются в маленькие коллективы для совместного проведения досуга. Даже само предложение увидеться звучит не как: «Я соскучился», а чаще как: «Надоело все, нужно что-нибудь придумать, организовать какое-нибудь веселье – душа просит праздника».

Необходимость «праздника», необходимость насыщенного досуга, сам факт существования индустрии развлечений являют собой плохой симптом. Нормально и естественно стали звучать вопросы: «Как ты проводишь досуг?», «Как ты отдыхаешь?» Да и само слово «отдыхать» давно уже приобрело дополнительное значение «развлекаться». Отдых из бездействия или смены рода занятий превратился в какое-то насыщенное событиями времяпрепровождение. Даже присказка существует про необходимость отдохнуть от отдыха.

В кино и в театр люди ходят не на какие-то определенные фильмы и спектакли (как это происходило раньше). Поход в кино нынче выход в свет.

Одну молодую особу друг пригласил пойти в кино. Девушка по наивности спросила: «На что?» В ответ молодой человек назвал кинотеатр. То есть он просто не понял вопроса. Она переспросила, но выяснилось, что он совершенно не представляет, какой фильм показывают.

Подобных примеров можно привести тысячу. Такие разговоры происходят ежедневно: «нужно куда-нибудь пойти», «нужно придумать что-нибудь на выходные», «куда бы поехать отдохнуть?».

Что здесь сказывается в первую очередь? Страх остаться один на один с собой? Мечтательность и стремление создать параллельно своему реальному миру еще один, сказочный мир развлечений? Уныние? Желание показать себя, то есть тщеславие? Пожалуй, все понемногу.

Телевидение как страсть

Неужели вы не знаете, что кому вы отдаете себя в рабы для послушания, того вы и рабы.
Апостол Павел (Рим. 6, 16)

Сюда же вполне можно отнести радио и прочие СМИ, но мы, пожалуй, сосредоточим свое внимание именно на телевизоре, который занимает в жизни современного человека довольно большое место и играет в ней далеко не последнюю роль.

Если мы беспристрастно оценим, как мы проводим свой досуг, что является центром любого праздника, то обнаружится, что связующим звеном наших вечеринок, поводом для общения в кампаниях, новым «огнем семейного очага», на который мы зачарованно любимся, стал телевизор. По словам апостола Петра, мы являемся рабами того, что над нами властвует: *Ибо кто кем побежден, тот тому и раб* (2 Пет. 2, 19). Ставя телевизор в центр своей жизни, принимая его за способ отдыха и развлечения, мы невольно делаемся полностью зависимыми от этого мерцающего ящика. Это было наглядно продемонстрировано и во время пожара Останкинской телебашни, и каждый день, когда мы спешим к началу любимого сериала или раздражаемся на любого, мешающего нам раствориться в любимом шоу.

Ныне множество людей оправдывает свою страсть к телевизору необходимостью получить полезную информацию или отвлечься от проблем. Рассмотрим оба мотива и с точки зрения психологии, и с точки зрения аскетики.

Итак, телевидение как средство получения информации. В этом есть доля истины, но, пожалуй, значение телевидения нельзя свести к информированию; мало того, этот пункт

по-честному должен оказаться последним в списке функций телерадиовещания. Ибо какую информацию мы получаем из телевизора? Кто поручится за достоверность получаемых нами сведений? Вспомнить хотя бы знаменитый фильм «Плутство», в котором довольно забавно раскручивается идея виртуальности (вымышленности, нереальности) тех новостей, о которых вещает нам телевизор. Очень похожую картинку рисует Виктор Пелевин в романе «Generation «П», где все политики – плод воображения компьютерной программы; то есть работает целая бригада людей над созданием блоков новостей, сочиняет таких мультяшных персонажей, которые впоследствии дерутся в парламенте или «толкают речи» о будущем России.

Для нас важно не то, насколько правомерны эти беллетристические предположения, а то, насколько интересуется человека, смотрящего новости, подлинность излагаемых в них фактов. В конце концов, мало кого из зрителей настолько волнует правдивость репортажей, чтобы он удосужился посмотреть новости по двум разным каналам, а потом прочитать еще несколько статей в газетах, дабы попытаться получить хотя бы мало-мальски объективную информацию.

Одним словом, вовсе не стремление узнать, что происходит в мире, притягивает нас к экрану.

Впрочем, даже если мы смотрим «Новости» ради новостей, все равно ничего хорошего в этом нет. На первый взгляд любопытство довольно безобидная черта характера; особенно снисходительно принято к ней относиться, если проявляется она не в форме бытового пристрастия к сплетням, а в форме так называемой любознательности, то есть стремления к обретению нового опыта и новых знаний. Но порок этот значительно серьезнее и опаснее, чем принято считать.

«Любопытство и теперь в мире шествует часто перед всеми другими душевными человеческими чувствами, не только добрыми, но и злыми. Оно идет часто даже перед милосердием и состраданием. Оно опережает страх и чувство самосохранения. «Происшествие» для человека есть нечто столь же необходимое в жизни, как хлеб. Извращенная природа человеческая созерцает мир не как отражение небесной гармонии, где каждая мелочь драгоценна своим непосредственным отношением к великому целому Божьего мира; падшая природа человека созерцает мир как скучную бессмысленность, где можно лишь отыскивать различные приятности и где непрестанно происходят различной (степени) любопытности события. Люди устремляются к «новостям»... «Новостями» закрыт в мире вход к Божественным Тайнам»⁹⁴.

Любопытство свойственно человеку от природы. Господь наделил Свое творение стремлением проникать в тайны мироздания. Колумб плыл через океан в пустоту открывать Америку, ученые спускались в недра океана и поднимались к звездам, чтобы получить лишнюю крупицу знаний... Но человек извратил это стремление, поставил его на службу своему сластолюбию. Постепенно любопытство из нормального влечения превратилось в своего рода пристрастие.

«Что нового? – извечный вопрос, он интересен и развивает кругозор, но если помимо него других вопросов не задавать, все превратится в нескончаемый показ мод и демонстрацию тривиальностей, сор завтрашнего дня»⁹⁵.

Поэтому иногда неплохо было бы задаваться вопросом «Что лучше?»

Пожалуй, по разрушительной мощи воздействия телевидения на наши души можно сравнить его только с наркотиками. В этом плане стоит прислушаться к словам признанного авторитета в области наркопсихологии Теренса Маккены. Вот как он характеризует силу телевизионного пристрастия: «Самой близкой аналогией силы пристрастия к телевидению и той трансформации ценностей, которая происходит в жизни тяжело пристрастившегося потребителя, будет, вероятно, героин... Иллюзия знания и контроля, какую дает героин, аналогична

⁹⁴ Архиеп. Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). Апокалипсис мелкого греха. С. 100

⁹⁵ Роберт Пирсиг. Дзен и искусство ухода за мотоциклом. С.-Пб., 2002. С. 15.

неосознанному допущению телевизионного потребителя, будто то, что он видит, где-то в мире является «реальным». По сути, видимое является косметическим, улучшенным видом продуктов. Телевидение хотя и не является химическим вторжением, тем не менее в такой же мере способствует пристрастию и точно так же вредно физиологически, как и любой другой наркотик⁹⁶.

Почти ничем не отличаясь от наркотиков или алкоголя, «телепереживание позволяет своему участнику вычеркнуть мир реальный и войти в приятное и пассивное состояние. Тревоги и заботы с помощью поглощенности телепрограммой куда-то вдруг исчезают, так же как и при выходе в «путешествие», вызванное наркотиками или алкоголем. И точно так же, как алкоголики лишь смутно сознают свое пристрастие, чувствуя, будто контролируют свое состояние больше, чем на самом деле, телезритель подобным же образом переоценивает свой контроль, свое владение ситуацией во время просмотра телепередачи. В конечном счете именно это вредное влияние телевидения на жизнь огромного числа людей определяет его как фактор серьезного пристрастия. Привычка к телевизору нарушает чувство времени. Она делает другие восприятия смутными и странно нереальными, принимая какую-то более «значительную реальность» за реальность. Эта привычка ослабляет отношения, сокращая, а иногда и устраняя нормальные возможности поговорить, пообщаться»⁹⁷.

Повседневная психотерапевтическая практика показывает, что немалую часть населения уже сегодня составляют своеобразные видеоманы. В эту группу входят в основном две возрастные категории: дети до 16 лет и пожилые люди – пенсионеры. У последних проблема «свободного времени» в связи с этим нередко стоит так остро, что им бывает некогда сходить за хлебом в соседний магазин.

Характеризуя наркотическое свойство телепередач, американский психолог искусства Рудольф Арнхейм писал: «Совершенно неважно, что показывается. Это может быть программа на иностранном языке или еще что-нибудь, не представляющее никакого интереса. И раздражитель, на который вы практически не реагируете, усыпляет вас. Это напоминает убаюкивание (...) оно не раздражает вас, не вынуждает реагировать, а просто освобождает от необходимости проявлять хоть какую-нибудь умственную активность. Ваш мозг работает в ни к чему не обязывающем направлении. Ваши чувства, которые в противном случае заставляли бы вас предпринимать какие-либо активные действия, полностью отвлечены».

Таким образом, телевидение выступает в качестве новейшего и эффективнейшего средства формирования гипнотической пассивности зрителя, которая способствует прочному закреплению создаваемых психологических установок. Именно поэтому телевизионная реклама считается наиболее действенным способом программирования покупателей и потребителей услуг. Информационное «семя» ни уличной, ни печатной рекламной продукции не попадает на такую благодатную психологическую почву, какую собой представляет погруженное в поверхностный гипноз сознание телезрителя. В этом случае программирование субъекта осуществляется по типу известного специалистам постгипнотического внушения, то есть когда данная установка осуществляется в назначенный срок после выхода из транса.

Уже в начале 70-х гг. XX века психологи и наркологи обратили внимание на телевидение как на мощное оружие и политический инструмент.

«Самое тревожное во всем этом то, что основная суть телевидения не видение, а сфабрикованный поток данных, которые можно так или иначе обрабатывать, чтобы защитить или навязать культурные ценности. Таким образом, мы столкнулись со способствующим пристрастию, всепроникающим средством, которое поставляет переживания, послания которых соответствуют желаниям тех, кто производит этот наркотик. Что может обеспечить более благодат-

⁹⁶ Маккена Т. Пища богов. – М., 1995. С. 278.

⁹⁷ Там же.

ную почву для поощрения фашизма или тоталитаризма? (...) Ни один наркотик в истории не изолировал так быстро и так совершенно своих потребителей от контакта с реальностью. И ни один наркотик в истории так не преуспел в перестройке по своему образу и подобию ценностей зарожденной им культуры»⁹⁸.

Культура, о которой идет речь, – это наша массовая культура, направленная на воспитание послушных и всеядных потребителей, которые мало задумываются о чем-либо, кроме удовлетворения самых примитивных страстей: похоти очей и гордости житейской.

«Телевидение по природе своей преимущественно наркотическое средство культуры владычества. Контроль над содержанием, его униформизм и повторяемость неизбежно делают телевидение инструментом насилия, промывания мозгов и манипулирования личностью. Телевидение вызывает у зрителя состояние транса, что является необходимым предварительным условием промывания мозгов. Как и характер всех наркотических средств и технологий, характер телевидения изменить невозможно; телевидение можно перестроить и реформировать не более, чем технологию производства автоматического оружия»⁹⁹.

Вы удивлены вышесказанным? Обратите внимание, что нотации нам читает не старушка за свечным ящиком, а известный исследователь наркотиков и наркомании, попробовавший на себе практически все виды наркотиков, американский мыслитель и публицист Теренс Маккена, которого, казалось, мало чем можно напугать.

«Телевидение навязывает зрителям конкретные образы, обращается преимущественно к их эмоциям, активно пробуждает зависть (обилие сплетен о богатых и знаменитых) и жадность («как выиграть миллион»), приучает к насилию, одурманивает соблазнительными зрелищами, запугивает многочисленными сообщениями о катастрофах. Так формируются с детских лет и до старости «правополушарные» личности с убогой лексикой, бедной фантазией, примитивными стереотипами мышления, навязанными извне, легкой внушаемостью, шаткими убеждениями, искаженными представлениями о реальной жизни.

Это, можно сказать, небывалый в прежние эпохи «телевид» человека, который из печатной продукции потребляет почти исключительно глянцевого журналы с обилием картинок и дефицитом мысли. Тотальная компьютеризация вдобавок делает его придатком техноинтеллекта, так же как в промышленном производстве он придаток могучих машин и механизмов»¹⁰⁰.

Так выглядит ситуация с точки зрения социологии, психологии и политологии. Но намного раньше об этой проблеме заговорили православные подвижники, предупреждая о страшных последствиях духовного пленения развлечениями. Старцы же XX века уже прямо предупреждают нас о роковых последствиях бездумного увлечения телевизором.

«Сатана так наставил человека организовать весь уклад своей жизни, чтобы в ней полностью отсутствовало время спокойствия, время осмысления прошедшего дня, недели, месяца. Все заменяют развлечения. И вот в этой системе развлечений телевизору уделено почетное привилегированное место. Львиная доля свободного времени «съедается» именно им, этим кумиром современной цивилизации. А я бы сказал, страшным деспотом и тираном, у которого под властью большая часть человечества в таком рабстве, которого еще и свет не видовал. Ибо рабы чувствуют свое приниженное положение, потому что приведены они к нему насильственным путем. А здесь рабство добровольное, даже на первый взгляд сладостное. И лишь горькие плоды бездуховности, жестокости, разврата указывают на то, что, как и в любом рабстве, выгоду имеет только хозяин»¹⁰¹.

⁹⁸ Теренс Маккена, С. 279.

⁹⁹ Теренс Маккена, С. 279.

¹⁰⁰ Баландин Рудольф. Наркоцивилизация. – М., 2003. С.393–394.

¹⁰¹ Краснов Александр, свц. Духовные беседы и наставления старца Антония. С. 58–59.

Нет ничего удивительного в том, что в последние полтора десятка лет психологи столкнулись с неизвестным ранее психическим заболеванием – манией покупок. Мы же смело можем говорить о возбуждаемой при помощи телевидения страсти сребролюбия, или стяжательства. Свойственна она в основном людям, страдающим от одиночества, комплексов неполноценности, низкой самооценки, не видящим смысла своего существования. Болезнь проявляется в том, что, попав в большой магазин, такой человек начинает покупать буквально все подряд, пытаясь избавиться от некоего внутреннего беспокойства. Явившись с приобретениями домой, и сам покупатель и его близкие оказываются в шоке, будучи поражены величиной денежных расходов и явной ненужностью покупок. Особенно часто страдают этой болезнью женщины, т. к. они более внушаемы. Установлено, что 63 % людей, неспособных удержаться от покупок, даже если понимают, что этот предмет им не нужен, страдают депрессией.

Действенность целенаправленных внушений многократно повышается использованием новых технологий информационной обработки телезрителей: подпороговых сигналов, приемов нейролингвистического программирования (НЛП).

Психолог из Великобритании Ники Хайес, автор книги «Психология в перспективе» называет методы НЛП нейропсихологическим подходом и считает, что психотехнолог, «обладающий такого рода психологическим оружием, может быть не менее страшен, чем тот, кто обладает оружием обычным».

Один из наиболее простых способов подачи неосознаваемых команд, указаний, установок и т. п. разработан в системе НЛП (прием Эриксона). Заключается он в том, что в передаваемый текст – звучащий или печатный – вводится так называемая «вставленная речь» («скрытое сообщение»). Она образуется как бы внутри основного текста тем, что интонацией или графически в нем выделяются отдельные слова, в совокупности составляющие скрытую команду.

В данном случае срабатывает механизм межполушарных взаимоотношений в восприятии информации. Поскольку за оценку контекста сообщений ответственно правое полушарие мозга (за словесное содержание – левое), то полученная таким образом информация не осознается, но сохраняет свою действенность.

В системе НЛП разработано множество психотехник, позволяющих средствами телевидения достаточно эффективно привлекать внимание зрителя к заранее намеченным качествам демонстрируемого объекта и формировать соответствующие установки. Среди таких психотехник – «трансформация смысла», «присоединение к будущему», «якорение» и многое другое. Возможности НЛП позволяют не только легко формировать положительное эмоциональное отношение к предмету или явлению. Не менее просто НЛП создает заданные отрицательные установки и устраняет из памяти актуальные образы или эпизоды. Достоинство этих техник в том, что, представляя собой манипуляции со зрительными образами, они легко переводятся на язык современного телевидения.

Вот, например, один из приемов устранения навязчивого образа или тягостного впечатления, получивший название «разрушение». Субъект должен вообразить зрительный образ, от которого он желает избавиться, в виде большого цветного витража. Далее он с силой «ударяет» по нему молотком и наблюдает, как он разбивается на тысячи мелких осколков и распадается.

Другой высоконадежный прием разрушения тревожных видений заключается в том, чтобы мысленно смотреть фильм, когда он останавливается и проекционная лампа прожигает дырку в каждом кадре. Можно просто сжечь дотла картину с неприятным сюжетом.

В этом плане совсем нетрудно представить себе серию передач, в которых очень большой, но «хрупкий» портрет какого-либо из кандидатов в президенты на глазах миллионной аудитории зрителей почему-то часто трескается и превращается в мелкие осколки. Но можно и проще – показать то же изображение в полной сохранности, но преднамеренно подчеркнуть в нем какую-то эмоционально отталкивающую деталь (потное лицо, бородавку на лбу, неприятную гримасу и т. п.).

Как видно, реклама, и телереклама в особенности, по своей сути и возможностям гениальная форма психологической агрессии, которой нечего противопоставить рядовому законопослушному гражданину. Первоосновой ее общественной силы явилось то обстоятельство, что она «явочным порядком» взяла на себя роль проводника и радателя основы демократической свободы – свободы гарантированного индивидуального выбора, как особой личностной ценности; современные манипуляторы сознанием от телерекламы используют этот миф в своих интересах, заявляя, что они лучшим образом обеспечивают свободу индивидуального выбора в мире вещей и услуг.

Исследование состояния этого вида информационной деятельности требует специальных работ. В общем же виде совсем недавно ее хорошо охарактеризовал декан факультета фундаментальной медицины МГУ им. Ломоносова Олег Стефанович Медведев. «В рекламе на российских телеэкранах, – отметил он, – свирепствуют бездоказательность и вседозволенность, переходящие даже самые свободные нравственные границы. А у доверчивого русского народа нет, как у людей на Западе, соответствующего иммунитета».

Одна из причин гипнотизирующего действия телепередач кроется в том, что восприятие их материалов приводит к большому расходу энергии. Именно поэтому многие авторы именуют телевизор энергетическим вампиром. Человеку кажется, что он сидит и физически отдыхает, однако быстро сменяющиеся на экране зрительные картины непрерывно активируют в его долговременной памяти множество образов, составляющих опыт его индивидуальной жизни. Сам по себе зрительный ряд телеэкрана требует непрерывного осознания визуального материала, а порождаемые им ассоциативные образы требуют определенных умственных и эмоциональных усилий по их оценке и обработке. Нервная система (особенно у детей), будучи не в силах выдержать такой интенсивный процесс восприятия и осознания, уже спустя 15–20 минут формирует защитную тормозную реакцию в виде гипноидного состояния, которое резко ограничивает восприятие и переработку информации, но усиливает процессы ее запечатления и программирования поведения.

Телевидение создает точно такой же виртуальный, параллельный мир, как книги, фильмы и пр. Но в отличие от виртуального мира книги, который ты покидаешь, прочитав последнюю страницу, к виртуальному миру телевидения ты можешь возвращаться каждый день.

При этом телевидение, в отличие от видео, может создать полную имитацию яркой, насыщенной событиями действительности. Взять хотя бы «мыльные оперы», которыми так увлекаются некоторые (в основном женщины): над ними и поплакать можно, и поговорить с подругой о судьбе персонажей, и погадать, что будет дальше. Одним словом, тут же появляется тема для разговоров и переживаний. Впрочем, мужчины в этом смысле не лучше: новости, спортивные передачи – вот их конек. А чем, по сути, отличаются программы новостей от телесериала? Разве что больше сходства с жизнью. И то не всегда. Иногда такие фантастические истории рассказываются, что мексиканские шедевры ни в какое сравнение не идут.

Кроме того, телевидение легко создает сильные психологические установки, неосознаваемое стремление к повторению однажды пережитых состояний. Когда что-то делается легко и приятно, у многих формируется потребность повторять это действие. Указанная закономерность лежит в основе популярности телевизионных сериалов, прижившихся в последние годы в нашей стране. Даже одиночное переживание определенной цепочки информационно-эстетического воздействия (сюжета) формирует предрасположенность к повторному переживанию идентичного состояния. Так, у зрителя, сидящего у телевизора и испытывающего чувство удовлетворенной справедливости за трудную победу героя, подсознательно возникает потребность к повторению испытанных эмоций. Он с радостью воспримет вторую серию показанной истории, а затем с возрастающим возбуждением – все остальные. Со временем такого рода привыкание становится очень устойчивым и сопровождается выраженным гипнотическим трансом.

Однажды в Эдинбургском зоопарке ученые провели двухмесячный эксперимент над двенадцатью шимпанзе, проверяя их восприимчивость к телепередачам. Каждое утро в строго определенное время им показывали 15-минутные видеофильмы, представляющие собой монтаж отрывков из картин Дэвида Атенборо, самого известного кинодокументалиста животного мира.

Уже в течение первой недели четыре самки начали предвкушать кино и заранее усаживались перед телевизором; несколько позже многие начали копировать действия обезьян и животных, которых они видели на экране. Психологов удивила лишь разница в поведении самок и самцов: первые становились «теленаркоманами», тогда как вторые уделяли мало внимания телевизору. Здесь, несомненно, проявилось то обстоятельство, что особи женского пола в животном мире (как и в человеческом) самой природой предназначены к прельщению, очарованию и потому, кстати, легче и более фундаментально поражаются различного рода наркотиками.

Таким образом, телевидение сегодня выступает одним из мощнейших инструментов политического манипулирования, насаждения нужного его реальным властителям мировоззрения, культурным и психологическим агрессором.

Являясь одним из главных средств массовой коммуникации и оказывая огромное влияние на всю социальную систему, телевидение в настоящее время фактически контролирует всю нашу культуру, пропуская ее через свои фильтры и поляризуя определенным образом все поле культуры. То, что не попадает в каналы телевидения, в наше время почти не оказывает влияния на состояние общества.

Мы даже не пытаемся подробно рассмотреть телевидение с точки зрения эстетического воспитания – заглянув в программку передач, вы сами поймете, что и как воспитывают в нас.

Единственный способ для нас не подпасть под действие страсти к телевизору или телемании – это жестко ограничить для себя и тем более для своих детей как время, проводимое перед экраном, так и выбор того, что мы смотрим. Сегодня вполне доступны на DVD и видеокассетах самые разнообразные достойные фильмы, мультфильмы, образовательные передачи и т. п. Человек, отказавшийся от телевизора в доме, не только ничего не теряет, но, наоборот, приобретает свободное время, которое можно с удовольствием потратить на общение с друзьями, с членами семьи и детьми, на чтение и посещение храма, на выполнение домашних обязанностей и совместные дела. Не становитесь рабами говорящего ящика, съедающего треть вашей жизни.

Психология

Пожалуй, в данный момент для нашей страны проблема засилья психологов не очень актуальна в силу низкого уровня жизни: общаться с личным психотерапевтом удовольствие не из дешевых. На Западе же она достигла своего пика. В конечном итоге психолог для американца заменил духовника. С той лишь разницей, что духовник, совершая Таинство данной ему Богом благодатью, исцеляет душу, а психолог – на время обезболивает, разрушая при этом, как правило, врожденное чувство стыда и действие совести.

Конечно, мы не будем здесь писать манифест против психологии, по крайней мере до тех пор, пока она помогает действительно нуждающимся, а не претендует на отпущение грехов. Психические заболевания, как и физические, нуждаются в лечении. Понятное дело, почувствовав острый приступ язвы или боли в сердце, любой из нас вызовет врача. Быть может, этот поступок далек от героизма, но все же по слабости нашей трудно так уж сурово его осуждать. Точно так же, почувствовав серьезные проблемы с психикой у себя или у своих близких, можно обратиться к психологу. Многие говорят, что обращаться в таком случае надо опять же в церковь, но утверждают это, как правило, те люди, которые серьезно не сталкивались с подобного

рода проблемами. В действительности же нам часто не хватает смирения, чтобы безропотно сносить свои заболевания. Обращение к врачу в экстремальной ситуации – нормальный поступок. Но когда человек заиклен на своем здоровье – физическом и психическом, ходит к врачу с любым пустяком и не в состоянии справиться даже с минимальной психологической проблемой, это уже крайность.

По большому счету, в психологии как в науке о душе нет ничего богопротивного. Если называть вещи современным языком, св. отцы были блестящими психологами, то есть душеведами. Нередко в их книгах встречаются столь тонкие и проницательные наблюдения о человеке, что просто диву даешься.

Основная претензия к психологии связана не с самим ведением души, а с теми выводами, которые наука делает из познанного. У большинства психологов, по мнению Православной Церкви, совершенно неверные представления о конечной цели их работы, то есть о том, каким должен быть здоровый человек. Идеальное окончание сеансов психоанализа – обретение пациентом уверенности в себе и начало его нормального функционирования «в качестве клетки общества». Излишне говорить, что Церковь преследует совершенно иные цели. Что же касается исследования человеческой души, то нередко психологи приходят к тем же выводам, что и богословы.

Спорт

Увлечение спортом к концу XX века стало довольно модным. Во многом, видимо, из-за отсутствия необходимости в физическом труде у большей части населения, спорт рассматривается как единственный способ сохранить форму.

Повсеместное и поголовное посещение тренажерных залов наводит на некоторые размышления.

Что заставляет молодых, а порой и не очень молодых людей так последовательно и постоянно совершать абсолютно бессмысленные, на первый взгляд, телодвижения?

На это существует несколько причин:

1. Здоровье.
2. Внешняя привлекательность.
3. Вымещение накопившейся негативной энергии (агрессии).
4. Ощущение удовольствия, которое получает человек, привыкший к физическим нагрузкам: есть довольно популярная теория о том, что за счет физических упражнений организм вырабатывает некоторые ферменты, вызывающие ощущение удовольствия.

5. Желание обладать физической силой.

Люди, объясняющие свои занятия спортом стремлением к здоровому образу жизни, как правило, занимаются самообманом. Вопрос, полезен ли спорт для здоровья, по-прежнему нельзя считать решенным. Конечно, физические нагрузки для поддержания в теле тонуса и бодрости нужны. Но спорт не является нормальным видом жизнедеятельности организма. Фактически занятия спортом – вариант насилия над организмом, а следовательно, нельзя однозначно говорить о пользе. Посему спорт как оздоровительная процедура всего лишь меньшее из двух зол, второе из которых – абсолютная лень и бездействие.

Стремление через спорт достичь внешней привлекательности – нарастить бицепсы, убрать лишний вес и пр., на первый взгляд, имеет отношение исключительно к страсти блуда или тщеславия. Но сделать подобный вывод было бы большой ошибкой, потому что помимо непосредственной цели – стать внешне привлекательным – существует еще выбор самой привлекательности, то есть собственного имиджа.

В человеческом сознании занятия спортом связаны прежде всего с обретением физической силы и ловкости (рассуждения эти в большей степени относятся к мужчинам). А сегодня

наблюдается потеря мужским полом прерогатива силы. Одновременно окружающий мир статательно разжигает в мужчине страсть гнева: здесь и боевики, и компьютерные игры, и бесконечные рассказы о насилии в средствах массовой информации; кроме этого, воспитывается культ физической силы как средства управления окружающими. Сила, которая ныне перестала быть насущной необходимостью человека, воспринимается исключительно как культовое украшение.

Сама по себе физическая сила не хороша и не плоха. Точно так, как пистолет сам по себе совершенно нейтральный механизм. Важно то, как механизм этот используется. Но ведь даже если обладатель оружия не использует его для лишения других людей жизни, он носит его для ощущения собственной безопасности и для устрашения других людей. В любом случае ношение оружия подразумевает моральную готовность воспользоваться им в экстренной ситуации.

Точно так же физическая сила необходима современному мужчине для того, чтобы нагонять страх на окружающих и тем самым получать власть. Желание властвовать посредством силы, через чужой страх, любовь к тому, чтобы тебя боялись, непосредственно связаны со страстью гнева.

Таким образом, человек, занимающийся спортом, очень часто подсознательно или сознательно стремится к власти и насилию. Конечно, подобный вывод может показаться чрезмерно резким, но тем не менее, думаю, он верен относительно очень многих представителей «спортивной молодежи», за исключением, возможно, тех, для кого спортивные упражнения с детства превратились в привычку.

Кроме того, полезность физических упражнений действительно сомнительна. Православные психологи разделяют «труд по способности» и «труд по потребности». Второй приносит душе успокоение, избавление от страстей и мир. Первый же разжигает страсти, потворствует развитию тщеславия и раздражает душу. Занятия спортом, очевидно, относятся к «труду по способности», то есть бесполезному труду, который необходим только для реализации амбиций.

Эстетизм

Тяга к «прекрасному» появилась у человека не вчера и даже не позавчера. Но, опять же, никогда не была она столь сильна, как нынче.

Стоит посмотреть, как много сфер нашей жизни охвачено стремлением к эстетизму. Внешний вид человека и одежда всегда оказывались в радиусе воздействия этого стремления. Хотя никогда, пожалуй, не уделялось вопросу привлекательности столько внимания, благо сейчас «стать красивым» позволяет техника: тут вам и пластические операции, и всяческие препараты для похудения, косметологи, парикмахеры, визажисты. А бесконечные показы мод... Современная женщина в своем среднестатистическом варианте просто одержима проблемой собственной привлекательности. В ее жизни задача «хорошо выглядеть» ставится на первое место. Можно было бы объяснить ее стремление обычным желанием привлечь как можно больше мужчин, но не так все просто. Ее тягу «быть красивой» можно скорее назвать проявлением нарциссизма. А иначе не понять, что заставляет ее проводить у зеркала часы напролет, нередко без какого-то особенного занятия, связанного с наведением марафета.

Но все же культ внешности человечеству знаком давно, еще в «Портрете Дориана Грея» Оскар Уайльд описывает жутковатые последствия излишнего внимания к своей наружности.

А какое огромное значение имеет сейчас обертка, коробка, бутылка! Каждая вещь в современном мире проходит через сложный процесс «оформления». Любой из нас запросто может купить конфеты, соблазнившись красивой оберткой, заказать кушанье в ресторане, ориентируясь на его внешний вид (а не на состав продуктов, что было бы логичнее), и совершить еще множество подобных неразумных поступков. К слову, люди, занимающиеся продажей

машин, с готовностью подтвердят, что цвет, салон машины и прочие ее внешние характеристики играют очень важную роль. А если покупатель плохо разбирается в автомобилях, то внешний вид становится фактически единственным критерием его выбора. А уж эстетизм в дизайне помещения – без этого просто никак в наши дни!

Кстати, занимательно было бы провести исторические параллели и доказать, что чрезмерный эстетизм во все эпохи был связан с предельной развращенностью и безмерным падением нравов. Эпоха западного Возрождения – ярко выраженный отход от Церкви, век ересей, обнаженных натур и гениальных полотен, прекрасных архитектурных сооружений; Франция правления Людовика XIV – пышный двор, утопающий в роскоши, разгуле, бесконечных празднествах, повсеместно царствующий разврат, много внимания уделяется одежде, внешним оформительским моментам; Россия, конец XIX – начало XX века, эпоха модернизма – прекрасная поэзия, расцвет театра, музыки, архитектуры, живописи и одновременно увлечение наркотиками, ложной философией, упаднические настроения (вспомнить только поэтов Серебряного века, закончивших жизнь самоубийством!).

Тяга к внешней, чувственной красоте нередко соседствует с нашими страстями. Эта внешняя красота, точно так же, как искусство в целом, воздействует на эмоциональный мир человека, будоража живущие в нем страсти.

Распространение противоестественных грехов

Засилье разного рода извращений тоже можно считать отличительной чертой нашего времени, потому что, не говоря даже о грехах, которые противоестественны по сути своей, современный человек научился доводить любой грех до совершенно противоестественных форм.

Люди прелюбодействовали от начала времен. Но содрогаешься всей душой, когда видишь, как «влюбленные» молодой человек и девушка состязаются в том, кто переспит с большим количеством партнеров (пример этот взят из реальной жизни: молодые люди отмечали заработанные в состязании очки, вешая на свои рюкзаки то ли значки, то ли скрепки). И ситуация эта, хоть и несколько необычна, тем не менее представляется весьма закономерной.

Кого можно назвать самым известным и притягательным мужским персонажем нашей эпохи? Думаю, что Дона Карлеоне («Крестный отец» *Марио Пьюзо*). Много ли мужчин хотя бы в глубине души не мечтают походить на него? Но ведь если разобраться, то выходит, что герой нашего времени – убийца и вор, человек, повинный в гибели многих людей, хладнокровный разбойник, в котором давным-давно умолк голос совести.

То пренебрежение к человеческой жизни, которое обнаруживается у нынешних людей, уже нельзя назвать проявлением какой-то страсти. Когда для человека убить себе подобного – дело обычное, согласитесь, это противоестественно. То же можно сказать о такой странной профессии, как киллер, пламенно воспеваемой современным искусством.

Содомия (гомосексуализм) уже давно не считается в нашем обществе зазорной. Разнообразные средства массовой информации призывают относиться к этому явлению как к нормальному. Эту позицию окончательно закрепят повсеместное разрешение гомосексуальных браков, что превратит сам брак в абсолютную фикцию, сделает из него посмешище.

Детоубийство (аборт) разрешено уже почти во всем мире. Женщины совершают по несколько аборт, и это считается нормой.

А малолетние проститутки? Восьмилетние (это не преувеличение!) девочки, продающие свое тело за деньги. А маленькие наркоманы (не говоря уж о взрослых)? А подростки, которые избивают старуху, чтобы отобрать ее мизерную пенсию?

А колдуны и ведьмы, которые сейчас стали крайне уважаемыми людьми, народными кумирами: они вещают с телевизионных экранов и смотрят с огромных постеров в метро?

Ладно еще, когда они называют себя какими-нибудь экстрасенсами. Но ведь порой так и сообщают с гордостью: «Я – ведьма» или «Я – колдун».

А плодящиеся и процветающие секты, в том числе и сатанинские? И государство, которое не может и не хочет их запрещать, а напротив, всячески оберегает от нападков, утверждая таким образом свободу вероисповедания.

Но самое страшное то, что противоестественность греха становится для современного человека привлекательной. У него уже формируется своего рода пристрастие к извращенным формам. Страстная природа человека не довольствуется малым, поскольку оно стало нормой. Человек не получает удовольствия от того, что много ест, пьет, прелюбодействует и не ограничивает себя ни в чем. Для получения удовольствия теперь требуется что-то «погорячее» и «поострее».

Порочный бизнес

В последнее время все больше оказывается людей, задействованных в совершении страшных грехов как бы попутно. Так, например, распространитель наркотиков может сам не быть наркоманом, а содержательница борделя – жить вполне пристойно. Так же как солидный бизнесмен не поедет сам стрелять в своего конкурента, а наймет исполнителя и заплатит деньги. Ну, в последнем случае вроде довольно очевиден факт, что убийцей он все равно является. А предыдущие ситуации требуют дополнительных комментариев.

Можно объяснить торговлю наркотиками и их рекламу чистой коммерцией, но это не будет правдой, потому что на Страшном Суде распространителя наркотиков будут судить не только за любовь к деньгам, но и за всех тех, кто стал жертвой его грязного бизнеса. То же произойдет с содержательницей борделя, на чьей совести окажутся погубленные души и женщин, и мужчин.

Человек, совершающий прелюбодеяние, погубляет свою душу, но еще страшнее грех того, кто искушает его, соблазняет на это прелюбодеяние. Именно поэтому так тяжело было отмаливать свои грехи блудницам, которым недостаточно было справиться со своими страстями, но и приходилось искупать вину за души других людей. То же можно отнести к содержателям подобных заведений, обслуживающему персоналу и всем, принимающим то или иное участие в бизнесе, связанном с пороком.

Эта тема, на первый взгляд столь однозначная и простая, заслуживает сегодня особого внимания из-за того, что все больше становится последователей легализации проституции, торговли наркотиками, а также разрешения гомосексуальных браков.

В пользу легализации подобных вещей приводят множество аргументов. Главный из них – снижение процента, в одном случае, венерических заболеваний, в другом – летальных исходов. Вполне логичное следствие. Легальные проститутки значительно чаще проходят медицинские проверки, следовательно, количество заболеваний действительно сокращается, а при легализации наркотиков появляется культура пользования ими, что в совокупности с возможностью без страха обратиться к врачу приводит к снижению летальных исходов и сильных наркотических привязанностей. И аргумент этот мог бы показаться действенным, если бы не другие процентные показатели, выявляющие, что в странах с легализованной проституцией значительно больше мужчин прибегает к услугам подобного рода женщин (оно и понятно: прелюбодеяние превратилось в обычный способ проведения досуга), а в странах с легализованными наркотиками анашу курят так же, как сигареты.

Если говорить о физическом здоровье, то, конечно, легализация обоих бизнесов скажется положительно на проценте тех или иных заболеваний. Но помимо физического, существует еще душевное здоровье. И на него легализация наркотиков, проституции и гомосексуальных браков окажет совершенно губительное воздействие.

Заключение

В результате долгих морально-нравственных исканий философов так называемого нового времени к двадцатому веку человек пришел с твердым убеждением в абсолютной ценности двух предметов: свободы и человеческой личности. Буквально так и сформулировалась главная идея XX века: даешь свободу человеческой личности. Беда лишь в том, что, отделившись от Бога, поставив себя вне Церкви, личность эта оказалась в совершенно губительной для себя атмосфере и вместо требуемой свободы получила абсолютную зависимость.

Недаром параллельно с увеличением пиетета по отношению к человеческому «я» увеличивалось также осознание детерминированности этого «я». Для начала детерминированность эта мыслилась как сугубо социальная: бытие определяет сознание. Но уже к началу XX века стало понятно, что человеческое поведение, система ценностей, нравственный образ обусловлены не только социальными аспектами его бытия, но и воспитанием, кругом общения, детскими впечатлениями, подростковыми комплексами и пр. Таким образом, сложилось представление о полной и всецелой детерминированности человека, который, отказавшись от абсолютных ценностей, попытавшись стать «как боги», превратился в жалкую марионетку, управляемую унаследованными от родителей, навязанными ему с детства и укрепленными в юности эго-влечениями.

На самом деле концентрированный образ современного человека – это наркоман, который из стремления к свободе попал в ситуацию абсолютной зависимости и полной личностной деградации.

Детерминированность, несвобода человека в современном обществе настолько велика, что, кажется, практически ни один поступок не совершается как следствие свободного выбора. С другой стороны, эта же детерминированность становится основным личностным показателем для современного человека. Личность для него фактически полностью заменилась «имиджем», внешним образом, набором поведенческих стереотипов. Почти невозможным оказывается докопаться до непосредственно личности, скрытой под слоем нанесенного поперх «макияжа».

Даже если говорить о сугубо внешних аспектах проблемы... Ну, например, современность донельзя ценит внешнюю индивидуальность, неординарность. И в то же время редко встретишь на улице женщину без косметики. Большинство как женщин, так и мужчин стремится подогнать себя под «эталон красоты» (а если этого не делают, так только от недостатка времени или денег), носят модную одежду (что такое мода, как не вид уравниловки?), навешивают на себя разнообразные украшения.

Что уж говорить о внутренней индивидуальности, которая все больше сводится к объему знаний и навыков, дурному характеру и силе воли.

Дифференцирующими признаками личности становятся профессия, образование, манера одеваться, круг интересов, социальное происхождение, наличие или отсутствие определенных материальных благ, способ проведения досуга.

Интересно было бы устроить научный эксперимент и поселить современного человека на необитаемый остров. Что с ним станет в результате? Чем он сумеет заполнить образовавшийся вакуум? Ведь самое страшное наказание, которое можно придумать для современного человека, – это оставить его наедине с собой. Выясняется, что для всех нас одиночество, жизнь с собой невыносимы. Нам нестерпимо скучно и плохо находиться в собственной компании. Потому что на самом деле видеть в себе личность мы не умеем, и любить себя мы не умеем, и уважать себя тоже не умеем. А любим мы исключительно деньги, признание, славу, секс, наркотики, компьютер и собственную работу.

Наверное, весь трагизм XX века заключается в том, что его обитатель, достигнув высшей степени внешней свободы, полного признания собственной личности, вдруг обнаружил, что является бездумной пешкой в чужой игре, деревянной фигуркой, послушной умелому игроку (кстати, этот художественный образ не раз обыгрывался в произведениях искусства).

Так что же все-таки играет нами? Впрочем, вопрос не в этом, потому что понятно и «что», и «как», и «зачем». Вопрос в том, почему мы позволяем это делать. Почему мы не стремимся вырваться из порочного круга, а, напротив, все глубже увязаем в трясине собственного безволия? Почему человек, этот венец творения, это прекрасное, непревзойденное в своем царственном величии существо, позволяет делать из себя марионетку? Почему, восстав в своей гордыне на Бога, не захотев подчиниться Ему, человек с радостью отдает себя во власть какому-нибудь наркотику? И, к сожалению, ответ на эти вопросы никак не находится. Человек с потрясающим упорством продолжает утверждать, что героину подчиниться – это еще ладно, но Богу – ни за что.

Человек возводит свою гордость на пьедестал и добровольно служит ей, отказываясь ради нее от своей личности, от всего, что ему дорого. Он проповедует свободный секс, потому что недели не может провести без радостей блуда. Он зарабатывает и крадет деньги, отдает им жизнь, здоровье, жертвует ради них всем. Он пестует свою «непримиримость со злом», потакает своей гневливости, услуживает своей раздражительности. Он ежедневно вносит мзду в мощную печаль, гордо называя себя добропорядочным и ответственным. Он, как гостеприимный хозяин, наслаждается обществом уныния, а потом по первой его команде бежит из дома. Он, как дрессированная собачка, встает на задние лапки, пляшет под дудочку тщеславия, чтобы кто-нибудь из публики кинул ему кусочек сахара, а потом преданно лижет руку благодетелю.

И так, словно фигурка в компьютерной игре, мы выполняем команды, посылаемые с клавиатуры, действуем по заложенной программе: наклонился, взял предмет, направо, еще раз направо. А самое смешное, мы полностью уверены, что действуем сами, что это нашей личности захотелось пойти направо, накричать на ближнего, переспать с «дальним» и украсть у одинокой старушки последний рубль. Мы говорим: «Это моя личность. Я вот такой. Я свободен от ваших предрассудков. Я сам хозяин своей жизни».

Мы, как какой-нибудь упрямый подросток, приходим к Отцу Небесному и гордо восклицаем: «Я свободен. Я самостоятельный человек, и Ты не диктуй мне, что делать. Я могу выключить Тебя из своей жизни как телевизор или компьютер, и Ты меня не увидишь, не услышишь, не найдешь». А Отец плачет, потому что Он-то всегда видит, зовет, и непрестанно ждет своих блудных детей.

Список рекомендуемой литературы:

- Пестов Н.Е.* Современная практика православного благочестия. – СПб.: Сатисъ, 1999. В 2 тт.
- Свт. Игнатий Брянчанинов.* Собрание сочинений. В 7 тт. – М.: Правило веры, 1993. – 1–4 тт.
- Свт. Феофан Затворник.* Путь ко спасению. – М., 1994. – 347 с.
- Свт. Феофан Затворник.* Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться. – М.: Правило веры, 1996.
- Свт. Феофан Затворник.* Начертание христианского нравоучения. – М.: Правило веры, 1998. – 526 с.
- Протоиерей Владислав (Свешников).* Очерки христианской этики. – М.: Паломник, 2000. – 624 с.
- Архимандрит Иустин (Попович).* О первородном грехе. – Пермь, 1999. – 80 с.
- Фудель С.* Путь отцов. – М.: Сретенский м-рь, 1997. – 432 с.
- О. Александр (Ельчанинов).* – Записи. – М.: Сов. Россия, 1992. – 208 с.
- Невидимая брань. – М.: Правило веры, 1996. – 448 с.
- Прп. Силуан Афонский (жизнеописание и творения). – М.: Афонское подворье, 1998. – 464 с.
- Схиигумен Савва.* Плоды истинного покаяния. – М.: Лествица, 1999. – 128 с.
- Схиигумен Савва.* Опыт построения христианского мирозерцания. Путь совершенной радости. – Пермь, 1998. – 88 с.
- Льюис К. С.* Письма Баламута. – М.: Гнозис, 1992.
- Митр. Антоний (Сурожский).* О встрече. – Клин: Христианская жизнь, 1999. – 256 с.
- Архиепископ Иоанн Сан-Францисский.* Апокалипсис мелкого греха. – СПб., 1997. – 144 с.